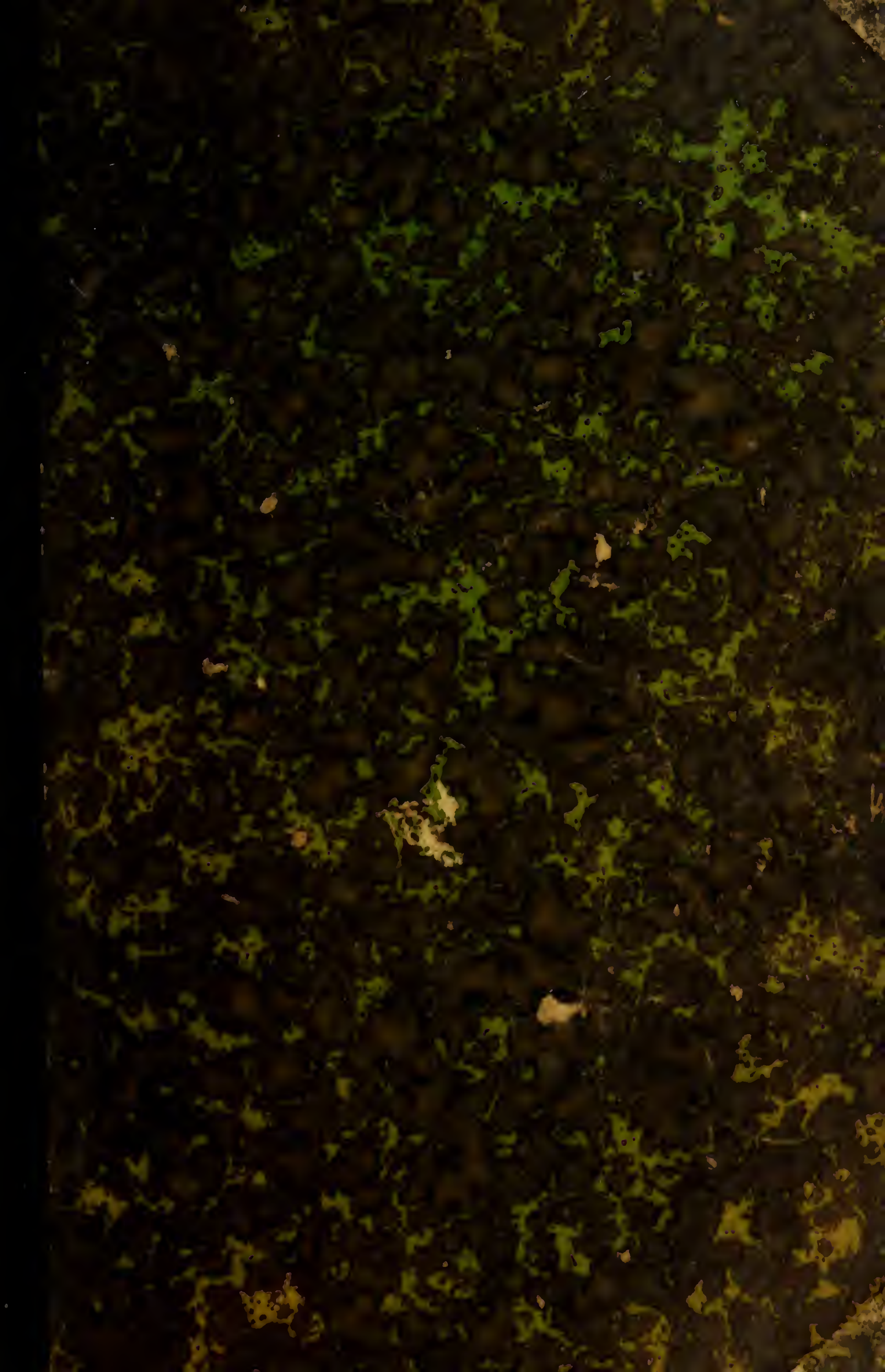

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

ОБРАЗЦЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

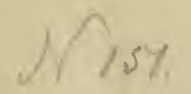
Ральфа Уальда Эмерсона.

Часть I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЕЛИЗАВЕТЫ ЛАДЫЖЕНСКОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ретгера и Шнейдера, Невскій проспектъ, № 5.
1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Іюля 1867 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

РУССКИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

«Намъ нужна философія, переливчатая, движущаяся, — сказалъ Эмерсонъ въ одномъ изъ своихъ твореній. «Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находимся мы, уставы Спарты и Стоицизма слишкомъ непреклонны и круты; съ другой стороны, завѣты неизмѣннаго смиреннаго мягкосердія — слишкомъ мечтательны и эоирны. Намъ нужна броня изъ эластической стали: вмѣстѣ и гибкая и несокрушимая. Намъ нуженъ корабль, на валунахъ, обитаемыхъ нами. Догматическій, четвероугольный домъ разобьется въ щепы и дребезги отъ напора такого множества разнородныхъ стихій. Нѣтъ, наша философія должна быть крѣпка и приспособлена къ формѣ человѣка, приспособлена къ образу его жизни, какъ раковина есть архитектурный образецъ такихъ жилищъ, что̀ покоются на моряхъ. Душа человѣка должна служить прообразомъ нашимъ философическимъ планамъ, точно такъ, какъ потребности его тѣла принимаются въ соображеніе, при постройкѣ ему жилаго дома».

Его *Опыты* были уже тогда изданы въ свѣтъ. Но если, по своему вѣрованію въ безграничное усовершенствованіе, онъ вселяетъ въ насъ убѣжденіе, что «каждое дѣйствіе человѣка можетъ быть превзойдено другимъ», что: «Окончательный выводъ сегодняшней науки, выводъ для насъ изумительный, будетъ включенъ простымъ примѣромъ въ обзоръ болѣе широкій и смѣлый», — то намъ, какъ мнѣ кажется, можно на долгое время удовольствоваться образомъ воззрѣній Эмерсона и идти ему во слѣдъ, въ полной увѣренности, что пройдутъ вѣка, и онъ не будетъ превзойденъ. „Длинный рядъ вѣковъ и опыта, чему научилъ онъ насъ о природѣ и о насъ самихъ? Родъ человѣческій еще не сдѣлалъ ни шагу къ разрѣшенію загадки своей собственной судьбы, и во всемъ, что̀ касается до этого вопроса, онъ будто пораженъ карою безумія".

Его послѣдователи, конечно, будутъ въ состояніи дать бо̀льшее развитіе той или другой его мысли, нагляднѣе выставить ее на поклоненіе міра и тверже укоренить ее въ убѣжденіяхъ человѣчества, — онъ и самъ сказалъ: „О сколько истинъ, глубочайшихъ и ожидающихъ себѣ исполненія лишь въ вѣкахъ грядущихъ, заключено въ простыхъ словахъ каждой правды!" — но благодѣтельныя сѣмена разсѣяны его рукою по всѣмъ скромнымъ стезямъ, по всѣмъ широкимъ поприщамъ, по всѣмъ заоблачнымъ высямъ земнаго существованія. Возвышенныя думы Эмерсона, предупредившія болѣе, чѣмъ за пятнадцать лѣтъ астрономическія доказательства Фламмаріона, превосходныя компиляціи Пеззани, и одновременныя съ „Землею и

Небомъ“ Жана Рейно, не безполезны для перспективъ, которыя предъ нами раздвигаются. Главная-же его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ изъ насъ, слѣпорожденныхъ, можетъ сдѣлать зрячихъ и просто и прямо говоритъ: „Нѣтъ, нѣтъ преградъ между нашими головами и неизмѣримыми небесами, какъ нѣтъ въ душѣ нашей затворовъ, отдѣляющихъ Бога, виновника всяческихъ. отъ человѣка — Его произведенія“. или: „Наша мысль всегда будетъ даромъ свыше“. — Человѣкъ — это струя изъ невѣдомаго источника. Наше бытіе изливается, — откуда? — неизвѣстно. Самый непогрѣшительный вычислитель, можетъ-ли онъ поручиться, чтобы не могло въ сію-же минуту воспослѣдовать нѣчто неисчислимое, которое обратитъ въ ничто всѣ его вычисленія?“ — „Вообразите только себѣ воцареніе новой истины въ мірѣ! возникновеніе такого образа мысли, которое въ сію минуту, въ первый разъ появляется на свѣтѣ, какъ птенецъ вѣчности, какъ отголосокъ всемогущества безначальнаго и безконечнаго! Новое откровеніе (мы называемъ откровеніемъ сообщеніе Всевышняго съ душою человѣка и Его указанія законовъ вѣчныхъ), кажется, въ одну минуту вступило въ наслѣдство всего бывшаго до него, и оно-же издастъ законы всему, еще не существующему. Оно приводитъ въ движеніе каждый помыслъ человѣка, и все установленное готово подвергнуться измѣненіямъ“.

Прошу васъ объ одномъ: по этимъ выпискамъ, не торопитесь провозглашать его мистикомъ; онъ не мистикъ, не проповѣдникъ, не философъ. Онъ не изъ числа „тѣхъ

рѣдкихъ, пламенныхъ, почти полоумныхъ прозорливцевъ — какъ онъ относится объ мистикахъ, глубоко впрочемъ уважая ихъ и вѣря ихъ правдивости — изнемогающихъ подъ необъятностью идеи". Онъ свободно распоряжается всѣми своими великолѣпными идеями; такъ сказать, играетъ ими, представляя ихъ намъ въ формѣ случаевъ и предметовъ обыденной жизни. Онъ не обрамленъ никакою системою, не настроенъ тономъ поучительнымъ, не омраченъ ни одною тѣнью догматической сухости. Онъ просто человѣкъ во всей силѣ слова, и человѣкъ самый натуральный. О возвышенномъ говоритъ возвышенно, о плѣнительномъ плѣнительно, о комическомъ съ самымъ непринужденнымъ юморомъ. Вотъ нѣсколько строкъ о „Молитвѣ" изъ его послѣдняго сочиненія; другой примѣръ о томъ-же предметѣ находится въ книгѣ, лежащей теперь предъ вами.

„О чемъ наши ежедневныя мольбы? — О томъ, чтобы быть вытянутыми по условной мѣркѣ: „Восполните, благоутробные боги, мои недостатки въ изворотливости, въ наружномъ видѣ, въ моемъ положеніи и состояніи: во всемъ, что̀ ставитъ меня въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ того вожделѣннаго хоровода; восполните недостающее мнѣ, да буду я однимъ изъ тѣхъ, кому дивуюсь, и да стану съ ними на короткую ногу!" — Но премудрые боги произносятъ: „Нѣтъ, мы имѣемъ для тебя въ виду нѣчто лучшее. Горькими униженіями, повсемѣстными пораженіями, лишеніемъ всякаго сочувствія, разстояніемъ цѣлыхъ пучинъ разногласія, ты познакомишься съ истинами и съ человѣч-

ностью, пообширнѣе тѣхъ, которыя въ ходу у щеголеватыхъ джентльмэновъ".

„Посмотримъ, въ чемъ состоятъ по большей части молитвы людей, и что̀ такое молитва? — Молитва есть доступъ въ безконечность; она должна испрашивать у Бога даровать душѣ новую доблесть, поддержать, окрылить ее силою невѣдомою, неземною; — молитва совокупляетъ видимое съ невидимымъ, обыденное и знаемое съ дивнымъ и сверхъестественнымъ. Молитва — это обзоръ всѣхъ событій жизни съ высочайшей точки зрѣнія, — это одинокая бесѣда души, погруженной въ созерцаніе и восторгъ отъ дѣлъ своего Создателя; души, согласной съ нимъ въ духѣ и исповѣдующей, что всякое Его даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Но, просить себѣ молитвою такую-то особую утѣху, внѣ добра вѣчнаго — недостойно человѣка; но, смотрѣть на молитву, какъ на орудіе къ достиженію той или другой житейской цѣли — низко и постыдно. Такая молитва есть доказательство раздвоенія, а не единенія внутренняго сознанія съ закономъ естества, потому что человѣкъ, слившійся во-едино съ Богомъ, сладостно отрекается отъ своей личности: возношеніе духа сопровождаетъ его и возбуждается на каждомъ шагу".

Предъ его глазами: „міръ воспроизводится миніатюрно въ каждомъ событіи, такъ что всѣ законы природы можно услѣдить въ само-малѣйшемъ фактѣ". И безпристрастный судія этихъ событій и существующаго порядка вещей, онъ описываетъ ихъ съ величайшею вѣрностью, но безъ увлеченій, безъ гнѣва, какъ человѣкъ уже одолѣвшій ѣдкую

горечь фактовъ и призванный ослабить ихъ пагубное вліяніе. Такое призваніе достойно этой души могучей, ясной, умудренной, вполнѣ сознательной. Онъ проникнутъ сущностью религіи, поэзіи, философіи, вѣры, любви и повиновенія. Ему возможно внимать божественнымъ глаголамъ и начертывать нѣсколько словъ изъ вѣковѣчныхъ нравственныхъ законовъ, которые могутъ открыть новую эру самыхъ существенныхъ улучшеній. Предъ его духовнымъ окомъ растилается настоящая дѣйствительность, которой „видимый міръ служитъ только отраженіемъ", — очень печальнымъ, какъ слѣдуетъ изъ описанія:

„Нарушенія законовъ природы, свершенныя и предшественниками и современниками, налегли на насъ и искупаются нами. Неловко и тяжело каждому живущему человѣку... Что̀-же это, какъ не попраніе законовъ и естественныхъ, и разумныхъ, и нравственныхъ? — И не только доказательство, но полное удостовѣреніе въ томъ, что нужно было нарушеніе за нарушеніемъ, для того чтобы дойти до накопленія такой многосложности бѣдствій, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ. Войны, чума, голодъ, холера обнаруживаютъ какое-то озлобленіе въ природѣ, которое, бывъ возбуждено преступленіями человѣка, должно быть искуплено человѣческими страданіями".

...„Много ли есть въ нашъ вѣкъ личностей великихъ, доблестныхъ? — Нѣтъ, нѣтъ между нами ни мужчинъ, ни женщинъ, способныхъ вдохнуть обновленіемъ на нашу жизнь, на нашъ общественный бытъ! Нервы и сердце человѣка высохли, и всѣ мы стали робкими, оторопѣвшими

плаксунами. Мы боимся правды, боимся счастія, смерти, боимся одинъ другаго. Бо̀льшая часть людей намъ современныхъ оказываются до того несостоятельными, что они не въ состояніи удовлетворять своимъ собственнымъ потребностямъ; ихъ самолюбивыя притязанія стоятъ въ разительной противоположности съ ихъ дѣйствительнымъ могуществомъ, которое со дня на день хилѣетъ и оскудѣваетъ. Всѣ мы — ратоборцы гостиныхъ, а когда нужно сразиться съ судьбою, мы благоразумно обращаемся вспять, не понимая, что въ такомъ-то именно бою и крѣпнутъ силы".

..."Намъ слѣдуетъ обратиться за отвѣтомъ къ Высочайшей Мудрости. Отъ Нея узнать — красота, здоровье, крѣпость тѣла, составляющія теперь исключенія, не были ли въ своемъ основаніи всеобщимъ достояніемъ человѣчества? — А геній? развѣ это отвлеченность, а не воплощеніе? — Гдѣ-же теперь геній безъ примѣси? и въ какомъ младенцѣ можетъ онъ надежно сохраниться? Изъ одной учтивости называемъ мы *геніемъ* полупроблески свѣта; этимъ именемъ величаемъ мы талантъ, блестящій сегодня, для того, чтобы славно пообѣдать и славно поспать завтра; и посмотрите: повсюду человѣческія общества находятся въ рукахъ — какъ ихъ по справедливости называютъ — *людей партій*, а не людей божественныхъ. Такіе люди пользуются своимъ преобладаніемъ, на то, чтобы еще болѣе утончить чувственныя наслажденія, а не на то, чтобы вести противъ нихъ открытую войну. Напротивъ того, истинный геній — аскетъ по природѣ, аскетъ,

полный благоговѣнія и любви. Прекрасныя души смотрятъ на чувственныя влеченія, какъ на немощь: онѣ видятъ красоту въ границахъ, которыя ихъ сдерживаютъ, и въ нравахъ, которые имъ противодѣйствуютъ".

Ральфъ Уальдо Эмерсонъ — американецъ, уроженецъ Массачусета. Онъ былъ нѣкоторое время пасторомъ Унитаровъ, но разошедшись съ ними въ убѣжденіяхъ, посвятилъ себя другой духовной дѣятельности: издавалъ газету „The Dial" (Циферблатъ); еще въ 1844 г. писалъ „Объ освобожденіи негровъ", читалъ въ Бостонѣ лекціи „О современномъ направленіи", а въ Англіи: „Представители человѣчества", составляющіе вторую книгу нашего изданія. Поселясь окончательно въ своемъ загородномъ домѣ, близь Конкорда, онъ живетъ, какъ истинный мудрецъ, своеобычно, но не странно; пишетъ, печатаетъ, много гуляетъ по окрестностямъ одиноко, занимается всѣмъ, слѣдитъ за современными вопросами и является, въ случаѣ надобности, на каѳедры Бостона и на совѣщанія.

Америка обязана ему большимъ улучшеніемъ образа мыслей и нравовъ. Онъ пользуется не только всеобщимъ уваженіемъ, но и благоговѣйнымъ почтеніемъ; путешественники ѣздятъ къ нему на поклоненіе. Его личность, величественная, спокойная и необыкновенно-прекрасная, соотвѣтствуетъ духу его произведеній. Самъ онъ предпочитаетъ уединеніе, небольшой кругъ друзей и глубокую внутреннюю жизнь. Онъ часто выражается такъ: „Я встрѣчалъ въ клубѣ человѣка, и не даровитаго и не уче-

наго; — недавно я дошелъ до того убѣжденія, что...; проповѣдникъ говорилъ рѣчь о...; меня зовутъ на собраніе филантроповъ"... Изъ такихъ простыхъ данныхъ творческая его мысль созидаетъ зданія рѣдкаго великолѣпія, изрекаетъ истины міровыя, всеобъемлющія и притомъ общедоступныя.

При появленіи его *Опытовъ*, приверженцы провозгласили его *Пророкомъ временъ лучшихъ* и сожалѣли, что его вліяніе не распространилось мгновенно: „Онъ слишкомъ выше своихъ согражданъ, своего времени, и не можетъ быть понятъ тотчасъ и вполнѣ; однако мысли его прорѣзываютъ глубокій слѣдъ, и кругъ его почитателей расширяется съ каждымъ годомъ. Вліяніе его въ будущемъ несомнѣнно". Съ тѣхъ поръ, какъ это было произнесено, вы найдете творенія американскаго мудреца въ рукахъ людей всѣхъ возрастовъ и половъ, почти въ каждомъ домѣ Бостона, Нью-Йорка, Филадельфіи и, кромѣ городовъ, даже въ отдаленныхъ, полудостроенныхъ хижинахъ поселенцевъ Новаго-Свѣта. До насъ онѣ еще не дошли. Европа едва объ нихъ знаетъ. Я обязана одной рѣдкой любительницѣ хорошихъ книгъ и частой посѣтительницѣ „столицы міра" моимъ знакомствомъ съ „Опытами", которые я перевела, чтобы полнѣе усвоить ихъ себѣ на родномъ языкѣ. Это было давно; не помню даже, переведено ли мною все цѣликомъ? Знаю только, что я выпустила двѣ главы: Исторія и Искусство. Изученіе этой книги сдѣлало меня окончательно послѣдовательницею Эмерсона. Я уже была на пол-пути къ тому по вызову „Представите-

лей человѣчества“, которыхъ я нашла тоже давно и только за-границею, случайно, въ *одной* библіотекѣ для чтенія. Понять ихъ — признаюсь мнѣ стоило много труда и времени. Истины Эмерсона до того истинны, что поминутно пристыжая нашу недогадливость и несмысліе, онѣ потрясаютъ насъ будто учащенными электрическими ударами. Сверхъ того, онъ такъ щедро разсыпаетъ сокровищницу своихъ животворныхъ, всеобновляющихъ вдохновеній, что при первомъ чтеніи, съ нѣкоторою острасткою спрашиваешь себя: что это? ересь? — мятежъ? — новая закваска для новыхъ и безъ того невыносимыхъ броженій? Между тѣмъ, молніи его мыслей ощутительно проникаютъ въ вашу голову, будятъ умъ отъ застоя и увлекаютъ его поближе подойти къ этому вѣщателю новаго слова.

Эмерсонъ по самой своей природѣ стоитъ поодаль отъ избитыхъ дорогъ и утвердившихся системъ; его мѣсто — у алтаря вѣчной Истины; одной по началу, какъ солнце на горизонтѣ нашего зрѣнія, но посылающей лучи во всѣ направленія. Благородныя его мысли, изумительныя своею меткостью и силою правды, вкореняютъ въ сердцѣ читателя чувство долга и постоянное къ нему благоговѣніе. Поученія мудреца не изъимаютъ насъ, конечно, изъ-подъ гнета обстоятельствъ, но онѣ драгоцѣнны потому, что ведутъ къ самообладанію и къ повиновенію однимъ законамъ высшимъ.

Обнищавъ внутренно и убивъ въ себѣ способность жить разумомъ и мыслью, наслаждаться естественными чувствами любви къ собратіямъ, къ природѣ, лишившись самоува-

женія и сознанія долга, человѣкъ, разумѣется, ищетъ удовольствій внѣ себя и, живя въ обществѣ, слишкомъ много тратитъ времени и способностей на мелочи, задѣвающія или услаждающія одну его суетность и самолюбіе. Измѣривъ всѣ эти раны и бѣдствія, Эмерсонъ занятъ однимъ: возвысить душу каждаго до усмотрѣнія красоты нравственной, и проникнуть каждаго сознаніемъ человѣческаго достоинства. Какая любовь къ добру и къ простымъ *дѣтскимъ добродѣтелямъ*, какъ онъ ихъ называетъ, честности и прямоты! Съ какою истиною и совѣстливостью разоблачаются поводы, такъ часто заставляющіе насъ дѣйствовать въ виду другихъ и наперекоръ себѣ.

Мнѣ кажется, что духовныя силы человѣка были рѣдко разсмотрѣны съ такою проницательностью и глубиною. Онъ вызываетъ каждую отдѣльную личность къ бдительному, серіозному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладостному обращенію на себя. Вотъ цѣль всего, что́ говоритъ Эмерсонъ, цѣль благодѣтельная и приспособленная всюду указывать на возможность улучшенія, и возбудить во всѣхъ и каждомъ соревнованіе дѣлать землю плодотворною, разсѣвая на ней сѣмена правды и добра, при самомъ смиренномъ, добросовѣстномъ, даже личномъ, не только частномъ занятіи. Мало того, чистосердечнымъ духомъ дѣйствій; — мало того, хорошимъ намѣреніемъ; — мало того, самымъ сокровеннымъ, однимъ вамъ знаемымъ добрымъ помысломъ.

Перевести книги и, послѣ шести-семи лѣтъ колебаній, отважиться издать ихъ въ свѣтъ, достаточно свидѣтель-

ствуетъ о поклоненіи къ ихъ творцу. Мы не осмѣлимся долѣе сопровождать Эмерсона своими сужденіями. Слишкомъ часто досаждаютъ намъ французы, которые, принимаясь пояснять самобытное серіезное или увлекательное произведеніе иностраннаго писателя, не только выводятъ его родословную отъ Декарта, Боссюэта, Расина, Ламартина, г-жи Севинье, но своими многословными фразами даютъ разительно-кривое истолкованіе тутъ-же приводимому цитату. Для насъ достаточно быть привратницей великаго человѣка, отворить ему дверь на нашу родину, и желать, чтобы этотъ высокій посѣтитель проникнулъ во многія убѣжденія, во многія сердца.

Но самое наше уваженіе къ возлюбленному наставнику возлагаетъ на насъ обязанность ввести его, какъ можно скорѣе въ задушевное сообщеніе съ читателями, и избавить ихъ отъ затрудненій и недоумѣній, испытываемыхъ болѣе или менѣе всѣми, при неожиданной съ нимъ встрѣчѣ. Высокія начала его ученія и успокоительное, укрѣпительное ихъ дѣйствіе не выясняются во всей полнотѣ, при поверхностномъ на нихъ взглядѣ. Это, вѣроятно, происходитъ отъ необыкновеннаго изобилія мыслей, то облеченныхъ въ юмористическую замѣтку и самое меткое, оригинальное сравненіе; то опирающихся на народную пословицу, то плавно рѣющихъ въ высотахъ надземныхъ. По этой причинѣ, я сочла нужнымъ представить главныя его идеи и дать ему выражать ихъ самому. Разсѣянныя по всѣмъ страницамъ, онѣ могутъ остаться незамѣченными или показаться разрозненными частицами чего-то

превосходнаго, но не достигшаго полноты; тогда какъ его ученіе закончено до совершенства, и можетъ служить благодѣтельнымъ руководствомъ для каждаго одинокаго и простодушнаго читателя.

Онъ кажется намъ именно одною изъ тѣхъ твердыхъ душъ, призываемыхъ его мольбою и надеждами, „которая растолковала-бы людямъ, что въ нихъ есть множество данныхъ и множество средствъ; что съ бо́льшимъ довѣріемъ къ себѣ, въ нихъ обнаружатся новыя возможности и силы. Да научатъ онѣ насъ — продолжаетъ онъ, — что человѣкъ есть слово, сдѣлавшееся плотью, слово, назначенное для уврачеванія ранъ, нанесенныхъ человѣчеству разными учрежденіями, обычаями, книгами, идолопоклонствами!“

Вотъ глава: *Героизмъ*. Посмотримъ кого онъ выведетъ намъ „героемъ нашего времени“.

„Каждый безграмотный человѣкъ может прочувствовать не разъ въ своей жизни, что въ немъ есть что̀-то, не заботящееся ни объ издержкахъ, ни о здоровьи, ни о жизни, ни объ опасностяхъ, ни о ненависти, ни о борьбѣ; что-то завѣряющее его въ превосходствѣ и возвышенности его стремленій, не смотря на всеобщее противорѣчіе и безвыходность настоящаго положенія“.

„Времена героизма обыкновенно бываютъ времена ужасныхъ переворотовъ; но есть-ли такое время, въ которое эта стихія души могла-бы не найти себѣ упражненія? Все доброе такъ еще нуждается въ поборникахъ и въ мученикахъ. Героическая душа всюду найдетъ возможность

заявлять свои высокія убѣжденія: — говорить правду, даже съ нѣкоторою строгостью; вести образъ жизни умѣренный, но съ тѣмъ вмѣстѣ благородно-открытый; не пытаться изъ трусости жить въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ: — героизмъ вещь не пошлая, а пошлость не героизмъ“.

„Что такое героизмъ? — Это бодрая осанка души. Человѣкъ рѣшается въ своемъ сердцѣ пріосаниться противъ внѣшнихъ напастей и удостовѣряетъ себя, что не смотря на свое одиночество, онъ въ состояніи перевѣдаться со всѣми клевретами зла. Онъ отнюдь не думаетъ, будто природа заключила съ нимъ договоръ, въ силу котораго, онъ никогда не окажется ни смѣшнымъ, ни страннымъ, ни въ невыгодномъ положеніи. Но въ доблестной душѣ равновѣсіе такъ установлено, что внѣшнія бурныя смятенія не могутъ колебать ея воли, и подъ звуки своей внутренней гармоніи, герой весело пробирается сквозь страхъ и сквозь трепетъ, точно такъ-же, какъ и сквозь безумный разгулъ всеміpной порчи“.

„Изъ всѣхъ качествъ людей-героевъ, болѣе всего прельщаетъ мое воображеніе ихъ невозмутимая ясность. Торжественно страдать, торжественно отважиться и предпринять, еще можно при исполненіи весьма обыкновеннаго долга. Но великія души такъ мало дорожатъ успѣхомъ, мнѣніемъ, жизнью, что не имѣютъ и въ помыслѣ склонять враговъ просьбами или выставлять на показъ свои огорченія: онѣ всегда просто — велики. — При видѣ побѣдоносца почти забываешь о сраженіяхъ, которыми

онъ купилъ свое торжество; намъ кажется, что разсказы о его затрудненіяхъ были преувеличены, и что онъ расправлялся съ ними очень проворно. — Есть другіе люди, возвѣщающіе: „Ужъ какъ я-то побѣдилъ! Ужъ какъ я-то торжествую!“ Мы что-то не вѣримъ въ ихъ торжества. Къ тому-же, торжество-ли это, когда человѣкъ сдѣлался гробницею „убѣленною и повапленною“, или женщиною, катающеюся отъ истерическаго хохота? Истинное торжество состоитъ въ томъ, чтобы приневолить тягостныя обстоятельства рѣдѣть и исчезать, какъ утренній туманъ, какъ приключеніе незначительной важности, въ сравненіи съ гигантскою бытописью, которая заходитъ все далѣе и далѣе“.

„Вы рѣшились оказать услугу ближнему, и не отступайте назадъ, подъ предлогомъ, что умныя головы вамъ этого не совѣтуютъ. — Жизнь можетъ сдѣлаться пиршествомъ для однихъ людей умудренныхъ; если-же станешь разсматривать ее изъ-за угла благоразумія, она обратитъ къ намъ лицо грозное, истомленное. — Впрочемъ, прежде чѣмъ откинуть благоразуміе, надобно дознаться какому божеству хочешь принести его въ жертву? Если роскоши и чувственности, такъ лучше продолжать быть благоразумнымъ; если-же высокому полету довѣрчивости и великодушія, тогда можно разстаться съ нимъ безъ сожалѣнія. Согласимся, что можетъ пустить на волю своего вьючнаго осла тотъ, кто мѣняетъ его на огненную окрыленную колесницу“.

„Великодушныя существа развѣваютъ по всей землѣ

пламя любви къ человѣку и возносятъ надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ знамя общественной добродѣтели. Добрые люди, живущіе по законамъ ариѳметики, замѣчаютъ какъ невыгодно гостепріимство и ведутъ низкій расчетъ тратѣ времени и непредвидимымъ издержкамъ, которыя имъ стоитъ гость. Напротивъ того, высокая душа гонитъ въ преисподнюю земли всякій неприличный, недостойный расчетъ и говоритъ: „Я исполню велѣніе Господа, Онъ промыслитъ и огонь и жертву“.

„Если нашъ духъ не властелинъ міра, то онъ дѣлается его игралищемъ.—Всѣ бѣдствія, когда-либо постигавшія людей, могутъ постигнуть и насъ. И потому, не излишне каждому, а тѣмъ болѣе, молодому человѣку, освоить съ ними свою мысль и такъ твердо установить въ себѣ чувство долга, чтобы не оробѣть ни предъ какими муками“.

Второе положеніе: „*есть человѣкъ, есть его и свойства;*“ какъ есть онѣ въ минералѣ, въ растеніи, въ животномъ; но соль не имѣетъ свойства сѣры, макъ — розы, ягненокъ — льва.

„У каждаго человѣка есть свое призваніе: особенный даръ, и побудительный и привлекательный. У него есть способности, безмолвно требующія себѣ безконечнаго упражненія. Именно въ этомъ направленіи открыто для него все протяженіе. Онъ—какъ лодка, встрѣчающая на рѣкѣ препятствія со всѣхъ сторонъ, исключая одной; здѣсь, единственно здѣсь, лодка можетъ пронестись и заскользить по неисчерпаемому морю. Этотъ даръ или призваніе

слиты съ его естествомъ, то есть, съ душою, воплотившеюся въ немъ".

..."Исполняя свою замѣру, человѣкъ отвѣчаетъ на потребности другихъ, порождаетъ въ нихъ новые вкусы, наклонности и. удовлетворяя ихъ, олицетворяетъ самъ себя въ своемъ произведенiи. — —Если онъ правдивъ и честенъ, его самолюбiе съ наиточною пропорцiональностью относится къ его мощи. Такъ высота горы совершенно соразмѣрна объему ея основанiя".

..."Самыя пушинки и соломенки подлежатъ законамъ, а не случайности; такимъ образомъ, и человѣкъ пожинаетъ только то, что посѣялъ. Ему будутъ принадлежать плоды, взращенные его трудами: ему предоставлено достиженiе самообладанiя и его охраненiе отъ посягательства другихъ, съ которыми не слѣдуетъ завязывать сношенiй горькихъ и докучныхъ.— —Онъ имѣетъ неоспоримыя права на все свойственное его природѣ и генiю; онъ отовсюду можетъ заимствовать то, что принадлежитъ его духовному расположенiю. Внѣ этого, ему невозможно усвоить ничего, хотя-бы распались предъ нимъ всѣ затворы вселенной".

Поэтому... "претензiи должны-бы оставаться въ покоѣ и предписать себѣ бездѣйствiе; онѣ никогда не произведутъ ничего истинно-великаго. Претензiя никогда не написала Иліады. ни разбила въ пухъ Ксеркса, ни уничтожила рабства, ни покорила мiръ Христiанству".

...Теперь, всякiй съ измала терзается надъ рѣшенiемъ

богословскихъ задачъ: о первородномъ грѣхѣ, о происхожденіи зла, о предназначеніи и надъ прочими подобными умозрѣніями, которыя на практикѣ не представляютъ никакихъ затрудненій и нимало не затмѣваютъ пути тѣхъ, которые для такихъ поисковъ не сбиваются съ своего. Многіе умы должны предложить себѣ на разсмотрѣніе и такіе вопросы; они въ нихъ то-же что̀ корь, золотуха и другія ѣдкія мокроты, которыя душа должна выбросить наружу, чтобы послѣ наслаждаться отличнымъ здоровьемъ и предписывать цѣлебныя средства и другимъ. Простымъ натурамъ подобныя сыпи не необходимы. Нужно имѣть рѣдкія способности, для того чтобы самому себѣ отдать отчетъ въ своемъ вѣрованіи, и выразить другимъ свои воззрѣнія, касательно свободнаго произвола и его соглашенія съ судьбою человѣка. Для большинства-же людей, въ замѣнъ наукообразной пытливости, весьма достаточно имѣть нѣсколько вѣрныхъ инстинктовъ, немного удобопонятныхъ правилъ и честную, здравую природу".

...Дѣйствіе, которое я всю жизнь желаю совершить, вотъ дѣйствіе согласующееся съ моими способностями; ему и надобно посвятить всѣ свои силы. — — Человѣкъ счастливъ только тогда, когда онъ можетъ сказать, что исполнилъ свою замѣру, что положилъ душу на трудъ свой и довелъ его до конца, какъ нельзя было лучше. Но если онъ поступаетъ иначе, то и покончивъ съ трудомъ, онъ не почувствуетъ ни отрады, ни облегченія; талантъ его хирѣетъ, Муза ему недоброжелательствуетъ; на него не сходитъ ни вдохновеніе, ни упованіе".

...Я убѣжденъ въ томъ, что величайшіе нравственные законы могутъ быть усмотрѣны человѣкомъ на каждомъ шагу, при самыхъ обыденныхъ обстоятельствахъ и поступкахъ. Эти неподкупные законы, отражаясь на стали его рѣзца, надзирая за мѣрою его ватерпаса, его аршина, за итогами счетной книги его лавки, не менѣе исторіи обширныхъ государствъ удостовѣряютъ его въ томъ, что доброкачественность его занятій достигаетъ возвышенности его помысловъ.

...Нѣкоторая доля мудрости непремѣнно добудется изъ каждаго поступка естественнаго и благонамѣреннаго.

...Человѣкъ долженъ быть самимъ собою. Тотъ даръ, тѣ его свойства, которыми онъ отличается отъ другихъ,— впечатлительность въ отношеніи нѣкотораго рода вліяній, влеченіе къ тому, что̀ ему прилично, оттолкновеніе отъ того, что̀ ему противно — опредѣляютъ для него значеніе вселенной. Среди всеобщей толкотни и шума, изъ многаго множества предметовъ, онъ высмотритъ, выберетъ, онъ прислушается къ тому, что̀ ему мило, сходственно или нужно: онъ какъ магнитъ среди опилковъ желѣза. Лица, факты, слова, заронившіеся въ его памяти, даже безсознательно, тѣмъ не менѣе пользуются въ ней дѣйствительною жизнью. Это символы его собственныхъ свойствъ, это истолкованіе нѣкоторыхъ страницъ его совѣсти, на которыя не дадутъ вамъ объясненій ни книги, ни другіе люди. Не отвергайте, не презирайте случайный разсказъ, физіономію, навыкъ, происшествіе; словомъ то, что̀ глубоко запало въ вашу душу; вмѣсто нихъ, не несите своего поклоненія тому, что̀,

по общему мнѣнію, стоитъ хвалы и удивленія. Вѣрьте имъ: они имѣютъ корень въ вашемъ существѣ.

. . . Что̀ ваше сердце почитаетъ великимъ, — то велико. Восторгъ души не обманывается никогда.

. . . Наше совершенствованіе очень сходно съ развитіемъ растительной почки. Сначала вы имѣете инстинктъ, потомъ — мнѣніе, напослѣдокъ — знаніе; то есть, корень, цвѣтъ, плодъ. Довѣряйтесь инстинкту; онъ содѣйствуетъ созрѣнію истины, и тогда вы узнаете почему вы ему вѣрили: изъ познанія произойдетъ вѣра. Наконецъ, когда настаетъ пора разума, мы уже не наблюдаемъ, не утруждаемъ себя наблюденіемъ, потому что пріобрѣли уже силу прямо устремлять вниманіе на отвлеченную истину и обнимать духовнымъ окомъ всѣ образы здѣшняго существованія, во время-ли чтенія, разговоровъ или личной дѣятельности".

Къ Эмерсону съ совершенною справедливостью можно примѣнить сказанное имъ о Платонѣ: „Онъ представляетъ собою рѣдкое преимущество ума, а именно, могущественный даръ поставлять каждый фактъ на послѣдовательную высоту и, чрезъ то, обнаруживать въ каждомъ изъ нихъ залоги дальнѣйшаго развитія.—Это развитіе или расширеніе мысли удлинняетъ духовное зрѣніе тамъ, гдѣ для обыкновеннаго глаза уже смыкается горизонтъ, и это второе зрѣніе усматриваетъ, что продленныя линіи законовъ тянутся во всѣ направленія".

Съ американскимъ мудрецомъ всюду Веѳиль, всюду то мѣсто, гдѣ одинокій Іаковъ, въ пустынѣ, по закатѣ солн-

ца кладетъ себѣ въ возглавіе камень и — „*се лѣствица утверждена на земли, ея же глава досязаетъ до небеси, и ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ по ней. Господь-же—на вершинѣ ея.* И пробужденный отъ сна Іаковъ, говоритъ: „*яко страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.* „Научный фактъ, качество благоразумія, чувство любви, свойства общечеловѣческія — все это лѣсенки, имѣющія ступени, которыя ведутъ вверхъ. Пройдемся по нимъ.

„*Благоразуміе* есть добропорядочность внѣшнихъ чувствъ, изученіе наружнаго, видимаго. Это самое объективное дѣйствіе нашей души; это — божество, промышляющее о животномъ. Благоразуміе обращается съ міромъ физическимъ, по законамъ міра физическаго; подчиняясь имъ, оно охраняетъ здоровіе тѣлесное; бодрость-же духа охраняетъ оно своимъ повиновеніемъ законамъ духовнымъ *). — Похвальное благоразуміе, или знаніе внѣшности вещей, сознаетъ соприсутствіе другихъ законовъ: оно понимаетъ, что его раченіе второстепенно, и что его блюститель относится къ оболочкѣ, но не къ самому сердцу предметовъ.

. . . Нашъ свѣтъ переполненъ поступками и пословицами, внушенными благоразуміемъ унизительнымъ, обожающимъ одну матерію, какъ будто въ человѣкѣ нѣтъ ничего другаго, кромѣ ушей, нёба, носа, глазъ и пальцевъ! Какъ будто единственное назначеніе благоразумія состоитъ

*) Міръ внѣшнихъ чувствъ есть міръ призрачный; онъ существуетъ не самъ для себя, но онъ облеченъ характеромъ символа.

въ вопросѣ: *„А выпечется-ли изъ этого хлѣбъ?“* — Но развитіе духа, удостовѣряя насъ въ высокомъ началѣ видимаго міра и устремляя человѣка къ совершенству, какъ къ выспренной цѣли его назначенія, низводитъ все остальное: здоровіе, богатство, земную-ли жизнь — на степень средствъ. Подобное развитіе доказываетъ, что благоразуміе не есть какая-то особенная добродѣтель, но только имя, которое принимаетъ мудрость въ своихъ отношеніяхъ къ тѣлесному составу и къ его потребностямъ. — Благоразуміе, отчужденное отъ другихъ качествъ, есть ложное благоразуміе. Оно законно лишь въ смыслѣ естественной исторіи воплотившейся души, лишь въ своей должности развивать предъ нею многоцѣнный свитокъ законовъ природы подъ тѣснымъ небосклономъ ея внѣшнихъ чувствъ.

Степени для успѣшнаго ознакомленія съ міромъ безчисленны; для настоящаго нашего обзора достаточно обозначить ихъ три: Есть такой родъ людей, который живетъ только ради *пользы* символа; въ этомъ отдѣлѣ, богатство и здоровіе почитаются наиважнѣйшими благами. Другой разрядъ, повысившись надъ предъидущими торгашами, прилѣпляется къ *красотѣ* символа: сюда относятся естествоиспытатели, ученые, поэты, художники. — Третій отдѣлъ, всѣмъ своимъ бытіемъ, уже переступаетъ за черту красоты символа и поклоняется самой *сущности*, для которой символъ служитъ только отраженіемъ: это люди мудрые. — Первые имѣютъ толкъ, вторые вкусъ, третьи — духовное провидѣніе. Много уходитъ времени, пока человѣкъ добирается до вершины лѣстницы; но, достигнувъ ея, онъ

проникаетъ смыслъ символа и наслаждается имъ вполнѣ. Око его отверзается для красоты нетлѣнной и если онъ водрузитъ шатеръ свой на священной и свѣтоносной вершинѣ видимой природы, уже не житницы, не домы примется онъ тамъ строить, но возблагоговѣетъ предъ величіемъ Творца, которое провидится ему съ лучезарностью солнца чрезъ каждую скважину, каждую разсѣлину".

... „Есть степени и въ *Идеализмѣ*. Сперва мы играемъ съ нимъ по-школьничьи, какъ съ магнитомъ — тоюже игрушкою. Потомъ, въ разгарѣ молодости и поэзіи, намъ мнится, что идеализмъ *можетъ быть* правъ, что насъ достигаютъ-же нѣкоторые осколки, нѣкоторые проблески его правды; — далѣе, онъ принимаетъ осанку строгую и величественную, въ насъ зарождается подозрѣніе, что онъ *долженъ быть* правъ; наконецъ, онъ является намъ въ смыслѣ нравственномъ и практическомъ, и мы познаемъ, что *есть* Богъ, что онъ въ насъ, что все созданное есть отраженіе его совершенствъ".

„Вполнѣ-ли постигъ свою науку естествоиспытатель или химикъ, изучившій тяготѣніе атомовъ и ихъ расположеніе къ сродственному единенію, но не услѣдилъ закона гораздо большей важности, которому химическія влеченія служатъ лишь дробнымъ, внѣшнимъ примѣненіемъ того закона, удостовѣряющаго насъ, что однородное притягиваетъ однородное? — Не подземными, не сокровенными путями другъ приводится къ своему другу; а факты не примыкаютъ-ли сами собою къ фактамъ, служащимъ имъ подкрѣпленіемъ? — Друзья обрѣтаются мнѣ безъ моихъ поисковъ;

ихъ приводитъ ко мнѣ Господь всемогущій. Я схожусь съ ними въ силу неразрывнаго родства всѣхъ добродѣтелей между собою, и въ силу непоколебимыхъ ихъ правъ, одной на другую, или, говоря лучше, схожусь съ ними не я, но то божественное начало, находящееся и въ нихъ и во мнѣ, рушитъ раздѣляющія насъ преграды обстоятельствъ, лѣтъ, пола, нрава, внѣшняго положенія, и внезапно сливаетъ многихъ воедино. — Однако, самый этотъ законъ есть только болѣе близкое приложеніе къ цѣли, но не сама цѣль. Устремимся далѣе, и мы обрѣтемъ Вездѣсущность".

Та-же лѣстница восхожденія и въ *Любви*, въ этомъ чувствѣ „присущемъ всей природѣ какъ побужденіе и какъ награда. Любовь—высшее выраженіе изъ всего дара слова человѣка. Любовь — это синонимъ Бога". Эмерсонъ обозрѣваетъ этотъ величественный предметъ такъ, какъ онъ вносится въ душу, съ своими обѣтами и упованіями, безъ примѣненія къ событіямъ, потому что, говоритъ онъ:

„Съ точки зрѣнія разума и въ смыслѣ истины, все оказывается прекраснымъ, но до чего печально все извѣданное по опыту. Какое уныніе навѣваютъ подробности, хотя цѣлое полно достоинства и благородства. Тяжело признаться до чего нашъ міръ — міръ скорби и горести; до чего утомительно это цареніе времени и пространства, и сколько въ немъ кишитъ всеподтачивающихъ червей страха и заботъ! По милости идеала и мысли, въ немъ благоухаетъ и роза упоенія, — поочередно воспѣваемая всѣми музами; — возможна и ненарушимая ясность духа; но, по вліянію

именъ и лицъ, по раздробленію стремленій на вчера и сегодня, сколько, сколько въ немъ печальнаго!

... Кто изъяснитъ намъ это непостижимое чудное дѣйствіе, котороепри видѣ такого-то лица, такой-то осанки поражаетъ насъ какъ внезапный лучъ свѣта? Мы проникнуты радостью, нѣжностью, и не знаемъ сами откуда взялось это сладостное умиленіе, откуда сверкнулъ этотъ лучъ? И дѣйствительность и воображеніе рѣшительно запрещаютъ намъ приписывать такое ощущеніе вліянію организма; — не проистекаетъ оно и изъ тѣхъ поводовъ къ любви и къ дружбѣ, которые извѣстны свѣту и общеприняты въ немъ. Какъ мнѣ кажется, оно вѣетъ на насъ изъ среды прелести и нѣжности неземной, изъ сферы несходной съ нашею и для насъ недоступной; изъ того края волшебствъ, которому здѣсь служатъ символомъ розы, фіялки, лилеи, возбуждая въ насъ о немъ предчувствіе.

... Красота есть одно изъ сокровищъ міра и — всегда останется то, чѣмъ считали ее древніе: *божественною*, называя ее: порою цвѣтенія добродѣтели. — Друзья могутъ находить, что она (красавица) походитъ на отца, на мать свою, напоминаетъ даже такое-то постороннее лицо, но тотъ кто ее любитъ, тотъ знаетъ, что она можетъ имѣть сходство лишь съ тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, съ солнечнымъ утромъ, пышащимъ золотомъ и алмазами, съ небесною радугою, съ соловьиною пѣснью.

... Всего важнѣе то, что когда человѣкъ приноситъ ее (любовь) въ беззавѣтный даръ другому, она осыпаетъ собственно его самыми щедрыми дарами. Въ немъ обновляется

все бытіе, являются новыя воззрѣнія, новый образъ понятій, — отчетливость, выдержка и стремленія, проникнутыя священною торжественностью.

. . . Молоденькія дѣвочки и мальчики, которые изъ конца въ конецъ многолюдной залы перебрасываются такими значительными взглядами, и не предугадываютъ какой драгоцѣнный плодъ созрѣетъ со временемъ изъ ихъ теперешняго суетнаго желанія нравиться наружностью. —

. . . Каждое стремленіе, каждый обѣтъ нашей души получаетъ исполненія неизочтимыя; каждое пріятное удовлетвореніе соотвѣтствуетъ новой пробудившейся въ насъ наклонности. Природа, эта неуловимая, но безустанная прорицательница, при первомъ движеніи нѣжности въ нашемъ сердцѣ, уже внушаетъ намъ всеобъемлющее благоволеніе, которое поглощаетъ въ своемъ сіяніи всѣ расчеты себялюбія.

. . . И никто въ мірѣ, каковы бы ни были плоды частной опытности, никто въ мірѣ не забываетъ той поры, когда сила небесная охватила его сердце и думы, возродила въ глазахъ его всю вселенную, озарила пурпурнымъ свѣтомъ всю природу, пролила неизъяснимыя чары на поздніе часы ночи, на ранній часъ утра, и сталась для него предразсвѣтною зарею поэзіи, музыки, изящныхъ вдохновеній.

. . . Отъ безпрерывной бесѣды съ прекраснымъ, великодушнымъ, возвышеннымъ и чистосердечнымъ, любовникъ достигаетъ весьма тонкой оцѣнки всего благороднаго, священнаго и прилѣпляется къ нимъ все святѣе и горячѣе.

Въ довершеніе, вмѣсто того, чтобы любить все прекрасное въ одномъ предметѣ, онъ возлюбитъ его во всѣхъ предметахъ; такимъ образомъ, прекрасная душа, обожаемая имъ, дѣлается преддверіемъ, чрезъ которое онъ проникаетъ въ святилище, гдѣ пребываютъ сонмы душъ правды и чистоты.—Напослѣдокъ, уловляя почти въ каждой душѣ черты красоты божественной и отдѣляя божественную часть отъ порчи заимствованной отъ земли, по различнымъ ступенямъ высоты душъ человѣческихъ, любящее сердце восходитъ до вершины любви, красоты и постиженія божественнаго.

...Но если слишкомъ обживясь съ тѣломъ, душа человѣческая огрубѣла и поставляетъ все свое наслажденіе въ матеріи, — единственнымъ ея достояніемъ будетъ тоска и разочарованіе, потому что тѣлу невозможно осуществить обѣтовъ красоты. Если-же, достойно воспріявъ вспоможенія, приносимыя ей красотою, душа, проникнувъ плоть, прямо устремляется къ отличительнымъ чертамъ свойствъ, и любовники оцѣняютъ другъ друга, по выраженію духа въ словахъ и поступкахъ, тогда вступаютъ они въ храмъ красоты нетлѣнной; любовь ихъ все болѣе возрастаетъ, усиливается, и какъ отъ блеска солнца меркнетъ пламя очага, такъ въ сіяніи такой любви угасаетъ унизительность склонностей, и все становится чисто и свято.

...Очищеніе сердца, просвѣтленіе разума, вотъ истинная цѣль брака; цѣль предусмотрѣнная, предуготовленная отъ начала и безъ нашего вѣдома. И когда я подумаю о достиженіи подобной цѣли посредствомъ брака, которымъ

мужчина и женщина, — два лица, одаренныя свойствами столь различными и столь относительными, — соединяются на житье подъ однимъ кровомъ, въ продолженіи сорока или пятидесяти лѣтъ, я не удивляюсь тому, что сердце съ самаго ранняго дѣтства пророчитъ намъ это верховное повершеніе; я не удивляюсь тому, что столько чаръ и приманокъ инстинктивно увлекаютъ человѣка къ брачному ложу, и что всѣ изящныя искусства, всѣ произведенія ума наперерывъ несутъ свои дары и свои пѣсни на хвалу гименея.

Это путь къ той любви, которая уже не знаетъ ни пола, ни лицъ, ни пристрастій, но которая всюду ищетъ добро и мудрость, не заботясь болѣе ни о чемъ, какъ о приращеніи добра и мудрости.

...Въ наши дни, необходимо должно развить такой взглядъ и твердо противопоставить его тому подземному благоразумію, по внушенію котораго устроиваются нынѣшніе браки, гдѣ всѣ слова взяты отъ персти, гдѣ не слышится ни малѣйшей посылки на міръ высшій, и гдѣ глазъ до того уставленъ на хозяйство, на обиходъ, что въ самомъ обмѣнѣ наиважнѣйшихъ мыслей все еще пахнетъ кухоннымъ чадомъ".

„Видѣнія любви, какъ онѣ ни прекрасны, составляютъ лишь одну сцену въ драмѣ жизни. Намъ случится дойти и до сознанія, что чувства, безцѣнныя въ глазахъ нашихъ, были однимъ кратковременнымъ отдыхомъ. Не безъ борьбы, не безъ боли, предметы нашей привязанности измѣняются какъ предметы нашего мышленія. — Обаятельныя

чары и священный призывъ, преходящія по своему примѣненію, имѣютъ однако цѣль опредѣленную, походя, въ этомъ отношеніи, на подмостки, необходимыя для возведенія зданія, но которыя должны быть сняты, когда окончено зданіе. — Бываетъ пора, когда чувство вполнѣ властвуетъ надъ человѣкомъ, поглощаетъ все его существо и дѣлаетъ его зависимымъ отъ одного или отъ многихъ лицъ. Но отрезвленіе настаетъ, духъ снова начинаетъ прозрѣвать неизмѣримую твердь, сіяющую незаходимыми свѣтилами. Жгучія привязанности, жгучія опасенія, которыя наволоклись на насъ, какъ тучи, теряютъ свою земную тяготу и обрѣтаютъ Бога — вѣнецъ совершенствъ.

. . . Чѣмъ возвышеннѣе образъ дружбы, который мы носимъ въ душѣ своей — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — тѣмъ труднѣе его олицетвореніе въ плоти и въ крови. Друзья, призываемые нами, желаемые нами, что́ они? — не мечта, — не сказка-ли? — Нѣтъ! вдохновенная надежда ободряетъ вѣрное сердце предсказаніемъ, что тамъ, въ безграничныхъ предѣлахъ вѣчности, есть души, живыя, дѣятельныя, чувствующія, которыя могутъ полюбить насъ, которыхъ будемъ любить мы. И благо намъ, если провели пору малолѣтства, легкомыслія, заблужденій и уничиженій въ тоскѣ одиночества! Когда достигнемъ возмужалости, для насъ настанетъ возможность протянуть руку чистую и честную другой рукѣ чистой и честной.

„Небо обширно; въ немъ есть просторъ для всѣхъ родовъ любви, для всѣхъ родовъ доблестей“.

Прекрасное, неотразимое чувство любви, божественное по своей сущности и цѣли, „Намъ на землѣ, не для земли дано“. — Есть, однако, для насъ „родъ *абсолютнаго блага* — такъ называетъ Эмерсонъ *Дружбу* — „и оно обладаетъ языкомъ до того чистымъ и до того божественнымъ, что предъ нимъ стихаетъ подозрительный и избитый языкъ любви“. Указывая, какъ всегда, на духовный смыслъ нашихъ врожденныхъ склонностей и побужденій, говоря о дружбѣ, онъ начертываетъ полный кодексъ людскихъ отношеній, завязываемыхъ на влеченіи сердца и, безъ лести, исчисляетъ злоупотребленія, которыми мы искажаемъ каждое наше чувство.

„Возможно-ли не обращать вниманія на порывъ чувства, возсоздающаго для каждаго изъ насъ міръ во всей его юной прелести? Чтò можетъ сравниться съ прямымъ и твердымъ соединеніемъ двухъ душъ въ одномъ стремленіи, въ одной привязанности, въ одной мысли!

...Мы прикованы къ людямъ разнородными цѣпями: родства, гордости, боязни, надежды, корысти, нужды, ненависти, удивленія — просто, не разберешь всѣхъ гадкихъ поводовъ и пустяковъ; среди такой обстановки почти не вѣрится, чтобы существовалъ кто-нибудь, могущій приковать насъ къ себѣ — любовью. Живетъ ли на свѣтѣ тотъ благословенный, которому мы могли-бы принесть въ даръ нашу любовь? а если живетъ, достойны-ли мы къ нему приблизиться? — Но я встрѣчаю друга, душа моя сливается съ душою брата, и всепроникающее умиротвореніе и безмятежіе моей радости возникаютъ плодомъ истиннымъ, кото-

рому все вещественное служитъ только какъ оболочка и какъ скорлупа . . .

. . . Почти безпрестанно при нынѣшнемъ складѣ общества, чувствуемъ мы недочетъ въ сближенiи съ людьми, даже очень даровитыми и очень добродѣтельными.—Сперва, вниманiе и предупредительность стройно и мѣрно ограждали наши бесѣды; вдругъ насъ начинаютъ колоть, терзать насмѣшками, то обдадутъ неумѣстнымъ холодомъ, то изумятъ падучимъ припадкомъ умничанiя или страстности, которыя приходится терпѣть, во имя пламени мысли и чувства. — И что̀ всего прискорбнѣе, — цвѣтъ и благоуханiе самой прекрасной природы облетаетъ и испаряется отъ частыхъ столкновенiй съ другими людьми.

. . . Изъ всего уже извѣданнаго нами, постараемся взять себѣ за правило, не вступать въ дружескiя сношенiя съ лицами, съ которыми дружба невозможна.—Горячiя вспышки хороши для любопытства, но не для жизни; имъ не должно поддаваться: это ткань паутинная, а не прочная одежда.— — Мы безразсудно кидаемся въ связи, которыя не можетъ ни освятить, ни благословить никакое божество. И ничто не наказуется такъ строго, какъ эти неравные союзы, какъ упущенiе изъ виду созвучiя духовныхъ силъ, которыя однѣ должны быть положены въ основанiе жизни семейной и общественной. — Еще менѣе прощается непризнанiе возвышенной души и упорство идти къ ней на встрѣчу съ благороднымъ радушiемъ. Когда то, чего мы давно желали, сбывается и блеститъ надъ нами, какъ волшебный лучъ, исшедшiй изъ дальняго царства небесъ, — продол-

жать быть грубымъ и язвительнымъ, принимать подобное посѣщеніе съ уличною болтовнею и съ подозрительностью, есть признакъ такой пошлости, которая въ состояніи запереть себѣ всѣ пути въ Эдемъ.

...Преступники —говорятъ—находятъ большую усладу въ томъ, что могутъ обходиться за панибрата съ своими соумышленниками. — — Но возможно-ли такъ обходиться съ тѣми, кого любишь, кому удивляешься? А между тѣмъ, недостатокъ самообладанія портитъ всѣ отношенія дружбы, потому что нѣтъ глубокаго мира, нѣтъ обоюднаго глубокаго почтенія между двухъ душъ, изъ которыхъ каждая не служитъ другой полною представительницею вселенной.

...Любовь, это свойство Бога, созданная на увѣнчаніе всѣхъ достоинствъ человѣка, создана не для безразсудныхъ. Не будемъ, для удовлетворенія неспокойствія сердца, поддаваться ребяческому увлеченію, но станемъ руководить его съ разборчивою мудростью. Пойдемъ на встрѣчу къ другу, съ твердою вѣрою въ правду его сердца, въ глубину его бытія, а не съ преступною самонадѣянностью, что намъ стоитъ только захотѣть, чтобы все въ немъ предать волненію.

...Добрые люди смотрятъ на дружбу какъ на удобство; это — обмѣнъ подарковъ, маленькихъ и большихъ услугъ, это — сосѣдское гощеніе, ухаживаніе во время болѣзни, присутствіе и слезы на похоронахъ... — Мы подступаемъ къ своимъ друзьямъ, не съ благоговѣйною почтительностью, а съ какимъ-то прелюбодѣйнымъ желаніемъ

поскорѣе прибрать ихъ къ рукамъ. — Непростительно и для поэта, говоря о дружбѣ, дѣлать изъ нея прекрасную, но призрачную ткань, забывая, что утокъ ея составляютъ всѣ свойства великой души: справедливость, точность, вѣрность, состраданіе. О, я хотѣлъ-бы, чтобы такая дружба была съ руками и съ ногами, не съ одними выразительными глазами да краснорѣчивыми устами! Я-бы хотѣлъ, чтобъ она сначала сдѣлалась достояніемъ земли, а потомъ уже — достояніемъ неба; чтобы она была добродѣтелью человѣческою, а не одною ангельскою.

...Законы дружбы величественны, непреложны, вѣчны, какъ законы нравственности и природы. — Мы-же ищемъ въ дружбѣ маленькихъ, скоренькихъ выгодъ и льнемъ губами къ только-что предложенной отрадѣ. — Съ какимъ легкомысліемъ бросаемся мы срывать едва-завязавшійся плодъ, который созрѣваетъ медленнѣе всѣхъ въ вертоградѣ Господнемъ и долженъ быть снятъ по прошествіи многихъ зимъ и многихъ лѣтъ. — —Чтите медленный ходъ природы: она употребляетъ тысячелѣтіе на образованіе и отвердѣніе алмаза. Небесные геніи нашей жизни не впускаютъ въ свой рай необузданную отвагу.

...Но какъ ненавижу я всуе расточаемое имя дружбы, которое даютъ прихотливымъ свѣтскимъ отношеніямъ! Я предпочитаю общество угольщиковъ и чернорабочихъ этимъ друзьямъ, разодѣтымъ въ шелкъ и бархатъ, и празднующимъ свое соединеніе катаніями, обѣдами у лучшихъ ресторановъ и разными другими пустыми забавами.

...Дружба дана намъ на ясные дни, на доказательства

сердечнаго участія, на пріятное уединенное броженіе по полямъ и лугамъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ и на стези трудныя, утомительныя; она дана намъ на бѣдность, на гибель всего остальнаго, на злыя гоненія; хороша она для остроумной болтовни, хороша она и для восторга, стремящагося къ Богу.

...Купимъ цѣною долгаго испытанія право вступленія въ подобное общеніе. Ка̀къ смѣть нарушать святыню душъ прекрасныхъ и благородныхъ? домогаться насильственнаго въ нихъ втѣсненія? — Къ чему съ излишнею поспѣшностью завязывать личныя сношенія съ другомъ? желать быть приняту въ его домѣ, познакомиться съ его матерью, сестрами, братьями, зазывать его къ себѣ? Это-ли составляетъ важность союза?.. Заискиванія, торопливость — прочь съ ними! отъ нихъ скорѣе грубѣетъ и вянетъ дружба. О, пускай мой другъ будетъ для меня духомъ! пускай, кое-когда получу я отъ него вѣсть, даръ одной мысли, взгляда, слова искренности, поступка прямоты — съ меня довольно; но прошу избавить меня отъ его соусовъ, отъ пустыхъ россказней.

...Ка̀къ смотрите вы на великолѣпное зрѣлище? — въ нѣкоторомъ разстояніи; не правда-ли? Точно также смотрите и на вашего друга. Дайте ему просторъ и мѣсто выказать свои качества, развернуть ихъ, въ нихъ установиться. У него есть достоинства, не точь-въ-точь тѣ-же, что̀ у васъ, и которымъ вы будете не въ состояніи дать и цѣны, если сожмете его въ своихъ объятіяхъ. Что̀ вы въ самомъ дѣлѣ, другъ-ли пуговицъ на платьѣ вашего друга,

или наперсникъ его лучшихъ думъ? Для великой души, другъ долго долженъ оставаться чуждымъ во многихъ отношеніяхъ, для того чтобы тѣмъ ближе сойтись съ нимъ на святой землѣ прекрасныхъ обѣтованій.

...Малѣйшее сомнѣніе въ трикраты священномъ союзѣ дружбы есть уже вѣроломство. Она вся должна быть прямота, великодушіе, довѣренность; должна откинуть всякую тѣнь подозрительности, недовѣрчивости и смотрѣть на своего избраннаго, какъ на божество для того, чтобы два существа человѣческія, основавшія между собою союзъ дружбы, были, такъ сказать, *обожествлены*, каждое посредствомъ другаго“.

...Иногда бываетъ необходимо сказать прости и самымъ дорогимъ друзьямъ. — „Разстанемся, я не могу долѣе оставаться въ порабощеніи. Но, о братъ мой, развѣ ты не видишь, мы разстаемся отъ того, что еще слишкомъ велика наша любовь къ самимъ себѣ; — послѣ этой разлуки, мы встрѣтимся опять на вершинахъ болѣе возвышенныхъ, и будемъ полнѣе принадлежать другъ другу“.

...Еще недавно утвердилось во мнѣ убѣжденіе, что — не смотря на общее въ томъ сомнѣніе — очень совмѣстимо и съ нашимъ достоинствомъ, и съ нашимъ величіемъ, быть другомъ и въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ дружба неравна? Къ чему опечаливаться тѣмъ грустнымъ фактомъ, что другъ мой не понимаетъ меня? Заботится-ли солнце о томъ, что нѣсколько его лучей падаютъ на безплодную пу-

стыню? Потщимся, потщимся вдохнуть нашъ жаръ и наше великодушіе въ холодную, замкнутую грудь нашего собрата. Если мы отовсюду найдемъ въ немъ отпоръ, тогда — отвернемся, предоставимъ его волѣ дѣлаться спутникомъ существъ низкихъ и грубыхъ. Велика будетъ наша скорбь при мысли, что отъ него уже отвѣяло великодушное пламя, что ему уже не направить своихъ крыльевъ къ жилищу боговъ... единственнымъ врачеваніемъ такой печали то̀, что кругозоръ нашей любви расширился отъ чрезмѣрности свѣта и тепла, которые мы изливали на него.

„Вообще полагаютъ, что любовь не взаимная есть какое-то униженіе, но великія души знаютъ, что любовь не можетъ остаться безъ награды. Истинная любовь немедленно переростаетъ предметъ недостойный, водворяется въ вѣчности, живетъ вѣчнымъ, и въ часъ, когда падаетъ жалкая личина, истинная любовь чувствуетъ, что развязалась съ горькимъ юдольнымъ и, что теперь, за нею упрочена ненарушимая независимость“.

Въ „Опытахъ“ есть нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о часто-встрѣчаемомъ недовольствѣ своимъ удѣломъ; съ большою мудростью проникнутъ также смыслъ такъ называемыхъ — незаслуженныхъ страданій. Мы предложимъ нѣкоторыя изъ нихъ вашему вниманію. Эмерсонъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, умѣя затронуть живой вопросъ, касающійся и волнующій всѣхъ, умѣетъ и дать на него возможно-удовлетворительный отвѣтъ; то есть, пригласить насъ бросить высоко-религіозный и фи-

лософическій взглядъ на непонятныя, но несомнѣнно мудрыя условія, которымъ подчинены „скитальцы планеты, покоящейся на преданіяхъ, имъ и довременныхъ и чуждыхъ“.

„То, что мы называемъ безвѣстною долею, ничтожною средою, можетъ быть долею и средою, къ которой-бы съ радостью приблизилась поэзія, и которую вы сами можете сдѣлать и славною и завидною: освойтесь только съ своимъ геніемъ и говорите искренно то, что думаете. — — Несмотря на разницу положенія, будемъ брать примѣръ съ царей. Обязанности гостепріимства, семейныя связи, думы о смерти и о множествѣ другихъ предметовъ озабочиваютъ мысли царей. Да озабочивается ими и всякій царственный умъ: придавать этимъ вещамъ все болѣе цѣны и значенія, вотъ возвышеніе“.

...„Много уходитъ времени, пока мы узнаемъ до чего мы богаты. Мы готовы божиться, что исторія нашей жизни лишена всякой занимательности: нечего было замѣчать, не въ чемъ добраться толку. Но годы большаго умудренія обращаютъ насъ къ покинутымъ воспоминаніямъ прошедшаго; изъ этого волшебнаго озера выловляемъ мы то ту, то другую драгоцѣнность и доходимъ до убѣжденія, что даже біографія этого вертопраха есть только сокращенное истолкованіе сотни томовъ всемірной исторіи“.

...„Если наше сердце переполняется восторгомъ, слушая повѣствованіе о твердости души такого-то Грека, о величіи такого-то Римлянина, это знакъ, что подобныя чувства уже сдѣлались доступны намъ самимъ. Дивные образы Перикла,

Колумба, Баяра, носясь предъ нашимъ воображеніемъ, не доказываютъ-ли намъ, до какой степени мы опошляемъ нашу жизнь, безъ всякой надобности, тогда какъ, живя всею глубиною жизни, мы украсили-бы наши дни великолѣпіемъ, болѣе нежели царскимъ, болѣе нежели патріотическимъ, присовокупивъ къ тому дѣйствія по такимъ началамъ, которыя касались-бы и человѣчества и природы во все продолженіе нашего существованія на землѣ.

... „Тогда выясняется предъ нами обязанность сознать, съ первыхъ шаговъ и отъ первой ступени лѣстницы восхожденія, что однѣ предразсудочныя мнѣнія, по одной своей привычкѣ, все обусловливаютъ временемъ, мѣстомъ, пространствомъ, числомъ. — И зачѣмъ словамъ: Греція, — Римъ, — Востокъ, — Италія такъ сильно потрясать нашъ слухъ? Будемъ лучше стараться о томъ, чтобы въ нашемъ, повидимому, тѣсномъ жилищѣ, на нашей еще незнаменитой родинѣ, устроить храмину, достойную вмѣщать великихъ посѣтителей. Поймемъ наконецъ и прочувствуемъ, что тамъ, гдѣ жива душа, туда нисходятъ и музы и боги, а не на такое-то мѣсто, ознаменованное географическимъ положеніемъ. Этотъ фактъ важенъ! Обопритесь на него.

... *Старость*, *время*, *пространство* ничто иное, какъ мѣрила, совершенно противоположныя сущности души. Мы доходимъ до убѣжденія, что есть молодость, что есть старость — другія, независимыя отъ числа годовъ нашей жизни. Въ отношеніи нѣкоторыхъ идей, мы всегда молоды, и вѣчно останемся такими. Къ этому числу принадлежитъ идея о красотѣ всемірной и вѣчной. Созерцая

ее, человѣкъ удостовѣряется, что она достояніе вѣковъ безграничныхъ, а не существованія земнаго.

...Природа не любитъ отжившаго, и дѣйствительно одряхлѣніе кажется мнѣ одною положительною болѣзнью: въ немъ скопляются онѣ всѣ. Мы называемъ ихъ разными именами: горячкою, невоздержаніемъ, сумашествіемъ, идіотизмомъ, но замѣтьте, какъ въ своемъ характерѣ онѣ сходны съ дряхлостью. Онѣ, какъ и она любятъ неподвижность, холю, присвоеніе всего себѣ, лѣность — а не освѣжающую новизну, не самопожертвованіе, не порывъ, увлекающій впередъ. — Волосы наши сѣдѣютъ, но я не нахожу никакой надобности дряхлѣть намъ самимъ. Нѣтъ! сдѣлайте изъ себя орудіе Св. Духа, храните любовь, воздѣлывайте истину, и взоръ вашъ поднимется, морщины разгладятся; васъ окрылитъ еще надежда; вы станете бодры и крѣпки. — Всякій разъ, когда мы бесѣдуемъ съ тѣми, кто выше и лучше насъ, мы юнѣемъ, а не старѣемся.

... Характеръ уменьшаетъ ѣдкость личныхъ ощущеній, украшаетъ опредѣленный текущій часъ, одушевляетъ бодростью и окружающихъ, указывая имъ, сколько есть еще на землѣ достойнаго и превосходнаго, о чемъ они и не помышляли.

...Всякая дѣятельность умственныхъ способностей тоже освобождаетъ насъ въ нѣкоторой степени изъ-подъ власти времени. Въ моей болѣзни, въ моемъ изнеможеніи, дайте мнѣ глубокую мысль или живую волну поэзіи, и я

освѣженъ; откройте предо мною томъ Платона или Шекспира, и чувство безсмертія сказывается моему сердцу. —

...Посмотрите, до чего величіе и божественность мысли стираетъ во прахъ вѣка, тысячелѣтія и живетъ помимо ихъ, теперь, въ этотъ самый часъ. Ученіе Христово менѣе-ли производитъ дѣйствіе въ наше время, чѣмъ въ тѣ дни, когда Онъ впервые изрекъ Свое божественное слово?"

О нашихъ превратностяхъ:

„Пока насъ не потерзаютъ и не пожалятъ, пока вражіи силы не пустятъ въ насъ своимъ зарядомъ, въ насъ не пробуждается то благородное негодованіе, которое привыкаетъ искать себѣ обороны въ мощи духа. Великому человѣку очень-бы хотѣлось оставаться маленькимъ человѣкомъ. Пока онъ лежитъ на пуховикахъ удачи и приволья, онъ дремлетъ, — засыпаетъ. Но когда его примутся толкать, бить, колоть — пинки преподадутъ ему урокъ, и онъ отрезвится, возмужаетъ. Ему станутъ знакомы и обстоятельства и его собственная неопытность; онъ излечится отъ безумныхъ мечтаній, пріобрѣтетъ смышленность и настоящую разумность".

...„Могущество человѣка въ немъ самомъ; надобно поступать по этому правилу. Къ чему обуреваться то страхомъ, то надеждою? Его природѣ ввѣрены прочныя блага; онѣ надѣлены возможностью умножаться и усиливаться во все продолженіе жизни; блага-же случайныя могутъ возрасти и опасть какъ осенніе листья. Станемъ ими

играть, бросать ихъ на всѣ вѣтры, какъ мгновенный признакъ неистощимости нашей производительной силы“.

...Душѣ неизвѣстны ни безобразіе ни муки. Еслибы въ часы свѣтлыхъ провидѣній, въ тѣ часы, когда духъ вполнѣ владѣетъ своимъ величіемъ, — намъ привелось изречь сущую истину, мы вѣроятно-бы сознались, что мы не понесли никакой невознаградимой утраты. Такіе-то часы убѣждаютъ насъ, что намъ невозможно потерять ничего изъ истинно-важнаго. Бѣдствія, лишенія — это все частности; цѣлое остается неприкосновеннымъ въ нашей душѣ. Признаемся, что есть нѣсколько преувеличенія въ разсказахъ людей самыхъ терпѣливыхъ и самыхъ жестоко испытанныхъ; признаемся, что, можетъ быть, никто въ мірѣ не описалъ своихъ страданій такъ просто и правдиво какъ-бы это слѣдовало. Въ сущности, въ насъ изнемогало, въ насъ обуревалось конечное, между тѣмъ какъ безконечное покоилось въ своемъ улыбающемся безмятежіи. —

...Перемѣны, въ небольшихъ промежуткахъ нарушающія житье-бытье людей, суть увѣщанія природы, по законамъ которой, всему надлежитъ расти и развиваться. Увлекаемая этою основною необходимостью, каждая душа бываетъ по-временамъ принуждена измѣнять свой бытъ, свой кругъ друзей, свои мнѣнія и свои вѣрованія; такъ черепокожныя покидаютъ отъ времени до времени свои красивыя раковины, сдѣлавшіяся тѣсными и задерживающія ихъ ростъ; должно съизнова приниматься за медленное устройство новаго известковаго жилища. Учащеніе такихъ переворотовъ соотвѣтствуетъ бодрости силъ индивидуума: они

безпрерывны для нѣкоторыхъ счастливцевъ; въ такомъ случаѣ, всѣ ихъ внѣшнія отношенія имѣютъ просторъ и, не касаясь того, что̀ составляетъ ихъ истинную жизнь, облегаютъ ихъ тонкою прозрачною плевою, а не сдавливаютъ тяжелымъ неуклюжимъ зданіемъ, построеннымъ въ разныя поры, безъ толку и безъ цѣли, подобнымъ тѣмъ, въ которыхъ мается бо̀льшая часть людей.

„Человѣческая природа эластична; она способна возобновляться такъ, что сегоднишній человѣкъ едва можетъ узнать своего вчерашняго себя. И такова должна-бы быть лѣтопись жизни человѣка въ его отношеніяхъ къ временному: ежедневное высвобожденіе изъ подъ тѣснинъ отжитаго, сходное съ ежедневною перемѣною одежды. Но для насъ, живущихъ съ такою нелѣпостью, тупо и упрямо уставляющихся на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ; — для насъ, противодѣйствующихъ, а не содѣйствующихъ божественнымъ призывамъ, нашъ ростъ сопровождается потрясеніями и припадками.

„И намъ-ли разстаться съ нашими друзьями, намъ-ли выпустить изъ объятій нашихъ ангеловъ? — И намъ-ли замѣтить, что если скроются ангелы, то ихъ мѣсто заступятъ архангелы!... Всѣ мы, идолопоклонники старины. Мы не вѣримъ въ сокровища души, въ ея могущество, въ ея вѣчное бытіе. Мы не вѣримъ, что въ мірѣ есть сила, могущая войти въ соперничество съ тѣмъ, что̀ казалось намъ прекрасно вчера; что въ мірѣ есть — сила обновленія. Мы не можемъ рѣшиться покинуть тѣ ветхіе шатры,

гдѣ нашли питье, ѣду, кровъ и радости; мы не можемъ увѣровать, что духъ промыслитъ для насъ въ другомъ мѣстѣ кровъ, пропитаніе и опору. Мы не можемъ вообразить себѣ ничего милѣе, дороже, слаще извѣданнаго. Но напрасно усаживаемся мы и начинаемъ плакать. Голосъ Всемогущаго говоритъ намъ: Встань и иди! — Оставаться среди развалинъ нельзя, ступить впередъ страшно; — и похожи мы на какія-то чудовища, идущія впередъ, съ головою обороченною назадъ.

„Но время настаетъ, и самому нашему разуму становятся понятны воздаянія, слѣдующія за бѣдствіями. Болѣзнь, увѣчье, потеря друзей и состоянія, на первыхъ порахъ, кажутся намъ несчастіемъ, и неисправимымъ и ничѣмъ необлегчимымъ. Но годы неминуемо растолкуютъ намъ глубокій смыслъ врачества, скрытаго подъ такими испытаніями. — Смерть, лишающая насъ друга, брата, жены, возлюбленнаго, современемъ являетъ ихъ намъ подъ видомъ добраго генія, вѣрнаго руководителя. Подобныя потери, всегда производя въ жизни нѣкоторый переворотъ, полагаютъ конецъ эпохѣ дѣтства или молодости, которымъ уже настала пора прекратиться; онѣ выводятъ насъ изъ застоя привычекъ, устарѣвшаго образа жизни, занятій и даютъ намъ возможность вступить въ новыя отношенія, которыхъ несомнѣнная важность и благодѣтельное на насъ вліяніе, обнаружатся въ будущемъ. И тогда мужчина или женщина, которые остались-бы похожи на садикъ, гдѣ есть и цвѣты и солнце, но гдѣ отъ тѣсноты, корни деревъ переплетаются, а вершины сохнутъ отъ сол-

попека, — благодаря паденію ограды, дѣлаются подобны величественному банану, принимающему подъ свою сѣнь и питающему своими плодами безчисленное множество людей.

„Земной шаръ въ глазахъ Божьихъ, — не иное что̀ какъ прозрачный законъ, а не сплошная и стоячая масса фактовъ“. Эмерсонъ былъ допущемъ снять густое покрывало съ этой стоячей и сплошной массы, и увидѣлъ повсемѣстную дѣятельность и незыблемость *нравственныхъ законовъ*. Ихъ ходъ строенъ и неуклоненъ, не менѣе теченія небесныхъ свѣтилъ. Они ограждаютъ незримый міръ нашей души; на каждомъ шагу служатъ опорою своему блюстителю и обличаютъ ихъ пренебрежителя; они свершаются и торжествуютъ всюду. Свидѣтельство о нихъ всего поразительнѣе выражено въ „Возмездіи;“ позвольте мнѣ однако, представить нѣкоторыя черты изъ ихъ проявленій и въ другихъ отношеніяхъ. Основаніемъ всего нравственнаго, даже великаго и прекраснаго, кладетъ Эмерсонъ: честность и правду въ словахъ и поступкахъ, доброе расположеніе въ намѣреніяхъ, искренность и чистоту въ духѣ дѣйствій.

„Всякое дѣйствіе эластично до безконечности, и смиреннѣйшее изъ нихъ способно проникнуться отблескомъ небесъ.— —И во-первыхъ, будемъ исполнять свои обязанности! Какая мнѣ стать углубляться въ дѣянія великихъ римлянъ и грековъ, когда я, такъ сказать, не умылъ еще своей хари и не оправдалъ себя предъ моими благодѣтелями?

Какъ смѣть мнѣ зачитываться о подвигахъ Вашингтона, когда я не отвѣчалъ еще на письма моихъ друзей?"

„Сколько словъ и обѣщаній оказываются обѣщаніями салоновъ, тогда какъ онѣ должны-бы быть непреложны, какъ приговоръ рока".

„Люди вѣтреные, непредусмотрительные, всюду опаздывающіе или являющіеся не впопадъ, портятъ болѣе нежели свои дѣла: они портятъ нравъ тѣхъ, кто имѣетъ съ ними дѣло.

„Всякое нарушеніе истины есть не только нѣкоторый родъ самоубійства для души, свершающей такое преступленіе, оно есть, притомъ, ударъ кинжала въ самое сердце человѣческаго общества.

„Мы вымыслили очень громкія слова для прикрытія нашей чувственности; но никакой талантъ въ мірѣ не можетъ облагородить привычекъ невоздержанія. Даровитые люди дѣлаютъ видъ, что нарушеніе чувственныхъ законовъ считаютъ пустяками, въ сравненіи съ своимъ благоговѣніемъ къ искусству; но искусство вопіетъ за себя и уличаетъ ихъ, что никогда не наставляло ни на кутежъ, ни на развратъ, ни на наклонность собирать жатву тамъ, гдѣ ничего не было посѣяно. Искусство ихъ понижается съ каждымъ пониженіемъ нравственности; умаляется отъ каждой погрѣшности противъ здраваго смысла. Презрѣнныя основы отмщаютъ своимъ презрителямъ, и презиравшій малыми вещами погибнетъ отъ несравненно малѣйшихъ".

„Когда убѣдимся мы, что вещь, сказанная словами, ни-

сколько ими не утверждена. Она утверждается сама собою, по своей внутренней цѣнности; не то, никакія риторическія фигуры—правдоподобія и словопренія, не придадутъ ей характера неоспоримой очевидности. Только жизнь порождаетъ жизнь. — —Я не думаю, чтобы доводы, не трогающіе меня за живое, не касающіеся сущности моего бытія, могли чрезвычайно поразить другихъ людей. — — Писатель, извлекающій свои сюжеты изъ всего, что жужжитъ вокругъ ушей, вмѣсто того, чтобы выносить ихъ изъ своей души, долженъ-бы знать, что онъ потеряетъ гораздо болѣе чѣмъ выиграетъ. Когда его друзья и половина публики откричитъ: что̀ за поэзія!—что̀ за геній! —вслѣдъ затѣмъ окажется, что это пламя не распространяетъ никакой живительной теплоты. Не шумные чтецы только-что появившейся книги устанавливаютъ ея окончательный приговоръ; его изрекаетъ публика неподкупная, безстрашная, неподвластная пристрастію; публика похожая на небесное судилище. — —Блекморъ, Коцебу, Поллоксъ могутъ продержаться одну ночь, но Моисей и Платонъ живутъ вѣчно.

. . . Точно также, по глубинѣ чувства его внушившаго, можетъ быть разочтено впечатлѣніе, производимое поступкомъ.

„Мать всякаго подвига есть мысль, и самая плодотворная дѣятельность совершается въ минуты безмолвія. Не шумные и не видные факты—женитьбы, выбора и снисканія должности, поступленія на службу—кладутъ на нашу жизнь неизгладимый отпечатокъ; его производитъ тихая дума, посѣтившая насъ во время прогулки,—у опушки лѣ-

са, на окраинѣ дороги, —дума, которая обозрѣвъ всю нашу жизнь, даетъ ей новый оборотъ, говоря: „Ты поступилъ такъ, а лучше-бы поступить иначе“.—Такой обзоръ, или лучше сказать, такое исправленіе предъидущаго, есть сила неизмѣнная; она похожа на толчокъ данный тѣлу, но она направлена на нашу внутреннюю жизнь и сопутствуетъ ей до послѣднихъ предѣловъ“.

„Человѣка постоянно мудраго нѣтъ; неперемѣжающаяся мудрость существуетъ только въ воображеніи стоиковъ. Возвышенность надеждъ и ожиданій — вотъ почему познается мудрецъ, потому что предугаданіе сокровищъ вселенной есть залогъ вѣчной юности“.

„Наша жизненная стихія — истина; но если человѣкъ вперитъ вниманіе на одинъ изъ частныхъ видовъ истины, и долго и исключительно посвятитъ себя на разсмотрѣніе одного этого вида, — истина становится не истиною; она развинчивается, она дѣлается похожа на ложь. Какъ несносны френологи, граматики, фанатики политическіе и религіозные, вообще всякій смертный, обуянный одною идеею и потерявшій отъ нея равновѣсіе разсудка. Это уже начало безумія. Каждая мысль можетъ стать темницею“.

„Природа человѣка симертична; она не любитъ ни односторонности ни крайностей. Добрый человѣкъ долженъ быть въ то-же время и человѣкомъ мудрымъ, и великій политикъ — человѣкомъ великаго простосердечія. — Поэзія и благоразуміе должны-бы быть тождественны. Еслибы эта тождественность существовала на дѣлѣ, — законо-

дателемъ былъ-бы поэтъ, и самое выспренное лирическое вдохновеніе служило-бы не поводомъ къ укору и къ оскорбленію, а къ обнародованію кодекса просвѣщенія и гражданственности, къ распредѣленію трудовъ, занятій и назначенія каждаго дня.

„Теперь, всѣ свойства непримиримо разлучены; но пора-бы имъ помириться. Возможно-ли, чтобъ благоразуміе, доставляющее внѣшнія блага, была препочтительною наукою такого-то кружка людей, между тѣмъ, какъ другой кружокъ посвятитъ себя на изученіе героизма, святости и тому подобное? — — Не знаю, убѣдятся-ли когда-нибудь въ томъ, что весь матеріальный міръ образованъ изъ одного газа, — водорода-ли то или кислорода; но міръ нравственный положительно выкроенъ изъ одно цѣлаго — недѣлимаго; начните откуда угодно, вамъ скорѣе придется удостовѣриться, что необходимо протвердить десять намъ данныхъ заповѣдей.

„Правила умственныхъ обязанностей совершенно параллельны правиламъ обязанностей нравственныхъ. Полное самоотверженіе требуется отъ мыслителя, какъ и отъ поборника святости. Мыслитель долженъ возлюбить истину: за нее отдать все на свѣтѣ и предпочесть горе и бѣдствія, если онѣ необходимы для приращенія сокровищъ его мысли.

„Геній всегда религіозенъ: онъ получаетъ больше души, нежели другіе люди и не кажется отъ того анормальнымъ, но болѣе человѣчнымъ. Всѣ великіе поэты такъ полно-человѣчны, что это достоинство превосходитъ всѣ прочія ихъ совершенства“. — — —

— — — „Ходъ событій превращаетъ въ разорительную дань самую прибыльную ложь, тогда какъ искренность оказывается наилучшею политическою мѣрою, потому, что вызывая откровенность, облегчаетъ взаимныя отношенія и превращаетъ сдѣлку въ дружбу.

„Міръ полонъ дней Страшнаго Суда. Ни одно искреннее слово не пропадаетъ даромъ, ни одно движеніе великодушія не исчезаетъ безслѣдно. — Попробуйте скрыть тайну отъ того, кто имѣетъ право знать ее, — не успѣете: сама тайна выскажется ему. — Если вы не хотите, чтобъ нѣкоторые ваши поступки были извѣстны, — не дѣлайте ихъ. Тутъ не поможетъ ни укрывательство, ни самообладаніе. Есть обличенія и во взглядѣ и въ пожатіи руки.— Зло осквернило этого человѣка и уничтожаетъ всѣ добрыя впечатлѣнія, которыя онъ еще производитъ. Не знаешь, почему нельзя ему довѣриться, но чувствуешь, что довѣриться нельзя. — — Съ другой стороны, прекрасной душѣ нѣчего опасаться, чтобы тайныя дѣла ея безкорыстія, справедливости и любви могли оставаться безъ сочувствія. Одному, по крайней мѣрѣ, человѣку извѣстно и доброе дѣло, и благородное намѣреніе, его внушившее; но онъ увѣренъ, что скромное умалчиваніе послужитъ ему лучше подробныхъ разсказовъ. Этотъ свидѣтель похвальнаго поступка — онъ самъ, его свершитель. Онъ заявилъ имъ свое благоговѣніе къ законамъ вѣчнымъ, и законы вѣчные, въ свою очередь, воздали ему невозмутимымъ миромъ и самодовольствомъ“.

„Всю жизнь мучимся мы суевѣрнымъ страхомъ, что

насъ проведутъ, обманутъ. Не бойтесь! Есть, есть третье лицо, безмолвно присутствующее при всѣхъ нашихъ сдѣлкахъ и соглашеніяхъ: оно беретъ на себя отвѣтственность за всякое условіе; оно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы всякая честная услуга получала свою надлежащую мзду. Это третье лицо — духъ нашихъ дѣйствій.

... „Ничто великое не свершается безъ восторга. Пути жизни дивны: въ обхожденіи съ нею нужна довѣренность.

... „Мы взаимно распознаемъ каковъ духъ въ каждомъ изъ насъ. Иначе какъ объяснить на чемъ основана способность отгадывать настоящій характеръ человѣка, хотя онъ ни словами ни дѣлами не обнаружилъ его? И мы до такой степени постигаемъ другъ друга, что отъ насъ не скрываются оттѣнки дѣйствій и словъ, внушенныхъ прекраснымъ побужденіемъ, или вынужденныхъ обстоятельствами.—Но кто здѣсь судія? Не умъ нашъ, не хитрость, не знаніе. Сама сущность жизни и данная ей проницательность надѣлены этимъ діагнозомъ.

... „Неразрывная связь между добромъ и природою неволитъ все и всѣхъ смотрѣть на порокъ враждебнымъ окомъ. И прекрасные законы и все существующее въ мірѣ преслѣдуютъ и бичуютъ злодѣя. Онъ болѣе, чѣмъ мы съ вами, убѣжденъ, что все на землѣ подчинено только истинѣ и добру; что на всемъ ея протяженіи нѣтъ мѣста для негодяя, нѣтъ мѣста для тайны. Преступленіе совершено, и кажется, будто по всей землѣ разостлана та легкая пелена снѣга, которая указываетъ охотнику куда пробѣжалъ заяцъ, порхнула куропатка, гдѣ скрылась бѣлка, ли-

сица. — Съ другой стороны, законъ возмездія служитъ несокрушимою опорою всякому дѣйствію чистосердечія. — Великодушный человѣкъ обладаетъ верховнымъ благомъ, которое, какъ огонь, все очищаетъ и все заставляетъ являться въ настоящемъ видѣ, такъ что ничто не въ силахъ ему повредить. Различныя бѣдствія, болѣзни, обиды, нищета, дѣлаются его благопріятелями: „*Воды приносятъ, вѣтры навѣваютъ мужу добра — силу, бодрость, превосходство; а между тѣмъ, сами по себѣ, воздухъ и вода — ничто*".

... „Вообще, всякое несчастіе, неодолѣвшее насъ, становится нашимъ благодѣтелемъ. — — Мы вбираемъ въ себя силу искушенія, которое мы превозмогли: такъ житель Сандвичевыхъ-Острововъ думаетъ, что въ него входятъ крѣпость и отвага убитаго имъ непріятеля.

... Не по деспотическому опредѣленію, а вслѣдствіе условій человѣческой природы, лежитъ покрывало на завтрашнемъ днѣ. Оно пріучаетъ дѣтей земли довольствоваться днемъ настоящимъ, сдерживать недостойную пытливость, жить и трудиться, трудиться и жить, предавая себя теченію времени, которое внесетъ насъ въ глубокія тайны вѣчности и природы. Душа предлагаетъ намъ на изученіе одну задачу: причины и послѣдствія. Упражняясь въ ней, въ трудѣ и въ жизни, мы незамѣтно вступимъ въ новый кругъ отношеній, гдѣ вопросъ и отвѣтъ уже безразличны.

... Въ нравственномъ чувствѣ заключается залогъ и умственнаго усовершенствованія. Люди, освоившіеся съ

смиреніемъ, съ справедливостью, съ истиною, съ жаждою лучшаго, уже стоятъ на выси, до которой не достигаютъ ни науки и искусства, ни краснорѣчіе и поэзія, ни ловкость и дѣятельность. Нравственная чистота идетъ впереди этихъ благовидныхъ отличій, которымъ мы придаемъ столько цѣны. — Добрыя, простыя души, будто вслѣдствіе неразлучной способности парить, возносятся не къ такому-то роду добра, но къ сути всякаго добра, приближаясь къ Вседержителю. — Сердце простодушное и ввѣрившее себя Всевышнему уже состоитъ въ связи со всемъ что сотворилъ Онъ и достигаетъ до божественнаго поприща, не смотря на своеобразность первоначальныхъ способностей и познаній, потому что возвысясь до перваго и первенствующаго факта любви божественной, мы изъ далекихъ предѣловъ внѣшней окружности мгновенно переносимся въ самое средоточіе вселенной; оттуда обозрѣваемъ мы причины и начала, оттуда царимъ надъ всемъ созданнымъ, которое есть ничто иное, какъ слабое и тусклое отраженіе дѣйствительности.“

... „Однимъ повиновеніемъ законамъ высшимъ, можемъ мы достигнуть праведности и героизма. Вѣра и любовь, или лучше сказать, вѣрующая любовь, одна въ состояніи облегчить невыносимое бремя заботъ и раздумій. — О братья мои, Богъ существуетъ! Въ средоточіи вселенной есть Духъ, который дотого царитъ надъ всемъ человѣчествомъ, что никто не нарушитъ порядка міроправленія. Этотъ Духъ до того преисполнилъ все созданное неизочтимыми благами, что слѣдуя Его велѣніямъ, мы благоденствуемъ; если-

же ищемъ нанести вредъ Его созданіямъ, наши руки опускаются онѣмѣлыми, или раздираютъ собственную грудь нашу. Весь ходъ вещей, весь ихъ порядокъ научаетъ насъ вѣрить. Намъ нужно только повиноваться".

Возмездіемъ доказывается кругообразное свойство каждаго человѣческаго дѣйствія. — Еще съ дѣтства — говоритъ Эмерсонъ — мнѣ хотѣлось написать кое-что объ этомъ предметѣ, о которомъ жизнь поучаетъ насъ лучше, нежели богословіе. Недавно, опять возбудилось во мнѣ это желаніе, по случаю проповѣди, въ которой излагалось, что нечестивцы имѣютъ здѣсь дома, деньги, а праведники живутъ въ нищетѣ, въ пренебреженіи, но пусть подождутъ: ихъ ожидаетъ вознагражденіе. Чѣмъ? — не капиталами-ли, не шампанскимъ, не страсбургскими-ли пирогами?

„Если награда добрыхъ состоитъ въ назначеніи благословлять и молиться, любить людей, помогать и служить имъ, такъ не тоже-ли дѣлаютъ они и теперь?.. Но ослѣпленный проповѣдникъ, вмѣсто того, чтобы поставить человѣка лицомъ къ лицу съ вѣчною Истиною, вмѣсто того, чтобы показать какими сокровищами можетъ обогатиться душа, какимъ могуществомъ окрылиться благая воля, ставилъ предъ Судилище — мертвецовъ, и на этомъ основаніи водружалъ два знамени: для добра и для зла, для успѣха истиннаго и подложнаго". — „Вѣрованіе въ возмездіе, продолжаетъ онъ, могло-бы указать людямъ одинъ изъ лучей Божества, вездѣсущее присутствіе Міроправи-

теля; такое вѣрованіе могло-бы наполнить душу человѣка моремъ любви и приблизить его къ достойному сообщенію съ Тѣмъ, Который былъ, есть и будетъ. Оно могло-бы сдѣлаться путеводною звѣздою, и въ часы мрака, на трудныхъ путяхъ жизни, предохраняло-бы насъ отъ многихъ заблужденій, даже отъ погибели".

...Все во вселенной проникнуто нравственнымъ началомъ. Эта сила всемогуща. Все существующее въ природѣ чувствуетъ надъ собою ея власть: *она въ мірѣ, и міръ чрезъ нея произошелъ.* Она вѣчна, она не медлитъ правосудіемъ и неуклонно держитъ вѣсы между всѣми отдѣлами жизни: „боги всегда остаются въ выигрышѣ". — Каждый поступокъ уже содержитъ въ себѣ свою реакцію или, говоря иначе, каждый поступокъ совершается подъ двоякимъ видомъ: во-первыхъ, *въ сути*, т. е. въ своей дѣйствительной природѣ; во-вторыхъ, *въ фактѣ* или въ природѣ мнимой, кажущейся. Люди называютъ возмездіемъ — фактъ, тогда какъ *безпосредственное* возмездіе неразлучно съ сутью и видимо только душѣ.

...Законъ возмездія правитъ странами и народами, и ни одна его іота не уклоняется отъ своей цѣли. Противъ него тщетно злоумышлять, строить козни, придумывать средства обороны: сама суть вещей не поддается продолжительному дурному руководству. Гибельный произволъ, пошлая искусственность не благословляются долготою дней. —Бѣдствія, причиненныя зломъ, могутъ быть скрыты, но онѣ существуютъ и непремѣнно выйдутъ наружу. — Раны, нанесенныя обидою, могутъ выказаться долго послѣ

обиды, но онѣ выкажутся, потому что это обида положительно нанесла ихъ.

... „Проступокъ и кара растутъ на одномъ стеблѣ. Кара—это плодъ, который. самъ того не зная, срываетъ виновный, въ одно время съ цвѣткомъ наслажденія, прикрывающимъ плодъ. Причина и послѣдствіе, средство и конецъ, сѣмя и плодъ, — ничто изъ этого не можетъ быть разрознено одно съ другимъ, потому что послѣдствіе уже содержится въ причинѣ, конецъ предсуществуетъ въ средствѣ, а плодъ въ сѣмени.

„А между тѣмъ, мы, тогда какъ міръ силится воспроизвести единство и удержать его неприкосновенность, мы пытаемся дѣйствовать частями, отрывками; все разрознить, всюду прибрать къ рукамъ то одно, то другое. Въ угоду чувственности мы отдѣляемъ, напримѣръ, матеріальное наслажденіе отъ потребностей сердца и ума; и наша наивность все тщится разрѣшить задачу,—какъ-бы похитить чувственную усладу, чувственное могущество, чувственный блескъ, помимо нравственнаго наслажденія, нравственной твердости и нравственной красоты.

... „Душа говоритъ: ѣсть надобно, — и тѣло задаетъ себѣ пиры. Душа говоритъ: мужчина и женщина составятъ одну плоть, одинъ духъ, — а тѣло соединяется съ одною плотью. Душа говоритъ: властвуй надъ всѣмъ, для торжества добра, — а тѣло похищаетъ власть, для порабощенія всего своимъ цѣлямъ. —Сильно борется душа наша за то, чтобъ жить, чтобъ дѣйствовать, наперекоръ всѣхъ

противопоставляемыхъ препятствій. Этотъ фактъ долженъ-бы сдѣлаться нашимъ единственнымъ руководителемъ, и тогда-бы все прочее возсоединилось и спаялось: и могущество, и радости, и знаніе, и красота. Но какъ поступаемъ мы? Нѣтъ такого индивидуума, который-бы не особился и не искалъ во всемъ себя; онъ торгуетъ, ѣздитъ верхомъ, наряжается, пируетъ, правитъ міромъ — на показъ. И какъ не возвеличать себя людямъ! Какъ не гоняться имъ за богатствомъ, за властью, за саномъ, за знаменитостью, тѣмъ скорѣе, когда они мнятъ, что сдѣлавшись сильны и богаты, они станутъ вкушать въ мірѣ однѣ сласти и обойдутъ другую его сторону — горечь. Но законъ природы не поддается такому дѣлежу, и приходится признаться, что отъ начала міра даже до сего дня, ни одинъ подобный посягатель не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Лишь только мы попробуемъ выдѣлить себѣ часть изъ цѣлаго, то наберемъ себѣ удовольствій — безъ удовольствія, доставимъ себѣ выгоды — невыгодныя, облечемъ себя властью — невластвующею".

. . . „Жизнь наша обставлена условіями, которыхъ обойти нельзя, и которыя глупцы стараются обойти. Они хвастаются тѣмъ, будто подобныя условія имъ неизвѣстны и до нихъ не касаются; но ихъ похвальба на однѣхъ только устахъ, между тѣмъ какъ душа ихъ испытываетъ весь фатализмъ этихъ постановленій. Если они увернутся отъ нихъ съ одной стороны, то будутъ задѣты ими съ другой, и въ самое живое мѣсто. Если они, повидимому, выскользнули совершенно, это знакъ тотъ, что въ нихъ погублена

настоящая жизнь, что они продали, предали самихъ себя, и тогда, карою имъ — окончательное омертвѣніе. Велика ошибка домогаться какихъ-бы то ни было благъ, помимо неразлучныхъ съ ними обязанностей: лучше и не приниматься за невозможное осуществленіе. Если-же безуміе вовлечетъ кого въ подобную попытку, тогда, противозаконность *возстанія* и *хищенія* немедленно и неотвратимо ведетъ за собою помраченіе чистаго разума: человѣкъ перестаетъ видѣть Бога во всей Его полнотѣ, въ каждомъ изъ предметовъ; эти станутъ представлять ему тогда одну чувственную приманку, а онъ будетъ лишенъ способности распознать въ то-же время невыгодную сторону такихъ приманокъ. Онъ увидитъ голову сирены, хвоста-же дракона не увидитъ и возмечтаетъ, что добылъ то, что̀ ему хотѣлось и отвязался отъ того, что̀ не было ему въ угоду. „О какъ таинственны пути твои, живущій на небесахъ, Господи! Неустанныя судьбы твои наводятъ слѣпоту на глаза людей, предающихъ себя необузданнымъ влеченіямъ“. *(Блаженный Августинъ).*

. . . „Со всякаго излишества, со всякаго злоупотребленія видимо и невидимо взимается пеня. Какова чистая прибыль человѣка, получившаго сотни одолженій и не оказавшихъ ни одного? — (Это считаетъ Эмерсонъ единственною *мерзостью* во вселенной), или что̀ пріобрѣлъ этотъ лѣнтяй, тотъ хитрецъ, пробавляющійся вещами, лошадьми, деньгами своего сосѣда? — Не тотчасъ-ли образуется неравенство отношеній? съ одной стороны обозначается зависимость, съ другой — превосходство; и часто приходит-

ся убѣждаться, что лучше-бы отбить себѣ ноги о мостовую, чѣмъ влѣзать въ кареты добрыхъ людей.

...Платите за все, не то, рано или поздно, придется выплатить долгъ сполна. Люди и событія могутъ протѣсниться между вами и правосудіемъ, но это только на время: вы все-таки должны будете расквитаться.

...„Вслѣдствіе незыблемаго дѣйствія и противодѣйствія, все имѣетъ свою двоякую сторону, и обманъ не удерживается нигдѣ. — Воръ обкрадываетъ самого себя, мошенникъ плутуетъ надъ самимъ собою, потому что подлинная чистая плата за трудъ, это добро и знаніе; наружнымъ признакомъ служитъ имъ — благосостояніе и общественное довѣріе. Конечно, эти признаки можно украсть и поддѣлать, какъ фальшивыя ассигнаціи, однакоже, того что̀ онѣ представляютъ, т. е. добра и знанія не украдешь, не поддѣлаешь. Эта цѣль труда достигается только дѣйствительнымъ упражненіемъ способностей духа и повиновеніемъ побужденіямъ чистымъ и безкорыстнымъ. — Плуту, игроку, тунеядцу-ли захватить эти блага, это пониманіе природы физической и нравственной, которыя даются рачительности и неутомимости добросовѣстнаго труженика? Законъ природы таковъ: соверши это дѣло, и ты обогатишься силою, скрытою въ немъ; у тѣхъ-же, которые дѣла не дѣлаютъ, откуда возмется ихъ сила!

...„Мы ошибочно думаемъ, что зло не получаетъ здѣсь своей мзды, потому что преступникъ упорствуетъ въ своемъ порокѣ и не сознается въ своей карѣ, потому что видимый судъ рѣдко надъ нимъ совершается, потому что ни

предъ ангелами, ни предъ человѣками онъ не расторгаетъ гласно своей связи съ злоупотребленіемъ. Но чѣмъ болѣе таитъ онъ въ себѣ лжи и коварства, тѣмъ болѣе утѣсняетъ свое настоящее бытіе, и рано или поздно, уличеніе въ дурныхъ дѣлахъ сдѣлается ясно и для его пониманія; мы можемъ не видать этого, но мертвящія слѣдствія зла лягутъ вѣрнымъ итогомъ на счетахъ вѣчнаго правосудія".

... „Мы сказали, что за всякое благо внѣшнее платить слѣдуетъ—(заботами, тяжелою отвѣтственностью и проч.) — и если оно досталось вамъ незаслуженно, безъ поту и труда, то можетъ и исчезнуть при первомъ дуновеніи вѣтра. Тѣмъ не менѣе, всѣ блага, какія только есть въ мірѣ, принадлежатъ душѣ и могутъ быть куплены на монету, подлинную, узаконенную, отчеканенную и пущенную въ оборотъ самою природою, то есть, цѣною труда, отъ котораго не отопрется ни наше сердце ни голова.

... „Но, за вѣчныя блага добра и мудрости не взимается никакая пошлина. Мы не покупаемъ цѣною какого-бы то ни было лишенія нашихъ пріобрѣтеній духовнаго усовершенствованія. — Не положена пеня за добро и его дѣйствія; не положена пеня за мудрость: добро и мудрость — ничто иное какъ придатокъ вѣчнаго Естества къ отдѣльному естеству человѣка. — Въ любви, въ знаніи, въ красотѣ не можетъ быть излишества, когда созерцаешь эти свойства и эти дары въ ихъ чистѣйшей сущности. — *Я есмь*, въ точномъ смыслѣ слова, тогда какъ свершаю то или другое дѣло добра; такимъ дѣйствіемъ я распространяю свѣтъ, я вношу побѣдоносное знамя въ предѣлы

хаоса и ничтожества, и вижу какъ мгла рѣдѣетъ на небосклонѣ“.

Убѣжденіе въ безграничномъ усовершенствованіи изложено въ Опытѣ, названномъ *Круги*. Въ немъ разсматривается другой порядокъ отношеній, по которому каждое дѣйствіе и свойство человѣческое превосходится другимъ. Вотъ главныя мысли, касающіяся этого предмета.

„Жизнь наша есть ничто иное, какъ умудреніе въ школѣ Истины. Каждое дѣйствіе можетъ быть превзойдено другимъ; — около каждаго круга можно обвести другой. Въ природѣ нѣтъ конца; всякое окончаніе есть новое начинаніе; подъ каждою глубиною открывается глубина еще большая.

„Первый кругъ — нашъ зрачекъ, второй — горизонтъ имъ обнимаемый. Это самое основное очертаніе воспроизводится до безконечности во всей природѣ, и мы въ продолженіе всей жизни изучаемъ по складамъ безпредѣльный смыслъ этого первоначальника всѣхъ формъ. — Онъ символизируетъ нравственный фактъ усовершенствованія вѣчнопривлекательнаго и никогда недосягаемаго. — — Мы всѣ вѣримъ въ возможность, выше и лучше прежнихъ и теперешнихъ проявленій человѣческаго существованія.

„На пути своего развитія извнутри во внѣшность, какъ свѣтъ — исходящій изъ небеснаго свѣтила, какъ кремень — брошенный въ лоно водъ, душа наша безпрестанно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій и обозрѣній. Лучи ея сначала озаряютъ предметы ближайшіе: игрушки, домашнюю утварь, кормилицу, слугъ, домъ, садъ, прохо-

жихъ — словомъ, кругъ семейнаго быта; потомъ они падаютъ на науку, на знанія политическія, историческія, географическія. Но, по условію нашего бытія, все группируется около насъ по законамъ высшимъ и неотъемлемо намъ принадлежащимъ. Мало по малу, сосѣдственное, численное, привычное, личное теряетъ надъ нами свое могущество, и настаетъ пора властвованія причины и послѣдствія; пора сочувствій истинныхъ, желанія установить гармонію между потребностями души и внѣшними обстоятельствами; пора стремленій возвышенныхъ, прогрессивныхъ, идеализирующихъ все къ чему онѣ ни коснутся.

. . . „Каждаго изъ насъ Господь посѣщаетъ различными путями. Мысль зарождается въ насъ гораздо ранѣе размышленія; она ускользаетъ отъ помраченія и незамѣтно достигаетъ до яснаго свѣта дня. Въ дѣтскомъ возрастѣ, мысль принимаетъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія и уживается съ ними по-своему. Но законъ непреложный правитъ нашимъ мышленіемъ; отъ него зависятъ всѣ дѣйствія и всѣ проявленія духа. Тутъ нѣтъ словъ на-вѣтеръ и нѣтъ поступковъ на-авось. Прирожденный законъ руководитъ духъ до той поры, когда онъ самъ возмужаетъ до размышленія или, иначе, до мысли сознательной.

„. . . Ступень за ступенью мы восходимъ по таинственной лѣстницѣ; эти ступени — наши дѣйствія, и новый кругозоръ, который они предъ нами открываютъ, придаетъ намъ новое могущество. Всякое, прежде-выведенное заключеніе, бываетъ обсужено и отодвинуто назадъ заключеніемъ послѣдующимъ. Сначала, оно находится будто въ раз-

ладѣ съ нами, но въ сущности, оно только растилаетъ предъ нами новую перспективу.

„. . . Крайній предѣлъ достиженія каждаго факта, есть начало новой прогрессіи фактовъ. Всякій законъ общій, есть только одиночное проявленіе другаго всемірнаго закона, который вскорѣ долженъ обнаружиться. — Завтра можетъ воцариться мысль, которая укажетъ намъ такое небо, куда не достигали никакіе эпическіе и лирическіе полеты воображенія.

„. . . Идя впередъ, развиваясь и совершенствуясь, человѣкъ сохраняетъ, при своемъ повышеніи, всѣ пріобрѣтенія прошлаго, съ тою только разницею, что онѣ представляются ему въ другомъ видѣ. Всѣ прежнія силы остаются въ душѣ, свѣжія—какъ дыханіе утра.—Тогда-то впервые начинаешь достойно понимать все окружающее. — — Мы не понимаемъ значенія даже самыхъ простыхъ словъ, пока не научимся любить, пока не возъимѣемъ высокихъ стремленій.

„. . . Окончательной добродѣтели нѣтъ, всѣ онѣ — начинательныя.—Законъ безграничнаго усовершенствованія распредѣляетъ по ихъ мѣстамъ то, что мы называемъ этимъ именемъ: хорошее гаснетъ при свѣтѣ лучшаго. — Добродѣтели свѣтскія — пороки во святомъ. — Насъ очень пугаетъ всякое преобразованіе, отъ затаеннаго страха, что придется бросить множество такъ называемыхъ добродѣтелей въ бездну, уже поглотившую самые грубые наши пороки. — Великій человѣкъ не будетъ благоразуменъ въ простонародномъ смыслѣ этого слова; его благо-

разуміе истечетъ изъ самого его величія. — Вспомните сколько разъ и вы унижали себя дрянными расчетами, прежде чѣмъ дошли до успокоенія себя возвышенными чувствами. — Сверхъ того, вы считаете большою доблестью то, что̀ очень обыкновенная вещь въ глазахъ низкихъ земли. Бѣдные и смиренные знакомы по-своему съ новѣйшими открытіями философіи: „Счастливы маленькіе люди.“ или: „Голенькій — охъ! За голенькимъ Богъ,“ — пословицы, выражающія каковъ трансцендентализмъ ихъ ежедневнаго быта.

„... Каждый человѣкъ не столько труженикъ этого міра, сколько намекъ на то, чѣмъ онъ можетъ быть. Онъ можетъ преобразоваться, только посредствомъ новой идеи, одержавшей верхъ надъ старою, которая — бывъ произведеніемъ многихъ обстоятельствъ и постановленій — силится удержаться на вершинѣ ею избранной, чтобы окрѣпнуть и укорениться. Съ своей стороны, душа, сильная и дѣятельная, ниспровергаетъ границы, въ которой хотятъ удержать ее обстоятельства. Она чертитъ все новые круги, стремясь къ поприщамъ болѣе обширнымъ, къ безпредѣльности. Ей невозможно оставаться заключенной въ темницѣ первоначальныхъ и слабѣйшихъ впечатлѣній; она мощно порывается впередъ, — къ пространствамъ необъятнымъ и неисчислимымъ“.

Познакомимся съ нашею душою.

„Мы умѣемъ пролепетать нѣсколько словъ объ самыхъ ничтожныхъ ощущеніяхъ души; о дѣйствіяхъ привычки или впечатлѣній; но — мощь этого образцоваго произве-

денія Господня, но — совершенное единство души въ самой себѣ, но — соприкосновеніе ея ко всей вселенной, для насъ скрыты и недомыслимы. Я могу знать, что истина божественна, что она благотворна, но какимъ образомъ она освятитъ, облагодѣтельствуетъ меня самого,—это мнѣ неизвѣстно.

„...Подмѣчая то что̀ свершается съ нами, когда мы замечтаемся или разговоримся; — во время сильныхъ угрызеній и въ фантастическихъ представленіяхъ сновидѣній; — въ минуты, наконецъ, страсти и изумленія,—мы уловимъ многіе проблески, которые расширятъ и освѣтятъ разумѣніе тайнъ нашего естества. Все единогласно доказываетъ, что душа человѣческая не есть о̀рганъ, но сила — движущая о̀рганами; что она не функція, какъ память или алгебраическая сметливость, но что она употребляетъ эти функціи, какъ подвластные ей члены; — она не способность,—не свѣтъ,—не разумъ и—не воля; но владычица разума и воли, краеугольный камень нашего существа, на которомъ зиждется и разумъ и воля; однимъ словомъ, что она неизмѣрима и неподвластна здѣсь ничему.

„...Человѣкъ — это наружная сторона храма, въ которомъ можетъ водвориться все что̀ добро, все что̀ истинно. То, что мы обыкновенно подразумѣваемъ подъ словомъ — человѣкъ: это существо пьющее, ѣдящее, строющее, расчитывающее, выражаетъ себя не по нашимъ понятіямъ, и выражаетъ себя дурно.

„...Душа все идетъ впередъ, проникая въ области новыя, оставляя позади себя старыя; ей чужды и числа, и

обычаи, и частности и личности: ея усовершенствованія расчитаны не по ариѳметикѣ, но въ силу ея собственныхъ законовъ; онѣ послѣдуютъ не такой постепенности, которую можно представить продленіемъ прямой линіи, но скорѣе, поочереднымъ возвышеніемъ состоянія, сходнаго съ преобразованіемъ яица въ червяка, червяка въ мотылька. — Съ каждымъ новымъ импульсомъ, духъ раздираетъ тонкія оболочки видимаго и конечнаго, все болѣе и далѣе заходитъ въ вѣчность, и живетъ ея воздухомъ. Онъ бесѣдуетъ съ истинами, всегда возвѣщаемыми міру, и убѣждается, что сочувствіе гораздо болѣе тѣсное, соединяетъ его съ Зенономъ или съ Пиѳагоромъ, чѣмъ съ людьми, которые живутъ подъ одною съ нимъ кровлею.

„. . . Люди ведутъ пренія о безсмертіи души, о царствѣ небесномъ и о прочемъ. Они вообразили себѣ даже, что Іисусъ Христосъ далъ отвѣты на такіе именно вопросы. Но никогда, ниже на мгновеніе, Іисусъ Христосъ не нисходилъ до ихъ нарѣчія. Идея о вѣчности, и о непремѣняемости до того слита съ истиною, съ правосудіемъ, съ любовью, что Іисусъ, заботясь только о размноженіи этихъ благъ, никогда не отдѣлялъ идею вѣковѣчности отъ сути этихъ добродѣтелей. Послѣдователи Его отдѣлили идею нравственныхъ началъ отъ идеи вѣчности; стали проповѣдывать о безсмертіи души, доказывать это, защищать. Но, когда ученіе о безсмертіи души начали преподавать отдѣльно, человѣкъ уже понизился на цѣлую ступень. *Въ оны дни*, когда любили, благоговѣли и смирялись, мысль о кратковременности не могла озабочивать, и никто изъ

вдохновенныхъ святынею не дѣлалъ на этотъ счетъ вопросовъ, не унижался до требованій доказательствъ. — Душа всегда вѣрна самой себѣ: человѣкъ, преисполненный ея блаженствомъ въ настоящемъ, отброситъ-ли безконечность этого настоящаго, чтобы устремляться къ будущему и представлять его себѣ—имѣющимъ конецъ?!—

Теперь, когда нѣкоторыя воззрѣнія творца „Опытовъ“ предстали — не только, можетъ быть, — на вашъ судъ, но и на возбужденія сочувствія къ такому здравому, благонамѣренному и всегда возвышенному образу его мыслей, можно рѣшиться обратить ваше просвѣщенное вниманіе на краеугольный и на заклепный камень, завершающій сводъ ученія Эмерсона. — Среди непроницаемой мглы, со всѣхъ сторонъ сгустившейся надъ человѣкомъ, ничто благородному мыслителю не кажется за него такъ горько и обидно, какъ нерадѣніе распознать самого себя и легкомысленное вѣроломство къ своему лучшему *Я*. Когда все въ природѣ: минералы, растенія, животныя, вещества стихійныя—при приближеніи къ нимъ человѣка—выказываютъ немедленно свой отличительный характеръ и свойства, принадлежащія имъ безсовмѣстно, — какъ-же цѣлыя поколѣнія людей прошатываются по землѣ и исчезаютъ съ ея лица, ничѣмъ не отмѣтивъ своего существованія, тогда какъ не должно быть такого человѣка, кому не былъ-бы ввѣренъ оттѣнокъ, отголосокъ, крупица той или другой духовной силы, которой онъ призванъ служить и символомъ и проявленіемъ? Кое-когда случай, удача или все-

преодолѣвшее превосходство выдвинетъ изъ толпы нѣсколько отборныхъ лицъ, но и въ нихъ — какой разладъ и что̀ за неполнота! Безсмертныя существа, — одаренныя свободнымъ произволомъ, здравымъ смысломъ и духовнымъ стремленіемъ, превосходящимъ, безъ всякаго сравненія, очевидныя пользы инстинкта, — будто приняли на себя слишкомъ разнообразныя повадки стада и, разъ попавъ въ такую-то колею, идутъ по ней шагъ за шагомъ, въ какомъ-то полу-снѣ. Разбудить живую душу въ каждомъ человѣкѣ, возстановить ея преобладаніе, дѣятельность, и — разбивъ подавляющія толпы на единицы, на рѣзко или мягко-оттѣненныя личности, — каждой изъ нихъ внушить *Довѣріе къ себѣ*, вотъ исходная точка, составляющая первую главу его законоположенія. Эту опору предлагаетъ онъ, разумѣется, не для усиленія кичливости и ненасытности эгоизма, а для водворенія во всякомъ членѣ человѣческаго рода личнаго, собственно ему свойственнаго и сподручнаго, хотя чрезвычайно смиреннаго довольства, откуда можетъ наконецъ сложиться та общая гармонія, которой отзвуки уже слышатся гражданину Новаго-Свѣта.

При этомъ, почти поименномъ воззваніи къ человѣку, руководится онъ драгоцѣнною чуткостью внутреннихъ ощущеній, способствующею ему къ ясному распознанію мыслей, дѣйствій, чувствъ сознательныхъ, направляемыхъ волею и выборомъ, отъ тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя неотразимо овладѣваютъ всѣмъ бытіемъ человѣка. Онѣ мгновенно и ярко прорѣзываютъ неизгладимый слѣдъ на ду-

шѣ; даютъ теченію внутренней жизни нежданный поворотъ; беззвучно и безгласно, но неопровержимо, вносятъ новый свѣтъ въ наши воззрѣнія; наставляютъ на новые пути, и всевластно, хотя невидимою рукою отдергиваютъ многіе завѣсы и покровы. Съ помощью этой силы, опасности отвращаются, и предстоящія событія, отклоненныя или ослабленныя, распредѣляются совершенно иначе. Услѣдивъ въ своемъ и въ постороннемъ организмѣ, во множествѣ случаевъ, подлежащихъ жизни внѣшней, еще-же чаще доступныхъ самымъ сокровеннымъ нашимъ убѣжденіямъ, Эмерсонъ пришелъ къ великолѣпному и утѣшительнѣйшему удостовѣренію, что никто изъ насъ не оставленъ безъ нужныхъ пособій, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ; что *провидѣніе* или *наитіе* посѣщаетъ насъ для таинственнаго вразумленія вѣчныхъ истинъ, неуклоннаго долга и для возбужденія то той, то другой врожденной способности, призываемой къ жизни и къ дѣятельности для собственнаго нашего наслажденія, умудренія или облегченія и исправленія, и на служеніе общей пользѣ. Сверхъ того онъ такъ ясно распозналъ непреоборимые и непреложные законы, правящіе землею и ея обитателями, что для него *здѣсь* и *тамъ*—не разрывъ, а неперемежающееся продолженіе, въ условіяхъ лучшихъ и высшихъ, но съ неуклонною справедливостью и съ послѣдовательностью, истекающею изъ предварительныхъ причинъ.

Законное — можно сказать — богобоязненное довѣріе къ себѣ ослабляется подлаживаніемъ къ большинству, стойкостью и „принаровленіемъ къ обычаямъ, до которыхъ

вамъ въ сущности нѣтъ дѣла. Вотъ на что иждиваются ваши силы, вотъ что лишаетъ васъ досуга, стираетъ всѣ выпуклыя особенности вашей природы. Здѣсь, вы даете голосъ *pro* и *contro* разныхъ партій; тамъ — какъ наемный трактирщикъ -- кормите на убой друга и недруга. За всѣми такими обстановками какъ трудно распознать что вы такое на самомъ дѣлѣ, не говоря уже о тратѣ на пустяки наилучшихъ способностей вашихъ. Но совершите дѣло, по природѣ свойственное вамъ, и вы тотчасъ предъ глазами моими выдвинитесь изъ толпы; совершите такое дѣло, и оно удвоитъ первобытныя ваши силы".

„... Люди-же по сихъ поръ отправляютъ свои добрыя дѣла, то въ ознаменованіе своего мужества или своего голубинаго сердца, то, будто какъ штрафъ, наложенный на нихъ въ наказаніе за то, что они не ежедневно являются на тотъ или другой общественный парадъ. Они отдѣлываются отъ него извиненіями и взносомъ добраго дѣла, чтобъ получить дозволеніе жить. Да какая мнѣ стать извиняться, платить вамъ за то, что я живу? Жизнь дана мнѣ не на показъ вамъ, она дана мнѣ, чтобъ я жилъ ею.

„... *Подлаживаніе* — (къ извѣстному кружку, партіи, сектѣ) — не дѣлаетъ людей лживыми въ томъ или другомъ случаѣ: оно уже сдѣлало ихъ лживыми повсюду и навсегда. — Съ ними, два не два, четыре не четыре; доходитъ до того, что всякое ихъ слово становится нестерпимо, и не придумаешь чѣмъ-бы опять навести ихъ на разумъ... Кто хочетъ сдѣлаться человѣкомъ, тотъ долженъ отбросить *подлаживаніе*, кто ищетъ овладѣть пальмою

нетлѣнія, тотъ пусть не смущается названіемъ добра, а тщательно доискивается гдѣ и что̀ Добро.—Ничего нѣтъ святѣе безукоризненной честности духа.

„. . . Кромѣ подлаживанія, опасеніе другаго рода ослабляетъ въ человѣкѣ довѣріе къ себѣ, это — *стойкость*, то есть, пристрастіе къ тѣмъ нашимъ словамъ и поступкамъ, за которые люди, не обладающіе другимъ мѣриломъ, возъимѣли къ намъ почтеніе, котораго намъ лишиться жаль. — — Да зачѣмъ-же мы носимъ на плечахъ голову, безпрестанно мыслящую? — Зачѣмъ, съ другой стороны, обременяемъ себя чудовищною грудою памяти и боимся ей противорѣчить, потому что ей извѣстно, когда и какъ я выразилъ иное мнѣніе. —Мнѣ кажется—правиломъ мудрости не опираться на одну память, даже въ такихъ случаяхъ, которые относятся чисто къ воспоминанію, и что намъ, напротивъ, нужно ставить прошедшее подъ стоокій обзоръ настоящаго и жить каждымъ новымъ днемъ. — Вѣрьте движенію вашей души! — Если вы человѣкъ, высказывайте твердо и прямо то что̀ вы думаете сегодня, и столь-же откровенными словами выразите и вашу завтрашнюю мысль, не безпокоясь о противорѣчіи. Не пугайтесь, если въ разнообразіи вашихъ дѣйствій не окажется выдержки характера; довольно того, чтобы каждый вашъ поступокъ былъ честенъ и натураленъ въ свое время; если онъ таковъ, то и всѣ прочіе, не смотря на кажущееся несходство, примкнутъ къ нему въ стройности. Мнимыя неравности исчезаютъ на недальнемъ разстояніи, или на небольшой высотѣ мысли: ихъ сглаживаетъ единство напра-

вленія. Будте просты, и предшествовавшіе поступки, сдѣланные просто, оправдаютъ и теперешнія ваши дѣйствія. Хорошее прошедшее служитъ защитою и даетъ силу поступать открыто, пренебрегая мнѣніемъ постороннихъ.

„... Мы преисполнены дѣйствіями механическими. Вмѣшиваемся, Богъ знаетъ за чѣмъ, въ дѣла всего свѣта до того, что всѣ свѣтскія добродѣтели, хвалы и жертвы становятся намъ отвратительны. Дѣла любви составили-бы наше счастіе, но и на нашемъ благоволеніи лежитъ зарокъ. Тяжелы дѣлаются для насъ подконецъ и воскресныя школы и общества вспоможенія бѣднымъ. Мы скучаемъ, мы томимся и — не угождаемъ никому.

„... Если мы расширимъ горизонтъ нашего зрѣнія, то окажется, что все стоитъ на одномъ уровнѣ: изящная словесность, законодательство, житейскій бытъ, религіозныя секты, и что все это будто заслоняетъ истину.

„Замѣтимъ еще, что всѣ наши ощущенія и понятія обморочены. Большіе размѣры вынуждаютъ нашу почтительность; кромѣ того, мы такъ и присмирѣемъ при одномъ словѣ: *дѣятельность*. Это обманъ внѣшнихъ чувствъ — больше ничего. Умъ, убогій и скудный, можетъ имѣть сознаніе, что онъ ничто, если не владѣетъ какимъ-нибудь наружнымъ знакомъ отличія: квэкерскимъ платьемъ, мѣстечкомъ въ собраніи кальвинистовъ, или въ обществѣ филантроповъ; порядочнымъ наслѣдствомъ, видною должностью и т. п. удостовѣряющее его самого, что онъ нѣчто значитъ. Но умъ живой и могучій — обитатель солнца, и въ самой своей дремотѣ — властелинъ міра. Мыслить, —

значитъ дѣйствовать. — — — Мы-же называемъ бездѣйственнымъ поэта, потому что онъ не предсѣдатель, не купецъ, не водовозъ.

„...Пора-бы, наконецъ, человѣку узнать себѣ цѣну! Что-же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ какой пролазъ, подкидышъ, незаконнорожденное произведеніе этого міра, который весь принадлежитъ ему. Ему-ли прятаться и озираться по сторонамъ?

„...Вѣрь въ самого себя! чье сердце не затрепещетъ отъ рокота этой звонкой струны?

„...Каждый изъ насъ долженъ подстерегать и уловлять ту свѣтоносную искру, которая вспыхиваетъ и загорается въ его собственной душѣ; для каждаго изъ насъ это имѣетъ гораздо болѣе важности, нежели открытіе и наблюденіе цѣлаго созвѣздія поэтовъ и мудрецовъ.

„...Но, теперь мы стали настоящею черныо. Человѣкъ даже забылъ и помнить, что онъ долженъ свято чтить человѣка; душѣ его не доводится даже узнать, что ея назначеніе пребывать въ ясности и безмятежіи, и вмѣсто того, чтобы приготовлять себя къ общенію съ океаномъ духовной жизни, она нищенски вымаливаетъ кружку воды изъ водоема людей!...

„...Мы-же едва осмѣливаемся пролепетать малѣйшую частичку того, что мы есть на самомъ дѣлѣ, да и то, какъ бы стыдясь божественной идеи, которой-бы каждый изъ насъ долженъ служить глашатаемъ. Когда-же утвердимся мы въ вѣрѣ, что божественная идея всегда направлена къ цѣлямъ возвышеннымъ, и что на насъ лежитъ долгъ пере-

давать ее людямъ, со всевозможною точностью и полнотою, потому что къ трусу никогда не обращенъ призывъ на заявленіе о дѣлахъ Божьихъ. — Съ этой точки зрѣнія, нетрудно усмотрѣть, ка̀къ большее довѣріе къ себѣ и взаимная почтительность къ божественности человѣка могутъ произвести самые важные перевороты во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ, занятіяхъ, должностяхъ; ка̀къ могутъ измѣниться ихъ образъ воспитанія, складъ жизни, способы располагать имуществомъ, и всѣ условія ихъ частныхъ и корпораціонныхъ сближеній; и цѣли ихъ дѣятельности, и отвлеченныя изъисканія, и самая сущность ихъ религіи."

„. . . Мы хотѣли-бы изъяснить тѣ основныя причины, которыя должны утвердить человѣка въ довѣріи къ самому себѣ и которыя наводятъ его на открытія по части наукъ и художествъ, озаряютъ лучемъ красоты каждый его поступокъ, изъятый отъ подражательности, проникнутый естественностью".

[Здѣсь появляется средоточная, царственная мысль вдохновеннаго писателя. Отъ нея, какъ отъ солнца правды рѣдѣетъ мракъ нашего унынія и невѣдѣнія, стихаетъ тоскливый ропотъ, и мы поставлены подъ истинно-отеческое, божественное руководство во всей цѣлости нашего бытія, способностей, талантовъ, чувствъ, ума, разсудка, внѣшнихъ тягостныхъ обстоятельствъ, внутренней борьбы и недоумѣній. Эта мысль — его убѣжденіе въ духовную прозорливость человѣка и въ *наитіе*, такъ называетъ онъ всѣ пособія, предлагаемыя свыше каждому изъ насъ по одиночкѣ „начиная отъ весьма рѣдкихъ явленій восхище-

нія, восторженія и пророческаго вдохновенія до свѣтлаго вразумлѣнія и тихихъ возбужденій къ добру"].

„Не смотря на недостатокъ священныхъ словъ, мнѣ-бы хотѣлось простою рѣчью указать на небо, откуда сходитъ на насъ эта божественная сила, и облечь выраженіями мои наблюденія о непостижимой простотѣ и силѣ высочайшаго изъ всѣхъ законовъ.

„Наши изъисканія приводятъ насъ къ Источнику, вмѣщающему въ себѣ и сущность добра, и сущность генія и сущность жизни; въ силу высшаго соизволенія пробуждаются врожденныя намъ способности и стремленія. — Для отличія отъ прочихъ пособій знанія, которое есть ничто иное, какъ усвоеніе преподаваемаго метода, мы назовемъ это сообщеніе съ нами Вѣчной Премудрости—наитіемъ. Наитіе, это неизсякаемый источникъ мысли и дѣятельности; отъ него вѣетъ тѣмъ животворнымъ вдохновеніемъ, котораго нельзя отрицать безъ святотатства и безбожія.—Когда мы провидимъ что̀ такое любовь, истина, правосудіе, мы сами ни мало не содѣйствуемъ нашему духовному зрѣнію, лучи эти просто и прямо проникаютъ въ наше существо; и ка̀къ-бы ни распрашивали мы себя, откуда и какимъ образомъ это взялось? какъ-бы ни домогались отъискать въ существѣ нашемъ причину этихъ фактовъ,—ни философы, ни метафизики не въ состояніи дать намъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго разрѣшенія. Присутствіе или отсутствіе вдохновенія, вотъ все, что̀ мы можемъ утверждать положительно. Каждый изъ насъ можетъ съ совершенною ясностью отличать произвольныя

дѣйствія своей души отъ этихъ невольныхъ провидѣній, и человѣкъ чувствуетъ, что онъ обязанъ благоговѣйно почитать ихъ. Онъ можетъ передавать ихъ ошибочно и слабо, но онъ знаетъ, что онѣ несомнѣнны, какъ день и ночь. Всѣ мои поступки, руководимые волею; всѣ знанія, мною пріобрѣтенныя, — есть что-то шаткое и случайное, тогда какъ внезапное погруженіе въ тишь мысленную, самое простое чувство, вдругъ охватывающее мою душу, въ тоже время и привычны мнѣ, какъ нѣчто родное, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣютъ сладость нездѣшнюю. Люди безсмысленные, разумѣется, будутъ опровергать наитіе, какъ оспариваютъ они и убѣжденія, и еще съ большею легкостью, потому что могутъ смѣшать наитіе съ знаніемъ. Они воображаютъ себѣ, что я по собственному выбору вдумываюсь въ тотъ или другой предметъ. Нимало: въ провидѣніи руководишься не прихотью, а предназначеніемъ. Мнѣ видится этотъ лучъ истины; его можетъ увидѣть и маленькое дитя, можетъ увидѣть со временемъ и весь родъ человѣческій, хотя можетъ случиться и то, что никто не видалъ его до меня; тѣмъ не менѣе, мое провидѣніе истины есть фактъ, такой-же неопровержимый, какъ существованіе солнца.

„Сообщеніе души съ Духомъ Божественнымъ такъ свято и такъ чисто, что свершается безъ всякаго посредничества. Еслибы Господь удостоилъ обратиться ко всему міру, онъ сообщилъ-бы не одно, а все; наполнилъ-бы вселенную громомъ своихъ глаголовъ, изъ среды своей мгновенной мысли излилъ-бы свѣтъ, природу, время, сонмы

душъ, новыя созданія и новые міры. Точно такъ, когда божественная Мудрость коснется простой и внимательной души, въ ней изглаждаются преданія и ветхія поученія людей; въ ней изобилуетъ жизнь, и текущій часъ дѣлается звѣномъ соединенія минувшаго съ будущимъ. Это естественно и очень понятно, а между тѣмъ, сколько еще великихъ умовъ не осмѣливаются внимать самому Богу.

„....Уже одно смутное провидѣніе божественнаго перста въ такомъ-то событіи, или въ подтвержденіе такой-то истины, волнуетъ и восторгаетъ человѣчество; благоговѣйный трепетъ переходитъ отъ одного къ другому.

„....Въ откровеніи, которое касается нашей судьбы и личности, способность видѣть не отрѣшена отъ возможности дѣйствовать: провидѣніемъ вознаграждается наше повиновеніе, между тѣмъ, какъ самое наше повиновеніе есть слѣдствіе восхитительнаго провидѣнія. Оно разрѣшаетъ также нѣкоторые вопросы, предлагаемые не умомъ нашимъ, но душою. Отвѣтъ дается не словами, но указывается самый фактъ, который внезапно бываетъ усмотрѣнъ душою.

„....Озарить человѣка свѣтомъ незаходимымъ, сдѣлать все существо его способнымъ проникаться закономъ непреложнымъ — вотъ цѣль возвышенныхъ посѣщеній. Ими возлагается на человѣка долгъ, чтобы всѣ малѣйшія подробности его жизни, куда только ни обратите вы своего взгляда: его слова, поступки, Богопочтеніе, домоводство, общественная жизнь; его радости, одобреніе и противоборство, — все въ немъ служило явнымъ выраженіемъ его

свойствъ и природы. Съ такими содѣйствіями, человѣкъ дѣлается вполнѣ *самостоятеленъ;* но если онъ довольствуется состояніемъ *сброднымъ*, лучъ солнца не пронзитъ, истинный свѣтъ не озаритъ его; и глазъ — самый полный участія — утомится, усматривая въ немъ тысячу разнородныхъ направленій и существо, ни въ чемъ не достигшее утвержденія и единства.

„....О, кто и когда достойно удостовѣритъ насъ въ высокой истинѣ наитія! Все, что мы здѣсь ни говоримъ, есть только слабая его тѣнь и отдаленное о немъ воспоминаніе. Когда вы постигаете добро, когда вы преисполнены жизни, какимъ способомъ далось это вамъ, или было подготовлено? — Невидно слѣдовъ ничьихъ шаговъ, невидно лица человѣческаго, неслышно ничьего голоса и никакого названія вещей, а между тѣмъ, васъ озаряютъ мысли, соображенія, сознаніе благъ необычайныхъ, небывалыхъ. Полнота этой жизни овладѣваетъ всемъ бытіемъ нашимъ, и будто отчуждаетъ его отъ человѣчества. Всѣ люди, когда-либо существовавшіе, отвѣваются отъ васъ какъ призраки; — страхъ и желаніе затихаютъ, — нѣтъ мольбы на устахъ, и самая надежда кажется чѣмъ-то унизительнымъ. — мы находимся въ состояніи полнаго видѣнія... Это не радость, даже не благоговѣніе, — душа вознеслась выше всѣхъ ощущеній: она созерцаетъ виновника всяческихъ, она провидитъ самый источникъ истины и правосудія. Совершенное безмятежіе, всемірное успокоеніе проникаетъ весь составъ нашъ: мы видимъ, что все добро! Что такое обширныя пространства, земныя, во-

дныя, небесныя? что̀ такое промежутки времени, годовъ, столѣтій? Дума и чувство поглощаютъ всю предшествовавшую мою жизнь со всѣми ея событіями; онѣ получаютъ высокое значеніе, достойное моего теперешняго состоянія. — И такое значеніе будутъ имѣть и всѣ возможныя событія; и то что̀ мы называемъ жизнью и то, чему даемъ имя — смерть.

„.... Невозможно выразить этого сообщенія Бога съ человѣкомъ, при всякомъ дѣйствіи души. Всѣ, кто честно и свято покланяются Ему, доступны этой благодати. Ея всеобъемлющія волны всегда обновительны, освѣжительны, и проникаютъ насъ глубокимъ обожаніемъ и благоговѣніемъ. — Какъ солнце привѣта и любви встаетъ надъ человѣкомъ мысль о Богѣ, врачующемъ раны, нанесенныя ему бѣдствіями и огорченіями; о Богѣ, изливающемъ жизнь и свѣтъ во всѣ предѣлы вселенной, и восполняющемъ всякую неполноту. Не Богъ, извѣстный намъ по преданіямъ, не Богъ риторическій, но — Богъ, *нашъ* Богъ можетъ воспламенить сердце своимъ присутствіемъ. Тогда это сердце удесетеряется и, крѣпчая и расширяясь, видитъ для себя со всѣхъ сторонъ безконечность и безпредѣльность. — Вездѣсущность разрушаетъ всѣ границы его недовѣрія. Оно не только имѣетъ убѣжденіе, оно обладаетъ провидѣніемъ, что добро и истина — одно. Съ этою помощью, оно легко разгоняетъ всѣ личныя свои недоумѣнія, опасенія и полагается на будущія откровенія, для уясненія задачъ, еше временно-темныхъ. Оно увѣрено, что все, къ чему оно стремится — естественно и

прямодушно, — драгоцѣнно и для самого его Создателя. Всегда соблюдая въ своемъ духѣ законъ вѣчный, человѣкъ полонъ того всемірнаго упованія, которое радостно повергаетъ и свои самыя сладостныя надежды, и отличается отъ всѣхъ глубоко обдуманныхъ плановъ, для устройства своего земнаго существованія. Онъ знаетъ, онъ вѣритъ, что его не минуетъ его благая часть, что назначенное ему несется къ нему само-собою.

„О вѣрь, что во все продолженіе твоей жизни, всякое слово, сказанное на какой-бы то ни было точкѣ земнаго шара, всякое слово, важное и необходимое тебѣ услышать, — раздастся въ ушахъ твоихъ! Нѣтъ такой мысли, такой книги, такой поговорки, нужной тебѣ въ опору и въ утѣшеніе, которая-бы не дошла до тебя — неминуемо. Другъ, котораго жаждетъ не своевольная мечта, а твое великое, твое любящее сердце, сожметъ тебя въ своихъ объятіяхъ. Какъ разныя воды, облегающія земной шаръ, составляютъ въ сущности одинъ океанъ, имѣющій тѣ-же приливы и отливы, такъ и душа наша, и бытіе, и всѣ мы, съ нашими потребностями, желаніями, стремленіями, находимся въ храненіи Вездѣсущаго.“

Возможно-ли прибавить что-нибудь къ этимъ „священнымъ словамъ,“ всеобъемлющимъ и всеосвѣщающимъ? Намъ дозволено только надѣяться, что онѣ найдутъ доступъ въ ваши сердца и внесутъ въ нихъ твердость, миръ и несокрушимыя, благодатныя вѣрованія. „Станемъ и мы повиноваться верховнымъ велѣніямъ: онѣ имѣютъ высокія цѣли! Перестанемъ, то жаться по угламъ, то обра-

щаться въ бѣгство, при одной мысли о возможности нѣкоторыхъ превратностей; но, съ полною увѣренностью, вручивъ себя, какъ благородную глину — десницѣ Всемогущаго, будемъ и мы благотворить, искупать, воздвигать и все болѣе стѣснять области хаоса и ничтожества."

ОПЫТЫ.

I.

Довѣріе къ себѣ.

Я прочелъ недавно нѣсколько стихотвореній одного отличнаго живописца. Онѣ были написаны съ самобытностью, не на условный ладъ; а на такомъ основаніи, предметъ, каковъ-бы онъ ни былъ, всегда доставитъ душѣ нашей новую, свѣжую замѣтку; и чувство, имъ возбужденное, будетъ гораздо важнѣе изложенія и формы, въ какія облекъ ихъ авторъ. — Отчего-же мы не вѣримъ въ свою мысль? отчего не вѣримъ, что то чувство, которое наше сердце сознаетъ истиннымъ, не есть тоже истинное чувство и другихъ людей? До сихъ поръ, право этого сознанія оставалось за однимъ признаннымъ геніемъ; но слѣдовало-бы удостовѣриться и намъ, что когда мы выразимъ самое сокровенное наше убѣжденіе, то означится, что оно есть достояніе и многаго множества людей, потому что все субъективное становится объективнымъ. И замѣтьте, какъ часто случается, что наша собственная мысль возвращается къ намъ извнѣ, съ гласностью трубы дня суднаго.

Величайшая заслуга Платона, Мильтона состоитъ въ томъ, что они обратили въ ничто существовавшія до нихъ книги и преданія, выразили то что̀ думали сами они, а не то что̀ думали окружающіе ихъ люди. Каждый изъ насъ долженъ подстерегать и уловлять ту свѣтоносную искру, которая вспыхиваетъ и загорается въ его собственной душѣ; для каждаго изъ насъ это имѣетъ гораздо болѣе важности, нежели открытіе и наблюденіе цѣлаго созвѣздія поэтовъ и мудрецовъ. А между тѣмъ, мы безъ вниманія упускаемъ мысли, потому что онѣ наши; когда-же встрѣтимъ ихъ въ твореніяхъ генія, онѣ насъ поражаютъ величіемъ своей простоты. И вотъ наилучшій урокъ, который преподаютъ намъ образцовыя произведенія первостатейныхъ мастеровъ: онѣ научаетъ насъ оставаться спокойно и непреклонно-вѣрными нашему воодушевленію, хотя-бы оспаривалъ его крикъ всей вселенной. Не далѣе какъ завтра, первый встрѣчный станетъ вперять вамъ то что̀ вы передумали, перечувствовали, и вамъ придется со стыдомъ принять изъ вторыхъ рукъ собственные ваши помыслы.

Вѣрь въ самого себя! — чье сердце не затрепещетъ отъ рокота этой звонкой струны? — И великіе люди всегда этому слѣдовали; они довѣрялись какъ дѣти своему духу и подчасъ вымолвляли вѣрованіе, что самъ Богъ воспламенилъ восторгъ въ ихъ груди: Онъ дѣйствовалъ ихъ руками, Онъ владѣлъ и распоряжался всемъ ихъ бытіемъ. Станемъ и теперь повиноваться верховнымъ велѣніямъ: онѣ имѣютъ высокія цѣли! перестанемъ, то жаться по

угламъ, то обращаться въ бѣгство, при одной мысли о возможности нѣкоторыхъ превратностей; но съ полнымъ благоговѣніемъ, вручивъ себя, какъ благородную глину десницѣ Всемогущаго, будемъ благотворить, искупать, воздвигать, и все болѣе стѣснять области смерти и ничтожества!

Въ эпоху развитія бываютъ минуты, въ которыя индивидуумъ ясно сознаетъ, что подражаніе есть ничто иное какъ самоубійство, а зависть — незнаніе; что онъ обязанъ себя повѣрить и, по доставшимся ему способностямъ, вывести итогъ, чѣмъ онъ хуже и чѣмъ лучше другихъ. Онъ долженъ заранѣе убѣдиться въ томъ, что не смотря на обиліе благъ находящихся въ природѣ, его насытитъ только тотъ колосъ, который прозябаетъ на почвѣ ему свойственной, и который будетъ взращенъ и пожатъ собственнымъ его трудомъ. Человѣкъ счастливъ только тогда, когда онъ можетъ сказать, что исполнилъ свою замѣру, что положилъ душу на трудъ свой и довелъ его до конца, какъ нельзя было лучше. Но если онъ поступаетъ иначе, то и покончивъ съ трудомъ, онъ не почувствуетъ ни отрады, ни облегченія; талантъ его хирѣетъ, муза ему недоброжелательствуетъ, на него не сходитъ ни вдохновеніе, ни упованіе. Заранѣе тоже долженъ онъ знать, что не даромъ такая-то физіономія, такой-то характеръ производятъ на него впечатлѣніе, тогда какъ другіе не производятъ никакого: Глазъ поставленъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ его озаритъ тотъ лучъ, о которомъ ему надлежитъ свидѣтельствовать, и человѣкъ обязанъ высказывать свои

вѣрованія, свои убѣжденія гласно, открыто, до послѣдней іоты.

Мы-же едва осмѣливаемся пролепетать малѣйшую частичку того, что̀ мы есть на самомъ дѣлѣ, да и то ка̀къ-бы стыдясь божественной идеи, которой-бы каждый изъ насъ долженъ служить глашатаемъ. Когда-же утвердимся мы въ вѣрѣ, что божественная идея всегда направлена къ цѣлямъ возвышеннымъ, и что на насъ лежитъ долгъ передавать ее людямъ со всевозможною точностью и прямотою, потому что къ трусу никогда не обращенъ призывъ на заявленіе о дѣлахъ Божьихъ.

Что̀ за дивный образецъ предлагаетъ намъ природа въ лицѣ и въ способѣ дѣйствій дѣтей! Ребенокъ всюду какъ дома: онъ независимъ, онъ неотвѣтственъ; поглядывая изъ своего уголка на людей и на все происходящее, онъ произноситъ свое сужденіе смѣло, проворно; объявляетъ вамъ безъ обиняковъ, что вы хороши, — дурны, — надоѣли ему, — нравитесь или не нравитесь. Онъ не заботится ни о послѣдствіяхъ, ни о своей выгодѣ; его приговоръ высказанъ свободно и простодушно; вы можете ему льстить, онъ вашимъ льстецомъ не будетъ. — Взрослый-же человѣкъ всегда на-сторожѣ и словно въ тискахъ у самого себя. Кто̀ лишь только разъ выкажетъ себя дѣломъ, выскажетъ словомъ — кончено! человѣкъ окомпрометированъ: за нимъ блюдетъ любовь или нелюбовь сотни неизвѣстныхъ лицъ, которыхъ всѣхъ должно держать на счету. О, гдѣ желанныя струи Леты! о, ка̀къ-бы ему опять вернуться къ прежнему безличію, къ прежней безвѣстности!!...

Но, еслибы человѣкъ, разъ вышедшій изъ своего нейтральнаго безмятежія, продолжалъ вести себя прямо, естественно, неподкупно, откинувъ всякій страхъ и очистивъ свой взглядъ отъ всякаго предразсудка, онъ-бы сдѣлался богатыремъ, достойнымъ поклоненія всѣхъ людей, всѣхъ пѣвцовъ. Его мощь получила-бы закалъ вѣчной юности, его мнѣніе обо всемъ случающемся не было бы мнѣніемъ личнымъ, частнымъ, но сужденіемъ вѣчнымъ, абсолютнымъ; его слова возъимѣли-бы власть; онѣ вонзались-бы какъ стрѣлы въ уши людей и пробуждали-бы ихъ отъ застоя.

Такіе голоса слышатся намъ въ уединеніи; но они слабѣютъ и нѣмѣютъ чѣмъ болѣе мы вдаемся въ свѣтъ. Общество повсюду въ заговорѣ о томъ, чтобъ удерживать своихъ членовъ въ нескончаемомъ малолѣтствѣ; оно какъ компаніи страхованій, будетъ отпускать вамъ за извѣстную плату столько-то продовольствія, столько-то охраны, съ условіемъ, чтобы членъ его отрекся отъ своей свободы, отъ своего личнаго развитія. Свѣтъ прежде всего любитъ чтобы ему *подлаживали:* онъ ненавидитъ довѣріе къ себѣ, ненавидитъ *суть* и существа, а благоволитъ только къ навыкамъ и обычаямъ.

Кто хочетъ сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, тотъ долженъ отбросить *подлаживаніе;* кто ищетъ овладѣть пальмою нетлѣнія, тотъ пусть не смущается названіемъ добра, а тщательно доискивается гдѣ и что̀ Добро. Ничего нѣтъ святѣе безукоризненной честности нашего духа.

Установите въ себѣ это, и потомъ разрѣшайте сами собою все что до васъ ни касается: не замедлитъ и одобреніе свѣта. Мнѣ стыдно припоминать какъ уступчиво жертвуемъ мы словомъ и символомъ, какъ легко уживаемся съ омертвѣлыми учрежденіями и обычаями. Всякій господчикъ, хорошо-одѣтый и бойко-болтающій, уже нѣсколько ставитъ меня въ тупикъ и прибираетъ меня къ рукамъ болѣе, чѣмъ-бы это слѣдовало по совѣсти.

Пора-бы, наконецъ, человѣку узнать себѣ цѣну! Что-же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ какой пролазъ, подкидышъ, незаконорожденное произведеніе этого міра, который весь принадлежитъ ему?!—Ему-ли прятаться и робко озираться по сторонамъ?—Нѣтъ! голова моя должна твердо и высоко стоять на плечахъ: я имѣю право жить моею жизнью, я имѣю долгъ говорить правду, чистую правду на всѣхъ перекресткахъ. Не дамъ дороги суетѣ, лицемѣру, пустосвяту, прикрывающему себя хламидою филантропіи, соболѣзнованія о меньшихъ братіяхъ? Не забочусь я о *его бѣдныхъ*, они не мои бѣдные. Я предалъ себя душою и тѣломъ тѣмъ, съ кѣмъ связанъ родствомъ духовнымъ; за нихъ пойду и въ тюрьму и на плаху,—но, вашъ сумбуръ Обществъ пособій для неимущихъ бездѣльниковъ; Обществъ учрежденія школъ для глупцовъ; Общинъ построенія храмовъ для преподаванія той религіи, на которой оснанавливаетесь вы —— нѣтъ и нѣтъ! Я каюсь въ каждомъ долларѣ, который вы еще исхищаете у моей слабости, это долларъ безпрокій, и я уповаю, что придетъ день, когда достанетъ у меня силы отказать въ немъ вамъ!

Добродѣтель, по мнѣнію толпы, еще представляется какимъ-то исключеніемъ, а не общимъ правиломъ: есть человѣкъ, есть и его *добродѣтели*, то есть, его хорошія человѣческія свойства. Люди-же по сихъ поръ отправляютъ свои добрыя дѣла, то въ ознаменованіе своего мужества или своего голубинаго сердца, то будто какъ штрафъ, наложенный на нихъ въ наказаніе за то, что они не ежедневно являются на тотъ или другой общественный парадъ. Они отдѣлываются отъ него извиненіями и взносомъ добраго дѣла, чтобъ получить дозволеніе жить. Да какая мнѣ стать искупать, извиняться, платить вамъ за то что я живу? Жизнь дана мнѣ не на показъ вамъ, она дана мнѣ, чтобъ я жилъ ею. По-моему, я предпочитаю жизнь скромную, но естественную и самобытную. Конечно, я не прочь отъ желанія, чтобъ мое существованіе было дорого для моихъ близкихъ и громко сказалось-бы чѣмъ-нибудь для далекихъ собратій; тогда, не смотря на свое однообразіе, оно вмѣстило-бы все: дѣла любви и противоборства; испытанія, одолѣніе и стройность цѣлаго. Дайте и вы мнѣ *исходнымъ пунктомъ* удостовѣреніе, что вы *человѣкъ*, а успѣемъ-ли мы доказать это другъ-другу дѣлами и подвигами. то другой вопросъ. Но какъ ни ничтожна моя теперешняя цѣнность, мои теперешнія дарованія, мнѣ не нужно поручительства постороннихъ въ томъ, что я на кое-что годенъ, и я не намѣренъ платить какъ за привиллегію, за мое несомнѣнное право пользоваться даромъ жизни.

Мой долгъ, а не людское мнѣніе, вотъ о чемъ моя за-

бота. Строго и трудно это правило во всегдашнемъ его примѣненіи и къ жизни внутренней и къ жизни внѣшней дѣятельности, потому что вы на каждомъ шагу встрѣтите людей преисполненныхъ увѣренности, что они лучше васъ знаютъ, въ чемъ состоитъ вашъ долгъ. Но это правило служитъ вѣрнѣйшимъ оселкомъ для распознанія великой души отъ небольшой. Легко жить по своему въ уединеніи; легко увлечься въ свѣтѣ мнѣніемъ свѣта; но человѣкъ, достойный этого званія, сохранитъ и въ многолюдствѣ отрадную независимость уединенія.

Принаровленіе къ обычаямъ, до которыхъ вамъ въ сущности нѣтъ дѣла, вотъ на что̀ иждиваются ваши силы, вотъ что̀ лишаетъ васъ досуга, стираетъ всѣ выпуклыя особенности вашей природы. Здѣсь, вы поддерживаете обветшалое учрежденіе, даете голосъ *pro* и *contro* разныхъ партій; тамъ, какъ наемный трактирщикъ, кормите на убой друга и недруга. За всѣми такими обстановками, ка̀къ трудно распознать что̀ вы такое на самомъ дѣлѣ, не говоря уже о тратѣ на пустяки наилучшихъ способностей вашихъ! Но совершите дѣло, по природѣ свойственное вамъ, и вы тотчасъ предъ глазами моими выдвинитесь изъ толпы; совершите такое дѣло, и оно удвоитъ первобытныя силы ваши. Еслибы человѣкъ зналъ что̀ за *жмурки* эта игра въ подлаживаніе! — Вы принадлежите, напримѣръ, къ такой-то сектѣ или партіи, и я ни за что въ свѣтѣ не пойду на ваши совѣщанія, на ваши спичи. Я заранѣе ужъ знаю, что не услышу отъ васъ ни одного слова свѣжаго, вдохновеннаго, что вы всѣ будете смотрѣть въ

одну сторону — сторону дозволенную; — будете говорить, не какъ человѣкъ, а какъ краснобай извѣстнаго кружка. Впрочемъ, многіе слушатели станутъ утирать глаза платкомъ и вступятъ съ вами въ общеніе мыслей.... Подлаживаніе не дѣлаетъ ихъ лживыми въ томъ или другомъ случаѣ: оно уже сдѣлало ихъ лживыми повсюду и навсегда. Ихъ истина не есть истина. Съ ними, два не два, четыре не четыре; доходитъ до того, что всякое ихъ слово становится нестерпимо, и не придумаешь чѣмъ-бы ихъ опять навести на разумъ. Тѣмъ временемъ, природа не зѣваетъ и облекаетъ всѣхъ насъ въ однообразный костюмъ колодника, заключеннаго въ такую-то партію; черты лица мало-по-малу получаютъ древесную неподвижность и пріобрѣтаютъ отмѣнно-пріятное сходство съ осломъ.

Есть еще выраженіе физіономіи, котораго нельзя не подмѣтить въ обществѣ; это та глупая рожа, корчащая неискреннее поддакиваніе, та вынужденная улыбка, съ какою мы выносимъ скучный разговоръ. Мускулы лица, не будучи внезапно подернуты и оживлены ощущеніемъ удовольствія, но уложены посредствомъ медленнаго и поддѣльнаго усилія, непріятно напрягаются по всей поверхности облика и производятъ самое тяжелое впечатлѣніе; выраженіе отвращенія и презрѣнія видится такъ ясно, что ни одинъ честный молодой человѣкъ не снесъ бы его дважды.

Конечно, труднѣе перенести гнѣвъ общества, чѣмъ выговоръ Сената или Присутственныхъ - Мѣстъ; но когда знаешь, что его милость и немилость не имѣютъ глубокихъ корней, а носятся по произволу вѣтра и ходячей молвы,

то человѣку твердому легко справиться съ неблагосклонностью образованныхъ сословій: ихъ бѣшенство осторожно и чинно, онѣ знаютъ, что и сами не безъ грѣха. Но когда къ ихъ женоподобному гнѣву присоединится ярость черни, когда съ ревомъ и воплемъ вздымается животное и неразумное буйство низшихъ слоевъ общества, тогда оказывается какъ необходимо упражненіе въ религіи и въ великодушіи, для того чтобы встрѣтить и этотъ взрывъ какъ бездѣлку, не стоющую вниманія.

Послѣ рабскаго подлаживанія, опасеніе другаго рода ослабляетъ наше довѣріе къ себѣ, это наша стойкость, то есть, пристрастіе къ тѣмъ нашимъ поступкамъ и словамъ, за которые люди, не обладающіе другимъ мѣриломъ, возъимѣли къ намъ почтеніе, котораго намъ жаль лишиться.

Да зачѣмъ-же мы носимъ на плечахъ голову, безпрерывно мыслящую? — Зачѣмъ, съ другой стороны, обременяемъ себя чудовищною грудою памяти и боимся ей противорѣчить, потому что ей извѣстно когда и какъ я выразилъ иное мнѣніе? Да еслибы вамъ и случилось противорѣчить себѣ, такъ что-же? Мнѣ кажется правиломъ мудрости, не опираться на одну память, даже въ такихъ предметахъ, которые относятся чисто къ воспоминанію, и что намъ, напротивъ, нужно ставить прошедшее подъ стоокій обзоръ настоящаго и жить каждымъ новымъ днемъ. Вѣрьте движенію вашей души! Положимъ, что въ метафизическихъ изъисканіяхъ вы пришли къ пантеистическому заключенію о безличіи Бога, — но, если религіозныя чувства наполнятъ вашу душу, дайте имъ про-

сторъ и жизнь, дайте имъ цѣль, не смотря на то, что онѣ ограничиваютъ Бога ὀбразомъ и личностью. Бросьте, по примѣру Іосифа, вашу верхнюю одежду въ рукахъ блудницы и бѣгите прочь.

Нелѣпая стойкость — это пугало, всегда стоящее на часахъ при особѣ маленькихъ политиковъ, маленькихъ богослововъ и философовъ. Великой душѣ нѣтъ до нея никакого дѣла. Ужъ не слѣдуетъ-ли человѣку зашить себѣ ротъ или вѣчно стоять на одномъ мѣстѣ, чтобъ отбрасывать свою тѣнь все на той-же стѣнѣ? — Отнюдь нѣтъ! если вы человѣкъ, высказывайте твердо и прямо то, что̀ вы думаете сегодня, и столь-же откровенными словами, выразите и вашу завтрашнюю мысль, не безпокоясь о противорѣчіи. Ахъ, Господи! да васъ не поймутъ, воскликнутъ сердобольныя старушки. Не поймутъ?—велика бѣда! Былъ понятъ Пиѳагоръ? а Сократъ, а Лютеръ, а Галилей, Коперникъ, Ньютонъ и всѣ великіе, чистые духи, когда-либо принимавшіе плоть?—Быть великимъ — несомнѣнное условіе быть непонятымъ.

Впрочемъ, не безпокойтесь: человѣку невозможно насиловать свою природу. Всѣ побѣги его своеволія сглаживаются основнымъ закономъ его бытія; они незначительны какъ выси Андовъ и Гималая на круглости земнаго шара, и всѣ ваши ухищренія надъ своею природою производятъ мало проку. Мы слывемъ такими, какими есть; сущность нашей природы обнаруживается помимо нашей воли. Люди воображаютъ, что они выказываютъ

свои добродѣтели и пороки одними поступками очевидными и не замѣчаютъ того, что ихъ хорошія или дурныя свойства ежеминутно выступаютъ наружу.

И такъ не пугайтесь, если въ разнообразіи вашихъ дѣйствій не окажется выдержки характера; довольно того, чтобы каждый вашъ поступокъ былъ честенъ и натураленъ въ свое время; если онъ таковъ, то и всѣ прочіе, не смотря на кажущееся несходство, примкнутъ къ нему въ стройности. Мнимыя неровности исчезаютъ на недальнемъ разстояніи или на небольшой высотѣ мысли: ихъ сглаживаетъ единство направленія. Ходъ лучшаго корабля совершается не иначе какъ зигзагами, но когда смотришь на него издали, эти неправильности исчезаютъ въ прямой, всюду-одинаковой линіи. Такъ объяснятся и ваши поступки, простодушные, естественные; подлаживаніе-же не объясняетъ ровно ничего. Будьте просты, и предшествовавшіе поступки, сдѣланные просто, оправдаютъ и теперешнія ваши дѣйствія. Хорошее прошедшее служитъ защитою и даетъ силу поступать открыто, пренебрегая мнѣніемъ посторонних. Не заботьтесь о послѣдствіяхъ, а дѣйствуйте благородно—всегда! Все доброе и великое ждетъ своего суда отъ будущаго. Что даетъ мудрымъ руководителямъ Палатъ и героямъ ратнаго поля величіе, восхищающее наше воображеніе? — Воспоминаніе славныхъ дѣлъ и славныхъ побѣдъ неразлучно съ ними связанныхъ; онѣ въ глазахъ людей окружаютъ ихъ будто видимымъ сонмомъ ангеловъ. Въ голосѣ Чатама слышатся раскаты грома; — вся осанка Вашингтона дышетъ высокимъ до-

стоинствомъ; — явится Адамсъ и, кажется, видишь олицетворенную Америку.

Смѣю надѣяться, что въ наше время, уже совсѣмъ напослѣдокъ слышались проповѣди о подлаживаніи къ обычаямъ и о стойкости въ мнѣніяхъ. Предадимъ эти слова на съѣденіе журналистамъ, пускай они за нихъ стоятъ и перебрасываются насмѣшками! Мы-же будемъ безъ страха оглядывать и порицать грустную посредственность и пошлое довольство нашего времени! Бросимъ прямо въ лицо навыку и обычаю слѣдующій, первостатейный историческій фактъ, что тамъ, гдѣ дѣйствуетъ человѣкъ, дѣйствуетъ великое драматическое лицо, дѣйствуетъ великій мыслитель; что истинный человѣкъ не принадлежитъ такому-то мѣсту, такому-то времени, но что онъ можетъ сдѣлаться средоточіемъ міра. Онъ измѣритъ людей, событія, и вы будете принуждены идти подъ его знаменами. Родится Цесарь, — и на нѣсколько вѣковъ созидается Римская Имперія. Реформація возникаетъ съ Лютеромъ, аболиціонизмъ съ Клэрксономъ: — всякое учрежденіе есть только удлиненная тѣнь человѣка. Великая душа совмѣщаетъ въ себѣ все сотворенное, и человѣкъ долженъ стремиться къ той точкѣ, откуда уже равнодушно смотришь на обстоятельства и гнушаешься прибѣгать къ средствамъ.

Мы читаемъ исторію безсмысленно и безплодно. Пышныя имена: Король, Государство, Правительство, Аристократія производятъ на наше воображеніе одуряющее дѣйствіе. Положимъ, что король Густавъ-Адольфъ, Король Альфредъ были добродѣтельны, но развѣ добродѣ-

тель исчезла съ лица земли вмѣстѣ съ ними? Если смиренный мой сосѣдъ Джонъ или Эдуардъ захочетъ дѣйствовать въ виду возвышенной цѣли, блескъ величія перейдетъ на этого простаго *джентльмена*. Конечно, міръ и народы многому научились отъ королей. Великій символъ ихъ сана представилъ людямъ примѣръ того взаимнаго почтенія, которое человѣкъ обязанъ оказывать другому человѣку, а радостное довѣріе народовъ,—уступившее своимъ владыкамъ честь раздавать отличія и земли дѣятелямъ на пользу и добро, — дѣламъ заслуги и правды, — не служило-ли выраженіемъ того, что они понимаютъ свои права и свое достоинство?

Теперь, мы хотѣли-бы изъяснить тѣ основныя причины, которыя должны утвердить человѣка въ довѣріи къ самому себѣ и которыя внезапно наводятъ его на открытія по части наукъ и художествъ, озаряютъ лучемъ красоты каждый его поступокъ изъятый отъ подражательности, проникнутый естественностью. Наши изъисканія приводятъ насъ къ Источнику, вмѣщающему въ себѣ и сущность добра, и сущность генія, и сущность жизни: въ силу высшаго соизволенія пробуждаются врожденныя намъ способности и стремленія. Для отличія отъ прочихъ пособій знанія, которыя есть ничто иное, какъ усвоеніе преподаваемаго метода, мы назовемъ это сообщеніе съ нами Вѣчной Премудрости — *наитіемъ*. Наитіе! это неизсякаемый источникъ мысли и дѣятельности; отъ него вѣетъ тѣмъ животворнымъ вдохновеніемъ, котораго нельзя отрицать безъ святотатства и безбожія. Посредствомъ наитія

мы приближаемся къ лону безконечнаго Разума: онъ дѣлаетъ насъ орудіемъ своихъ предначертаній, храмомъ своихъ истинъ. Когда мы провидимъ что̀ такое любовь, истина, правосудіе, мы сами по себѣ нимало не содѣйствуемъ нашему духовному зрѣнію; лучи эти просто и прямо проникаютъ въ наше существо; и ка̀къ-бы ни распрашивали мы себя, откуда и какимъ образомъ это взялось, ка̀къ-бы ни домогались отъискать въ существѣ нашемъ причину этихъ фактовъ, ни философы, ни метафизики, не въ состояніи дать намъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго разрѣшенія. Присутствіе или отсутствіе вдохновенія,—вотъ все что̀ мы можемъ утверждать положительно. Каждый изъ насъ можетъ съ совершенною ясностью отличать произвольныя дѣйствія своей души отъ этихъ невольныхъ провидѣній, и человѣкъ чувствуетъ, что онъ обязанъ благоговѣйно почитать ихъ. Онъ можетъ передавать ихъ ошибочно и слабо, но онъ знаетъ, что онѣ несомнѣнны какъ день и ночь. Всѣ мои поступки, руководимые волею; всѣ знанія, мною пріобрѣтенныя, есть что-то шаткое и случайное, тогда какъ внезапное погруженіе въ тишь мысленную, самое простое чувство, вдругъ охватывающее мою душу, въ тоже время и привычны мнѣ, какъ что̀-то родное, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣютъ сладость нездѣшнюю. Люди безсмысленные, разумѣется, будутъ опровергать паитіе, какъ оспариваютъ они и убѣжденія, и еще съ большею легкостью, потому что смѣшиваютъ провидѣніе съ знаніемъ. Они воображаютъ себѣ, что я по собственному выбору вдумываюсь въ тотъ или другой предметъ.

Нимало: въ провидѣніи руководишься не прихотью, а предназначеніемъ. Мнѣ видится этотъ лучъ истины; его можетъ увидѣть и маленькое дитя, можетъ увидѣть со временемъ и весь родъ человѣческій, хотя можетъ случиться и то, что никто не видалъ его до меня; тѣмъ не менѣе, мое провидѣніе истины есть фактъ, такой-же неопровержимый какъ существованіе солнца.

Сообщеніе души съ Духомъ Божественнымъ такъ свято и такъ чисто, что совершается безъ всякаго посредничества. Еслибы Господь удостоилъ обратиться къ всему міру, Онъ сообщилъ-бы не одно, а все; наполнилъ-бы вселенную громомъ своихъ глаголовъ, изъ среды своей мгновенной мысли излилъ-бы свѣтъ, природу, время, сонмы душъ, новыя созданія и новые міры. Точно такъ, когда божественная Мудрость коснется простой и внимательной души, — въ ней изглаждаются преданія и ветхія поученія людей; въ ней изобилуетъ жизнь, и текущій часъ дѣлается звѣномъ соединенія минувшаго съ будущимъ. Это естественно и очень понятно, а между тѣмъ, сколько еще великихъ умовъ не осмѣливаются внимать самому Богу. Человѣкъ робокъ, и все вымаливаетъ себѣ снисхожденія. Онъ едва отваживается сказать: я есмь, я мыслю; но по большей части опирается на тотъ или другой цитатъ. Всѣ мы похожи на дѣтей, сперва повторяющихъ неопровержимыя истины своихъ бабушекъ, потомъ — учителей, а по мѣрѣ возраста, и другихъ замѣчательныхъ людей, попадающихъ имъ на встрѣчу. Съ какимъ трудомъ стараемся мы вытвердить наизусть слова слышан-

ныя нами; когда-же дойдемъ до ступени, на которой стояли эти предшественники, и поймемъ смыслъ ихъ словъ, то съ какою радостью стерли-бы мы ихъ съ лица нашей памяти! И такъ, при полученіи новаго провидѣнія, станемъ бодро очищать память отъ залежавшагося въ ней хлама. Голосъ человѣка, живущаго съ Богомъ, обаятеленъ какъ журчаніе ручейка, какъ шелестъ спѣлыхъ колосьевъ, волнуемыхъ теплымъ вѣтеркомъ.

О! кто и когда достойно удостовѣритъ насъ въ высокой истинѣ наитія! Все что мы здѣсь ни говоримъ, есть только слабая его тѣнь и отдаленное о немъ воспоминаніе. Когда вы постигаете добро, когда вы преисполнены жизни, какимъ способомъ это далось вамъ или было подготовлено? Невидно слѣдовъ ничьихъ шаговъ, невидно лица человѣческаго, неслышно ничьего голоса и никакого названія вещей, а между тѣмъ, васъ озаряютъ мысли, соображенія, сознаніе благъ необычайныхъ, небывалыхъ. Полнота этой жизни овладѣваетъ всемъ бытіемъ нашимъ, и будто отчуждаетъ его отъ человѣчества. Всѣ люди, когда-либо существовавшіе, отвѣваются отъ васъ какъ призраки; — страхъ и желаніе затихаютъ, — нѣтъ мольбы на устахъ, и самая надежда кажется чѣмъ-то унизительнымъ, — мы находимся въ состояніи видѣнія... Это не радость, даже не благоговѣніе, — душа вознеслась выше всѣхъ ощущеній: она созерцаетъ виновника всяческихъ, она провидитъ самый источникъ истины и правосудія. Совершенное безмятежіе, всемірное успокоеніе проникаетъ весь составъ нашъ: мы видимъ, что все — добро! Что такое об-

ширныя пространства, земныя, водныя небесныя? что такое промежутки времени, годовъ, столѣтій? Дума и чувство поглоща́ютъ всю предшествовавшую мою жизнь, со всѣми ея событіями, онѣ получаютъ высокое значеніе, достойное моего теперешняго состоянія. — И такое высокое значеніе будутъ имѣть и всѣ возможныя событія: и что мы называемъ жизнью и то, чему даемъ имя — смерть.

Свѣтъ не терпитъ проявленій души, потому что такія проявленія ослабляютъ авторитетъ прошедшаго, покрываютъ стыдомъ его знаменитости, ставятъ на одинъ уровэнь богатаго и бѣднаго, и учатъ людей не вѣрить свѣту на-слово. Вѣрить и говорить на-слово, просто — стыдъ! Станемъ лучше говорить о томъ что̀ намъ повѣдывается: вотъ гдѣ жизнь и движеніе. Всѣ блага, всѣ добродѣтели заключаются въ величіи и въ возвышенности души. Одинъ человѣкъ или цѣлое общество людей проникнутыхъ этимъ началомъ, по самому закону природы, покорятъ страны, народы. государства: они призваны властвовать и надъ богачемъ и надъ пѣвцомъ, неимѣющимъ ихъ превосходныхъ свойствъ.

Намъ слѣдуетъ преимущественно обращать вниманіе на жизнь текущую. а не на жизнь прошедшую. Всякая дѣятельность прерывается во время покоя; она возгарается въ моментъ перехода отъ состоянія прежняго къ состоянію новому: въ минуту, когда бросаешься въ пропасть или пустишься бѣжать къ цѣли. Но теперь, мы стали настоящею черныо. Человѣкъ даже забылъ и помнить, что онъ долженъ свято чтить человѣка; душѣ его не доводится да-

же узнать, что ея назначеніе пребывать въ ясности и безмятежіи, и вмѣсто того, чтобы приготовлять себя къ общенію съ океаномъ духовной жизни, она нищенски вымаливаетъ кружку воды изъ водоема людей!... Намъ нужно поучиться ходить однимъ.—Одиночество должно предварять истинную жизнь въ обществѣ. Какъ люблю я храмы, тихіе, безмолвные до начала обрядовъ и проповѣдей, которыя скоро огласятъ ихъ; какъ величавы и недосягаемы кажутся мнѣ церковнослужители удаляющіеся въ святилище. Станемъ и мы охранять нашъ внутренній міръ, не забывая притомъ, что уединеніе состоитъ не въ внѣшнемъ отчужденіи, а въ возношеніи духа.

И потому, будемъ по возможности всегда спокойны. Зачѣмъ, напримѣръ, беремъ мы на себя вину нашего пріятеля, проступокъ жены, дяди, сына по той причинѣ, что они живали подъ одною съ нами кровлею, и что, какъ говорится, одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ? — Но и у всѣхъ людей такая-же кровь, какъ моя, а моя кровь такая-же, какъ у всѣхъ людей. Развѣ изъ-за этого на мнѣ лежитъ обязанность отвѣчать за всесвѣтныя глупости, безумства, преступленія, и считать себя покрытымъ позоромъ и безславіемъ?

Если мы не въ силахъ однимъ взмахомъ вознестись до святыни вѣры и повиновенія къ однимъ законамъ вѣчнымъ, будемъ, по крайней мѣрѣ, сопротивляться искушеніямъ, станемъ на военную ногу и возбудимъ въ нашей скандинавской груди мужественный духъ Одена и Тора. Такъ можно поступать и въ наше время искуственной де-

ликатности и сентиментализма, высказывая всегда истину. Иногда случается, что весь міръ сговорился терзать васъ невыносимыми пустяками. Этотъ скучаетъ, тому понездоровилось;—праздность, дѣла, нужда, недоумѣніе толкутся въ вашу дверь и кричатъ: ступай къ намъ! иди къ намъ! Но ты не ходи! не расточай на это своей души, оставайся спокойно въ твоемъ небѣ, въ твоей горницѣ, и отнюдь не вмѣшивайся въ ихъ *факты*, въ эту безтолочь самыхъ призрачныхъ нелѣпостей; но проливай свѣтъ незыблемыхъ законовъ на ихъ смятеніе и безалаберность. Я не признаю, чтобъ за людьми состояла власть налагать на меня муки, ради ихъ пустаго, поверхностнаго любопытства. — Покончите съ притворными узами пріязни и изъявленіями гостепріимства; перестаньте разъ-навсегда жить для исполненія ожиданій этихъ людей обманчивыхъ и обманутыхъ, съ которыми вы водитесь. Скажите имъ: батюшка, матушка, другъ мой, братецъ! — до сихъ поръ я жилъ съ вами по всѣмъ условіямъ приличій, отнынѣ-же я принадлежу правдѣ, и буду слѣдовать однимъ законамъ вѣчнымъ. Я приложу всѣ старанія, чтобы доставлять пропитаніе моей семьѣ и родственникамъ, и буду вѣрнѣйшимъ мужемъ моей жены, но всѣ эти сношенія осную на началѣ новомъ, соотвѣтствующемъ духу моей природы, а не примѣру другихъ. Ваши обыкновенія не по мнѣ; я не могу долѣе для нихъ уничтожаться. Если вы въ состояніи любить меня такимъ какъ я есть, это большое для насъ счастіе; если-же нѣтъ, то вѣрьте, что я все-таки буду достоинъ вашего уваженія. Вникните еще разъ, что мнѣ

должно наконецъ быть самимъ собою, перестать скрывать мои наклонности и мое отвращеніе, стоять за святыню моихъ глубочайшихъ убѣжденій, и признаюсь вамъ, что я готовъ предъ лицомъ вселенной приводить въ дѣйствіе мысли, наполняющія душу мою восторгомъ, и идти къ цѣли, указываемой мнѣ ею. Если въ васъ есть благородство, вы не лишите меня за это своей любви; въ противномъ случаѣ, я не оскорблю ни васъ, ни себя лицемѣрною податливостью. Если сами любя правду, вы не сознаете тѣхъ истинъ, какія сознаю я, ищите своихъ единомысленниковъ, я буду искать себѣ моихъ. Не по духу гордыни или себялюбія рѣшился я поступать такъ, но по смиренію и искренности. Выгода моя, ваша, выгода всѣхъ людей — жить по правдѣ, какъ долго не жили-бы мы прежде по лжи. Мои слова кажутся вамъ теперь жестки, но не сегодня такъ завтра, вы сами послѣдуете внушеніямъ своей природы, и если мы имѣемъ въ виду истину, она приведетъ и васъ, и меня къ одной цѣли.

Но — скажутъ мнѣ — поступивъ такимъ образомъ, вы огорчите своихъ близкихъ. Конечно; не могу-же я, однако, закабалить и себя и всѣ силы моего духа изъ опасенія потревожить ихъ чувствительность. Притомъ, на всѣхъ людей по временамъ находитъ разсудокъ, въ такія минуты они ясно понимаютъ, что̀ добро, что̀ истина, и въ такія минуты, я жду отъ нихъ не только моего оправданія, но и подражанія моему примѣру.

И дѣйствительно, почти-богоподобенъ долженъ быть тотъ, кто отвергнувъ побужденія и причины, по которымъ

обыкновенно дѣйствуетъ человѣчество, рѣшается имѣть довѣріе къ самому себѣ. Высока должна быть душа, тверда воля, ясенъ взглядъ у того, кто можетъ замѣнить себѣ общество, навыки, постановленія и довести себя до того, чтобы одно внутреннее убѣжденіе имѣло надъ нимъ ту-же силу, какой клонитъ другихъ желѣзная необходимость.

Но смотря на теперешній духъ общества, нельзя не убѣдиться въ необходимости этого правила. Нервы и сердце человѣка высохли, и всѣ мы стали робкими, оторопѣвшими плаксунами. Мы боимся правды, боимся счастія, смерти, боимся одинъ другаго. Много-ли есть въ нашъ вѣкъ личностей великихъ, доблестныхъ? Нѣтъ, нѣтъ между нами ни мужчинъ, ни женщинъ способныхъ дохнуть обновленіемъ на нашу жизнь, на нашъ общественный бытъ. Бо̀льшая часть людей намъ современныхъ, оказываются до того несостоятельными, что они не въ состояніи удовлетворить своимъ собственнымъ потребностямъ; ихъ самолюбивыя притязанія стоятъ въ разительной противоположности съ ихъ дѣйствительнымъ могуществомъ, которое со дня на день хилѣетъ и оскудѣваетъ. Всѣ мы — ратоборцы гостиныхъ, а когда нужно сразиться съ судьбою, мы благоразумно обращаемся вспять, не понимая, что въ такомъ-то именно бою и крѣпнутъ силы.

Нашимъ молодымъ людямъ не посчастливится первая попытка, и они впадаютъ въ уныніе; не повезетъ съ перваго шагу новичку-купцу, и добрые люди твердятъ: онъ разорился! Если самый дивный геній, когда-либо учившійся на школьныхъ скамейкахъ, не имѣетъ чрезъ годъ

послѣ учебнаго курса, порядочнаго мѣста въ Бостонѣ или въ Нью-Іоркѣ, то и пріятелямъ его и ему самому уже чудится, что слѣдуетъ опустить крылья и горевать во всю остальную жизнь. О, да явятся среди насъ твердыя души, которыя растолковали-бы людямъ, что въ нихъ есть множество данныхъ и множество средствъ, и что съ довѣріемъ къ себѣ, въ нихъ обнаружатся новыя возможности и силы! Да научатъ онѣ насъ, что человѣкъ есть слово, сдѣлавшееся плотью; слово, назначенное для уврачеванія ранъ, нанесенныхъ человѣчеству разными учрежденіями, обычаями, книгами, идолопоклонствами!

Съ этой точки зрѣнія не трудно усмотрѣть, какъ большее довѣріе къ себѣ и взаимная почтительность къ божественности человѣка, могутъ произвести самые важные перевороты во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ, занятіяхъ, должностяхъ; какъ могутъ измѣниться ихъ образъ воспитанія, складъ жизни, способы располагать имуществомъ, и всѣ условія ихъ частныхъ и корпораціонныхъ сближеній; и цѣли ихъ дѣятельности, и отвлеченныя изъисканія, и самая сущность ихъ религіи.

Къ слову о религіи, посмотримъ въ чемъ, по большей части, состоятъ молитвы людей и что̀ такое молитва? — Молитва есть доступъ въ безконечность; она должна испрашивать у Бога даровать душѣ новую доблесть, поддержать, окрылить ее силою невѣдомою, неземною; — молитва совокупляетъ видимое съ невидимымъ, обыденное и знаемое съ дивнымъ и сверхчувственнымъ. Молитва — это обзоръ всѣхъ событій жизни съ высочайшей точки зрѣ-

нія, — это одинокая бесѣда души, погруженной въ созерцаніе и восторгъ отъ дѣлъ своего Создателя; души, согласной съ Нимъ въ духѣ и исповѣдующей, что всякое Его даяніе благо и всякъ даръ совéршенъ. Но, просить себѣ молитвою такую-то особую утѣху, внѣ добра вѣчнаго, — недостойно человѣка; но, смотрѣть на молитву, какъ на орудіе къ достиженію той или другой житейской цѣли — низко и постыдно. Такая молитва есть доказательство раздвоенія, а не единенія внутренняго сознанія съ закономъ естества, потому что человѣкъ, слившійся воедино съ Богомъ, радостно отрекается отъ своей личности: возношеніе духа сопровождаетъ его, и возбуждается на каждомъ шагу. Лодочникъ, при всякомъ напорѣ на весло, земледѣлецъ предъ началомъ работы, испрашивая благословенія свыше, произносятъ молитву настоящую, понятную для всего созданнаго. хотя ихъ цѣль кажется маловажною и одностороннею.

Другой родъ ложныхъ духовныхъ вспомогательствъ составляютъ наши соболѣзнованія и изъявленія участія; въ нихъ видѣнъ недостатокъ самоувѣренности и недугъ воли. Сожалѣйте о постигшемъ его бѣдствіи, если вы тѣмъ облегчаете страждущаго; не то, принимайтесь бодро за дѣло и исправляйте причиненное зло. Но наше сочувствіе также трусливо какъ и наши сожалѣнія. Мы стремглавъ бѣжимъ къ тому, кто плачетъ, — часто изъ-за пустяковъ, — потомъ садимся и громкимъ кликомъ сзываемъ къ нему утѣшителей какихъ ни попало, тогда когда слѣдовало-бы наставить его на путь истины и оздоровлѣнія

хорошими электрическими ударами, и тѣмъ возстановить снова дѣятельность его души. Тайна всѣхъ удачъ заключается въ бодрости духа. Благословенъ богами и людьми человѣкъ, имѣющій къ себѣ довѣріе. Всѣ двери растворяются предъ нимъ настежъ, объ немъ говорятъ на всѣхъ языкахъ, его вѣнчаютъ всѣ поэты, сердца всѣхъ несутся къ нему на встрѣчу потому именно, что онъ можетъ обойтись безъ всего этого. Мы ревностно и щедро сыплемъ ему хвалы за то, что онъ шелъ своею дорогою и пренебрегалъ нашими одобреніями. Боги любятъ того, кого возненавидитъ толпа.

Наши молитвы и соболѣзнованія доказываютъ недугъ воли; но немощи-же разума, мы слишкомъ крѣпко полагаемся на то, что̀ намъ внушитъ чужой умъ болѣе самобытный и дѣятельный. Явится какой-нибудь Локкъ, Лавуазье, Бентамъ, Шпурцгеймъ, подчинитъ тмы темъ людей своей классификаціи и — увы! своей системѣ. Чѣмъ глубже лежитъ его мысль, чѣмъ многочисленнѣе разрядъ предметовъ, затронутыхъ имъ и поставленныхъ подъ уровень понятій ученика, тѣмъ заманчивѣе кажется его система. Ученикъ съ восхищеніемъ гнетъ все на свѣтѣ подъ вновь-изобрѣтенную терминологію, и точно, на время, онъ многимъ обязанъ учителю, развившему своими сочиненіями его мыслительныя способности. Но для сколькихъ ограниченныхъ головъ, классификація становится идоломъ, концемъ изъ концевъ, а не средствомъ скоро-истощаемымъ; за предѣлами своей системы ихъ глазъ перестаетъ видѣть и дальній небосклонъ и безпредѣльность вселенной. Имъ

становится невозможнымъ вообразить себѣ, чтобы вы, незнакомый съ ихъ системою, могли тоже имѣть глаза, видѣть ими далеко и ясно, и они заключаютъ, что вы, вѣроятно, поживились лучемъ ихъ свѣта, не замѣчая того, что свѣтъ незаходимый, вѣчно-юный, чудодѣйственный горитъ надъ міромъ, какъ въ первый день сотворенія и поглощаетъ въ своемъ сіяніи всѣ преходящія школы и системы.

Благодаря недостатку самобытнаго развитія, еще держится страсть къ путешествіямъ и идольское поклоненіе Греціи и Италіи. Я не возстаю противъ путешествій, предпринимаемыхъ въ виду наукъ, искусствъ или образованія; я желалъ-бы только, чтобы прежде чѣмъ пускаться въ дальніе края, вы установились-бы въ самомъ себѣ и осмотрѣлись вокругъ себя. Тотъ-же, кто путешествуетъ для разсѣянія и для того, чтобы взглянуть вскользь на предметы, которые онъ съ собою не унесетъ, *тотъ убѣгаетъ отъ самого себя*, старѣется на первыхъ порахъ молодости, и его умъ, его воля дѣлаются развалинами, такими-же дряхлыми, какъ развалины Ѳивъ и Пальмиры. Въ часы трезваго уразумѣнія мы сознаемъ, что долгъ нашъ тамъ — гдѣ мы; что пріятные спутники и услады даются намъ своевременно, безъ нашего домогательства, и что намъ не годится кидаться за ними въ погоню.

Страсть къ путешествіямъ есть признакъ глубокой порчи, закравшейся въ наши умственныя способности. Нашъ разумъ сбитъ съ толку, образъ-же нашего воспитанія еще болѣе мечетъ его туда и сюда; оттого и умъ гоняется у

насъ за тѣмъ и за другимъ, хотя тѣло поневолѣ сидитъ дома. Мы принимаемся тогда подражать отдаленному, чужеземному; по этимъ образцамъ пьемъ, ѣдимъ, строимъ себѣ дома, перенимая вкусы, мнѣнія, духъ народовъ иностранныхъ, временъ прошлыхъ, съ раболѣпствомъ служанки, слѣдящей глазами за госпожей.

Повѣрьте мнѣ, душа, одна душа, создала искусства, гдѣ-бы онѣ ни появлялись. Художникъ находилъ свои образцы не въ дали, а въ собственномъ своемъ духѣ, прилѣпляясь мыслью къ задуманному труду и соображаясь съ условіями, которыя надлежало соблюсти. Напирайте на самого себя, не подражайте никому! — Придетъ тотъ часъ, когда вамъ возможно будетъ выказать даръ вамъ свойственный, во всей силѣ сосредоточенной цѣлою жизнью, посвященною на его образованіе; тогда какъ даромъ перенятымъ вы пользуетесь на мигъ, и пользуетесь имъ на половину. Гдѣ тотъ профессоръ, который образовалъ Шекспира, Франклина, Бэкона, Вашингтона, Ньютона? — Изученіе Шекспира сдѣлаетъ-ли изъ меня втораго Шекспира? Между тѣмъ, какъ принявшись за дѣло мнѣ сродное, безъ излишней дерзости и самонадѣянности, я могу придумать для его исполненія такую снаровку, которая не смотря на различіе, не уступитъ той, что̀ облегчила Фидію ваяніе, Египтянамъ зодчество, Данту его поэзію. Съ другой стороны, если я вполнѣ понимаю то что̀ говорятъ родоначальники мысли, безъ сомнѣнія и я имѣю способность отвѣчать имъ съ тою-же силою слова. Вселитесь въ животворныя области простоты и благородства, повинуй-

тесь своему сердцу, и еще разъ возсоздадите вы угасшіе міры красоты и стройности.

Какъ нѣтъ ничего самостоятельнаго ни въ нашемъ Богопочитаніи, ни въ воспитаніи, ни въ изящныхъ искусствахъ, такъ нѣтъ ничего положительнаго и въ духѣ нашей общественной жизни. Весь свѣтъ хвалится прогрессомъ человѣчества, и никто нейдетъ впередъ. То-же самое замѣтно и въ обществѣ: зайдя далѣе въ одну сторону, оно отступаетъ съ другой; прогрессъ его мнимый, оно только хватается за безпрерывныя перемѣны: варваризмъ и образованность, роскошь и наука, все это различныя положенія, а не коренныя улучшенія. Сверхъ того, каждое подобное пріобрѣтеніе сопряжено съ нѣкоторымъ лишеніемъ; общество обогатится, напримѣръ, новымъ открытіемъ, а между тѣмъ утратитъ нѣкоторое свойство, врожденное въ каждомъ изъ насъ. Какая разница между Американцемъ прекрасно-одѣтымъ, пишущемъ, читающемъ, думающемъ, имѣющемъ въ карманѣ часы, карандашъ, банковый билетъ, — и обитателемъ Новой-Зеландіи, нагимъ владѣтелемъ одной палицы, рогожи, и спящимъ гдѣ случится! Но сравните здоровье этихъ двухъ людей, и вы увидите какого врожденнаго первостатейнаго преимущества лишился бѣлый человѣкъ. Если вѣрить путешественникамъ, рана дикаря, просѣченнаго топоромъ, заживаетъ въ день или два, тогда какъ такая-же рана спровадитъ бѣлаго въ могилу.

Образованный человѣкъ имѣетъ экипажи, но едва владѣетъ своими ногами. У него прекрасные женевскіе часы,

но ему не узнать часа по солнцу; онъ купитъ астрономическій календарь, и полагаясь на то, что найдетъ въ немъ все нужное, не съумѣетъ отличить ни одной звѣзды на небѣ, не подмѣтитъ ни весенняго, ни осенняго равноденствія, и всѣ великолѣпные знаки зодіака не бросаютъ ни малѣйшаго отраженія на его думу. Разумный человѣкъ всегда приходитъ назадъ къ тому что̀ собственно необходимо для человѣка. Художества, открытія и изобрѣтенія суть только наружныя вывѣски такого-то времени, и не придаютъ истой мощи человѣку. Вредъ механическихъ усовершенствованій притупляетъ ихъ пользу: Гудсонъ и Берингъ, съ своими простыми рыбачьими лодками, превзошли Парри и Франклина, чьи суда вмѣщали всѣ пособія наукъ и художествъ. Съ одною подзорною трубкою, Галилей усмотрѣлъ цѣлый рядъ такихъ великолѣпныхъ фактовъ, что всѣ послѣдующія открытія немного предъ ними значатъ; а Колумбъ достигъ Новаго-Свѣта на самомъ дрянномъ кораблѣ.

Еще вопросъ: огромныя собранія книгъ плодоносны-ли онѣ для ума? Общества застрахованій уменьшаютъ-ли бѣдственные случаи? — Не промѣняли-ли мы на внѣшнюю утонченность нравовъ большое количество внутренней энергіи? а установивъ чинъ и обряды Богослуженія много-ли поддерживаемъ его пламеннымъ, безтрепетнымъ духомъ? — Въ сектѣ стоиковъ каждый былъ стоикъ, но между христіанами, всякій-ли христіанинъ?

Въ законахъ нравственнаго порядка нѣтъ уклоненій, точно также, какъ нѣтъ ихъ въ физическихъ законахъ

тяготѣнія и быстроты движенія: прогрессъ человѣческаго рода не зависитъ отъ времени. Всѣ знанія, всѣ искусства, всѣ философіи и секты XIX столѣтія не произведутъ людей выше „великихъ людей Плутарха“. Тотъ, кто по духу сродни Фокіону, Сократу, Анаксагору, тотъ, не называясь ихъ именемъ, остается просто самъ собою и въ свою очередь дѣлается главою новыхъ послѣдователей.

По недостатку довѣрія къ себѣ, люди съ величайшимъ тщаніемъ поддерживаютъ разъ установившійся порядокъ гражданскій, учебный, религіозный; изъ боязни, чтобы удары, нанесенные этимъ учрежденіямъ, не отозвались на ихъ собственности; они до того опираются на внѣшность предметовъ, что на самый прогрессъ души человѣческой, выражаемый въ гражданственности, въ просвѣщеніи и богопочтеніи, смотрятъ какъ на оплотъ своихъ владѣній. Ихъ уваженіе измѣряется богатствомъ того и другаго, а не внутреннимъ достоинствомъ человѣка. Но человѣкъ истинно-просвѣщенный стыдится своихъ владѣній, своихъ капиталовъ, изъ уваженія къ своему *я*. Еще болѣе ненавистно ему его богатство, если оно досталось ему случайно, по наслѣдству, въ подарокъ или чрезъ преступленія предковъ; онъ чувствуетъ тогда, что оно не имѣетъ съ нимъ тѣсной внутренней связи, но держится въ его рукахъ, покамѣсть не нашелся еще на него воръ, или не исхитила его революція.

Но по самому существу своему, человѣкъ обязанъ пріобрѣтать, и его пріобрѣтенія должны быть такъ жизненны и прочны, что никакія революціи, правительства, толпы,

бури, пожары и банкрутства не могли-бы потревожить его, и чтобы такая собственность, гдѣ-бы онъ ни находился, всюду имѣла силу обновленія. „Будь покоенъ, говорилъ Калифъ Али, — твоя судьба ищетъ за тебя; ты-же не пускайся въ догонку по ея слѣдамъ“. Зависимость отъ благъ намъ чуждыхъ, внѣшнихъ, доводитъ насъ до рабскаго почтенія многочисленности. Политическія партіи наваломъ являются въ собранія: Ура! ура! вотъ уполномоченные Эссекса, — демократы Нью-Гемпшайра, — виги Мэна! — каждый молокососъ приободряется, примкнувъ къ сторукой и къ стоокой толпѣ. Такимъ-же образомъ составляютъ и реформаторы собранія изъ своихъ соумышленниковъ: обсуживаютъ и рѣшаютъ полчищемъ.

Нѣтъ, не при такихъ условіяхъ, о друзья мои, Господь удостоитъ прійдти и вселиться среди васъ, — не при такихъ! а на основаніи совершенно противоположномъ — это тогда, когда человѣкъ отвергаетъ гнилыя, внѣшнія опоры и ничего не прося отъ людей, среди безпрестанныхъ колебаній остается несокрушимымъ столбомъ окружающаго. Человѣкъ, вѣрьте мнѣ, есть существо многозначительное, и тотъ, кто знаетъ, что могущество заключается въ душѣ, что онъ слабѣетъ, когда ищетъ силы внѣ себя и, замѣтивъ это, неуклонно предастся идеѣ его одушевляющей, — тотъ, обуздавъ и тѣло, и духъ, дѣлается властелиномъ, идетъ прямо и свершаетъ чудеса. Онъ похожъ на человѣка, который, стоя на своихъ ногахъ, естественно сильнѣе того, который опрокинулся головою внизъ.

Поступайте также и съ тѣмъ, что́ называютъ *сча-*

стіемъ; много у него поклонниковъ и гонцовъ: подержатъ его въ рукахъ и потеряютъ при оборотѣ колеса. Не увлекайтесь такими преслѣдованіями, онѣ противозаконны; держитесь только правила причины и послѣдствія, —вотъ исполнители Божественной воли. Добывайте себѣ все трудомъ и волею, этимъ налагаются оковы на колесо случая, которое навсегда покатится вслѣдъ за вами. Торжество вашей партіи, пониженіе и возвышеніе биржеваго курса, выздоровленіе отъ болѣзни, возвратъ отсутствовавшаго друга, то или другое обстоятельство радуетъ васъ, и вы начинаете надѣяться, что для васъ готовятся дни счастія. Не надѣйтесь — не сбудется! Никто не умиритъ васъ, кромѣ васъ самихъ, и ничто не удовлетворитъ, кромѣ торжества вашихъ убѣжденій.

II.

Благоразуміе.

Какое имѣю я право писать о благоразуміи? — У меня его не то мало, не то состоитъ оно во мнѣ въ положеніи чисто-отрицательномъ. Все мое благоразуміе заключается въ томъ, чтобы избѣгать непріятностей, или-же идти наперекоръ имъ, а не въ томъ, чтобы выдумывать отмѣнныя руководства и правила. — Я не обладаю тайною ловко держать себя и любезно извернуться при видѣ сдѣланнаго мнѣ зла. — Нѣтъ у меня и умѣнія мудро распоряжаться деньгами, домоводствомъ; и кто только взглянетъ на мой садъ, то немедленно сообразитъ, что не мѣшало-бы мнѣ развести другой. Однако я люблю положительность, ненавижу нерѣшительность и людей, не имѣющихъ яснаго, дальновиднаго взгляда. Слѣдовательно, мое право писать о благоразуміи совершенно тоже, какое я имѣю толковать о поэзіи, о святости. Мы пишемъ по влеченію, и прямому и противоположному, а не вслѣдствіе собственной опытности, и часто описываемъ свойства, которыхъ у насъ нѣтъ.

И такъ, начнемъ о благоразуміи!

По моему мнѣнію, благоразуміе есть добропорядочность внѣшнихъ чувствъ; изученіе наружнаго, видимаго. Это самое объективное дѣйствіе нашей души; это — божество, промышляющее о животномъ. Благоразуміе обращается съ міромъ физическимъ по законамъ міра физическаго; подчиняясь имъ, оно охраняетъ здоровіе тѣлесное; бодрость же духа охраняетъ оно своимъ повиновеніемъ законамъ духовнымъ. — Міръ внѣшнихъ чувствъ есть міръ призрачный; онъ существуетъ не самъ для себя, но онъ облеченъ характеромъ символа. Похвальное благоразуміе, или знаніе внѣшности вещей, сознаетъ соприсутствіе другихъ законовъ; оно понимаетъ, что его раченіе второстепенно, и что его блюстительность относится къ оболочкѣ, но не къ самому сердцу предметовъ. Благоразуміе, отчужденное отъ другихъ качествъ, есть ложное благоразуміе. Оно законно лишь въ смыслѣ естественной исторіи воплотившейся души, лишь въ своей должности развивать предъ нею многоцѣнный свитокъ законовъ природы подъ тѣснымъ небосклономъ ея внѣшнихъ чувствъ.

Степени для успѣшнаго ознакомленія съ міромъ — безчисленны; для настоящаго нашего обзора достаточно обозначить ихъ три: Есть такой родъ людей, который живетъ только ради *пользы* символа; въ этомъ отдѣлѣ, богатство и здоровіе почитаются наиважнѣйшими благами. — Другой разрядъ, повысившись надъ предъидущими торгашами, прилѣпляется къ *красотѣ* символа: сюда относятся естествоиспытатели, ученые, поэты, художники. —

Третій отдѣлъ, всемъ своимъ бытіемъ, уже переступаетъ за черту красоты символа и поклоняется самой *сущности*, для которой символъ служитъ только отраженіемъ: это люди мудрые. — Первые имѣютъ толкъ, вторые вкусъ, третьи духовное провидѣніе. Много уходитъ времени, пока человѣкъ добирается до вершины лѣстницы; но достигнувъ ея, онъ проникаетъ смыслъ символа и наслаждается имъ вполнѣ. Око его отверзается для красоты нетлѣнной, и если онъ водрузитъ шатеръ свой на священной и свѣтоносной вершинѣ видимой природы, уже не житницы, не домы примется онъ тамъ строить, но возблагоговѣетъ предъ величіемъ Творца, которое провидится ему съ лучезарностью солнца, чрезъ каждую скважину, каждую разсѣлину.

Нашъ свѣтъ переполненъ поступками и пословицами, внушенными благоразуміемъ унизительнымъ, обожающимъ одну матерію, какъ будто въ человѣкѣ нѣтъ ничего другаго, кромѣ ушей, нёба, носа, глазъ и пальцевъ! какъ будто единственное назначеніе благоразумія состоитъ въ спросѣ: *А выпечется-ли изъ этого хлѣбъ?* Благоразуміе такого рода, точь-въ-точь та болѣзнь, которая утолщаетъ кожу до того, что уничтожаетъ этимъ всѣ прочіе ὀрганы тѣла. Развитіе-же духа, удостовѣряя насъ въ высокомъ началѣ видимаго міра и устремляя человѣка къ совершенству, какъ къ выспренней цѣли его назначенія, низводитъ все остальное: здоровіе, богатство, земную-ли жизнь — на степень средствъ. Подобное развитіе доказываетъ, что благоразуміе не есть какая-то особенная до-

бродѣтель, но только имя, которое принимаетъ мудрость въ своихъ отношеніяхъ къ тѣлесному составу и къ его потребностямъ. И потому, всякій вполнѣ образованный человѣкъ и думаетъ и говоритъ, что богатство, вѣсъ общественный и гражданскій, сильное личное вліяніе, увлекательная и неотразимая ловкость, имѣютъ значеніе чрезвычайно важное, какъ свидѣтельства могущества духа. Но если такой человѣкъ видитъ, что его собратъ потерялъ равновѣсіе, что онъ мечется во всѣ стороны за дѣломъ, или за удовольствіями, изъ одной страсти чтò-нибудь дѣлать и кàкъ-нибудь веселиться, то онъ заключаетъ, что такой собратъ еще можетъ быть звеномъ или колесомъ въ механизмѣ всемірномъ, но что самъ по себѣ, онъ развитъ еще недостаточно.

Дрянное благоразуміе, не ищущее ничего далѣе своихъ пяти чувствъ, есть божество глупцовъ и трусовъ. Надъ ними подшутила сама природа, и ихъ-то по преимуществу, и литература и комедія избираютъ цѣлью своихъ насмѣшекъ. Но законное благоразуміе ставитъ предѣлы чувственности, вслѣдствіе своего знанія міра внутренняго, дѣйствительнаго. Намъ стоитъ только разъ пріобрѣсти это знаніе, и опредѣлить своей дѣятельности и своему времяпровожденію мѣсто имъ соотвѣтствующее, чтобы каждое заявленіе нашего вниманія къ условіямъ физическаго міра получило вознагражденіе. Потому что бытіе наше, которое, повидимому, находится въ такой зависимости отъ природы внѣшней, отъ солнца, отъ луны, отъ перемѣны временъ года, но которое однако освоивается и обживает-

ся во всякомъ климатѣ; — это бытіе, всегда готовое на добро и на зло, пристрастное къ роскоши, избѣгающее холода, голода и досадной уплаты долговъ, оно тѣмъ не менѣе вычитываетъ всѣ свои первые уроки -- помимо открытыхъ скрижалей природы — въ своемъ внутреннемъ мірѣ ощущеній и сознаній.

Благоразуміе не пойдетъ наперекоръ природы и не станетъ спорить о томъ, зачѣмъ она такая, а не другая; оно принимаетъ ея законы, такъ какъ они есть, въ ея условіяхъ, подходящихъ съ наилучшею соотвѣтственностью къ естеству человѣческому. Благоразуміе чтитъ пространство, время, сонъ, тѣлесныя потребности, законъ полярности, роста, смерти. Оно убѣждается, что солнце и луна, эти всѣмъ извѣстные *формалисты* небесной тверди, совершаютъ свои суточныя и годовыя круговращенія, для того, чтобъ очертить предѣлами и законами времени человѣка, это вѣчно-уклоняющееся существо; — что его со всѣхъ сторонъ облегаетъ упорная, неподатливая матерія, никогда не отдаляющаяся отъ своей химической рутины; — что человѣкъ живетъ на шарѣ, насквозь проникнутомъ, вездѣ и повсюду окруженномъ уставами природы; и что на своей поверхности, этотъ шаръ размежеванъ на гражданскіе участки и владѣнія, которые налагаютъ стѣсненія и ограниченія на каждаго изъ его временныхъ обитателей.

Прекрасны законы времени и пространства! Ниспровергая ихъ, по невѣжеству и непониманію, мы открываемъ за ними мрачные вертепы и опасныя логовища. По-

шарьте въ ульѣ неосторожными руками и, вмѣсто меда, вы вызовите на себя рои пчелъ. Человѣкъ обязанъ въ точности ознакомиться съ обыденными вещами, изъ которыхъ слагается наша жизнь. У него есть руки, — пусть ими касается и осязаетъ; у него есть глаза, — пусть ими смотритъ, измѣряетъ. Самыя слова и поступки хороши тогда, когда сказаны и сдѣланы во̀-время. Кàкъ гармонируетъ съ яснымъ іюньскимъ утромъ чирканіе косы о точильный камень! но кàкъ унылъ этотъ звукъ въ глухую осень, въ рукахъ запоздалаго косаря! Люди вѣтреные, непредусмотрительные, всюду опаздывающіе или являющіеся невпопадъ, портятъ гораздо болѣе нежели свои дѣла: они портятъ нравъ тѣхъ, кто имѣетъ съ ними дѣло.

Сколько людей, преданныхъ наукѣ и умозрѣнію, заставляютъ насъ краснѣть отъ двусмысленности своей жизни! Посмотрите на этого ученаго: онъ превосходенъ, когда въ немъ дѣйствуетъ побужденіе, которое выше благоразумія; но въ случаяхъ, гдѣ необходимъ здравый смыслъ, онъ нестерпимъ. Вчера, Юлій Кесарь едва приходился ему по-плечу, сегодня онъ валяется на гноищѣ, жалостнѣе Іова. Вчера, облитый сіяніемъ міра горняго, міра ему привычнаго, это былъ первый изъ первыхъ; сегодня пришла нужда, постигла хворость и онъ прибѣгаетъ къ похвальбѣ, онъ рисуется, потому что вѣрно ужъ никто другой не станетъ его чествовать въ теперешнемъ видѣ. Онъ похожъ на тѣхъ потребителей опіума, что шатаются по константинопольскимъ базарамъ, изсохшіе, пожелтѣвшіе, оборванные, отупѣвшіе, до того часа, какъ откроются лавки.

Настанетъ вечеръ, они проглотятъ свою порцію и дѣлаются покойны, оживленны, почти-вдохновенны.—И предъ кѣмъ изъ насъ не пронеслась трагедіей безразсудная растрата силъ у людей съ геніальными способностями, которые потомъ, цѣлые годы маются въ нуждѣ, въ лишеніяхъ, и — гиганты, заколотые булавками, клонятся долу, оскудѣвшіе, оледенѣлые, не принеся своихъ естественныхъ плодовъ.

Мы вымыслили очень громкія слова, для того чтобы прикрывать нашу чувственность; но никакой талантъ въ мірѣ не можетъ облагородить привычекъ невоздержанія. Даровитые люди дѣлаютъ видъ, что нарушеніе чувственныхъ законовъ считаютъ пустяками, въ сравненіи съ своимъ благоговѣніемъ къ искусству; но искусство вопіетъ за себя и уличаетъ ихъ, что никогда не наставляло ни на развратъ, ни на кутежъ, ни на наклонность собирать жатву тамъ, гдѣ ничего не было посѣяно. Искусство ихъ умаляется съ каждымъ пониженіемъ нравственности; умаляется отъ каждой погрѣшности противъ здраваго смысла. Презрѣнныя основы отмщаютъ своимъ презрителямъ, и презиравшій малыми вещами, погубитъ себя еще несравненно-малѣйшими. — Гётевъ Тассъ, не только превосходный историческій очеркъ, но и настоящая трагедія. Бѣдствія тысячи людей, угнетенныхъ и умерщвленныхъ какимъ-нибудь извергомъ Ричардомъ III, по моему мнѣнію, не причиняютъ такихъ положительныхъ страданій, какъ эти страшныя раны, которыя обоюдно наносятъ одинъ другому Антоніо и Тассъ. Оба, повидимому, полны

прямодушія; только одинъ, просто и откровенно живетъ по правиламъ свѣтской мудрости, тогда какъ другой, пламенѣющій всѣми божественными чувствами, предается однако наслажденіямъ матеріальнымъ, хотя бы и радъ не подчиняться ихъ владычеству. Вотъ страданіе, которое испытываемъ всѣ мы! вотъ узелъ, который мы не въ силахъ развязать! и то что̀ сбылось съ Тассомъ, часто встрѣчается въ современныхъ біографіяхъ. Человѣкъ геніальный, пылкаго темперамента, не щекотливый на счетъ законовъ чувственныхъ, много-позволяющій и все себѣ извиняющій, въ весьма скорое время становится пасмурнымъ, задорнымъ, *недотыкой*, настоящимъ терновымъ кустомъ для себя и для другихъ.

Но кто осмѣлится обвинять другаго въ неблагоразуміи? Кто изъ насъ благоразуменъ? Тѣ, которыхъ мы называемъ великими людьми, еще неблагоразумнѣе прочихъ. — Есть, есть роковой разладъ въ нашихъ отношеніяхъ съ природою; онъ исказилъ весь строй нашей жизни, онъ сдѣлалъ къ намъ враждебнымъ каждый изъ ея законовъ, и теперь эти законы природы побуждаютъ, какъ мнѣ кажется, всѣ умы и всѣ сердца водворить между нами новый лучшій порядокъ. Да, да, намъ необходимо приступить со многими вопросами къ высочайшей Мудрости, испросить Ея совѣтовъ и отъ Нея узнать — красота, геній, здоровіе, составляющія теперь исключенія, — не суть-ли въ своемъ основаніи всеобщее достояніе человѣческой природы? — Намъ незнакомы еще по сіе время ни свойства растеній, ни свойства животныхъ, ни законы физи-

ческаго міра, и не смотря на нашу любознательность и склонность къ этимъ предметамъ, все до нихъ касающееся подлежитъ еще догадкамъ и вымыслу. Возьмемъ другой примѣръ: поэзія и благоразуміе должны-бы быть тождественны. Еслибы эта тождественность существовала на дѣлѣ, законодателемъ былъ-бы поэтъ, и самое выспреннее лирическое вдохновеніе служило-бы не поводомъ къ укору и къ оскорбленію, а къ обнародованію кодекса просвѣщенія и гражданственности, къ распредѣленію трудовъ, занятій и назначенія каждаго дня. Теперь-же эти свойства, какъ будто непримиримо разлучены. Мы нарушили одинъ законъ за другимъ, стоимъ посреди развалинъ, и, если гдѣ-нибудь, случайно замѣтимъ совмѣстимость разума съ вдохновеніемъ, такъ считаемъ это чудомъ.

Красота должна-бы быть принадлежностью каждаго мужчины, каждой женщины, а между тѣмъ, красота — рѣдкость; точно то-же можно сказать о здоровіи и о крѣпости тѣла. — А геній? — развѣ это отвлеченность, а не воплощеніе? — развѣ не слѣдовало-бы ему быть, — не геніемъ, одиноко-стоящимъ, взявшимся Богъ вѣсть откуда, — а напротивъ, законнымъ, *геніяльнымъ сыномъ геніяльнаго отца*, и каждому ребенку уже рождаться вдохновеннымъ? Гдѣ-же, теперь, геній безъ примѣси? и въ какомъ младенцѣ можетъ онъ надежно сохраниться? Изъ одной учтивости называемъ мы *геніемъ* полу-проблески свѣта; этимъ именемъ величаемъ мы талантъ, промѣнянный на звонкую монету; талантъ, блестящій сегодня для того, чтобы славно пообѣдать и славно поспать завтра, и посмотрите: —

повсюду человѣческія общества находятся въ рукахъ — какъ ихъ по справедливости называютъ — *людей партій*, а не людей божественныхъ. Такіе люди пользуются своимъ преобладаніемъ на то, чтобы еще болѣе утончить чувственныя наслажденія, а не на то, чтобы вести противъ нихъ открытую войну. Напротивъ того, истинный геній — аскетъ по природѣ, аскетъ, полный благоговѣнія и любви. Прекрасныя души смотрятъ на чувственныя влеченія какъ на немощь; онѣ видятъ красоту въ границахъ, которыя ихъ сдерживаютъ, и въ нравахъ, которые имъ противодѣйствуютъ.

Такъ не лучше-ли человѣку покориться при первыхъ наказаніяхъ и горькихъ проученіяхъ, которыя не замедляетъ насылать ему природа, съ цѣлью вразумить его въ томъ, что онъ не долженъ дожидаться другихъ благъ, кромѣ плодовъ, выработанныхъ собственнымъ трудомъ и владычествомъ надъ самимъ собою? — Конечно, и богатство, и пропитаніе, и климатъ и общественное положеніе имѣютъ свое значеніе, и мы должны сообразоваться съ ихъ справедливыми требованіями. Но пусть человѣкъ болѣе смотритъ на природу, какъ на свою вѣрную, неотступную наставницу, и пусть ея совершенно-правильный ходъ служитъ для насъ мѣриломъ нашихъ уклоненій. Нѣкоторая доля мудрости непремѣнно добудется изъ каждаго поступка естественнаго и благонамѣреннаго; время, рано или поздно, открываетъ намъ цѣну самыхъ простыхъ фактовъ; такихъ, напримѣръ, что не худо дѣлать изъ ночи ночь, изъ дня день; не худо умѣрять свою расточительность и

убѣдиться, что почти столько-же нужно благоразумія для хорошаго управленія своимъ частнымъ домомъ и хозяйствомъ, сколько для управленія цѣлымъ государствомъ. Въ этомъ смыслѣ, можно многое сказать въ защиту оптимизма и указать на тихія струи радости и довольства. которыя могутъ повстрѣчаться вамъ и на улицахъ предмѣстій, и въ каждомъ укромномъ уголкѣ этого прекраснаго міра, пусть только человѣкъ остается вѣренъ, разъ постановленнымъ законамъ, и удовлетвореніе его не минуетъ. Есть гораздо болѣе разницы между качествомъ, чѣмъ между количествомъ удовольствій, почти равномъ для каждаго изъ насъ, не смотря на ихъ разнообразіе.

Человѣкъ обязанъ ознакомиться и съ благоразуміемъ высшаго разряда; онъ долженъ знать, что все въ мірѣ, даже самыя пушинки и соломенки подлежатъ законамъ, а не случайности; такимъ образомъ, и онъ пожинаетъ только то, что посѣялъ. Ему будутъ принадлежать плоды, взращенные его трудами; ему предоставлено достиженіе самообладанія и его охраненіе отъ посягательства другихъ, съ которыми не слѣдуетъ завязывать сношеній горькихъ и докучныхъ, помня, что наибольшая выгода, доставляемая состояніемъ, есть все-таки независимость. Не должно пренебрегать и добродѣтелями второстепенными. Сколько изъ человѣческой жизни тратится времени на ожиданія! сколько словъ и обѣщаній оказываются обѣщаніями салоновъ, тогда какъ онѣ должны-бы быть непреложны какъ судьба.

Мы не беремся въ нашихъ „Опытахъ“ касаться основныхъ законовъ какой-бы то ни было добродѣтели, уеди-

нивъ ее отъ всѣхъ прочихъ. Природа человѣка симетрична; она не любитъ ни односторонности ни крайностей. Благоразуміе, доставляющее внѣшнія блага, не должно быть предпочтительною наукою такого-то кружка людей, между тѣмъ какъ другой кружокъ посвятитъ себя на изученіе героизма, святости и т. п. Нѣтъ, этимъ различнымъ свойствамъ необходимо примириться. Конечно, благоразуміе имѣетъ въ виду время текущее, лица живущія, ихъ бытъ, ихъ собственность; но такъ какъ всякій фактъ имѣетъ свой корень въ душѣ, то и самое умѣніе распоряжаться предметами видимыми проистекаетъ изъ основательнаго знанія ихъ причинъ и начала, и потому, добрый человѣкъ долженъ быть въ тоже время и человѣкомъ мудрымъ, и великій политикъ — человѣкомъ великаго простосердечія. Всякое нарушеніе истины есть не только нѣкоторый родъ самоубійства для души, свершающей это преступленіе, но оно есть притомъ ударъ кинжала въ самое сердце человѣческаго общества. Ходъ событій превращаетъ въ разорительную дань самую прибыльную ложь, тогда какъ искренность оказывается наилучшею политическою мѣрою, потому что, вызывая откровенность, облегчаетъ взаимныя, обоюдныя отношенія и измѣняетъ сдѣлку въ дружбу. Имѣйте къ людямъ довѣріе, и они будутъ довѣрчивы къ вамъ; обходитесь съ ними великодушно, и они проявятъ свою возвышенность съ вами, хоть, можетъ быть, по исключенію и наперекоръ своимъ принятымъ правиламъ.

При обстоятельствахъ затруднительныхъ и непріятныхъ, благоразуміе заключается не въ уверткахъ и въ побѣгѣ,

но въ мужествѣ. Кто хочетъ вступить въ свѣтлыя области жизни, тотъ долженъ приковать себя къ рѣшимости, прямо смотрѣть въ лицо тому что̀ наводитъ на него страхъ, и страхъ снимется какъ рукой. Латинская пословица говоритъ: „въ битвѣ пораженіе начинается съ глаза“; и точно: оробѣвшій глазъ чрезвычайно преувеличиваетъ предстоящія опасности. Ужасъ, наводимый бурею, по преимуществу забирается въ каюты и камеры, но матросы и кормчій безустанно спорятъ съ нею, и ихъ силы возобновляются въ борьбѣ, пульсъ бьется ровно, какъ въ майскій солнечный день.

Истинное благоразуміе не дозволитъ намъ тоже вести вражду съ кѣмъ-бы то ни было. Мы часто отказываемъ въ сочувствіи и въ короткости окружающему, но дождемся-ли мы лучшаго сочувствія, бо̀льшей короткости? Жизнь проходитъ въ нашихъ приготовленіяхъ жить. Друзья наши и спутники умираютъ далеко отъ насъ; мы становимся слишкомъ стары, чтобы слѣдовать за новизною или снискивать покровительство сильныхъ и богатыхъ. Конечно, въ средѣ насъ окружающей много найдется недостатковъ; конечно, въ мірѣ есть имена, восхитительныя для воображенія, звучныя для лепета устъ нашихъ, — хороша и сладка была-бы жизнь, когда-бы можно проводить ее съ желанными спутниками.... Но если по различнымъ особенностямъ характера, вы не сойдетесь съ ними душа въ душу, они останутся для васъ недосягаемы. Когда не Божество, а самолюбіе завязываетъ узелъ людскихъ сношеній, могутъ-ли онѣ быть хороши, могутъ-ли быть продолжительны?

И такъ, истина, искренность, мужество, любовь, смиреніе и всевозможныя добродѣтели служатъ опорою благоразумія или, говоря иначе, умѣнія упрочить за собою земныя блага. Не знаю, убѣдятся-ли когда-нибудь въ томъ, что весь матеріальный міръ образованъ изъ одного газа — водорода-ли то, или кислорода; но міръ нравственный положительно весь выкроенъ изъ одного цѣлаго; недѣлимаго: начните откуда угодно, вамъ придется вскорѣ удостовѣриться, что необходимо протвердить десять, намъ данныхъ заповѣдей.

III.

Героизмъ.

У старинныхъ англійскихъ драматурговъ, въ особенности у Бьюмонта и Флетчера, до того постоянно высказывается пониманіе чести и благородства, что можно прійти къ заключенію, что благородство поступковъ составляло отличительный характеръ общественной жизни въ ихъ время, точно также, какъ въ нашемъ американскомъ народонаселеніи отличаютъ людей по цвѣту кожи. Явится-ли, напримѣръ, на сцену какой-нибудь Родриго, Педро, Валерій, и неизвѣстный и незнакомый, — тѣмъ не менѣе, герцогъ или градоначальникъ тамошней страны тотчасъ воскликнетъ: „*Вотъ истинный джентльмэнъ!*“ и начнетъ расточать ему вѣжливости и учтивости. Нѣкоторый героическій полетъ въ характерѣ и въ рѣчи, что̀ такъ хорошо идетъ къ красотѣ и къ блестящей наружности, которыми эти авторы любили одарять своихъ героевъ — напр. Бондуку, Софокла, Безумца-Любовника и проч. — придаетъ говорящему лицу столько пылкости, столько чистосердечія, и такъ прямо истекаетъ изъ самой сущности

его природы, что при малѣйшемъ поводѣ, при малѣйшемъ обстоятельствѣ, простой разговоръ самъ собою возвышается до поэзіи.

Не вдаваясь въ разборъ весьма малочисленныхъ примѣровъ героизма, представленныхъ поэтами и прозаиками, вспомнимъ только о Плутархѣ, этомъ преподавателѣ и лѣтописцѣ героизма. Онъ изобразилъ намъ Бразида, Діона, Эпаминонда, Спиціона и другихъ исполиновъ временъ минувшихъ, чья жизнь служитъ опроверженіемъ трусости и безнадежности политическихъ и религіозныхъ теорій новѣйшихъ временъ. Отважное мужество, бодрая твердость, не навѣянныя тою или другою школою, а почерпнутыя въ самой крови, такъ и дышатъ въ каждомъ объ нихъ анекдотѣ, и доставили Жизнеописаніямъ Плутарха ихъ огромную знаменитость.

Такія книги, которыя возбуждаютъ въ насъ здоровыя, жизненныя силы, гораздо нужнѣе для насъ всѣхъ трактатовъ о политической или домашней экономіи. Жизнь можетъ сдѣлаться пиршествомъ для однихъ людей умудренныхъ; если-же станешь разсматривать ее изъ-за угла благоразумія, она обратитъ къ намъ лицо грозное, истомленное.

Нарушенія законовъ природы, свершенныя и предшественниками и современниками, налегли на насъ, и искупаются нами. Неловко и тяжело каждому живущему человѣку.... Чтó-же это, какъ не доказательство попранія законовъ, и естественныхъ, и разумныхъ и нравственныхъ? — И не только доказательство, но полное удостовѣреніе въ

томъ, что нужно было нарушеніе за нарушеніемъ для того, чтобы дойти до накопленія такой многосложности бѣдствій, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ. Война, чума, голодъ, холера обнаруживаютъ какое-то озлобленіе въ природѣ, которое бывъ возбуждено преступленіями человѣка, должно быть искуплено человѣческими страданіями.

На просвѣщеніи лежитъ обязанность снабжать человѣка оружіемъ противъ зла. Оно должно заблаговременно научить его, что онъ рожденъ въ эпоху, когда міръ стоитъ на военномъ положеніи, что общество и собственное его благосостояніе требуютъ, чтобы онъ не прохлаждался въ застоѣ миролюбія, но, разумный и спокойный, не вызывалъ и не страшился бури. Что жизнь и его доброе имя находятся въ полномъ распоряженіи человѣка и, что съ безукоризненною чистотою дѣйствій, съ неуклонною правдою на устахъ и съ соблюденіемъ наилучшихъ уставовъ приличій, ему нечего бояться черни и ея сужденій.

Что такое героизмъ? — Вотъ что: человѣкъ рѣшается въ своемъ сердцѣ приосаниться противъ внѣшнихъ напастей и удостовѣряетъ себя, что не смотря на свое одиночество, онъ въ состояніи перевѣдаться съ безчисленнымъ сонмомъ своихъ враговъ. Эту-то бодрую осанку души, называемъ мы — героизмомъ. Первая къ нему ступень: пренебреженіе приволія и безопаснаго мѣстечка. Затѣмъ слѣдуетъ довѣріе къ себѣ и убѣжденіе, что въ дѣйствительной энергіи есть достаточно могущества, чтобы исправлять всѣ приключающіяся съ человѣкомъ бѣдствія и презирать мелкими расчетами благоразумія. Герой отнюдь не ду-

маетъ, будто природа заключила съ нимъ договоръ, въ силу котораго, онъ никогда не окажется ни смѣшнымъ, ни страннымъ, ни въ невыгодномъ положеніи. Но истинное величіе раздѣлывается обыкновенно, разъ навсегда, съ общественнымъ мнѣніемъ и нисколько не заботится исчислять предъ нимъ то свои милостыни, то свои заслуги, чтобъ принести себѣ оправданіе и снискать его похвалу. Въ доблестной душѣ равновѣсіе такъ установлено, что внѣшнія бурныя смятенія не могутъ колебать ея воли, и подъ звуки своей внутренней гармоніи, герой весело пробирается сквозь страхъ и сквозь трепетъ, точно также, какъ и сквозь безумный разгулъ всеміpной порчи.

Героизмъ есть высшее проявленіе природы индивидуума; героизмъ слѣдуетъ чувству, а не разсужденію, и потому онъ прямъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Сущность его:—довѣріе къ себѣ; средства:—презрѣніе ко лжи, къ несправедливости, и сила переносить все, что̀ ни постараются навлечь на него клевреты зла. Героизмъ откровененъ и правосуденъ, великодушенъ, гостепріименъ, воздерженъ; онъ гнушается мелочными расчетами и пренебрегаетъ пренебреженіями. Дрянность обыденной жизни и ложное благоразуміе, благоговѣющее предъ богатствомъ и здоровіемъ, служатъ предметомъ его добродушныхъ насмѣшекъ. — Герой можетъ, на нѣкоторое время, стоять въ разладѣ съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ, не исключая людей великихъ и мудрыхъ; но онъ не унываетъ, а повинуется своему врожденному, внутреннему призванію. И кто-же въ состояніи усмотрѣть всю разумную причину та-

кого-то дѣйствія, какъ не тотъ, кто свершаетъ его, ясно понимая въ чемъ оно заключается! Вотъ почему, даже въ людяхъ мудрыхъ и справедливыхъ зароняется временное недовѣріе до той поры, какъ они убѣдятся, что подобныя дѣйствія вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ собственнымъ воззрѣніямъ. Съ своей стороны, люди благоразумные косятся на такой *поступокъ* за его совершенное противорѣчіе ихъ чувственнымъ понятіямъ о благополучіи, потому что всякій героическій поступокъ измѣряется своимъ презрѣніемъ благъ внѣшнихъ. Когда-же, напослѣдокъ, и внѣшнія блага не обходятъ героя, тогда и осторожные люди принимаются величать и восхвалять его до небесъ.

Если нашъ духъ не властелинъ міра, то онъ дѣлается его игралищемъ. Каждый безграмотный человѣкъ можетъ прочувствовать не разъ въ своей жизни, что въ немъ есть что-то, незаботящееся ни объ издержкахъ, ни о здоровіи ни о жизни, ни объ опасностяхъ, ни о ненависти, ни о борьбѣ; что-то завѣряющее его въ превосходствѣ и возвышенности его стремленій, не смотря на всеобщее противорѣчіе и безвыходность настоящаго положенія. О, какія блага вселюбящая природа хранитъ для насъ, своихъ милыхъ дѣтей! не существуетъ, кажется, и промежутка между ничтожностью и величіемъ! А между тѣмъ, смазливый блондинчикъ, умирающій съ появленіемъ просѣди на головѣ, какими невинными глазами смотритъ онъ на жизнь! Какъ легкомысленны и самоувѣренны всѣ его суетствія! Онъ — то занимается нарядами, то печется о своемъ вожделѣнномъ здравіи, то вымышляетъ хитросплетенія и растав-

ляетъ сѣти и западни, чтобы подтибрить лакомый кусочекъ или упиться одуряющимъ нектаромъ; то кладетъ онъ всю душу и все блаженство на пріобрѣтеніе ружья, верховой лошади и осчастливленъ пустячною болтовнею, крошечнымъ комплиментомъ...

Добрые люди, живущіе по законамъ ариѳметики, замѣчаютъ какъ невыгодно гостепріимство и ведутъ низкій расчетъ тратѣ времени и непредвидимымъ издержкамъ, которыя имъ стоитъ гость. Напротивъ того, высокая душа гонитъ въ преисподнюю земли всякій неприличный, недостойный расчетъ и говоритъ: „Я исполню велѣніе Господа, онъ промыслитъ и огонь и жертву!“ По величію собственныхъ свойствъ, такая душа знаетъ, что предлагая свой домъ, свое время, свои деньги, не изъ тщеславія, а изъ доброжеланія, точно будто на самого Бога возлагаешь долгъ оказать и ей, въ случаѣ нужды, такое-же вспомоществованіе, потому что законъ возмездія исполняется въ совершенствѣ по всей вселенной. Время, повидимому утраченное, вознаграждается; заботы, принимаемыя нами о другихъ, сами собою несутъ благословеніе. Великодушныя существа развѣваютъ по всей землѣ пламя любви къ человѣку и возносятъ надъ всемъ человѣческимъ родомъ знамя общественныхъ добродѣтелей. Постановивъ себя выше стоимости съѣстныхъ припасовъ и цѣнности драпировокъ, великая душа, оказывая гостепріимство, какъ услугу и какъ ласку, предлагаетъ вамъ все, что̀ она въ состояніи предложить, и такой кусокъ хлѣба, такой ста-

канъ воды слаще и вкуснѣе роскошнѣйшихъ пировъ всѣхъ столицъ въ мірѣ.

Воздержность героя проистекаетъ не изъ одного уваженія къ своему человѣческому достоинству; нѣтъ, онъ любитъ умѣренность за ея изящность, а не за узкость; и не станетъ терять времени на то, чтобы высокопарно и горько сѣтовать на обычай пить вино, чай, опіумъ, ѣсть разныя мяса, одѣваться въ шелкъ, украшаться золотомъ. Самъ онъ едва замѣчаетъ, что̀ подносятъ ему за обѣдомъ, что̀ онъ носитъ на плечахъ, и жизньего, не распредѣленная по методѣ и по щепетильной акуратности, близка къ природѣ и къ поэзіи. Нашъ апостолъ индійцевъ Джонъ Эліотъ, пилъ одну воду, но онъ отзывался объ винѣ такъ: „Это славный, благородный напитокъ, и мы должны благодарить Бога, который далъ его намъ. Однако сколько мнѣ помнится, вода сотворена прежде вина".

Намъ разсказываютъ, будто Брутъ, послѣ сраженія при Филиппахъ, закалывая себя мечемъ, произнесъ стихъ Эврипида: „Всю жизнь слѣдовалъ я за тобою, о добродѣтель, и теперь вижу, что ты—мечта!" Я вполнѣ увѣренъ, что этотъ разсказъ—клевета на героя: великая душа не промѣняетъ на деньги своего благородства и своей правоты; она не гонится за вкусными обѣдами и за мягкими постелями. Сущность величія заключается именно въ убѣжденіи, что добродѣтель удовлетворяетъ сама себя, что ее краситъ бѣдность; ей не нужны богатства; при ихъ потери, она съумѣетъ обойтись и безъ нихъ.

Изъ всѣхъ качествъ людей-героевъ, болѣе всего прель-

щаетъ мое воображеніе ихъ невозмутимая добродушная веселость. Торжественно страдать, торжественно отважиться и предпринять, еще можно и при исполненіи весьма обыкновеннаго долга. Но великія души такъ мало дорожатъ успѣхомъ, мнѣніемъ, жизнію, что не имѣютъ и въ помыслѣ склонять враговъ просьбами, или выставлять на-показъ свои огорченія: онѣ всегда просто — велики. Томасъ Морусъ шутитъ на эшафотѣ; Сократъ осуждаетъ себя за то, что принималъ почести въ Пританеѣ; Сципіонъ, обвиненный въ взяточничествѣ, не унижаетъ себя оправданіями, но предъ лицемъ своихъ судей рветъ на клочки отчетъ въ израсходованныхъ суммахъ.

Не обойдемъ молчаніемъ важный фактъ: — нашу любовь къ герою. Кто изъ насъ не забывалъ самого себя, читая разсказы о высокихъ историческихъ личностяхъ и, еще ребенкомъ, не пряталъ подъ школьныя скамейки завѣтнаго романа, увлекавшаго его воображеніе? Всѣ описанныя возвышенныя качества и выспреннія доблести принадлежатъ уже намъ. Если наше сердце переполняется восторгомъ, слушая повѣствованія о твердости души такого-то Грека, о величіи такого-то Римлянина, это знакъ, что подобныя чувства уже сдѣлались доступны намъ самимъ. Тогда выясняется предъ нами обязанность сознать съ первыхъ шаговъ и отъ первой ступени лѣстницы восхожденія, что однѣ предразсудочныя мнѣнія по одной своей привычкѣ, все обусловливаютъ временемъ, мѣстомъ, пространствомъ, числомъ. И зачѣмъ словамъ: Греція, — Римъ, — Востокъ, — Италія — такъ сильно потрясать

нашъ слухъ? Будемъ лучше стараться о томъ, чтобы въ нашемъ, повидимому — тѣсномъ жилищѣ, на нашей еще незнаменитой родинѣ,—устроить храмину, достойную вмѣщать высокихъ посѣтителей. Поймемъ наконецъ и прочувствуемъ, что тамъ гдѣ жива душа, туда нисходятъ и Музы, и Боги, а не такое-то мѣсто, ознаменованное географическимъ положенiемъ. Этотъ фактъ важенъ!—опритесь на него и вскорѣ увидите, что въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живете вы, не замедлятъ посѣтить васъ искусства и природа, надежды и опасенiя, и друзья, и ангелы и Верховное Существо.

Великiй человѣкъ даруетъ славу мѣсту своего рожденiя; онъ знакомитъ и дружитъ свою родину съ воображенiемъ людей, и воздухъ, которымъ дышетъ онъ, кажется самою животворною стихiею для развитiя и образованiя многосторонняго ума и преизящнаго вкуса. Самая прекрасная страна та, гдѣ живутъ самые прекрасные люди. Тѣ дивные образы, которые носятся предъ нашимъ воображенiемъ, когда мы читаемъ про то, что могъ свершить Периклъ, Ксенофонъ, Колумбъ, Баяръ, не доказываютъ-ли намъ до какой степени мы опошляемъ нашу жизнь, безъ всякой надобности, тогда-какъ живя всею глубиною жизни, мы украсили-бы наши дни великолѣпiемъ, болѣе нежели патрiотическимъ, присовокупивъ къ тому дѣйствiя по такимъ началамъ, которыя касались-бы и человѣчества и природы, во все продолженiе нашего существованiя на землѣ.

Мы сами видали необыкновенно-даровитыхъ молодыхъ

людей, или мы слыхали о нихъ, и чтоже? они никогда не достигали зрѣлости, и роль ихъ, при нынѣшнемъ складѣ общества, отнюдь не была необыкновенна. Бывало, лишь только они заговорятъ о книгахъ, о жизни, о религіи, — ихъ видъ, ихъ осанка, ихъ рѣчи заставляли насъ дивиться ихъ превосходству, такъ справедливо казалось ихъ отвращеніе къ порядку вещей, всемірно-существующему, и такъ походилъ ихъ голосъ на голосъ юнаго гиганта, имѣющаго власть и посольство все измѣнить на лучшее. Но, съ полученіемъ должности, съ началомъ карріеры, гиганты понижаются до уровня обыкновенныхъ людей. Бывало, имъ служило, ихъ окружало чарами стремленіе къ тому идеалу, въ сравненіи съ которымъ, *дѣйствительность* кажется такою пошлою. Но закоснѣвшій свѣтъ отплачиваетъ за это; онъ кладетъ свое клеймо на ихъ грудь, лишь только они спустятъ ноги съ своего огненнаго рысака. Не нашли они притомъ ни образцовъ, ни сотоварищей и пали духомъ! — Такъ что́-же? урокъ, преподанный ихъ первоначальными стремленіями, тѣмъ не менѣе, есть сама истина, и со временемъ, другой человѣкъ, съ бо́льшею силою, чистотою и праведностью духа, осуществитъ ихъ помыслы, оставшіеся въ бездѣйствіи, и пристыдитъ этимъ міръ. — Почему и женщинѣ оставаться въ подчиненности предъ другими женщинами, уже прославленными въ бытописяхъ? — Сафо, Г-жи Севинье и Сталь, быть-можетъ, не вполнѣ удовлетворяютъ наши помыслы, но почему-же не удастся это ей? — Обязанность разрѣшить множество новыхъ и самыхъ увлекательныхъ вопросовъ лежитъ и на

женщинѣ. Да идетъ каждая возвышенная душа, ясно и твердо своимъ избраннымъ путемъ, пускай несетъ испытанія, возлагаемыя на нее каждымъ новымъ опытомъ, и поочередно примѣняетъ всѣ дары, посылаемые ей Богомъ, на укрѣпленіе своей силы и благодати. Молодая дѣвушка, которая, гнушаясь происками, установитъ въ себѣ, по собственному выбору, нѣкоторыя точныя правила и мѣрила высокаго; такая дѣвушка, не заботясь о средствахъ нравиться, но оставаясь всегда искренною и благородною, вдохнетъ нѣкоторую часть своего благородства въ каждаго изъ своихъ поклонниковъ. Она найдетъ одобреніе въ своемъ безмолвномъ сердцѣ, найдетъ и освѣженіе духа во всемъ существѣ своемъ. О другъ мой, не робѣйте при началѣ плаванія, бодро идите къ пристани, или носитесь по волнамъ съ Богомъ въ помощники! Вѣрьте мнѣ, не напрасно вы живете: вы веселите, вы очищаете каждый взглядъ, брошенный на васъ.

Нѣтъ такого человѣка, въ которомъ-бы никогда не прорывалась мимолетная вспышка, — трепетъ, — припадокъ великодушія. Но героизмъ истинный, непритворный, отличается своею выдержкою. Если въ васъ есть величіе, живите болѣе съ самимъ собою и не пытайтесь, изъ трусости жить въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ. Героизмъ — вещь не пошлая, а пошлость не героизмъ. А между тѣмъ, за всѣми нами водится слабость заискивать одобреніе людей въ дѣйствіяхъ, которыхъ превосходство состоитъ именно въ томъ, что онѣ выше сочувствія сегодняшняго дня, а подлежатъ болѣе поздней оцѣнкѣ правосудія. Вы рѣши-

лись оказать услугу ближнему? и не отступайте назадъ, подъ предлогомъ, что умныя головы вамъ этого не совѣтуютъ. Будьте прямы въ каждомъ своемъ поступкѣ и радуйтесь, если вамъ случится сдѣлать что-нибудь необыденное, замѣчательное и тѣмъ прервать однообразіе вѣка чопорныхъ и лицемѣрныхъ условій. Душѣ простой и мужественной совсѣмъ нейдетъ извиняться и оправдываться въ томъ, что̀ ей слѣдовало исполнить; она можетъ обозрѣвать всѣ свои поступки съ спокойствіемъ Фокіона, который, соглашаясь съ тѣмъ, что сраженіе окончилось благополучно, объявилъ, однакоже, что не раскаявается въ желаніи и усиліяхъ отклонить отъ него.

Времена героизма, обыкновенно бываютъ времена ужасныхъ переворотовъ; но есть-ли такое время, въ которое эта стихія человѣческой души могла-бы не найти себѣ упражненія. Говоря исторически о такихъ-то эпохахъ, о такихъ-то странахъ,—обстоятельства, въ которыхъ теперь живетъ человѣкъ, можетъ быть, лучше прошедшихъ. Съ бо̀льшимъ просвѣщеніемъ всюду проникло болѣе свободы; люди уже не хватаются за оружіе при малѣйшемъ разногласіи въ мнѣніяхъ, но героическая душа всюду найдетъ возможность заявлять свои высокія убѣжденія. Все доброе такъ еще нуждается въ поборникахъ и въ мученикахъ, и гоненія все еще продолжаются. Не вчера-ли еще храбрый Ловеджой *) выставилъ грудь свою на пули черни для

*) Ловеджой, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ аболиціонистовъ, ѣздилъ изъ города въ городъ, печаталъ журналы, издавалъ брошюры противъ торга и неволи Негровъ. Преслѣдуемый своими

охраненіи правъ свободы мысли, свободы слова и умеръ, потому что предпочелъ смерть — жизни.

Говорить правду, даже съ нѣкоторою строгостью, вести образъ жизни умѣренный, но съ тѣмъ вмѣстѣ благородно-щедрый, вотъ что̀ намъ кажется духовнымъ подвигомъ, предписываемымъ благою природою всѣмъ, кто находится въ довольствѣ и въ избыткѣ, хотя-бы для одного того, чтобы прочувствовать свое братство съ большинствомъ людей, пребывающихъ въ нуждѣ. Такой подвигъ необходимъ, не только для упражненія души добровольно-возложеннымъ искусомъ уединенія, воздержанія, постояннаго хладнокровія, но и для того, чтобы подготовить свой духъ и къ исключительнымъ напастямъ, которымъ мы можемъ быть подвержены: мучительныя и отвратительныя болѣзни, крики ненависти и проклятій, насильственная смерть.

Я не нахожу никакого другаго средства достигнуть совершеннаго мира души, какъ слѣдовать ея собственнымъ указаніямъ. Если окружающее общество стоитъ въ разладѣ съ такими естественными правилами, лучше отъ него отшатнуться и пробираться своею избранною тропою. Чувства простыя и высокія, безпрепятственно возникающія въ сердцѣ, служатъ закаломъ для характера и научаютъ дѣйствовать съ честью — если того потребуетъ необходимость — и въ народныхъ волненіяхъ и на плахѣ. Всѣ бѣдствія, когда-либо постигавшія людей, могутъ постигнуть и

противниками какъ лютый звѣрь, онъ принужденъ былъ бѣжать, настигнутый наконецъ ими, умерщвленъ въ собственномъ своемъ домѣ.

насъ, и весьма легко, особенно въ республикѣ, гдѣ обнаруживаются признаки религіознаго упадка. И потому, не излишне каждому, а тѣмъ болѣе молодому человѣку, освоить свою мысль съ безстыдною клеветою, съ огнемъ, съ висѣлицею, съ кипящею смолою и убѣдиться въ необходимости тàкъ твердо установить въ себѣ сознаніе долга, чтобы не оробѣть и предъ подобными муками, если завтрешнему журналу или достаточному числу сосѣдей, заблагоразсудится провозгласить васъ мятежникомъ.

Впрочемъ, сердце самое трепетное можетъ утишить всѣ опасенія грядущихъ бѣдствій, усмотрѣвъ, съ какою скоростью, природа кладетъ конецъ чрезмѣрнымъ ожесточеніямъ всякаго зла. Мы такъ быстро приближаемся къ предѣлу, за которымъ не погонится за нами ни одинъ изъ нашихъ враговъ. „Пусть ихъ себѣ безумствуютъ, говоритъ поэтъ, твой сонъ безмятеженъ въ могилѣ!“ — Среди мрака нашего невѣдѣнія того что будетъ, въ тѣ грустные часы, когда мы глухи къ божественнымъ голосамъ, — кто изъ насъ не завидовалъ предшественникамъ, чьи великодушныя усилія достигли желаннаго конца? Глядя на мелочность нашей политики, кто не поздравитъ въ душѣ своей Вашингтона, не сочтетъ его счастливцемъ, потому что онъ давно обернутъ саваномъ и сошелъ въ могилу, прежде чѣмъ въ немъ вымерла вѣра въ человѣчество? — Кто изъ насъ никогда не завидовалъ тѣмъ добрымъ и доблестнымъ, уже не страдающимъ отъ треволненій земнаго міра, но съ благосклоннымъ любопытствомъ выжидающимъ въ областяхъ высшихъ, окончанія перемолвокъ и отноше-

ній человѣчества съ природою вещественною? — А между тѣмъ, Любовь, которая можетъ оскудѣть здѣсь, отъ умноженія беззаконій, уже отнимаетъ у смерти ея жало и мощно завѣряетъ, что она безсмертна и исходитъ изъ глубины неизсякаемаго лона Существа абсолютнаго и предвѣчнаго.

IV.

Любовь.

Каждая душа — небесная восходняя звѣзда другой души. У сердца есть дни свои субботніе, свои юбилеи; въ продолженіи ихъ весь міръ кажется ему брачнымъ пиршествомъ, на которомъ и шелестъ листьевъ, и журчаніе водъ и голоса птицъ напѣваютъ ему эпиталамы. Любовь присуща всей природѣ какъ побужденіе и какъ награда. Любовь — высшее выраженіе изъ всего дара слова человѣка. Любовь, — это синонимъ Бога.

Каждое стремленіе, каждый обѣтъ нашей души получаетъ исполненія неизочтимыя; каждое пріятное удовлетвореніе соотвѣтствуетъ новой пробудившейся въ насъ потребности. Природа, эта неуловимая, но безустанная прорицательница, при первомъ движеніи нѣжности въ нашемъ сердцѣ, уже внушаетъ намъ всеобъемлющеее благоволеніе, которое поглощаетъ въ своемъ сіяніи всѣ расчеты себялюбія. Преддверіемъ къ этой полнотѣ блаженства служитъ личная наклонность къ любви между всемъ живущимъ на землѣ; наклонность эта дѣлаетъ жизнь человѣка очаро-

вательною; въ нѣкоторую эпоху его существованія, она одушевляетъ его почти — божественнымъ восторгомъ, производитъ переворотъ въ его духѣ и тѣлѣ, скрѣпляетъ его связь съ человѣческимъ родомъ и племенемъ, убѣждаетъ его подчиниться обязанностямъ семьянина и гражданина, вселяетъ въ него новое сочувствіе къ природѣ, удвояетъ силу его органическихъ способностей, вдохновляетъ воображеніе, присовокупляетъ къ его свойствамъ полеты героическіе, священные, служитъ основою брака и продолженіемъ человѣческаго общества.

Естественная связь чувства любви съ пылкостью крови, можетъ-быть, требуетъ отъ того, кто хочетъ описать эту страсть яркими красками, — такого качества, которое не отвергнетъ мгновенно-полученная опытность молодой дѣвушки или пламеннаго юноши. Я говорю о качествѣ молодости въ самомъ живописцѣ. Восхитительныя мечты юности отклоняются отъ терпкаго вкуса зрѣлой философіи и обвиняютъ ее въ желаніи охлаждать своими годами и педантствомъ кипучую пурпуровую кровь молодыхъ сердецъ. Почти увѣренъ, что такимъ членамъ Двора и Парламента Любви, я покажусь холоднымъ и жестокимъ; но на этихъ непреклонныхъ судей я подамъ апеляцію тѣмъ, кто еще старѣе меня. Потому что нужно взять въ соображеніе то, что чувство любви, начинающееся въ ранней молодости, не оставляетъ въ пренебреженіи и старость, или вѣрнѣе сказать, оно ограждаетъ отъ старости своихъ истинныхъ поклонниковъ, а воспламеняетъ людей несмотря ни на какой возрастъ, хотя весьма велика разница въ по-

ниманіи и въ степени благородства любви, между неопытною молодостью и умудренною зрѣлостью.

Любовь — огонь вѣчный. Сперва, случайная искра, вспыхнувъ въ одномъ сердцѣ, заронится въ другое и истлѣетъ потихоньку въ его уютномъ уголкѣ; потомъ, этотъ огонь разгорается, онъ блеститъ, онъ сіяетъ на безчисленное множество мужчинъ и женщинъ, отогрѣваетъ ихъ душу, и весь свѣтъ, всю природу озаряетъ своимъ великодушнымъ пламенемъ. И такъ, мы будемъ заботиться объ указаніи какова бываетъ любовь въ двадцать, въ тридцать лѣтъ и какова она въ восемдесятъ; — описывая ея проявленія въ самомъ началѣ или въ концѣ жизненнаго поприща, можно упустить изъ виду многое изъ главныхъ или изъ завершающихъ ея чертъ. Мы будемъ надѣяться одного, что посредствомъ тщательнаго изъисканія и съ помощью вдохновительницы — Музы, намъ удастся проникнуть въ самое святилище закона любви, который представитъ намъ истину вѣчно-юную, вѣчно-прекрасную, и до того составляющую средоточіе вселенной, что къ ней устремляется взоръ, подъ какимъ-бы угломъ направленія онъ ни находился.

Для достиженія этой цѣли, мы поставимъ первымъ условіемъ, откинуть слишкомъ робкое и слишкомъ узкое соглашеніе его съ фактами, съ существующимъ, а разсмотрѣть чувство любви такъ, какъ оно вносится въ душу съ своими обѣтами, съ своими упованіями, безъ примѣненія его къ событіямъ. Ибо почти каждый изъ насъ воображаетъ себѣ, что его жизнь смята, обезображе-

на, хотя въ сущности жизнь человѣка не такова, и ему самому доля другихъ кажется прекрасною, идеальною, тогда какъ въ своей собственной онъ видитъ, какою грязью заблужденій покрыты малѣйшіе плоды его опыта. Такъ, перенесясь воспоминаніемъ къ той дивной встрѣчѣ, къ той краеугольной красотѣ бытія, чье сердце не встрепенется опять и опять! — Но, увы! Богъ знаетъ почему, въ зрѣлые годы безчисленныя сожалѣнія изливаютъ свою горечь на всѣ воспоминанія любви и облекаютъ трауромъ каждое милое имя. Съ точки зрѣнія разума и въ смыслѣ истины, все оказывается прекраснымъ; но до чего печально все изведанное по опыту! Какое уныніе навѣваютъ подробности, хотя цѣлое полно достоинства и благородства. Тяжело признаться до чего нашъ міръ — міръ скорби и горести; до чего утомительно это царенiе времени и пространства, и сколько въ немъ кишитъ всеподтачивающихъ червей страха и заботъ! По милости идеала и мысли, въ немъ благоухаетъ и роза упоенія, — поочередно воспѣваемая всѣми музами; — возможна и ненарушимая ясность духа; но по вліянію именъ и лицъ, по раздробленію стремленій на вчера и сегодня, сколько, сколько въ немъ печальнаго!

Меня укоряли въ томъ, что основаніе моей философіи нелюдимость и что даже въ публичныхъ лекціяхъ, мое поклоненіе сути вещей дѣлаетъ меня неправымъ и равнодушнымъ къ отношеніямъ живыхъ людей. Теперь я трепещу, припоминая такіе приговоры, потому что область любви состоитъ изъ живыхъ людей, и самый черствый философъ, излагая обязанности юной души, затерянной въ природѣ

и жаждущей любить, готовъ карать какъ противуестественное вѣроломство, все что удаляется отъ стремленій къ общежительности.

Можно судить о могуществѣ этой прирожденной всѣмъ склонности по мѣсту, какое занимаютъ въ разговорѣ разсказы о сердечной связи двухъ личностей. Слыша о замѣчательномъ человѣкѣ, мы болѣе всего любопытствуемъ узнать исторію его любви. — Какія книги читаются по преимуществу? и сколько прочувствуется нами, при чтеніи правдоподобнаго романическаго вымысла? Что̀ въ теченіи жизни наиболѣе можетъ привлечь наше вниманіе, какъ не тотъ случай, который обнаружилъ предъ нами взаимную истинную любовь двухъ душъ? Можетъ быть, мы уже перестали ихъ видѣть и никогда болѣе не увидимъ, но онѣ обмѣнялись взглядомъ, онѣ выказали глубокое потрясеніе души, и они уже намъ близки, понятны. мы принимаемъ живѣйшее участіе въ ходѣ ихъ романа. Весь родъ человѣческій — это безспорно — любитъ образцоваго героя любви. И дѣйствительно, не смотря на то, что этотъ божественный восторгъ, нисходящій на насъ съ неба, по бо̀льшей части застигаетъ насъ въ молодости и несмотря на то, что за тридцать лѣтъ, мы едва-ли встрѣтимъ красоту, внѣ всякаго сравненія и критическаго разбора, однако память о такомъ видѣніи превосходитъ всѣ прочія воспоминанія и обвѣваетъ мимолетнымъ цвѣтомъ молодости лица давно-увядшія. И ка̀къ-бы ни были горьки плоды частной опытности, никто въ мірѣ не забываетъ той поры, когда сила небесная охватила его сердце и думы, возродила въ

глазахъ его всю вселенную, озарила пурпурнымъ свѣтомъ всю природу, пролила неизъяснимые чары на поздніе часы ночи, на ранній часъ утра и сталась для него предразсвѣтною зарею поэзіи, музыки, изящныхъ вдохновеній. Никто въ мірѣ не забываетъ той поры, когда отъ одного звука голоса такъ сильно билось его сердце; когда самое ничтожное обстоятельство, соприкасаясь къ милому существу, хранилось какъ кладъ въ сокровищницѣ памяти; когда недостовало глазъ, чтобъ налюбоваться; когда юноша дѣлается часовымъ у окна, любовникомъ перчатки, ленточки, колесъ экипажа; — когда нѣтъ мѣста, достаточно-уединеннаго и нѣтъ такого затишья, гдѣ-бы онъ могъ вдоволь предаться наплыву новыхъ мыслей, досыта наговориться съ воображаемою собесѣдницею, съ которою ведетъ сладкія, нескончаемыя рѣчи, какія и не приходили ему на умъ съ наилучшими друзьями: „ибо, какъ говоритъ Плутархъ, образъ, движенія, малѣйшія слова возлюбленной не рисуются, подобно прочимъ предметамъ, на поверхности водъ, „онѣ врѣзаны въ яркомъ пламени и становятся цѣлью полуночныхъ думъ“.

Позднѣе, гораздо позднѣе, уже на склонѣ жизни, мы трепещемъ при воспоминаніи о томъ времени, когда счастіе еще не было довольно счастіемъ, но алкало слезъ и волненій для своего пополненія. Хорошо понялъ тайну этого чувства тотъ кто сказалъ: „Всѣ остальныя радости жизни не стоютъ печали любви“.

Любовь пересоздаетъ міръ для молодой души, всему даетъ жизнь и значеніе. Природа дѣлается одушевленною.

Пѣніе птички находитъ отзвукъ въ любящемъ сердцѣ: несущіяся облака растилаютъ предъ нимъ образы; травы, деревья, цвѣты одарены смысломъ, и ему страшно промолвиться предъ ними въ тайнѣ, которую они такъ и хотятъ вывѣдать. Глаза открываются и не на одні красоты природы; чувство любви пробуждаетъ склонность къ гармоніи, къ поэзіи. По факту часто-замѣчаемому, многіе, подъ вдохновеніемъ страсти, писали превосходные стихи, какихъ не писывали никогда, ни прежде, ни послѣ.

Любовь дѣйствуетъ также сильно и на прочія способности. Она расширяетъ чувство, даетъ умъ шуту и храбрость трусу. Она можетъ до того воодушевить мужествомъ и рѣшимостью, что для снисканія благосклонности, влюбленный, по природѣ малодушный, даже низкій, бываетъ готовъ помѣряться съ цѣлымъ свѣтомъ. Но всего важнѣе то, что когда человѣкъ приноситъ ее въ беззавѣтный даръ другому, любовь осыпаетъ собственно его самыми щедрыми дарами. Въ немъ обновляется все бытіе, являются новыя воззрѣнія, новый образъ понятій, отчетливость, выдержка и стремленія, проникнутыя священною торжественностью. Теперь, онъ уже не порабощенное достояніе семьи, общества; онъ самъ сталъ нѣчто: онъ человѣкъ, онъ душа.

Присмотримся ближе къ свойству этого вліянія, имѣющаго столько власти на молодые годы человѣка. Вотъ она, красота воплощенная! мы поклоняемся ей съ удивленіемъ, благословляемъ ея появленіе нашему взору всюду, гдѣ соизволяетъ она возсіять. Какъ дивно ея очарованіе! Самой ей, кажется, ничего не нужно, но сердце, благоговѣющее

предъ нею, можетъ-ли представить ее себѣ въ бѣдности, въ одиночествѣ? Чистая, прелестная какъ весенняя роза, она всему даетъ жизнь, всюду пробуждаетъ кроткое умиленіе и дѣлаетъ яснымъ для своего поклонника, почему красоту всегда изображали окруженную амурами и граціями. Красота есть одно изъ сокровищъ міра; тотъ, кто съ любовью поклоняется ей, можетъ равнодушно смотрѣть на все остальное и находить его ничтожнымъ, нестоющимъ вниманія; она вознаграждаетъ за всѣ лишенія, перенося его въ сферу вольную, широкую, всемірную, гдѣ стираются личности, и одна эта красота дѣлается олицетвореніемъ всего, что̀ насъ манило и привлекало. Друзья могутъ находить, что она похожа на отца, на мать свою, напоминаетъ даже такое-то постороннее лицо, но тотъ, кто ее любитъ, тотъ знаетъ, что она можетъ имѣть сходство лишь съ тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, съ солнечнымъ утромъ, пышащимъ золотомъ и алмазами, съ небесною радугою, съ соловьиною пѣснью.

И всегда красота останется то, чѣмъ считали ее древніе: *божественною*, называя ее: порою цвѣтенія добродѣтели.

Кто изъяснитъ намъ это непостижимое трудное дѣйствіе, которое при видѣ такого-то лица, такой-то осанки, поражаетъ насъ какъ внезапный лучъ свѣта? Мы проникнуты радостью, нѣжностью, и не знаемъ сами откуда взялось это сладостное умиленіе, откуда сверкнулъ этотъ лучъ. И дѣйствительность, и воображеніе рѣшительно запрещаютъ намъ приписывать такое ощущеніе вліянію орга-

низма; не проистекаетъ оно и изъ тѣхъ поводовъ къ любви и къ дружбѣ, которые извѣстны свѣту и общеприняты въ немъ. Какъ мнѣ кажется, оно вѣетъ на насъ изъ среды прелести и нѣжности неземной, изъ сферы, несходной съ нашею и для насъ недоступной; изъ того края волшебствъ, которому здѣсь служатъ символомъ розы, фіялки, лиліи, возбуждая въ насъ о немъ предчувствіе.

Намъ не наложить цѣпей на красоту; сходная по своему существу съ переливчатою игрою голубиныхъ крыльевъ, она склонится надъ нами и исчезнетъ. Въ засвидѣтельствованіе своей однородности со всемъ, что̀ есть обаятельнаго на землѣ, она даритъ насъ радужными проблесками, но обращаетъ въ тщету усилія человѣка овладѣть ею и сдѣлать изъ нея свое обыденное употребленіе. Слова наши подтверждаются тѣмъ, что сказалъ Жанъ-Поль-Рихтеръ о музыкѣ: „О смолкни, смолкни! Ты нашептываешь мнѣ о вещахъ, которыхъ я никогда не находилъ, которыхъ мнѣ не найти никогда“.

Тоже самое можно замѣтить о произведеніяхъ пластическаго искусства. Статуя прекрасна тогда, когда циркуль и аршинъ не могутъ служить ей мѣриломъ, но когда силою воображенія находишься въ состояніи постигнуть ее и воспринять то дѣйствіе, которое она готовится свершить. Ваятель всегда изображаетъ своего героя или полубога въ состояніи переходномъ, между тѣмъ что̀ видимо и тѣмъ что̀ невидимо нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; при такомъ условіи, статуя перестаетъ быть камнемъ. Эта замѣтка можетъ отнестись и къ живописи. Что̀ касается до поэзіи, то

успѣхъ ея не вѣренъ, пока она довольствуется услаждать насъ и баюкать; но онъ несомнѣненъ тогда, когда она поражаетъ насъ изумленіемъ, восторгомъ и наполняетъ жаждою *недостижимаго*. Убѣжденный въ этомъ фактѣ, Лендоръ (*) ставитъ вопросъ, не имѣетъ-ли поэзія отношеній къ чему-то чище ощущеній и выше опытности?

Такова должна быть и воплощенная красота, предметъ любви своего поклонника. Она восхитительна, когда, при полной естественности, кажется, однако, недоступною; когда, отторгая насъ отъ всякой опредѣленной цѣли, она будто начинаетъ намъ сказывать безконечную волшебную сказку и, вмѣсто того, чтобы удовлетворять наши земныя желанія, будитъ въ насъ прочувствія, провидѣнія, а сама сдается намъ: „слишкомъ превосходною, слишкомъ роскошною для насущнаго хлѣба человѣка"; — наконецъ, восхитительна она тогда, когда зароняетъ въ любовникѣ сознаніе, какъ онъ ее недостоинъ, какъ невозможно ему — будь онъ самъ Цесарь — укрѣпить за собою права надъ нею, потому что невозможно-же ему присвоить себѣ и твердь небесную и великолѣпный закатъ солнца.

Есть пословица: „Если я васъ люблю, какое вамъ до того дѣло?" — Говоря такъ, мы хорошо понимаемъ, что любовь наша не зависитъ отъ вашей воли, но преобладаетъ надъ вашею волею, потому что мы любимъ тотъ лучъ, исшедшій изъ васъ, — не собственно васъ, не вашу

(*) Севеджъ Лендоръ, отличный поэтъ и прозаикъ. Авторъ; „*Вымышленныхъ разговоровъ*".

личность, но то *нѣчто*, которое вы даже не сознаете въ себѣ и, можетъ-быть, никогда не сознаете.

Это согласуется какъ нельзя лучше съ возвышенными понятіями о красотѣ, которыми услаждались древніе философы. „Душа человѣка, говорили они, окованная на землѣ плотію, блуждаетъ туда и сюда, въ поискахъ другаго міра, своей настоящей родины, которую она покинула для пришествія сюда; но, ослѣпленная свѣтомъ вещественнаго солнца, она можетъ различать одни предметы здѣшняго міра, которые ничто иное, какъ тѣнь предметовъ существенныхъ. Затѣмъ-то, на встрѣчу души, Божество посылаетъ Юность и Красоту, дабы прекрасные тѣлесные образы служили ей крыльями для возношенія воспоминаній о добрѣ и о красотѣ небесной. Вотъ почему, при видѣ красавицы, мужчина стремится къ ней и вкушаетъ величайшее наслажденіе отъ созерцанія лика, движеній, разума прекрасной женщины оттого, что ея присутствіе наводитъ на его мысль отраженіе красоты несотворенной и источника всякой красоты“.

Но если, слишкомъ обживясь съ тѣломъ, душа человѣка огрубѣла и поставляетъ все свое наслажденіе въ матеріи,—единственнымъ ея достояніемъ будетъ тоска и разочарованіе, потому что тѣлу невозможно осуществить обѣтовъ красоты. Если-же, достойно воспріявъ вспоможенія, приносимыя ей красотою въ провидѣніяхъ и вдохновеніяхъ, душа, проникнувъ сквозь плоть, прямо устремляется къ отличительнымъ чертамъ свойствъ, и любовники оцѣняютъ другъ друга по выраженію духа въ словахъ и

поступкахъ, тогда вступаютъ они въ храмъ красоты нетлѣнной; любовь ихъ все болѣе возрастаетъ, усиливается, и какъ отъ блеска солнца меркнетъ пламень очага, такъ въ сіяніи такой любви угасаетъ унизительность склонностей, и все становится чисто и свято.

Отъ безпрерывной бесѣды съ прекраснымъ, великодушнымъ, возвышеннымъ и чистосердечнымъ, любовникъ достигаетъ весьма тонкой оцѣнки всего благороднаго, священнаго, и прилѣпляется къ нимъ все тѣснѣе и горячѣе. И въ довершеніе, вмѣсто того, чтобы любить все прекрасное въ одномъ предметѣ, онъ возлюбитъ его во всѣхъ предметахъ; такимъ образомъ, прекрасная душа, обожаемая имъ, дѣлается преддверіемъ, чрезъ которое онъ проникаетъ въ святилище, гдѣ пребываютъ сонмы душъ правды и чистоты. Съ другой стороны, вслѣдствіе короткаго сближенія съ подругою, изощряется его проницательность. Онъ начинаетъ различать недостатки и пятна, наложенныя на нее человѣчностью; однако, съ взаимною радостною готовностью и безъ тѣни оскорбленія, даже помысломъ, они замѣчаютъ другъ другу погрѣшности, несовершенства и простираютъ руку помощи на обоюдное уврачеваніе. Напослѣдокъ, уловляя почти въ каждой душѣ черты красоты божественной и отдѣляя божественную часть отъ порчи, заимствованной отъ земли, по различнымъ ступенямъ высоты душъ человѣческихъ, любящее сердце восходитъ до вершины любви, красоты и постиженія божественнаго.

Всѣ истинные мудрецы, во всѣ времена, не препода-

вали о любви иного ученія. Оно ни ново, ни старо. Его излагали Платонъ, Плутархъ и Апулей; его исповѣдывали Петрарка, Микель-Анджело и Мильтонъ. Въ наши дни, необходимо должно развить такой взглядъ и твердо противопоставить его тому подземному благоразумію, по внушенію котораго устроиваются нынѣшніе браки, гдѣ всѣ слова взяты отъ персти, гдѣ не слышится ни малѣйшей посылки на міръ высшій, и гдѣ глазъ до того уставленъ на хозяйство, на обиходъ, что въ самомъ обмѣнѣ наиважнѣйшихъ мыслей, все еще пахнетъ кухоннымъ чадомъ. Горше этого то, что такое чувственное и грязное благоразуміе проникаетъ въ воспитаніе молодыхъ дѣвицъ, изсушаетъ наилучшія надежды и стремленія всего человѣчества толкованіемъ, будто-бы бракъ значитъ хорошо-устроенное хозяйство, и будто-бы цѣль жизни женщины заключается единственно въ этомъ.

Видѣніе любви, какъ оно ни прекрасно, составляетъ однако лишь одну сцену въ драмѣ жизни. На пути своего развитія извнутри во внѣшность, какъ свѣтъ, исходящій изъ небеснаго свѣтила, какъ кремень брошенный въ лоно водъ, душа наша безпрестанно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій и обозрѣній. Лучи ея сначала озаряютъ предметы ближайшіе: игрушки, домашнюю утварь, кормилицу, слугъ, домъ, садъ, прохожихъ; словомъ, кругъ семейнаго быта; потомъ они падаютъ на науку, на знанія политическія, историческія, географическія. Но, по условію нашего бытія, все группируется около насъ по законамъ высшимъ и неотъемлемо намъ принадлежащимъ. Мало-по-

малу, сосѣдственное, численное, привычное, личное теряетъ надъ нами свое могущество, и настаетъ пора властвованія причины и послѣдствія; пора сочувствій истинныхъ, желанія установить гармонію между потребностями души и внѣшними обстоятельствами; пора стремленій возвышенныхъ, прогрессивныхъ, идеализирующихъ все, къ чему онѣ ни коснутся, — — о, тогда, сдѣлать попятный шагъ, снизойти отъ отношеній высшихъ къ отношеніямъ низшимъ, становится рѣшительно невозможно. Такъ и съ любовью, обоготвореніе извѣстнаго лица, незамѣтно и безсознательно, со дня на день становится все безличнѣе.

Молоденькія дѣвочки и мальчики, которые изъ конца въ конецъ многолюдной залы, перебрасываются такими значительными взглядами, и не помышляютъ и не предугадываютъ какой драгоцѣнный плодъ созрѣетъ, со временемъ, изъ ихъ теперешняго суетнаго желанія нравиться наружностью! Такъ въ царствѣ растительномъ, жизнь сперва пробуждается отъ *раздражительности* коры и возниканія листьевъ. Обмѣнявшись взорами, они доходятъ до изъявленій внимательности, до угожденій; наконецъ, взаимная склонность повершается брачнымъ союзомъ. Въ пылу страсти, предметъ ея кажется всесовершеннымъ единствомъ, въ которомъ душа тѣлесна, а тѣло духовно: „Ея кровь, чистая, краснорѣчивая, такъ ясно выражалась рдѣніемъ щекъ, что было видно, кàкъ все ея тѣло дышетъ думою“.

О кàкъ хотѣлось-бы Джуліеттѣ, чтобы тѣло умершаго Ромео раздробилось въ звѣзды, на освященіе небесъ! Такъ

и для этой четы, въ жизни нѣтъ другой цѣли: Ромео не ищетъ ничего, кромѣ своей Джуліетты, Джуліетта живетъ однимъ Ромео. Ночь и день, наука, искусства, судьба царствъ, религія, все сливается въ этой формѣ, преисполненной души, въ этой душѣ, которая вся обаятельная форма! Сладостны для любящихъ обоюдная внимательность, признанія, ласки; ихъ разлука облегчена воспоминаніемъ и безпрерывнымъ обращеніемъ другъ къ другу. Видитъ-ли онъ эту звѣзду, это облако? читаетъ-ли онъ эту самую книгу? тоже-ли чувствуетъ теперь, что̀ я? Они погружаются въ измѣреніе, въ постиженіе своей любви, умышленно воображаютъ себя обладателями несмѣтныхъ богатствъ, почестей, друзей, и удостовѣряются съ восторгомъ, что охотно и радостно отдали-бы всѣ эти блага за него, за этого единственнаго друга и, напротивъ, никакъ не потерпѣли-бы, чтобы хоть одинъ волосокъ насильственно былъ снятъ съ его возлюбленной головы.

Но и эти дѣти имѣютъ удѣлъ, общій всѣмъ смертнымъ. Ихъ не обходитъ горе, опасность, страданіе. Любовь прибѣгаетъ тогда къ молитвѣ и въ своихъ мольбахъ, дѣлаетъ договоры, возсылаетъ обѣты къ Силамъ вышнимъ; имъ поручаетъ она охраненіе любимаго существа. Связь, скрѣпленная такимъ образомъ и придающая такую цѣну каждому атому въ природѣ — потому что она превращаетъ въ золотой лучъ малѣйшую нить всей ткани отношеній и омываетъ душу стихіею новою, болѣе чистою, — и такая связь есть только состояніе временное. — Цвѣты, перлы, поэзія, страстныя клятвы, даже то святилище, пріявшее

насъ въ сердцѣ другаго, не могутъ навсегда удовлетворить величественной души, обитательницы нашей персти. Пробужденіе настаетъ: она высвобождается изъ тѣсныхъ человѣческихъ объятій, облекается во всеоружіе и ищетъ цѣли всеобъемлющей и безконечной. Души супруговъ, жаждущія блаженства и совершенства, не могутъ не подмѣтить одна за другой недостатковъ, странностей, неполноты гармоніи. Это не обходится безъ болѣзненнаго удивленія, столкновеній, страданій;—между тѣмъ, то что̀ съ самаго начала привлекало ихъ другъ къ другу, то есть, проблески добра и любви, хоть и не съ прежнимъ обаяніемъ, но все продолжаютъ появляться и поддерживаютъ ихъ союзъ; однако вниманіе, прежде сосредоточенное на одномъ, начинаетъ переноситься съ проблесковъ на суть. Она врачуетъ неудовлетворенное или раздраженное чувство. Тѣмъ временемъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, безпрестанно измѣняя обстоятельства, положенія, отношенія обоихъ супруговъ и. поставляя ихъ другъ предъ другомъ во всевозможныхъ видахъ, даетъ имъ способъ извѣдать всю полноту ихъ силы и ихъ слабости. И такова сущность и конечная цѣль брачнаго союза, чтобы каждый изъ супруговъ олицетворилъ другому весь родъ человѣческій. Все находящееся въ мірѣ должно быть познано человѣкомъ, который самъ есть вмѣстилище всего, что̀ находится въ мірѣ. „Другъ, данный намъ любовью, подобно маннѣ, представляетъ на нашъ вкусъ все, что ни есть на свѣтѣ“.

Земля совершаетъ свои круговращенія, обстоятельства мѣняются ежечасно. Всѣ ангелы, обитающіе храмину че-

ловѣческаго тѣла, проглядываютъ въ окна; проглядываютъ изъ-за нихъ и духи зла и пороковъ.—Основаніемъ брака служитъ добро. Если есть оно, супруги откровенно сознаются въ своихъ недостаткахъ и стараются избѣгать ихъ. Любовь, прежде слишкомъ пламенная, очищается временемъ и, теряя свой избытокъ, вознаграждается опытностью и дѣлается взаимнымъ добрымъ согласіемъ. Они устанавливаютъ безъ малодушнаго ропота обмѣнъ тѣхъ услугъ, которыя мужчина и женщина — каждый въ духѣ своего пола — должны оказывать другъ другу, и страсть, которая, бывало, искала себѣ пищи въ одномъ лицезрѣніи обожаемаго предмета, обращается въ менѣе ребяческую и болѣе дѣльную опору, предлагаемую обоюдно и въ присутствіи и въ отсутствіи. Наконецъ доходятъ они и до удостовѣренія, что обаятельные чары и священный призывъ, которые такъ сильно влекли одного къ другому, преходящія по своему примѣненію, имѣютъ однако-же цѣль опредѣленную, походя въ этомъ отношеніи на подмостки, необходимыя для возведенія зданія, но которыя должны быть сняты, когда окончено зданіе.

Очищеніе сердца, просвѣтлѣніе разума, вотъ истинная цѣль брака; цѣль предусмотрѣнная, предуготовленная отъ начала и безъ ихъ вѣдома. И когда я подумаю о достиженіи подобной цѣли посредствомъ брака, которымъ мужчина и женщина,—два лица, одаренныя свойствами столь различными и столь относительными — соединяются на житье подъ однимъ кровомъ, въ продолженіи сорока или пятидесяти лѣтъ, я не удивляюсь тому, что сердце, съ са-

маго ранняго дѣтства пророчитъ намъ это верховное повершеніе; я не удивляюсь тому, что столько чаръ и приманокъ инстинктивно увлекаютъ человѣка къ брачному ложу, и что всѣ изящныя искусства, всѣ произведенія ума наперерывъ несутъ свои дары и свои пѣсни на хвалу гименея.

Это путь къ той любви, которая уже не знаетъ ни пола, ни лицъ, ни пристрастій, но которая всюду ищетъ добро и мудрость, не заботясь болѣе ни о чемъ, какъ о приращеніи добра и мудрости. Склонные по природѣ къ наблюдательности, мы, слѣдовательно, способны изо всего извлекать поученія. Вотъ наша постоянная опора.

Намъ случится дойти и до сознанія, что чувства, безцѣнныя въ глазахъ нашихъ, были однимъ кратковременнымъ отдыхомъ. Не безъ борьбы, не безъ боли, предметы нашей привязанности измѣняются какъ предметы нашего мышленія. Бываетъ пора, когда чувство вполнѣ властвуетъ надъ человѣкомъ, поглощаетъ все его существо и дѣлаетъ его зависимымъ отъ одного или отъ нѣсколькихъ лицъ. Но отрезвленіе настаетъ, духъ снова начинаетъ прозрѣвать неизмѣримую твердь, сіяющую незаходимыми свѣтилами. Жгучія привязанности, жгучія опасенія, которыя наволоклись на насъ какъ тучи, теряютъ свою земную тяготу и обрѣтаютъ Бога, вѣнецъ совершенствъ.

Не будемъ бояться развитія души, подъ какими-бы то ни было видами; довѣримся ей до послѣдней крайности

съ полнымъ убѣжденіемъ, что чувство, прекрасное, неотразимое чувство любви, можетъ быть замѣнено и замѣщено только такими чувствами, которыя еще прекраснѣе, еще возвышеннѣе его.

V.

Дружба.

Мы не сознаемся ни себѣ ни другимъ, до какой степени мы доступны привязанностямъ. Наперекоръ эгоизму, остужающему землю какъ сѣверные вѣтры, стихія любви своею божественною атмосферою обвиваетъ весь родъ человѣческій. Сколько у каждаго изъ насъ сохраняется въ памяти такихъ личностей, съ которыми едва обмѣнялся словомъ, и между тѣмъ знаешь, что любишь ихъ, а они насъ. Сколько людей попадутся намъ то на улицѣ, то въ церкви, и въ насъ вдругъ пробудится чувство радости, и всегда при безмолвной встрѣчѣ съ ними, опять становится весело на душѣ. Вникните въ смыслъ многихъ случайно-бросаемыхъ взлядовъ: онъ очень понятенъ сердцу.

Человѣческое сочувствіе коснется насъ, и все вокругъ привѣтно улыбается. Впечатлѣнія, производимыя на насъ поэзіею, дружескою бесѣдою, или знакомъ участія и доброжеланія, можно сравнить съ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ тепла и огня. Но еще живительнѣе, еще ярче оза-

ряетъ душу и вызываетъ ее на дѣятельность и на подвигъ то лучшее благо жизни, наша способность чувствовать, начиная отъ простаго движенія добраго расположенія до высшей степени пламенной любви.

Сами наши умственныя силы увеличиваются отъ мѣры привязанности. Сочинитель садится писать; онъ долго обдумывалъ предметъ, но прекрасныхъ мыслей нѣтъ и слѣда; выраженія не ладятся, какъ ни бейся; вдругъ онъ принимается за письмо къ другу, и прелестнѣйшія мысли, образы стекаются со всѣхъ сторонъ и находятъ себѣ слова, какъ на подборъ. Посмотрите, въ томъ домѣ полномъ радушія и уваженія къ человѣку, готовятся принять въ первый разъ знаменитаго гостя. Что̀ за волненіе въ добрыхъ сердцахъ, что̀ за суета! „И тотъ и другой наговорили уже намъ о незнакомцѣ, но мы одни въ состояніи вполнѣ оцѣнить его прекрасныя рѣдкія качества. Онъ олицетворитъ намъ наконецъ образецъ человѣчества... Но что̀ же сдѣлаемъ мы? ка̀къ вступимъ съ нимъ въ разговоръ, въ близкое сношеніе?“ — На насъ почти находитъ страхъ и безпокойство. По счастью, они подстрекаютъ, одушевляютъ насъ. Изжененъ на время любимый нашъ духъ молчанія: мы говоримъ лучше, чѣмъ когда-либо, выносимъ изъ хранилища давнишней и самой затаенной опытности цѣлыя кипы богатыхъ, задушевныхъ, остроумныхъ подмѣтокъ; — знакомые и родственники не надивятся откуда у насъ все это набралось; мы готовы не смолкать цѣлые часы. Но, по мѣрѣ того, какъ знаменитый гость начинаетъ обнаруживать предъ нами, здѣсь — пристрастіе,

тамъ — недостатокъ, а тамъ — присяжную систематичность, очарованіе прерывается, оно исчезаетъ.

Уже въ первый и въ послѣдній разъ, слышалъ онъ отъ насъ превосходныя наши рѣчи. Увы! онъ для насъ ужъ не великій Неизвѣстный: ограниченность, недоразумѣнія, грубая пошлость — какія старинныя знакомыя! — Теперь, когда онъ опять придетъ, его приметъ моя прибранная и принаряженная обстановка, мое праздничное платье, мой хорошій обѣдъ, но — трепета сердца, но — изліяній души, ихъ онъ уже не дождется.

Каюсь, на счетъ дружбы, я по природѣ склоненъ къ чрезмѣрному увлеченію. Для меня почти опасно приближать уста къ сладкому яду опрометчивыхъ привязанностей. Новое лицо всегда бываетъ для меня событіемъ огромной важности, и всю ночь не даетъ мнѣ заснуть. Еще недавно замечтался я, послѣ встрѣчи съ двумя-тремя добрыми малыми; но къ утру восторгъ мой охладѣлъ и остался безъ послѣдствій: онъ не оплодотворилъ во мнѣ ни одной мысли, онъ ни въ чемъ не улучшилъ моего образа дѣйствій. Такія бродячія вспышки хороши для любопытства, но не для жизни; имъ не должно поддаваться: это ткань паутинная, а не прочная одежда.

Иногда я сильно досадую на общество и бѣгу въ уединеніе; однако во мнѣ еще держится справедливость, и я никогда не запру своихъ дверей для людей милыхъ, мудрыхъ, благородныхъ по природѣ; и тотъ кто меня выслушиваетъ, и тотъ кто меня понимаетъ, становится моимъ присныъ, моимъ достояніемъ вѣчнымъ. Природа не бѣд-

на! Отъ времени до времени она посылаетъ мнѣ это наслажденіе, и тогда мы принимаемся кроить общественную ткань по нашему мѣрилу, по новому образцу отношеній. Разнообразныя мысли, какъ звенья примыкаютъ одна къ другой и сами собой образуютъ сплошное цѣлое: смотришь, мы сами уже очутились вслѣдъ за ними въ мірѣ новомъ, сотворенномъ нами; мы уже не иноплеменники, не бездомные скитальцы на планетѣ, покоящейся на преданіяхъ, намъ и довременныхъ и чуждыхъ.

Возможно-ли не обращать вниманія на порывы чувства, возсоздающаго для каждаго изъ насъ міръ во всей его юной прелести? Что̀ можетъ сравниться съ прямымъ и твердымъ соединеніемъ двухъ душъ въ одномъ стремленіи, въ одной привязанности, въ одной мысли! — Самые шаги существа правдиваго, одареннаго свойствами неба, отдаются въ сердцѣ ликованіемъ; отъ одного его вида свѣтлѣетъ солнце. Въ то время, когда мы извѣдываемъ что̀ такое истинное чувство, вся земля преображается; мы не замѣчаемъ ни мрака, ни зимы, забываемъ о житейскихъ драмахъ, о томительной скукѣ; забываемъ о самихъ обязанностяхъ. Свѣтлые образы нашихъ любимцевъ одни носятся предъ нами въ вѣчности, и еслибы душѣ нашей далась непоколебимая увѣренность, хоть когда-нибудь, въ какой-бы то ни было области вселенной, навсегда соединиться съ возлюбленнымъ существомъ, она-бы рада, она бы готова провести въ одиночествѣ цѣлые десятки столѣтій.

Со всевозможнымъ благоговѣніемъ благодарю я Бога за

моихъ друзей, старыхъ и новыхъ, и называю Его, ежедневно украшающаго жизнь мою новыми дарами, красотою верховною. Друзья обрѣтаются мнѣ, безъ моихъ поисковъ: ихъ приводитъ ко мнѣ Господь всемогущій. Я схожусь съ ними, въ силу неразрывнаго родства всѣхъ добродѣтелей между собою, и въ силу непоколебимыхъ правъ ихъ — одной на другую; или, говоря лучше, схожусь съ ними не я, но то божественное начало, находящееся и въ нихъ и во мнѣ, рушитъ раздѣляющія насъ преграды обстоятельствъ, лѣтъ, пола, нрава, внѣшняго положенія, и внезапно сливаетъ многихъ воедино. О, съ какимъ восторгомъ, восхваляю я васъ, превосходные мои друзья! вы, которые открыли мнѣ новый и глубокій смыслъ жизни и обогатили мой разумъ возвышенными понятіями!

Другъ?—это не такой-то человѣкъ, сухой и чинный; это поэзія, только-что излившаяся изъ лона Божества, поэзія свѣжая, какъ ея источникъ, вольная, какъ сама муза; это гимнъ, ода, эпопея.

Настанетъ-ли разлука для меня и для друзей моихъ?—не знаю, но я не боюсь ее, потому-что наша связь основана чисто и просто на сродствѣ душъ; и знаю еще я, что это-же средство возъимѣетъ свою силу, въ отношеніи и другихъ мужчинъ и женщинъ, превосходныхъ какъ и мои первые друзья, и всюду, гдѣ-бы я ни находился.

У насъ дружба доходитъ до мелкой и жалкой развязки отъ того, что она кажется намъ упоеніемъ, мечтою, а не задѣваетъ самыхъ мужественныхъ струнъ человѣческаго сердца. Законы дружбы величественны, непреложны, вѣчны,

какъ законы нравственности и природы. Мы-же ищемъ въ дружбѣ маленькихъ, скоренькихъ выгодъ и льнемъ губами къ только-что предложенной отрадѣ. Съ какимъ легкомысліемъ бросаемся мы срывать едва завязавшійся плодъ, который созрѣваетъ медленнѣе всѣхъ въ вертоградѣ Господнемъ, и долженъ быть снятъ по прошествіи многихъ зимъ и многихъ лѣтъ. Мы подступаемъ къ своимъ друзьямъ, не съ благоговѣйною почтительностью, а съ какимъ-то прелюбодѣйнымъ желаніемъ, поскорѣе прибрать ихъ къ рукамъ. Отъ того, мы и окружены претонкими противоборцами, которые исчезаютъ при нашемъ приближеніи и, вмѣсто поэзіи, выдаютъ намъ весьма вялую прозу. Отъ того-то, почти всѣ люди и падаютъ въ цѣнѣ при учащенныхъ свиданіяхъ. Бо̀льшая ихъ часть сносны на-время, и что̀ всего прискорбнѣе, цвѣтъ и благоуханіе самой прекрасной природы облетаетъ и испаряется отъ частыхъ столкновеній съ другими людьми. Почти безпрестанно, при нынѣшнемъ складѣ общества, чувствуемъ мы недочетъ въ сближеніи съ людьми, даже очень даровитыми и очень добродѣтельными. Сперва, вниманіе и предупредительность стройно и мѣрно ограждали наши бесѣды; вдругъ, насъ начинаютъ колоть, терзать насмѣшками;то обдадутъ неумѣстнымъ холодомъ, то изумятъ падучимъ припадкомъ умничанья или страстности, который приходится терпѣть во имя пламени мысли и чувства. Когда принято за правило, не выказывать своихъ способностей во всей ихъ правдѣ и во всей полнотѣ, то лучше разойтись и искать покоя въ одиночествѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ людскихъ необходи-

мо равенство. Что̀ мнѣ за удовольствіе въ длинныхъ разговорахъ, въ многолюдствѣ, если въ немъ нѣтъ мнѣ равнаго?

Впрочемъ, и это служитъ спасительною уздою нашей поспѣшности. Отталкивающая холодность, суровая сдержанность, безъ собственнаго вѣдома, будто какою сѣнью, охраняютъ нѣжныя организаціи отъ преждевременной скороспѣлости. Онѣ-бы погибли, еслибъ сознали и расточили себя прежде чѣмъ возмужаютъ здѣсь тѣ превосходныя души, которыя ихъ разгадаютъ, наставятъ и укрѣпятъ.

Чтите медленный ходъ природы: она употребляетъ тысячелѣтіе на образованіе и отвердѣніе алмаза. Небесные геніи нашей жизни не впускаютъ въ свой рай необузданную отвагу. Любовь, это свойство Бога, созданная на увѣнчаніе всѣхъ достоинствъ человѣка, создана̀ не для безразудныхъ. Не будемъ, для удовлетворенія неспокойствія сердца, поддаваться ребяческому увлеченію, но станемъ руководить его съ разборчивою мудростью; пойдемъ на встрѣчу къ другу съ твердою вѣрою въ правду его сердца, въ глубину его бытія, а не съ преступною самонадѣянностью, что намъ стоитъ только захотѣть, чтобы все въ немъ предать волненію.

Предметъ, разсматриваемый теперь мною, возбуждаетъ мое полнѣйшее сочувствіе; я не въ состояніи ему противиться; и такъ, оставлю въ сторонѣ разборъ второстепенныхъ общеполезныхъ благодѣяній, доставляемыхъ дружбою, но займусь тѣмъ, что есть священнѣйшаго и изящнѣйшаго въ свойствѣ этого чувства, которое знаменуетъ

родъ абсолютнаго блага и обладаетъ языкомъ, до того чистымъ и до того божественнымъ, что предъ нимъ стихаетъ подозрительный и избитый языкъ любви.

Я-бы не хотѣлъ, чтобы друзья обращались между собою съ церемонною деликатностью, но съ мужественною искренностью. Когда чувство истинно, оно не хрупкое стекло, не ледъ, тающій по повѣтрію; оно тверже и несокрушимѣе всего, что только есть въ мірѣ. — Длинный рядъ вѣковъ опыта, чему научилъ онъ насъ о природѣ и о насъ самихъ? Родъ человѣческій еще не сдѣлалъ ни шагу къ разрѣшенію загадки своей собственной судьбы, и во всемъ, что̀ касается до этого вопроса, онъ будто пораженъ карою безумія. Но я встрѣчаю друга, — душа моя сливается съ душою брата, и всепроникающее умиротвореніе, и безмятежіе моей радости возникаютъ плодомъ истиннымъ, которому все вещественное и все мыслимое въ природѣ служитъ только какъ оболочка и какъ скорлупа. Домъ, который онъ удостоитъ своимъ, хоть однодневнымъ посѣщеніемъ, долженъ бы походить на кивотъ завѣта, или на пиршественный чертогъ. Счастливъ и онъ, если постигнетъ торжественность этого, отнюдь не безплоднаго союза, и почтитъ его законы. Избранникъ, призванный на такой союзъ, восходитъ какъ Олимпіецъ къ высокому назначенію, котораго жаждутъ всѣ великія души. Онъ обрекаетъ себя на борьбу: противъ него будетъ ратовать и время, и нужда и опасность; побѣдителемъ изъ нея выходитъ только тотъ, за кѣмъ стоитъ правда, охраняющая цвѣтъ его нетлѣнной красоты отъ поврежденій и опусто-

шеній, наносимыхъ тѣми роковыми губителями. Надѣленъ-ли онъ или нѣтъ житейскими благами, это нейдетъ въ расчетъ: исходъ борьбы зависитъ отъ безукоризненнаго благородства, отъ презрѣнія мелочныхъ предразсудковъ.

Въ составъ дружбы входятъ два элемента, до того равные могуществомъ, что не знаешь, которое изъ нихъ назвать первенствующимъ. Одинъ элементъ — *правда*, другой — нѣжная и преданная *любовь*. Что такое другъ? — это то лицо, съ которымъ я могу быть откровененъ; откровененъ, начиная отъ самой поверхности кожи до сокровенной глубины души. При немъ я мыслю вслухъ, въ его присутствіи вижу человѣка, до того истиннаго и до того равнаго мнѣ, что могу наконецъ сбросить всѣ до одной личины притворства, околичностей, и эту *заднюю мысль* неотвязную отъ людей. Съ нимъ-же я обхожусь съ простотою и естественностью химическаго атома, который сплотился съ другимъ однороднымъ ему атомомъ.

Откровенность, какъ вѣнецъ, какъ полновластіе, есть роскошь, предоставленная лицамъ самаго высокаго сана: онѣ могутъ высказывать истину, потому что имъ нѣтъ высшихъ, которымъ нужно подлаживать и сыпать комплименты. Мы всѣ откровенны сами съ собою, но войдетъ кто другой, и лицемѣріе начинается. Мы оберегаемъ и защищаемъ себя отъ людей оружіемъ учтивостей, болтовни, забавъ и дѣлъ; мы укрываемъ нашу мысль подъ безчисленные извороты, изъ боязни, чтобы чужой глазъ не подстерегъ ее. Я зналъ однако человѣка: подъ вліяніемъ религіозной маніи, онъ сбросилъ всѣ драпировки, подъ кото-

рыми мы прячемъ наши убѣжденія и мысли, и откинувъ всѣ приторные и пошлые обороты рѣчи, обращался къ внутреннему сознанію каждаго, съ чрезвычайною проницательностью и съ рѣдкимъ даромъ слова. Сначала онъ встрѣтилъ большое сопротивленіе; его провозгласили сумашедшимъ, но онъ, не отклоняясь отъ своего пути, достигъ того преимущества, что всѣ знакомые вошли съ нимъ въ сношенія прямой, неподдѣльной правды. Кривые уличные объ немъ толки и сплетни прекратиліось и, благодаря его откровенности, всякій рѣшался снимать предъ нимъ свою маску и признаваться сколько въ немъ таилось любви къ природѣ, къ прекрасному, и сколько поэтическихъ и мистическихъ символовъ было заключено въ душѣ его.

Къ бо̀льшей части изъ насъ, люди даже не становятся лицомъ къ лицу, а разомъ обернувшись, показываютъ имъ только спину. Не правда-ли, безумно желать, повсемѣстно установить сношенія, дѣйствительныя, истинны, въ вѣкѣ лжи и притворства? Мы почти разучились ходить прямо; всякій встрѣчный присвояетъ себѣ право требовать отъ насъ угожденій, развлеченій; если-же въ головѣ его завелась при томъ какая филантропическая или религіозная затѣя, вы ужъ лучше молчите: онъ терпѣть не можетъ, чтобъ ему поперечили.

Но другъ мой, человѣкъ здраваго смысла; онъ можетъ дѣлать испытанія мнѣ, но не моему чистосердечію; разговаривая съ нимъ, я могу обойтись безъ ужимокъ, могу не картавить, не раболѣпствовать... Всѣ эти черты представляютъ друга какимъ-то парадоксомъ въ природѣ. Въ

моемъ одиночествѣ, я могу изъ всего, что существуетъ, положительно утверждать несомнѣнность собственнаго моего бытія, но вотъ, я встрѣчаю свое подобіе, воспроизведенное въ образѣ другаго, съ тою же любознательностью, многосторонностью, высотою помысловъ. Какъ не дивиться, какъ не видѣть въ немъ самаго художественнаго произведенія природы!

Другая неразлучная стихія дружбы — глубокая привязанность. Мы прикованы къ людямъ разнородными цѣпями: родства, гордости, боязни, надежды, корысти, нужды, ненависти, удивленія, — просто не исчислить всѣхъ гадкихъ поводовъ и пустяковъ; — въ кругу всего этого, не вѣрится, чтобы существовалъ кто-нибудь, могущій приковать насъ къ себѣ любовью. Живетъ-ли на свѣтѣ тотъ благословенный, которому могли-бы мы принесть въ дань нашу любовь? а если живетъ, достойны-ли мы къ нему приблизиться? — Полюбивъ человѣка, я достигаю высшаго предѣла счастія.

Въ книгахъ мало сказано такого, которое-бы захватывало этотъ предметъ за живое. Добрые люди смотрятъ на дружбу какъ на удобство; это — обмѣнъ подарковъ, маленькихъ и большихъ услугъ, это — сосѣдское гощеніе, ухаживаніе во время болѣзни, присутствіе и слезы на похоронахъ. — Непростительно и для поэта, говоря о дружбѣ, дѣлать изъ нея прекрасную, но призрачную ткань, забывая, что утокъ ея составляютъ всѣ свойства великой души: справедливость, точность, вѣрность, состраданіе. О, я хотѣлъ-бы, чтобъ такая дружба была съ руками и

съ ногами, не съ одними выразительными глазами да краснорѣчивыми устами! Я-бы хотѣлъ, чтобъ она сначала сдѣлалась достояніемъ земли, а потомъ уже міра идеальнаго; чтобъ она была добродѣтелью человѣческою, а не одною ангельскою.

Но какъ ненавижу я всуе-расточаемое имя дружбы, которое даютъ прихотливымъ свѣтскимъ отношеніямъ. Я предпочитаю общество угольщиковъ и чернорабочихъ этимъ друзьямъ, разодѣтымъ въ шелкъ и празднующимъ свое соединеніе катаніями, обѣдами у лучшихъ ресторановъ и разными другими пустыми забавами.

Цѣль дружбы — скрѣпить связь, такую тѣсную, такую неразрывную, какая только можетъ быть постигнута человѣкомъ. Дружба дана намъ на ясные дни, на доказательства сердечнаго участія, на пріятное уединенное броженіе по полямъ и лугамъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, и на стези трудныя, утомительныя; она дана намъ на бѣдность, на гибель всего остальнаго, на злыя гоненія; хороша она для остроумной болтовни, хороша она и для восторга, стремящагося къ Богу.

Ежедневный бытъ жизни, самыя обыкновенныя занятія и потребности человѣка, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть окружены достоинствомъ и облагорожены разсудительностью, единодушіемъ, мужествомъ. Тѣмъ болѣе не должна дружба впадать въ обыденное, пошлое, приглядѣвшееся; она, напротивъ, должна быть предупредительна, изобрѣтательна, чтобы умѣть придавать значеніе и прелесть тому, что прежде казалось пошлостью.

Для упроченія дружбы во всемъ ея совершенствѣ, требуются природы отмѣнныя и прекрасныя, которыя такъ счастливо умѣряли-бы одна другую, и несмотря на различія нрава и врожденныхъ способностей, такъ стройно, полно и согласно совпадали-бы между собою, что подобные образцы могутъ покамѣсть осуществляться весьма рѣдко. — Вообще, духовное сходство и сочувствіе необходимо для всякаго сближенія. Останутся глазъ-на-глазъ, или соберутся большимъ обществомъ люди, не имѣющіе между собою ничего общаго, ничего одинаковаго, скучаютъ донельзя другъ другомъ и ввѣкъ не отгадаютъ силы, заключенной въ каждомъ изъ нихъ. Часто говорятъ о необыкновенномъ дарѣ слова такихъ-то лицъ и думаютъ, что онѣ владѣютъ имъ постоянно. Нимало! человѣкъ, вполнѣ заслужившій славу краснорѣчія и обилія мысли, не найдется что̀ сказать своему дядѣ или двоюродному брату; эти сердятся на его молчаніе также справедливо, какъ могли-бы гнѣваться на безпутство солнечныхъ часовъ, поставленныхъ въ тѣни. Дайте имъ солнца, циферблатъ покажетъ часъ: восхищайтесь, слушая человѣка даровитаго, краснорѣчиваго, онъ найдетъ при васъ свою способность.

Дружбѣ необходима та рѣдкая „середина на половинѣ“ между сходствомъ и несходствомъ, дающая въ тоже время чувствовать каждому изъ двухъ друзей, и присутствіе силы иной и одобреніе собесѣдника. Я предпочту всю жизнь оставаться одинокимъ, нежели стерпѣть, чтобы мой другъ исказилъ однимъ словомъ, однимъ взглядомъ свое дѣйствительное убѣжденіе или сочувствіе: мнѣ равно обидно

его притворное сопротивленіе и его вынужденное соглашеніе. Онъ долженъ, во всемъ, всегда, оставаться самимъ собою: все упоеніе, доставляемое мнѣ его дружбою, заключается именно въ томъ, что *не я* сдѣлалось *я*. День превращается въ ночь, сердце изнемогаетъ въ груди, когда замѣчаешь, что вмѣсто мужественной опоры или, по крайней мѣрѣ, откровеннаго опроверженія, попадаешь на ворохъ равнодушныхъ уступокъ. Пусть моимъ другомъ лучше будетъ репейникъ, чѣмъ отголосокъ.

Условіемъ высокородной дружбы — сила, могущая обойтись и безъ нея; на выполненіе этого условія, нужны качества огромныя, выспреннія. Сначала, положительно должно быть *двумъ* для того, чтобы слиться въ *одно*. Такъ соединяются двѣ мощныя природы, которыя сперва измѣряютъ, страшатся одна другую, а тамъ, сознавъ глубину ихъ неопровержимой тождественности, подаютъ другъ другу руку на союзъ вѣчный.

На такой союзъ способны только души благородныя, которыя знаютъ, что истинная доброта и истинное великодушіе не любятъ расточать себя, и которыя не торопятся вмѣшиваться въ свою судьбу. Дайте алмазу время отвердѣть и перестаньте думать, что своими усиліями вы можете ускорить рожденіе лучшаго чада вѣчности. Съ дружбою надобно обращаться съ благоговѣніемъ, безъ причудъ, безъ недовѣрія. Мы говоримъ о выборѣ своихъ друзей, но выборъ этотъ совершается по естественному порядку вещей, и уваженіе играетъ въ немъ большую роль.

Какъ смотрите вы на великолѣпное зрѣлище? — въ нѣ-

которомъ разстояніи, не правда-ли? — Точно такъ-же смострите и на вашего друга. Дайте ему просторъ и мѣсто выказать свои качества, развернуть ихъ, въ нихъ установиться. У него есть достоинства, не точь-въ-точь тѣ-же, что у васъ, и которымъ вы будете не въ состояніи дать и цѣны, если сожмете его въ своихъ объятіяхъ. Что вы, въ самомъ дѣлѣ, другъ-ли пуговицъ на платьѣ вашего друга, или наперсникъ лучшихъ его думъ? Для великой души, другъ долго долженъ оставаться чуждымъ во многихъ отношеніяхъ, для того чтобы тѣмъ ближе сойтись съ нимъ на святой землѣ прекрасныхъ обѣтованій. Предоставьте маленькимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ думать, что другъ, это есть собственность; пусть они потѣшаются короткою и смутною забавою, вмѣстѣ того, чтобы извлечь изъ такой встрѣчи всю полноту благостыни.

Купимъ цѣною долгаго испытанія право вступленія въ подобное общеніе. Какъ смѣть нарушать святыню душъ прекрасныхъ и благородныхъ? домогаться насильственнаго въ нихъ втѣсненія? Къ чему съ излишнею поспѣшностью завязывать личныя сношенія съ другомъ? желать быть приняту въ его домѣ, познакомиться съ его матерью, сестрами, братьями, зазывать его къ себѣ? — Это-ли составляетъ важность союза?.. Заискиванія, торопливость — прочь съ ними! отъ нихъ скорѣе грубѣетъ и вянетъ дружба. О, пускай мой другъ будетъ для меня духомъ! пускай, кое-когда, получу я отъ него вѣсть, даръ одной мысли, взгляда, слова искренности, поступка прямоты — съ меня довольно; но, прошу избавить меня отъ его соусовъ, отъ

пустыхъ росказней. Объ политикѣ, объ новостяхъ и дѣлахъ, я могу вдоволь наговориться съ каждымъ изъ моихъ знакомыхъ; бесѣда-же съ моимъ другомъ должна быть поэтична, чиста, великолѣпна, необъятна, какъ сама природа. Подымемъ всѣ уставы горé, вмѣсто того, чтобы понижать ихъ долу.

Глазъ, блестящій негодованіемъ, красота пренебрежительной осанки, красота великодушныхъ дѣйствій нашего друга приказываютъ намъ не унижаться, а мужать и возвышаться духомъ. Не старайся и ты, чтобъ въ угоду тебѣ, онъ сталъ ниже хоть единаго своего помысла; но принимай ихъ всѣ, и отвѣчай на всѣ. Ничего не люби такъ, какъ превосходство твоего друга; смотри на него съ нѣкоторымъ трепетомъ, будто на противника, прекраснаго, доблестнаго, непобѣдимаго, глубоко-уважаемаго, а не такъ какъ на вещь, которую легко и взять, легко и бросить.

Почтимъ-же законы дружбы обузданіемъ нашего нетерпѣнія овладѣть небеснымъ цвѣткомъ, до времени его полнаго расцвѣта. Возьмемъ сперва въ совершенное распоряженіе самихъ себя, а потомъ уже отдадимъ себя другимъ. Преступники — говорятъ — находятъ большую усладу въ томъ, что могутъ обходиться за панибрата съ своими соумышленниками; это подтверждается и латинскою пословицею: „*Crimenquos inquinat, æquat*“. Но возможно-ли такъ обходиться съ тѣми кого любишь, кому удивляешься? А между тѣмъ, по моему убѣжденію, недостатокъ самообладанія портитъ всѣ отношенія дружбы, потому что нѣтъ глубокаго мира, нѣтъ обоюднаго глубокаго почтенія между

двухъ душъ, изъ которыхъ каждая не служитъ другой, полною представительницею вселенной.

Дружбу, высокое, величественное чувство дружбы, мы обязаны окружать всевозможнымъ великолѣпіемъ. Будемъ молчаливы, и мы услышимъ тихую рѣчь боговъ. Къ чему вы бросаетесь во всѣ стороны, и всякому пришельцу сообщаете мысли, которыя слѣдовало-бы повѣдывать душамъ избраннымъ? — Перестаньте услаждать сами себя вашими словами, то остроумными, то пламенными, то глубокомысленными. Ждите, пока не заговоритъ душа, пока васъ не осилитъ неотразимое и безконечное; ждите, пока и день и ночь, сами не изберутъ вашихъ устъ, для выраженія своихъ тайнъ. Ищите божества, и найдете его; ищите добро, и оно наградитъ васъ собою; умѣйте сами быть другомъ, и вы встрѣтите истиннаго друга. — Поздно, очень поздно догадываемся мы, что представленія, рекомендаціи, частыя посѣщенія и прочее заведенное въ обществѣ, нимало не способствуютъ къ установленію дружескихъ сношеній съ тѣми, кому мы удивляемся и кого желали-бы имѣть друзьями, — но, что единственное для того средство состоитъ въ томъ, чтобы довести свою природу до высоты ихъ природы; тогда мы сойдемся съ ними, какъ вода съ водой; если-же не сойдемся, значитъ, намъ этого не нужно, потому что мы сами уже то, что̀ *они*. Бывало, люди обмѣнивались именами съ своими друзьями, какъ-бы для выраженія того, что каждый изъ нихъ любилъ въ другѣ свою душу, потому что, въ окончательномъ результатѣ, дружба есть отраженіе личнаго достоинства человѣка на другихъ людей.

Чѣмъ возвышеннѣе образъ дружбы, который мы носимъ въ душѣ своей, тѣмъ труднѣе его олицетвореніе въ въ плоти и въ крови. Мы очень одиноки въ этомъ мірѣ. Друзья, призываемые нами, желаемые нами, что̀ они? — не мечта, не сказка-ли? Нѣтъ! вдохновенная надежда ободряетъ вѣрное сердце предсказаніемъ, что тамъ, въ безграничныхъ предѣлахъ вѣчности, есть души, живыя, дѣятельныя, чувствующія, которыя могутъ полюбить насъ, которыхъ будемъ любить мы. И благо намъ, если провели пору малолѣтства, легкомыслія, заблужденій и уничиженій въ тоскѣ одиночества! Когда достигнемъ возмужалости, для насъ настанетъ возможность протянуть руку, чистую и честную, другой рукѣ чистой и честной.

Изъ всего, уже извѣданнаго нами, постараемся взять себѣ за правило, не вступать въ дружескія сношенія съ лицами, съ которыми дружба невозможна. Мы безразсудно кидаемся въ связи, которыя не можетъ ни освятить, ни благословить никакое божество. И ничто не приноситъ такого строгаго наказанія, какъ эти неравные союзы. Оставаясь вѣрны своему пути, вы можете потерять на мелочахъ, но непремѣнно выиграете въ итогѣ. Характеръ вашъ обрисуется окончательно, и оградитъ васъ отъ посягательствъ ложной дружбы. Въ замѣнъ этого, вы привлечете къ себѣ тѣхъ первородцевъ земли, тѣхъ небожителей, которые только въ числѣ двухъ или трехъ нисходятъ на нашу планету, и въ сравненіи съ которыми, великіе люди толпы — однѣ тѣни и призраки.

Безумна и унизительна боязнь вступать въ союзъ слиш-

комъ духовный; мы не утратимъ чрезъ это ни одной изъ естественныхъ наклонностей и простодушныхъ привязанностей; и какая-бы перемѣна ни совершилась въ нашихъ прежнихъ мнѣніяхъ — вслѣдствіе духовнаго просвѣтлѣнія, мы можемъ вполнѣ быть увѣрены, что природа все болѣе и болѣе будетъ вводить насъ въ области высшія, и что лишая насъ, повидимому, нѣкоторыхъ удовольствій, она вознаграждаетъ насъ, въ сущности, радостями лучшими.

Иногда бываетъ необходимо сказать прости и самымъ дорогимъ друзьямъ.— „Разстанемся, я не могу долѣе оставаться въ порабощеніи. Но, о братъ мой, развѣ ты не видишь, мы разстаемся отъ того, что еще слишкомъ велика наша любовь къ самимъ себѣ; — послѣ этой разлуки, мы встрѣтимся опять на вершинахъ, болѣе возвышенныхъ, и будемъ полнѣе принадлежать другъ другу“. — Въ истинномъ другѣ, какъ въ Янусѣ, соединены два лица. Онъ обозрѣваетъ наше прошедшее; это прошедшее, въ которомъ онъ, еще невстрѣченный, былъ нашимъ любимымъ помысломъ; онъ провозвѣстникъ и всѣхъ дней грядущихъ. Онъ предтеча друзей, еще выше его, потому что свойство всѣхъ божественныхъ достояній — воспроизводиться безчисленно и безконечно.

Еще недавно утвердилось во мнѣ убѣжденіе, что — не смотря на общее въ томъ сомнѣніе — очень совмѣстимо и съ нашимъ достоинствомъ и съ нашимъ величіемъ, быть другомъ и въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ дружба не равна. Къ чему опечаливаться тѣмъ грустнымъ фактомъ, что другъ мой не понимаетъ меня? Заботится-ли солнце о томъ, что

нѣсколько его лучей падаютъ на безплодную пустыню? Потщимся, потщимся вдохнуть нашъ жаръ и наше великодушіе въ холодную, замкнутую грудь нашего собрата. Если мы отовсюду найдемъ въ немъ отпоръ, тогда отвернемся, предоставимъ его волѣ дѣлаться спутникомъ существъ низкихъ и грубыхъ. Велика будетъ наша скорбь при мысли, что отъ него уже отвѣяло великодушное пламя, что ему уже не направить своихъ крыльевъ къ жилищу боговъ... единственнымъ врачеваніемъ такой печали то̀, что кругозоръ нашей любви расширился отъ чрезмѣрности свѣта и тепла, которыя мы изливали на него.

Вообще полагаютъ, что любовь невзаимная есть какое-то униженіе, но великія души знаютъ, что любовь не можетъ остаться безъ награды. Истинная любовь немедленно переростаетъ предметъ недостойный, водворяется въ вѣчности, живетъ вѣчнымъ, и въ часъ, когда падаетъ жалкая личина, истинная любовь чувствуетъ, что развязалась съ горькимъ юдольнымъ и, что теперь за нею упрочена ненарушимая независимость.

Впрочемъ, едва достаетъ духу вымолвить нѣчто подобное о трикраты священномъ союзѣ дружбы. Малѣйшее въ ней сомнѣніе есть уже вѣроломство. Она вся прямота, великодушіе, довѣренность. Дружба должна откинуть всякую тѣнь подозрительности и недовѣрчивости; она должна смотрѣть на своего избраннаго, какъ на божество, для того, чтобы два существа человѣческія, основавшія между собою союзъ дружбы, были, такъ сказать, *обожествлены*, каждое посредствомъ другаго.

VI.

Возмездіе.

Еще съ самаго дѣтства мнѣ хотѣлось написать кое-что о возмездіи, до того мнѣ всегда казалось, что на счетъ этого предмета, жизнь поучаетъ насъ лучше нежели богословіе, и что простой народъ знакомъ съ нимъ болѣе нежели проповѣдникъ. Мнѣ казалось, — кажется и теперь, что вѣрованіе въ возмездіе могло-бы указать людямъ одинъ изъ лучей Божества: вездѣсущее присутствіе Міроправителя, и что такое вѣрованіе могло-бы наполнить душу человѣка моремъ любви, и приблизить его къ достойному сообщенію съ Тѣмъ. Который былъ, есть и будетъ. И еслибы это вѣрованіе было притомъ выражено словами, сходными съ тѣми лучезарными провидѣніями, которыми сказывается намъ эта и всякая другая истина, оно какъ мнѣ кажется, могло-бы сдѣлаться путеводною звѣздою, и въ часы мрака, на трудныхъ стезяхъ жизни, предохраняло-бы насъ отъ многихъ заблужденій, даже отъ погибели.

Недавно во мнѣ опять возбудилось это желаніе, по слу-

чаю услышанной мною проповѣди. Проповѣдникъ, говоря о Страшномъ Судѣ, излагалъ, что въ этомъ мірѣ, справедливость полнаго удовлетворенія не оказываетъ:—*нечестивецъ* здѣсь счастливъ, добродѣтельный страдаетъ, и въ заключеніе обѣщалъ, кому вознагражденіе, кому расправу — въ вѣкѣ будущемъ. Сколько я замѣтилъ, его рѣчь не внушила ни малѣйшаго опроверженія ни одному изъ слушателей. А между тѣмъ, какова была ея сущность? — Хотѣлъ-ли пасторъ выразить ею то, что вотъ куда ни оглянись, люди безнравственные имѣютъ дома, земли, мѣста; лошадей, вина, нарядовъ у нихъ вдоволь, тогда какъ праведникъ остается въ нищетѣ и въ пренебреженіи; — пусть потерпитъ! его непремѣнно ожидаетъ вознагражденіе, и капиталами, и шампанскимъ, и страсбургскими пирогами...

Если не о такомъ, о какомъ-же другомъ *вознагражденіи* говорилъ проповѣдникъ?—Если-же награда добрыхъ состоитъ въ назначеніи благословлять и молиться, любить людей, помогать и служить имъ, такъ не то-ли же дѣлаютъ они и теперь?

Главная погрѣшность догматовъ такого рода заключается въ ошибочно-распространенномъ мнѣніи, будто правосудіе медлитъ здѣсь исполненіемъ, будто нечестивцы счастливы! И ослѣпленный проповѣдникъ оцѣнялъ достоинство высокаго преуспѣянія, по подлому курсу рынковъ и торжищъ. И вмѣсто того, чтобы поставить человѣка лицомъ-къ-лицу съ вѣчною истиною, — вмѣсто того, чтобы показать какими сокровищами можетъ обогатиться душа, ка-

кимъ могуществомъ окрылиться благая воля, онъ ставилъ предъ Судилище мертвецовъ, и на этомъ основаніи водружалъ два различныя знамени: для добра и зла, для успѣха истиннаго и подложнаго.

Въ этомъ и въ слѣдующемъ Очеркѣ я помѣщу нѣсколько замѣтокъ, могущихъ служить указаніемъ на тѣ данныя, по которымъ совершается законъ возмездія, и какъ буду я счастливъ, если мнѣ удастся, твердо и отчетливо начертать самую малѣйшую дугу этого необъятнаго круга.

Полярность дѣйствія и противодѣйствія встрѣчаются въ каждомъ отдѣлѣ природы: возьмите свѣтъ и мракъ, жаръ и холодъ, морской приливъ и отливъ, полъ мужской и женскій, вдыханіе и издыханіе растеній и животныхъ. Въ сжиманіи и въ расжиманіи біющагося сердца, въ колебаніи воздуха и звука, въ силѣ центробѣжной и центростремительной, въ электричествѣ, въ гальванизмѣ, въ химическомъ сродствѣ — словомъ, всюду въ природѣ обнаруживается неизбѣжная двойственность, такъ что каждый отдѣльный предметъ составляетъ только половину и неминуемо наводитъ мысль на тотъ другой предметъ, который долженъ его дополнить, напримѣръ: внѣшность — внутренность, духъ — плоть, мужчина — женщина, субъектъ — объектъ, низъ — верхъ, движеніе — покой, да — нѣтъ.

Эта двойственность, присущая природѣ, проявляется и во всѣхъ условіяхъ, которымъ подчиненъ человѣкъ. Пословица: нѣтъ худа безъ добра, — и на оборотъ, всюду находитъ себѣ приложеніе. Со всякаго излишества, со всякаго злоупотребленія, видимо или невидимо, взимается

пеня. Законъ возмездія правитъ странами и народами, и ни одна его іота не уклоняется отъ своей цѣли. Противъ него тщетно злоумышлять, строить козни, придумывать средства обороны: сама суть вещей не поддается продолжительному дурному руководству. Бѣдствія, причиненныя зломъ, могутъ быть скрыты, но онѣ существуютъ и непремѣнно выйдутъ наружу. Гибельный произволъ, пошлая искусственность не благословляются долготою дней, между тѣмъ, какъ истинная жизнь и все, что даетъ человѣку истинное благо, остаются будто неподвластны чрезмѣрности гоненій, или излишеству земныхъ даровъ, и съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ крѣпнутъ и мужаютъ, среди наплыва разнородныхъ непріязненныхъ обстоятельствъ. Вліяніе характера на собственную судьбу человѣка сохраняетъ всю свою силу, сохраняетъ ее непремѣнно, подъ какимъ-бы то ни было правленіемъ, начиная отъ Турціи до Новой-Англіи, и исторія честно исповѣдуетъ, что подъ былыми деспотами Египта, индивидуумъ пользовался всею свободою, доступною степени его тогдашней образованности.

Все во вселенной проникнуто нравственнымъ началомъ. Душа, которая, внутри меня, есть сознаніе, внѣ меня, есть ея законъ: мое *я* сознаетъ его велѣнія, тогда какъ внѣшнія событія объясняютъ мнѣ его неотразимую силу. Эта сила всемогуща; все существующее въ природѣ чувствуетъ надъ собою ея власть: *„она въ мірѣ, и міръ чрезъ нея произошелъ“*. Она вѣчна, она не медлитъ правосудіемъ и неуклонно держитъ вѣсы между всѣми отдѣлами жизни.

„Боги всегда остаются въ выигрышѣ“.— Тайны обнаруживаются, преступленіе наказуется, добродѣтель вознаграждается, кривды выпрямляются; иногда, неслышимо и невидимо; но, непреложно — всегда.

Каждый поступокъ уже содержитъ въ себѣ свою реакцію или, говоря иначе, каждый поступокъ совершается подъ двоякимъ видомъ: во-первыхъ, *въ сути*, то есть въ своей дѣйствительной природѣ; во-вторыхъ, *въ фактѣ*, или въ природѣ мнимой, кажущейся. Люди называютъ фактъ —возмездіемъ, тогда какъ *безпосредственное* возмездіе неразлучно съ сутью и видимо только душѣ. Возмездіе, отплаченное событіемъ, доступно нашему разумѣнію; оно тоже содержится въ сути, но часто, долго остается скрытымъ, и обозначается по истеченіи многихъ лѣтъ. Раны, нанесенныя обидою, могутъ выказаться долго послѣ обиды, но онѣ выкажутся непремѣнно, потому что эта обида положительно нанесла ихъ. Простунокъ и кара растутъ на одномъ столбѣ. Кара — это плодъ, который, самъ того не зная, срываетъ виновный, въ одно время съ цвѣткомъ наслажденія, прикрывающимъ плодъ. Причина и послѣдствіе, средство и конецъ, сѣмя и плодъ, — ничто изъ этого не можетъ быть разрознено одно съ другимъ, потому что послѣдствіе уже содержится въ причинѣ, конецъ предсуществуетъ въ средствѣ, а плодъ въ сѣмени.

А между тѣмъ, мы, тогда какъ міръ силится воспроизвести единство и удержать его неприкосновенность, мы пытаемся дѣйствовать частями, отрывками; все разрознить, всюду прибрать къ рукамъ то одно, то другое. Въ

угоду чувственности, мы отдѣляемъ, напримѣръ, матеріяльное наслажденіе отъ потребностей сердца и ума, и наша наивность все тщится разрѣшить задачу, какъ-бы похитить чувственную усладу, чувственное могущество, чувственный блескъ, помимо нравственнаго наслажденія, нравственной твердости и нравственной красоты. А это также возможно, какъ возможно снять легонькую поверхность, отдѣливъ ее отъ кореннаго основанія, съ которымъ она срослась; какъ возможно схватить одинъ конецъ, не притянувъ къ себѣ и другой.

Душа говоритъ: ѣсть надобно, — и тѣло задаетъ себѣ пиры. Душа говоритъ: мужчина и женщина составятъ одну плоть, одинъ духъ, — а тѣло соединяется съ одною плотью Душа говоритъ: властвуй надо всемъ, для торжества добра, — а тѣло похищаетъ власть, для порабощенія всего своимъ цѣлямъ.

Сильно борется душа наша за то, чтобъ жить, чтобъ дѣйствовать, наперекоръ всѣхъ противопоставляемыхъ препятствій. Этотъ фактъ долженъ-бы сдѣлаться нашимъ единственнымъ руководителемъ, и тогда-бы, все прочее возсоединилось и спаялось: — и могущество, и радости, и знаніе, и красота. Но, какъ поступаемъ мы? — Нѣтъ такого индивидуума, который-бы не особился и не искалъ во всемъ себя; онъ торгуетъ, ѣздитъ верхомъ, наряжается, пируетъ, правитъ міромъ — на показъ. И какъ не возвеличать себя людямъ! какъ не гоняться имъ за богатствомъ, за властью, за саномъ, за знаменитостью, тѣмъ скорѣе, когда они мнятъ, что сдѣлавшись сильны и богаты, они

станутъ вкушать въ мірѣ однѣ сласти, и обойдутъ другую его сторону — горечь.

Но законъ природы не поддается такому дѣлежу, и приходится признаться, что отъ начала міра даже до сего дня, ни одинъ подобный посягатель не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Лишь только мы попробуемъ выдѣлить себѣ часть изъ цѣлаго, то наберемъ себѣ удовольствій — безъ удовольствія, доставимъ себѣ выгоды — невыгодныя, облечемъ себя властью — невластвующею. Ка̀къ что ни дѣлай, а раздѣленная вода сольется подъ рукою, и намъ такъ-же невозможно усвоить себѣ однѣ чувственныя блага, какъ найти внутренность во внѣшности, свѣтъ во мракѣ:

„Гони природу въ дверь:
Она влетитъ въ окно“.

Жизнь наша обставлена заставами, которыхъ обойти нельзя, и которыя глупцы стараются обойти. Они хвастаются тѣмъ, будто подобныя условія имъ неизвѣстны и до нихъ не касаются, но ихъ похвальба на однихъ только устахъ, между тѣмъ какъ душа ихъ испытываетъ весь фатализмъ этихъ постановленій. Если они увернутся отъ нихъ съ одной стороны, то будутъ задѣты ими съ другой, и въ самое живое мѣсто. Если они, повидимому, выскользнули совершенно, это знакъ тотъ, что въ нихъ погублена настоящая жизнь, что они продали, предали самихъ себя, и тогда, карою имъ — окончательное омертвѣніе. Велика ошибка домогаться какихъ-бы то ни было благъ, помимо неразлучныхъ съ ними обязанностей: — лучше и не при-

ниматься за невозможное осуществленіе. Если-же безуміе вовлечетъ кого въ подобную попытку, тогда противузаконность *возстанія* и *хищенія* немедленно и неотвратимо ведетъ за собою помраченіе чистаго разума: человѣкъ перестаетъ видѣть Бога во всей его полнотѣ, въ каждомъ изъ предметовъ; эти станутъ представлять ему тогда одну чувственную приманку, а онъ будетъ лишенъ способности распознавать въ тоже время невыгодную сторону такихъ приманокъ. Онъ увидитъ голову сирены, хвоста-же дракона не увидитъ и возмечтаетъ, что добылъ то̀, что ему хотѣлось, а отвязался отъ того, что не было ему въ угоду: „О, ка̀къ таинственны пути твои, живущій на небесахъ, Господи! Неустанныя судьбы твои наводятъ слѣпоту на глаза людей, предающихъ себя необузданнымъ влеченіямъ“. (*Блаженный Августинъ*).

Человѣческой душѣ извѣстна непреложность этихъ фактовъ, и она выразила ихъ аллегоріями и исторіею, законами и пословицами, изящными искусствами и ежедневными разговорами. Таково значеніе древняго миѳа о Немезидѣ, которая надзираетъ за всею вселенною и не оставляетъ безъ отмщенія ни одного вреда, ни одного оскорбленія. „Фуріи — прислужницы Ѳемиды, говорили древніе, и еслибы солнце сбилось съ своего пути, онѣ наказали-бы самое солнце.“ Поэты провозглашаютъ, что каменныя стѣны, и стальные мечи, и кожаные ремни имѣютъ тайное соотношеніе съ бѣдствіями ихъ владѣльцевъ: Гекторъ былъ привязанъ къ колесницѣ Ахилла поясомъ, подареннымъ Аяксомъ; Аяксъ-же закололъ себя именно тѣмъ мечемъ, ко-

торый подарилъ ему Гекторъ. Они разсказываютъ тоже, что когда Ѳазіяне воздвигли статую Ѳеогену, побѣдителю на играхъ, одинъ изъ его соперниковъ, придя ночью, старался свалить ее съ подножія. Расшатанная статуя пала, но своимъ паденіемъ задавила и умертвила завистника.

Каждое наше дѣйствіе, наперекоръ нашей воли, подчиняется законамъ природы и получаетъ отъ нихъ свойственный ему отпечатокъ. Можно сказать, что каждымъ своимъ словомъ человѣкъ передаетъ себя на судъ нелицепріятный; что онъ, волею и неволею, рисуетъ свой портретъ для собесѣдниковъ. Мы обидимъ другаго, а страдаемъ сами. Изувѣръ въ религіи, запирающій двери рая ближнему, самъ остается за дверью.— Обходитесь съ людьми холодно, какъ съ пѣшками, и вамъ будетъ также больно какъ имъ. Чувственность обращаетъ во что-то бездушное и женщинъ, и дѣтей, и несчастливцевъ.

Въ отношеніяхъ общественныхъ, всякое нарушеніе закона любви и справедливости получаетъ скорое наказаніе. Это наказаніе — страхъ. Пока мои отношенія къ людямъ чистосердечны, мнѣ не тягостно встрѣчаться съ ними. Мы сходимся другъ съ другомъ, какъ вода съ водой, какъ струя воздуха съ другою воздушною струею: просто, естественно, съ взаимнымъ прозрѣніемъ нашихъ внутреннихъ свойствъ. Но лишь только я удалюсь отъ простоты, начну разграничивать и отдѣлять: это мое, а это его, — мой ближній почувствуетъ мою вину передъ нимъ; онъ расходится со мною, какъ я разошелся съ нимъ; его взглядъ пе-

рестаетъ искать мой взглядъ; вражда между нами началась; онъ не любитъ меня, я боюсь его.

Такимъ-же образомъ караются всѣ закоснѣлыя злоупотребленія гражданскихъ обществъ, и большія міровыя, и мелкія частныя: страхъ не находитъ даромъ, онъ неложный прорицатель переворотовъ. Онъ всегда учитъ насъ тому, что гдѣ является онъ, тамъ есть злоупотребленіе. Страхъ похожъ на ворона, или на другую хищную птицу; если они начнутъ носиться надъ какимъ-нибудь мѣстомъ, вы можете быть увѣрены, что тамъ завелась мертвечина. Пугливы наши обладанія, пугливы наши законы, пугливы наши высшія сословія; страхъ, уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, размножаетъ знаменія и провозвѣстія въ средѣ правительствъ и собственниковъ. Эта нечистая птица загнѣздилась межъ ними недаромъ; она обозначаетъ большія вины, которыя должны быть поправлены.

Тоже случается и съ отдѣльными личностями: дѣятельность внезапно прерывается; онѣ ждутъ перемѣны. Страшенъ яркій полдень безъ тучъ, страшенъ перстень Поликрата, страшно счастіе безъ тѣни. При такой обстановкѣ всякая душа чувствуетъ потребность возложить на себя добровольныя лишенія, или искусъ добродѣтельнаго подвига; это какъ-бы колебаніе вѣсовой стрѣлки, ищущей возстановить равновѣсіе въ духѣ и въ сердцѣ человѣка.

И люди опытные знаютъ, что гораздо лучше, при всякомъ случаѣ, платить свой пай, не то, дорого обойдется ничтожная бережливость. Какова чистая прибыль человѣка,

получившаго сотни одолженій и неоказавшаго ни одного? Или что̀ пріобрѣлъ этотъ лѣнтяй или тотъ хитрецъ, пробавляющійся вещами, лошадьми, деньгами своего сосѣда? Лишь только заемъ сдѣланъ, тотчасъ обрисовывается съ одной стороны благодѣяніе, съ другой отвѣтственность; то есть, немедленно чувствуется превосходство и зависимость; всякая новая неровная сдѣлка кладетъ все болѣе рѣзкій оттѣнокъ на взаимныя отношенія, и часто приходится убѣждаться, что лучше-бы отбить себѣ ноги о мостовую, чѣмъ влѣзать въ кареты добрыхъ людей.

Мудрый примѣняетъ уроки мудрости ко всему что̀ случается въ жизни; онъ знаетъ, что всего благоразумнѣе, честно смотрѣть въ глаза каждаго заимодавца, и на всякую справедливую просьбу отвѣчать своимъ временемъ, своимъ умѣньемъ и своимъ сердцемъ. Платите за все; не то, рано или поздно, придется выплатить долгъ сполна: люди и событія могутъ протѣсниться между вами и правосудіемъ, но это только на время; вы все-таки будете принуждены расквитаться. Благотвореніе есть цѣль природы, однако пошлина взимается со всякаго блага, выпавшаго на вашу долю. Великъ тотъ, кто оказываетъ наиболѣе благодѣяній, но мерзокъ — и рѣшительно, это единственная мерзость въ цѣлой вселенной — тотъ, кто, получая одолженія, не возвращаетъ ихъ никому. По существующему порядку вещей, мы очень рѣдко можемъ воздать благодѣяніями тѣмъ, отъ кого мы ихъ получали, тѣмъ не менѣе, благое дѣло должно быть выплачено ухо-въ-ухо, копѣйка въ копѣйку. Бойтесь набрать слишкомъ много до-

бра: оно скоро плеснѣетъ и заводитъ порчу. Пускайте его въ оборотъ, живо проворно, тѣмъ или другимъ образомъ.

Такъ какъ превосходный законъ возмездія царитъ во вселенной и всюду стойко держитъ равновѣсіе между: *получилъ? — раздавай!* то и всякій трудъ нашъ огражденъ тѣми же непреклонными постановленіями. Благоразумные люди находятъ, что всего дороже обходится дешевый трудъ и дешевый товаръ. Въ метлѣ, въ коврѣ, ножѣ, вагонѣ, мы покупаемъ нѣкоторую долю чужаго ума и толка, примѣненнаго къ нашимъ ежедневнымъ потребностямъ. Мы платимъ садовнику за его знаніе садоводства, моряку за опытность въ мореходствѣ; слугамъ нашимъ за порядокъ дома, за рукодѣліе, за поварское мастерство. Такими сподручниками, мы удесятеряемъ, усотеряемъ наше присутствіе и размножаемъ свое собственное бытіе, каково-бы ни было наше общественное положеніе. Но, такъ какъ все имѣетъ свою двоякую сторону, то обманъ не удерживается нигдѣ. Воръ обкрадываетъ самого себя, мошенникъ плутуетъ надъ самимъ собою, потому что подлинная, чистая плата за трудъ — это добро и знаніе; наружнымъ признакомъ служитъ имъ — благосостояніе и общественное довѣріе. Конечно, эти признаки можно украсть и поддѣлать какъ ассигнаціи, однако-же, того, что они представляютъ, то есть, добра и значенія, не украдешь, не поддѣлаешь. Эта цѣль труда достигается только дѣйствительнымъ упражненіемъ способностей духа и повиновеніемъ побужденіямъ чистымъ и безкорыстнымъ. Плуту, игроку, тунеядцу-ли захватить эти блага, это пониманіе природы

физической и нравственной, которыя даются рачительности и неутомимости добросовѣстнаго труженика? — Законъ природы таковъ: соверши это дѣло, и ты обогатишься силою, скрытою въ немъ: у тѣхъ-же, которые дѣла не дѣлаютъ, откуда возьмется ихъ сила?

Я убѣжденъ въ томъ, что высочайшіе нравственные законы могутъ быть усмотрѣны человѣкомъ на каждомъ шагу, при самыхъ обыденныхъ его обстоятельствахъ и поступкахъ. Эти неподкупные законы, отражаясь на стали его рѣзца, надзирая за мѣрою его ватерпаса, его аршина, за итогами счетной книги его лавки, не менѣе исторіи обширныхъ государствъ удостовѣряютъ его въ томъ, что ремесло его стòитъ хвалы, что доброкачественность его занятій достигаетъ возвышенности его помысловъ.

Неразрывая связь между добромъ и природою неволитъ все и всѣхъ смотрѣть на порокъ враждебнымъ окомъ. И прекрасные законы, и все существующее въ мірѣ преслѣдуютъ и бичуютъ злодѣя. Онъ болѣе, чѣмъ мы съ вами, убѣжденъ, что все на землѣ подчинено только истинѣ и добру; что на всемъ ея протяженіи нѣтъ мѣста для негодяя, нѣтъ мѣста для тайны. Преступленіе свершено, и кажется, будто по всей землѣ разостлана та легкая пелена снѣга, которая указываетъ охотнику, куда пробѣжалъ заяцъ, порхнула куропатка, гдѣ скрылась бѣлка, лисица.

Съ другой стороны, законъ возмездія служитъ несокрушимою опорою всякому дѣйствію чистосердечія. Любите, и вы будете любимы. Любовь точна математически, точна, какъ члены алгебраическаго уравненія. Великодушный че-

ловѣкъ обладаетъ верховнымъ благомъ, которое, какъ огонь, все очищаетъ и все заставляетъ являться въ настоящемъ видѣ, такъ, что ничто не въ силахъ ему повредить. Различныя бѣдствія, болѣзни, обиды, нищета дѣлаются его благопріятелями: „*Воды приносятъ, вѣтры навѣваютъ мужу добра — силу, бодрость, превосходство; а между тѣмъ, сами по себѣ, воздухъ и вода — ничто.*

Самая слабость и безпомощность служатъ въ пользу добрымъ. Безпомощность порождаетъ твердость. Пока насъ не потерзаютъ и не пожалятъ, пока вражія силы не пустятъ въ насъ своимъ зарядомъ, въ насъ не пробуждается то благородное негодованіе, которое привыкаетъ искать себѣ обороны въ мощи духа. Великому человѣку очень-бы хотѣлось оставаться маленькимъ человѣкомъ. Пока онъ лежитъ на пуховикѣ удачи и приволья, онъ дремлетъ, засыпаетъ.... Но когда его примутся толкать, бить, колоть, — пинки преподадутъ ему урокъ, и онъ отрезвится, возмужаетъ. Ему станутъ знакомы и обстоятельства и его собственная неопытность; онъ излечится отъ безумныхъ мечтаній, пріобрѣтетъ умѣренность и настоящую разумность. Мудрый всегда идетъ открыто на своихъ наступателей. Ему самому еще важнѣе, чѣмъ его врагамъ, дознаться, въ чемъ его слабая сторона; тогда раны его скоро заживутъ, струпъ опадетъ, какъ простая засохлая кожа, и пока враги приготовляются восторжествовать надъ нимъ, онъ уже сдѣлался невредимъ. Вообще, всякое несчастіе, неодолѣвшее насъ, становится нашимъ благодѣтелемъ. Мы

вбираемъ въ себя силу искушенія, которое мы превозмогли; такъ житель Сандвичевыхъ-Острововъ думаетъ, что въ него входитъ крѣпость и отвага убитаго имъ непріятеля.

Тѣ-же хранители, которые оберегаютъ насъ отъ бѣдствій, отъ непріязни другихъ и отъ собственной слабости, защищаютъ насъ и отъ себялюбцевъ и отъ обманщиковъ. Суды и тюрьмы еще не стоятъ на ряду нашихъ лучшихъ учрежденій; тонкость въ веденіи дѣлъ не есть еще признакъ высочайшей мудрости; — мы это знаемъ, и всю жизнь мучимся суевѣрнымъ страхомъ, что насъ проведутъ, обманутъ... Да кто-же иной можетъ обмануть человѣка, какъ не онъ самъ себя? Возможно-ли чему-либо, въ тоже время, и быть и не быть? — Не бойтесь, есть, есть третье лицо, безмолвно-присутствующее при всѣхъ нашихъ сдѣлкахъ и соглашеніяхъ: оно беретъ на себя отвѣтственность за всякое условіе, оно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы всякая честная услуга получила свою надлежащую мзду. Это третье лицо — духъ вашихъ дѣйствій. Вы служите господину неблагодарному, — служите ему какъ можно долѣе, вселите въ самого Бога участіе къ себѣ, и вы чрезъ него получите, что̀ вамъ слѣдуетъ. Чѣмъ долѣе медлили платою, тѣмъ лучше для васъ; потому что небесное правосудіе имѣетъ обыкновеніемъ увеличивать капиталъ приращеніемъ процентовъ на проценты, и выплачивать всю сумму сполна.

Вспомните исторію различныхъ гоненій, тяготѣвшихъ надъ человѣчествомъ. Что̀ она, какъ не исторія противуестественныхъ возстаній, перечень тщетныхъ домогательствъ,

вить веревки изъ песку, заставлять воду течь снизу вверхъ покатости? Дѣло не въ числѣ гонителей: одинъ-ли тиранъ, цѣлая-ли ихъ толпа. Толпа — ничто иное, какъ сбродъ людей, по собственной волѣ роняющихъ разсудокъ и бѣгущихъ безъ оглядки на проломъ всего, что основано разсудкомъ. Толпа — все равно что человѣкъ, добровольно понижающійся до животнаго; ей всегда время дѣйствовать, и дѣйствія ея безалаберны какъ и самое сборище. Она гонитъ убѣжденія, съ радостью высѣкла-бы истину, и надѣется разъ навсегда отдѣлаться отъ правоты, предавъ огню и мечу жилища и людей, одушевленныхъ этимъ божественнымъ началомъ. Ея припадки безумія похожи на блажь дѣтей, бѣгающихъ съ головнями, для того чтобъ затмить блескъ алой зари, разливающейся по тверди небесной. Но безпорочный духъ недосягаемъ, и озлобленіе противъ него обращается на гонителей. Мученикъ не можетъ быть обезчещенъ; каждый ударъ лозы возвышаетъ его славу; каждая тюрьма становится обителью все болѣе знаменитою; сожженная книга, испепеленный домъ освѣщаютъ міръ, и каждое зачеркнутое или запрещенное слово расходится отголосками по всему земному протяженію. Напослѣдокъ, люди отряхаются отъ безумія, разумъ предстаетъ предъ ними оправданный, и лукавое видитъ въ очію ка̀къ напрасенъ былъ его трудъ: бичеванъ бичеватель, низвергнутъ тиранъ.

Такъ все въ мірѣ завѣряетъ насъ, что обстоятельства не значатъ ничего, а человѣкъ все. Нѣтъ вещи, которая не имѣла-бы двухъ сторонъ: хорошей и дурной, и ка̀къ

выгоды безъ невыгоды нѣтъ, то я научаюсь довольствоваться тѣмъ что̀ имѣю. Прочитавъ такое замѣчаніе, люди поверхностные могутъ возразить мнѣ: какая-же польза поступать хорошо? между добромъ и зломъ есть соотношеніе: пріобрѣту я добро, я долженъ буду за него поплатиться; потеряю на хорошемъ и вмѣсто него найду другое: не все-ли равно, что̀ ни дѣлать?

Нѣтъ! вѣрованіе въ возмездіе не есть вѣра индифферентизма. Въ душѣ есть начало, еще глубже возмездія; это ея собственноее стество; душа — не возмездіе, не равновѣсіе, она — *жизнь*, она — *суть*. Превыше колеблющагося моря обстоятельствъ, которыхъ приливъ и отливъ опредѣленъ съ наиточнѣйшею соразмѣрностью, пребываетъ Духъ, дѣйствительно сущій; не часть, не отношеніе, но *Все*, содержащее въ себѣ всѣ отношенія. всѣ времена, всѣ существа и поколѣнія. Это нескончаемое *Да*, отвергающее всякое отрицаніе. Все законное, доброе, естественное, подобно потоку истекаютъ изъ этого всевышняго Существа; порокъ — это отсутствіе Его, отлученіе отъ Него. Ложь и нигилизмъ, это мракъ, это непроницаемая ночь, на которую, какъ-бы на черный фонъ картины, вселенная кладетъ свои краски. Ложь и нигилизмъ безплодны, въ нихъ нѣтъ сущности, нѣтъ жизни: они непроизводительны ни для добра, ни для зла.

Мы ошибочно думаемъ, что зло не получаетъ здѣсь своей мзды, потому что преступникъ упорствуетъ въ своемъ порокѣ и не сознается въ своей карѣ, потому что видимый судъ рѣдко надъ нимъ совершается, потому что ни предъ

ангелами ни предъ человѣками, онъ не расторгаетъ своей связи съ злоупотребленіями. Но чѣмъ болѣе таитъ онъ въ себѣ лжи и лукавства, тѣмъ болѣе онъ утѣсняетъ свое собственное бытіе, и рано или поздно, уличеніе въ дурныхъ дѣлахъ сдѣлается ясно и для его пониманія; мы можемъ не видать этого, но мертвящія слѣдствія зла лягутъ вѣрнымъ итогомъ на счетахъ вѣчнаго Правосудія.

Съ другой стороны, мы не покупаемъ цѣною какихъ-бы ни было лишеній, наши пріобрѣтенія духовныхъ усовершенствованій. Не положена пеня за добро и его дѣйствія; не положена пеня за мудрость: — добро и мудрость — ничто иное какъ придатокъ вѣчнаго Естества къ отдѣльному естеству человѣка. *Я есмь* въ точномъ смыслѣ слова, тогда какъ свершаю то или другое дѣло добра, такимъ дѣйствіемъ я распространяю свѣтъ, я вношу побѣдоносное знамя въ пустынные предѣлы хаоса и ничтожества, и вижу какъ мгла рѣдѣетъ на небосклонѣ. Въ любви, въ значеніи, въ красотѣ не можетъ быть излишества, когда созерцаешь эти свойства и эти дары въ ихъ чистѣйшей сущности. Не понутру душѣ ограничивать свою мощь и свои стремленія; она всегда клонится къ оптимизму, къ пессимизму — никогда!

Жизнь души въ усовершенствованіи, а не въ застоѣ; условіемъ ея жизни — довѣренность. Во всѣхъ сближеніяхъ между людьми, нашъ инстинктъ всегда болѣе или менѣе имѣетъ въ виду *присутствіе* души, а не *бездушіе*. Мужественный человѣкъ цѣнится выше труса; человѣкъ

правдивый, мудрый, благосклонный, гораздо болѣе *человѣкъ*, чѣмъ этотъ негодяй, этотъ бездѣльникъ.

Мы сказали, что за вѣчныя блага добра и мудрости, не взимается никакой пошлины: эти блага составляютъ удѣлъ самого Бога. За всякое-же благо внѣшнее, платить слѣдуетъ: и если оно досталось вамъ незаслуженно, безъ пота и труда, то можетъ и исчезнуть при первомъ дуновеніи вѣтра. Тѣмъ не менѣе, всѣ блага, какія только есть въ мірѣ, принадлежатъ душѣ и могутъ быть куплены на монету подлинную, узаконенную и пущенную въ оборотъ самою природою, то есть, цѣною труда, отъ котораго не отопрется ни наше сердце, ни наша голова.

Я, напримѣръ, не желаю никакихъ благопріобрѣтеній; не гонюсь ни за кладомъ, ни за почестями, ни за властью, ни за вынужденною милостью особъ, зная, что такія блага возложатъ на меня новую отвѣтственность, что съ ними прибыль наружна, а платежъ неизмѣненъ. За знаніе-же факта, что законъ возмездія существуетъ и всегда находится въ дѣйствіи, я не заплатилъ ничего; но обладая имъ, я живу ясный, спокойный, и живу пріятно. Тщательно стараясь съуживать предѣлы и протяженія напастей, которыя могутъ меня постигнуть, я научаюсь понимать мудрыя слова святаго Бернара: „Я одинъ могу нанести себѣ вредъ неисправимый; если я дѣлаюсь защитникомъ зла, оно заражаетъ меня, я вношу его въ себя, и право, я дѣйствительно страдаю тогда только, когда самъ бываю виновенъ.“

Душа, по своей природѣ, имѣетъ даръ и возможность сглаживать всѣ неравенства условій. Корень многихъ непріятныхъ, даже трагическихъ столкновеній, по большей части, держится на различіи существующемъ между *плюсомъ* и *минусомъ*. Какъ не страдать *минусу*, какъ не чувствовать ему недоброжелательства и зависти къ *плюсу*? — Съ другой стороны, стоитъ поглядѣть на тѣхъ, у кого большой недостатокъ въ способностяхъ, и становится грустно, и не знаешь, какъ съ ними взяться; иногда случается, что глазу оскорбительно даже глядѣть на нихъ, и почти боишься, чтобъ они не были укоромъ Богу на землѣ... Что имъ дѣлать? Не вопіющая-ли это несправедливость?... Нѣтъ! идите прямо къ средоточію факта, присмотритесь ближе, выведите настоящую повѣрку, и громадныя неравенства исчезнутъ. Ихъ сгладитъ любовь: отъ нея какъ отъ солнца таютъ горы ледовитыхъ морей. Если-бы сердца и души составляли одно, исчезла-бы горечь, причиняемая твоимъ и моимъ. Мнѣ принадлежитъ твое; я и мой братъ одно: мы просто могли бы мѣняться личностями. — Если мнѣ понятно превосходство, величіе власти надо мною моего ближняго, — что-жъ? — я полюблю его, я широко распахну дверь его величію! Любовь усвоиваетъ себѣ всѣ качества, всѣ заслуги своего любимца, и сблизясь съ нимъ на этомъ основаніи, я увижу, что братъ мой, которому я такъ завидовалъ и недоброхотствовалъ, не иное что какъ мой казначей, и что онъ готовъ служить мнѣ своими дарованіями и своими силами. Да, безсмертной душѣ человѣка принадлежитъ право, брать въ свою собственность

все что существуетъ и когда-либо существовало. Не дышетъ-ли и теперь душа моя частью духа Святыхъ, долею генія Шекспира? Любовь и поклоненіе вынуждаютъ все чистое, прекрасное и великое снисходить въ обитель нашего внутренняго *я*.

Таковъ также и естественный смыслъ нашихъ бѣдствій и превратностей. Перемѣны, въ небольшихъ промежуткахъ нарушающія житье-бытье людей, суть увѣщанія природы, по законамъ которой, всему надлежитъ расти и развиваться. Увлекаемая этою основною необходимостью, каждая душа бываетъ по временамъ принуждена измѣнять свой бытъ, свой кругъ друзей, свои мнѣнія и свои вѣрованія; такъ черепокожныя покидаютъ отъ времени до времени свои красивыя раковины, сдѣлавшіяся тѣсными и задерживающія ихъ ростъ: должно съизнова приниматься за медленное устройство новаго известковаго жилища. Учащеніе такихъ переворотовъ соотвѣтствуетъ бодрости силъ индивидуума; они безпрерывны для нѣкоторыхъ счастливцевъ; въ такомъ случаѣ всѣ ихъ внѣшнія отношенія имѣютъ просторъ и, не касаясь того что̀ составляетъ ихъ истинную жизнь, облегаютъ ихъ тонкою прозрачною плевою, а не сдавливаютъ тяжелымъ неуклюжимъ зданіемъ, построеннымъ въ разныя поры, безъ толку и безъ цѣли, подобнымъ тѣмъ, въ которыхъ мается бо̀льшая часть людей.

Человѣческая природа эластична; она способна возобновляться такъ, что сегодняшній человѣкъ едва можетъ узнать своего вчерашняго себя. И такова должна-бы быть лѣтопись жизни человѣка въ его отношеніяхъ къ времен-

ному: ежедневное высвобожденіе изъ подъ тѣснинъ отжитаго, сходное съ ежедневною перемѣною одежды. Но для насъ, живущихъ съ такою нелѣпостью, тупо и упрямо уставляющихся на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того чтобъ идти впередъ; — для насъ, противодѣйствующихъ божественнымъ призывамъ, нашъ ростъ сопровождается потрясеніями и припадками.

И намъ-ли разстаться съ нашими друзьями, намъ-ли выпустить изъ объятій нашихъ ангеловъ? — И намъ-ли замѣтить, что если скроются ангелы, то ихъ мѣсто заступятъ архангелы!... Всѣ мы идолопоклонники старины. Мы не вѣримъ въ сокровища души, въ ея могущество, въ ея вѣчное бытіе. Мы не вѣримъ, что въ мірѣ есть сила, могущая сегодня войти въ соперничество съ тѣмъ, что казалось намъ прекрасно вчера; что въ мірѣ есть сила обновленія. Мы не можемъ рѣшиться покинуть тѣ ветхіе шатры, гдѣ нашли питье, ѣду, кровъ и радости; мы не можемъ увѣровать, что духъ промыслитъ для насъ въ другомъ мѣстѣ кровъ, пропитаніе и опору. Мы не можемъ вообразить себѣ ничего милѣе, дороже, слаще извѣданнаго. Но напрасно усаживаемся мы и принимаемся плакать. Голосъ Всемогущаго говоритъ намъ: Встань и иди! — Оставаться среди развалинъ нельзя, ступить впередъ страшно; — и похожи мы на какія-то чудовища, идущія впередъ, съ головою обороченною назадъ.

Но время настаетъ, и самому нашему разуму становятся понятны воздаянія, слѣдующія за бѣдствіями. Болѣзнь, увѣчье, потеря друзей и состоянія, на первыхъ порахъ

кажется намъ несчастіемъ, и неисправимымъ и ничѣмъ необлегчимымъ. Но годы неминуемо растолкуютъ намъ глубокій смыслъ врачества, скрытаго подъ такими испытаніями. Смерть, лишающая насъ друга, брата, жены, возлюбленнаго, современемъ являетъ ихъ намъ въ видѣ добраго генія, вѣрнаго руководителя. Подобныя потери, всегда производя въ жизни нѣкоторый переворотъ, полагаютъ конецъ эпохѣ дѣтства или молодости, которымъ уже настала пора прекратиться; онѣ выводятъ насъ изъ застоя привычекъ, устарѣвшаго образа жизни, занятій, и даютъ намъ возможность вступить въ новыя отношенія, которыхъ несомнѣнная важность и благодѣтельное на насъ вліяніе, обнаружатся въ будущемъ. И тогда, мужчина или женщина, которые остались-бы похожи на садикъ, гдѣ есть и цвѣты и солнце, но гдѣ отъ тѣсноты, корни деревъ переплетаются, а вершины сохнутъ отъ солнопека,— благодаря паденію ограды, дѣлаются подобны величественному банану, принимающему подъ свою сѣнь и питающему своими плодами безчисленное множество людей.

VIII.

Законы духа.

Когда въ нашемъ умѣ установится размышленіе, когда мы начнемъ обозрѣвать себя при свѣтѣ мысли, намъ открывается, что вся наша жизнь обвѣяна красотою. По мѣрѣ нашего отъ нихъ отдаленія, всѣ предметы, какъ облака на небѣ, принимаютъ плѣнительные образы. Не только обыденное и старое, но и страшное, и трагическое разставляется привѣтными картинами въ нашей памяти. Прошедшее придаетъ прелесть берегу рѣчки; ракитѣ, склоненной на ея воды; ветхому домишку; самымъ обыкновеннымъ личностямъ, едва замѣтно проходившимъ мимо насъ. Самый трупъ, на который надѣли саванъ, вотъ въ этой комнатѣ, облекъ домъ чѣмъ-то торжественно-священнымъ.

Душѣ неизвѣстны ни безобразіе, ни муки. Если-бы въ часы свѣтлыхъ провидѣній, въ тѣ часы, когда духъ вполнѣ владѣетъ своимъ величіемъ, — намъ привелось изречь сущую истину, мы вѣроятно-бы сознались, что мы не понесли никакой невознаградимой утраты. Такіе-то часы убѣждаютъ насъ, что намъ невозможно потерять ничего

изъ истинно-важнаго. Бѣдствія, лишенія — это все частности; цѣлое остается неприкосновеннымъ въ нашей душѣ. Признаемся, что есть нѣсколько преувеличенія въ разсказахъ людей самыхъ терпѣливыхъ и самыхъ жестоко-испытанныхъ; признаемся, что, можетъ быть, никто еще въ мірѣ не описалъ своихъ страданій, такъ просто и правдиво какъ-бы это слѣдовало. Въ сущности, въ насъ изнемогало, въ насъ обуревалось конечное, между тѣмъ, какъ безконечное покоилось въ своемъ улыбающемся безмятежіи.

И право, не стоитъ терять духа въ превратностяхъ и въ другихъ подобныхъ бездѣлицахъ! Духовную жизнь надобно сохранять въ здоровіи и въ благоуханной чистотѣ, если хочешь жить согласно съ природою, и не хочешь обременять себя некасающимися до насъ утружденіями. Теперь, всякій съ-измала терзается надъ рѣшеніемъ богословскихъ задачъ: о первородномъ грѣхѣ, о происхожденіи зла, о предназначеніи, и надъ прочими подобными умозрѣніями, которыя на практикѣ не представляютъ никакихъ затрудненій и нимало не затмѣваютъ пути тѣхъ, которые для такихъ поисковъ не сбиваются съ своего. — Многіе умы должны предложить себѣ на разсмотрѣніе и такіе вопросы; — они въ нихъ тоже что корь, золотуха и другія ѣдкія мокроты, которыя душа должна выбросить наружу, чтобъ послѣ наслаждаться отличнымъ здоровіемъ и предписывать цѣлебныя средства и другимъ. Простымъ натурамъ подобныя сыпи не необходимы. Нужно имѣть рѣдкія способности для того, чтобы самому себѣ отдать отчетъ въ своемъ вѣрованіи, и другимъ ясно выразить свои

воззрѣнія, касательно свободнаго произвола и его соглашенія съ судьбою человѣка. Для большинства-же людей, въ замѣнъ наукообразной пытливости, весьма достаточно имѣть нѣсколько вѣрныхъ инстинктовъ, немного удобопонятныхъ правилъ, и честную, здравую природу.

Чинно-распредѣленный курсъ ученія, цѣлые годы, проведенные въ университетахъ и на профессорскихъ каѳедрахъ, не преподали мнѣ фактовъ разительнѣе тѣхъ, на какіе навели меня случайныя неклассическія книги, припрятываемыя мною подъ скамьями латинскаго класса.

То что̀ мы не называемъ воспитаніемъ, имѣетъ гораздо болѣе цѣны, чѣмъ то, что̀ величается этимъ именемъ: при воспитаніи часто безсознательно употребляются всѣ усилія, чтобы сдержать и переиначить врожденный магнетизмъ, который съ безошибочною вѣрностью избираетъ себѣ приличное.

Нравственная наша природа точно такъ-же бываетъ искажена безвременнымъ напряженіемъ воли. Люди по сихъ поръ изображаютъ добродѣтель какъ битву; съ высокомѣріемъ повѣствуютъ о своихъ борьбахъ и одолѣніяхъ; и всюду въ ходу правило: добродѣтеленъ тотъ, кто наиболѣе бьется съ искушеніями. При этомъ забывается одно: присутствіе или отсутствіе души. Забывается и то, что характеръ прекрасенъ по мгновенности и естественности своихъ главныхъ стремленій, и что мы тѣмъ болѣе любимъ человѣка, чѣмъ менѣе онъ приневоливаетъ себя къ добродѣтелямъ, чѣмъ менѣе ведетъ имъ счетъ и гордится ими. Встрѣчая душу, всѣ поступки которой царственны, восхи-

тительны, миловидны, какъ роза, намъ-бы должно возблагодарить Бога, дозволившаго ей проявиться и существовать среди насъ, — мы-же круто отвернемся отъ ангела и скажемъ: „Нѣтъ, Горбачь лучше: онъ бранью и кулаками разгоняетъ всѣхъ чертей, лѣзущихъ на него“.

Всюду въ практической жизни столь-же очевидно превосходство природы надъ волею. Наши преднамѣренія управляютъ событіями гораздо менѣе, чѣмъ мы думаемъ. Мы приписываемъ Цесарю и Наполеону и тайные замыслы, и глубоко-обдуманные и выдержанные планы, тогда какъ вся сила была не въ нихъ, а въ природѣ. Люди, имѣвшіе чрезвычайный успѣхъ и необыкновенную геніальность, всегда въ минуты прямодушія повторяли одно и тоже: „Не нами! Не по нашему произволу!“ Весь ихъ успѣхъ основывался на параллельности дѣйствій съ помысломъ. Этому—они не ставили препятствій, и чудеса, которымъ они служили проводниками и орудіемъ, казались ихъ собственнымъ дѣломъ. Развѣ металлическая проволока производитъ гальванизмъ? — она — только его проводникъ. — Шекспиръ могъ-ли бы объяснить теоріей, какимъ образомъ образуются Шекспиры?

Урокъ, несомнѣнно-преподаваемый намъ такими наблюденіями, состоитъ въ доказательствѣ, что наша жизнь могла-бы быть гораздо проще и легче нежели мы ее дѣлаемъ; что міръ могъ-бы быть гораздо счастливѣе теперешняго; что можно-бы обойтись безъ побоищъ, безъ судорогъ, отчаянія, скрежета зубовъ, ломанія яростныхъ рукъ, и что многія бѣдствія устроиваются собственно нами.

Мы переполнены дѣйствіями механическими. Вмѣшиваемся Богъ знаетъ зачѣмъ въ дѣла всего свѣта до того, что всѣ свѣтскія добродѣтели, хвалы и жертвы становятся намъ отвратительны. Дѣла любви составили-бы наше счастіе, но и на нашемъ благоволеніи лежитъ зарокъ. Тяжелы дѣлаются для насъ подконецъ и воскресныя школы, и общества вспоможенія бѣднымъ. Мы скучаемъ, мы томимся и — не угождаемъ никому.

Есть простыя средства для достиженія цѣлей, которыя эти учрежденія имѣютъ въ виду; да за тѣ мы не принимаемся. Зачѣмъ, напримѣръ, всѣмъ добродѣтелямъ упражняться на одинъ ладъ и топтаться все по одной тропинкѣ? Почему каждая изъ нихъ обязана давать все однѣ деньги? Для насъ, сельскихъ жителей, это совсѣмъ неудобно, и мы не такъ-то вѣримъ, чтобы добро произошло именно изъ нашего неудобства. У купца есть доллары, — пускай онъ и даетъ доллары; но у землевладѣльца есть хлѣбъ; у поэта — его пѣснь; у женщинъ — рукодѣлія; у дѣтей — цвѣты; у чернорабочихъ — трудовыя руки. Да и къ чему во всемъ христіанствѣ завелась эта смертная тоска — воскресныя школы? Прекрасно и естественно дѣтству желать познать; зрѣлому-же возрасту прекрасно и естественно желать научить; но всегда придетъ пора отвѣчать на вопросы, когда за ними обратятся. Не усаживайте дѣтей, противъ ихъ воли, на церковныя скамейки; не принуждайте ихъ дѣлать вамъ вопросы, о которыхъ они и не помышляютъ.

Мы сами очевидно кладемъ препятствія благосклонности къ намъ природы, суясь туда гдѣ не нужно. Не всякій-ли разъ — когда мы ступимъ на священную землю прошедшаго, или приблизимся въ настоящемъ къ высокому уму, — обнаруживается въ насъ способность видѣть, что мы окружены законами духа, которые повсюду идутъ своимъ чередомъ? Возвышенный покой внѣшней природы внушаетъ намъ то-же самое. Природа не любитъ ни нашихъ треволненій, ни нашего копченія небесъ. Она остается равнодушною къ предметамъ нашихъ поисковъ и пристрастій, и нимало не веселится нашими коварствами, войнами, побѣдами. Когда изъ банка, — изъ совѣщаній аболиціонистовъ, — изъ митинговъ обществъ умѣренности, — изъ клуба трансценденталистовъ выйдешь въ поля и лѣса, природа такъ кажется и говоритъ тебѣ: „Изъ чего такъ разгорячилась и расходилась ваша милость?“

Если мы расширимъ горизонтъ нашего зрѣнія, то окажется, что все стоитъ на одномъ уровнѣ: изящная словесность, законодательство, житейскій бытъ, религіозныя секты; и что все это будто заслоняетъ истину. Наша общественная и гражданская жизнь загромождена увѣсистыми махинами, похожими на безчисленные водопроводы, которые римляне строили чрезъ долы и горы, и которые теперь отброшены за ненадобностью, по открытію закона, что вода поднимается въ уровень своего источника.

Простота устройства вселенной весьма разнится отъ простоты устройства машины. Природа проста, не потому что ее можно легко понять, а потому что она неистощима;

что окончательный анализъ этой простоты никогда не можетъ быть исполненъ. Педантъ тотъ, кто доискивается внѣ себя и на всѣ стороны, кàкъ могъ образоваться такой-то характеръ, создаться такая-то наука. Человѣка постоянно - мудраго нѣтъ: неперемѣжающаяся мудрость существуетъ только въ воображенiи стоиковъ. Возвышенность надеждъ и ожиданiй, вотъ по чему можетъ познаваться мудрецъ; потому что предугаданiе необъятныхъ сокровищъ вселенной есть залогъ вѣчной юности. Конечно, читая книгу или смотря на картину, мы всегда стоимъ за героя, противъ подлеца или вора; но мы сами тѣже подлецы и воры, и будемъ ими не разъ, не въ грубомъ смыслѣ фактовъ, но по сравненiю нашей жизни съ возможно-достижимымъ величiемъ души.

Краткiй обзоръ того, что ежедневно случается съ нами, доказываетъ намъ, что не наша воля, а законъ высшiй управляетъ событiями; что наши самые упорные труды безполезны и безплодны, что мы истинно-сильны одними дѣйствiями непринужденными, внезапными, свойственными намъ; и что однимъ повиновенiемъ законамъ высшимъ, можемъ мы достигнуть праведности и героизма. Вѣра и любовь, или лучше сказать, вѣрующая любовь, одна въ состоянiи облегчать невыносимое бремя заботъ и раздумiй. О, братiя мои, Богъ существуетъ! Въ средоточiи вселенной есть Духъ, который до того царитъ надъ волею человѣка, что никто не нарушитъ порядка мiроправленiя. Этотъ Духъ до того преисполнилъ все созданное неизочтимыми благами, что слѣдуя Его велѣнiямъ, мы благоденствуемъ;

если-же ищемъ нанести вредъ Его созданіямъ, наши руки опускаются онѣмѣлыми или раздираютъ собственную грудь нашу. Весь ходъ вещей, весь ихъ порядокъ научаетъ насъ вѣрить. Намъ нужно только повиноваться. Есть руководитель для каждаго изъ насъ, и прислушиваясь внимательно, мы различимъ слова, касающіяся именно однихъ насъ.

Къ чему съ такимъ трудомъ выбирать себѣ мѣсто, занятіе, сотоварищей, образъ дѣятельности и время провожденія? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы каждый изъ насъ не имѣлъ права на нѣчто, могущее избавить его отъ нерѣшительныхъ раздумій и отъ поспѣшнаго выбора. Есть, есть для каждой человѣческой личности и существенность, и мѣсто для него свойственное, и обязанности совершенно-подходящія къ врожденнымъ его склонностямъ. Станьте только вы подъ истокъ мудрости и могущества, который ліется въ васъ, который даровалъ вамъ струю жизни, и онъ вынесетъ васъ къ истинному, къ прямому, къ совершенному вашему удовлетворенію. Наши нелѣпыя и несвоевременныя вмѣшательства портятъ многое: онѣ-то затворяютъ намъ врата рая, рая возможнаго и всегда-желаннаго для сердца.

Если я говорю: *не выбирай*, такъ обозначаю этимъ выраженіемъ то что̀ люди обыкновенно называютъ *своимъ выборомъ*, который есть ничто иное какъ дѣйствіе вполнѣ отъ нихъ отчужденное: выборъ ихъ рукъ, ихъ глазъ, ихъ грубаго хотѣнія, но отнюдь не предпочтительное дѣйствіе всего человѣка. Добромъ-же и правомъ, называю я вы-

боръ моего бытія; раемъ — расположеніе обстоятельствъ, приличныхъ и благопріятныхъ моему бытію. Дѣйствіе, которое я всю жизнь желаю совершить, вотъ дѣйствіе согласующееся съ моими способностями; ему и надобно посвятить всѣ свои силы. И человѣкъ отвѣтственъ предъ разумомъ за выборъ своего ремесла или званія. Возможно-ли извинять проступки, относя ихъ къ обыкновеніямъ ремесла? Что̀ за неволя возиться съ негоднымъ ремесломъ? Призваніе не въ ремеслѣ, а въ душѣ.

У каждаго человѣка есть свое призваніе: особенный даръ, и побудительный и привлекательный. У него есть способности, безмолвно требующія себѣ безконечнаго упражненія. Именно въ этомъ направленіи, открыто для него все протяженіе. Онъ какъ лодка, встрѣчающая на рѣкѣ препятствія со всѣхъ сторонъ, исключая одной; здѣсь, единственно здѣсь, лодка можетъ пронестить и заскользить по неисчерпаемому морю. Этотъ даръ или призваніе слиты съ его естествомъ, то есть, съ душою воплотившеюся въ немъ. На этомъ пути онъ не встрѣтитъ соперниковъ; ибо, чѣмъ вѣрнѣе онъ станетъ придерживаться того что̀ можетъ, тѣмъ явственнѣе отличится его произведеніе отъ произведеній другихъ. Если онъ правдивъ и честенъ, его самолюбіе съ наиточною пропорціональностью относится къ его возможности. Такъ высота горы совершенно соразмѣрна объему основанія.

Возмечтаніе, что я имѣю особенное посольство, что я названъ по имени, избранъ вслѣдствіе моей личности, отмѣченъ видимыми знаками для совершенія чего-то необык-

новеннаго, чего-то выдвигающаго меня изъ ряда людей, называется фанатизмомъ, и обозначаетъ невѣдѣніе, мѣшающее разглядѣть, что духъ одинаково безпристрастенъ ко всѣмъ людямъ.

Исполняя свою замѣру, человѣкъ отвѣчаетъ на потребности другихъ, порождаетъ въ нихъ новые вкусы, наклонности и, удовлетворяя ихъ, олицетворяетъ самого себя въ своемъ произведеніи. Бѣда въ томъ, что между людьми все дѣлается условно и по натяжкѣ. Ораторъ произноситъ заученныя рѣчи, тогда какъ не только ораторъ, но первый попавшійся человѣкъ могъ-бы найти или создать ясное, подлинное выраженіе той мысли и той силы, которыми одушевленъ онъ. Ежечасный опытъ долженъ-бы удостовѣрить насъ, что несмѣтное большинство кое-какъ отправляетъ занятіе или ремесло, въ которое оно ввержено, и что должности отбываются по примѣру собаки, ворочающей вертѣлъ. Человѣкъ пропадаетъ и дѣлается частицею машины, приводимой имъ въ движеніе.

Пока онъ не возмогъ вполнѣ выразиться другимъ, предстать предъ ними во весь свой ростъ и во всю мѣру человѣка мудраго и добраго, онъ не нашелъ еще своего назначенія, и ему слѣдуетъ отъискать исходъ, который опредѣлилъ-бы его характеръ, изъяснилъ его дѣйствія въ глазахъ другихъ. Если трудъ его неваженъ, онъ долженъ возвысить его своимъ намѣреніемъ, своимъ направленіемъ и засвидѣтельствовать это предъ людьми для того, чтобы мнѣніе о немъ было непогрѣшительно. Не безуміе-ли ссылаться на пошлость, или на требовательность занятія и

званія, вмѣсто того чтобы преображать и то и другое превосходствомъ характера и стремленій?

Мы по привычкѣ отдаемъ предпочтеніе дѣйствіямъ, издавна пользующимся хвалою, и не замѣчаемъ того, что все до чего ни коснется человѣкъ, можетъ быть исполнено—божественно. Мы разъ навсегда порѣшили, что величіе водворилось и организировалось въ такихъ-то мѣстахъ, при такихъ-то должностяхъ; что выказывается оно въ такихъ-то случаяхъ. въ такихъ-то санахъ, и не видимъ, что Паганини производитъ восторгъ и упоеніе обыкновенною струною скрипки, Эйленштейнъ площадною пляскою, Лендсиръ поросятами, и что герой часто выходитъ изъ очень низкаго домика и общества. То что̀ мы называемъ безвѣстною долею, ничтожною средою, можетъ быть долею и средою, къ которой-бы съ радостью приблизилась поэзія, и которую вы сами можете сдѣлать и славною, и завидною: освойтесь только съ своимъ геніемъ и говорите искренно то что думаете. Не смотря на разницу положенія, будемъ брать примѣръ съ царей. Обязанности гостепріимства, семейныя связи, думы о смерти и о множествѣ другихъ предметовъ озабочиваютъ мысли царей. Да озабочивается ими и всякій царственный умъ: придавать этимъ вещамъ все болѣе цѣны и значенія, вотъ возвышеніе.

Могущество человѣка въ немъ самомъ; надобно поступать по этому правилу. Къ чему обуреваться то страхомъ, то надеждою? Его природѣ ввѣрены прочныя блага; онѣ надѣлены возможностью умножаться и усиливаться во все

продолженіе жизни; блага-же случайныя могутъ возрости и опасть какъ осенніе листья. Станемъ ими играть, бросать ихъ на всѣ вѣтры, какъ мгновенный признакъ неистощимости нашей производительной силы.

Человѣкъ долженъ быть самимъ собою. Тотъ духъ, тѣ свойства его, которыми онъ отличается отъ другихъ — впечатлительность въ отношеніи нѣкотораго рода вліяній, влеченіе къ тому, что̀ ему прилично, оттолкновеніе отъ того, что́ противно,—опредѣляютъ для него значеніе вселенной. Эти опредѣленія, эти понятія, составляя его сущность, служатъ въ глазахъ его формою, въ которую вылита вся природа. Среди всеобщей толкотни и шума, изъ многаго множества предметовъ, онъ высмотритъ, выберетъ, —онъ прислушается къ тому, что̀ ему мило, сходственно или нужно: онъ какъ магнитъ среди опилковъ желѣза. Лица, факты, слова, заронившіеся въ его памяти, даже безсознательно, тѣмъ не менѣе пользуются въ ней дѣйствительною жизнью. Это символы его собственныхъ свойствъ, это истолкованіе нѣкоторыхъ страницъ его совѣсти, на которыя не дадутъ вамъ объясненій ни книги, ни другіе люди. Не отвергайте, не презирайте случайный разсказъ, физіономію, навыкъ, происшествіе; словомъ, то что̀ глубоко запало въ вашу душу; вмѣсто нихъ, не несите своего поклоненія тому, что́ по общему мнѣнію стоитъ хвалы и удивленія. Вѣрьте имъ: они имѣютъ корень въ вашемъ существѣ. Что̀ ваше сердце почитаетъ великимъ — то велико. Восторгъ души не обманывается никогда.

Человѣкъ имѣетъ неоспоримыя права на все свойствен-

ное его природѣ и генію; онъ отовсюду можетъ заимствовать то что принадлежитъ его духовному расположенію. Внѣ этого, ему невозможно усвоить себѣ ничего, хотя-бы распались предъ нимъ всѣ затворы вселенной; но опять скажу: никакая человѣческая сила не въ состояніи воспрепятствовать взять ему столько, сколько нужно. Попробуйте скрыть тайну отъ того, кто имѣетъ право знать эту тайну, не успѣете: — сама тайна выскажется ему.

Кажется, ничего нѣтъ легче, какъ сказать, и быть поняту. Однако, рано или поздно сознаешь, что взаимное пониманіе составляетъ самую рѣдкую, самую надежную, крѣпкую связь и оборону; съ другой стороны, тотъ, на кого навязали мнѣніе, скоро догадается, что это самая несносная изъ ношъ.

Никто не можетъ познать то что̀ онъ еще не приготовленъ познать, какъ-бы близко ни находился предметъ отъ его глаза: химикъ можетъ безопасно сообщить плотнику свои самыя драгоцѣнныя открытія, которыя онъ ни за что на свѣтѣ не повѣдаетъ другому химику. Плотникъ отъ нихъ не поумнѣетъ и не разбогатѣетъ. — Напротивъ того, нѣтъ возможности утаить въ книгѣ своихъ заднихъ мыслей такъ, чтобы человѣкъ, равный съ авторомъ по уму, не проникнулъ ихъ насквозь. Оттого-то люди предчувствуютъ послѣдствія вашего ученія и приводятъ его въ дѣйствіе, сами не зная, почему они такъ поступаютъ. И такъ какъ мы всѣ разсуждаемъ, идя отъ видимаго къ невидимому, то и происходитъ совершенное пониманіе между всѣми людьми мудрыми, несмотря на разстояніе вѣковъ.

Если у Платона было тайное ученіе, могъ-ли онъ скрыть его отъ проницательности Бэкона, Монтэнья, Канта? Вслѣдствіе этого, Аристотель очень основательно говорилъ о своихъ твореніяхъ: онѣ изданы въ свѣтъ и не изданы.— Вы помните съ какимъ восхищеніемъ такой-то отзывался о Виргиліи? — Возьмите Энеиду въ свою очередь, читайте ее своими глазами, — вы не найдете въ ней того что̀ нашелъ ея восторженный цѣнитель, и одна эта книга, въ рукахъ тысячи различныхъ лицъ, становится тысячью различныхъ книгъ.

Само Провидѣніе ограждаетъ насъ отъ преждевременныхъ наносныхъ идей. Нашъ глазъ устроенъ такъ, что онъ не замѣтитъ предметовъ, стоящихъ передъ нимъ, пока умъ еще не приготовленъ къ ихъ воспріятію; но когда мы ихъ увидимъ, намъ покажется сномъ все то время, въ которое мы ихъ не видали. То-же правило тѣсно связано и съ обученіемъ всякаго рода. Человѣкъ поучаетъ фактически, никакъ не иначе. Если онъ имѣетъ даръ сообщать, пускай поучаетъ, только не словами. Наставникъ даетъ, наставляемый получаетъ. Наставленіе ничтожно до того часа, когда ученикъ доростетъ до васъ и будетъ въ состояніи усвоить себѣ ваши начала. Тогда-то совершается истинное сообщеніе, и уже никакія жалкія случайности, никакое дурное товарищество не лишатъ вполнѣ вашего ученика умственныхъ и нравственныхъ благодѣяній, полученныхъ отъ васъ. Въ этомъ и состоитъ воспитаніе. Прочіе же уроки входятъ въ одно ухо и выходятъ въ другое.

Намъ приносятъ объявленіе, что „сего іюля, 4-го чис-

ла, г. Грендъ скажетъ публичную рѣчь"; — „6-го-же іюля, г. Хендъ скажетъ свою публичную рѣчь". — Мы не пойдемъ ни къ тому, ни къ другому, заранѣе зная, что эти господа не сообщатъ слушателямъ ни одного дуновенія отъ своихъ способностей, отъ своего бытія. О, еслибы можно было вступить съ ними въ подобное общеніе, мы-бы отложили всѣ дѣла и заботы; больные велѣли-бы нести себя на носилкахъ на такую бесѣду! Но публичная рѣчь есть ловушка, ложь, изъявленіе недостатка довѣрія къ слушателямъ; это узда, налагаемая на ихъ мысль: не сообщеніе, не живое слово, не человѣкъ.

Когда-же убѣдимся мы, что вещь, сказанная словами, нисколько ими не утверждена. Она утверждается сама собою, по своей внутренней цѣнности; не то, никакія риторическія фигуры, правдоподобія и словопренія не придадутъ ей характера неоспоримой очевидности.

Та-же Немезида стоитъ на челѣ всѣхъ прочихъ умственныхъ трудовъ. Вліяніе каждаго сочиненія на публику можетъ быть математически разочтено, на основаніи глубины мысли, вложенной въ него. Если оно возбуждаетъ вашу мысль, если могучій голосъ краснорѣчія заставляетъ васъ трепетать, волноваться, и выводитъ васъ изъ застоя, — дѣйствіе читаемой вами книги на духъ людей будетъ обширно, медленно, продолжительно. Если-же эти листы не задѣваютъ въ васъ ничего существеннаго, — они исчезнутъ какъ мошки, черезъ часъ времени. — Никогда не выйдетъ изъ моды то, что сказано и написано съ искренностью. Возьмите девизомъ совѣтъ Сиднея: „*Пиши, вгля-*

дываясь въ твое сердце!“ Я не думаю, чтò-бы доводы, не трогающіе меня за живое, не касающіеся сущности моего бытія, могли чрезвычайно поразить другихъ людей. Только жизнь порождаетъ жизнь. Писатель, извлекающій свои сюжеты изъ всего, что жужжитъ вокругъ ушей, вмѣсто того, чтобы выносить ихъ изъ своей души, долженъ-бы знать, что онъ потеряетъ гораздо болѣе, чѣмъ выиграетъ. Когда его друзья и половина публики откричитъ: „Чтò за поэзія! чтò за геній!“ — вслѣдъ затѣмъ окажется, что это пламя не распространяетъ никакой живительной теплоты. Не шумные чтецы только-что появившейся книги устанавливаютъ ея окончательный приговоръ; его изрекаетъ публика неподкупная, безстрашная, неподвластная пристрастію; публика, похожая на небесное судилище.—Блекморъ, Коцебу, Полоккъ могутъ продержаться одну ночь, но Моисей и Платонъ живутъ вѣчно. Едва-ли, въ одно и то-же время, на всемъ земномъ шарѣ двѣнадцать человѣкъ читаютъ съ толкомъ Платона; никогда не наберется ему столько чтецовъ, чтобы можно въ скоромъ времени распродать все изданіе, и между тѣмъ, его творенія являются предъ каждымъ новымъ поколѣніемъ, будто предлагаемыя самою рукою Провидѣнія.

Точно также, по глубинѣ чувства его внушившаго, можетъ быть разочтено впечатлѣніе, производимое поступкомъ. Великій человѣкъ не зналъ, что онъ великъ; нужно было два-три вѣка для уясненія его величія; онъ дѣйствовалъ такъ, потому что таковъ былъ его долгъ, и ему не оставалось выбора. Его поступки казались ему весьма есте-

ственными: ихъ порождали обстоятельства и текущій часъ. Теперь-же, малѣйшее его слово, движеніе руки, обыкновенный образъ жизни кажутся чѣмъ-то значительнымъ, имѣющимъ соотношеніе съ міровыми законами и достойнымъ войдти въ повсемѣстное постановленіе.

Человѣкъ можетъ познать и самого себя. Усматривая столько-то добра, столько-то зла въ другихъ, онъ отъищетъ мѣрило собственнаго зла и добра. Каждая способность ума, каждое движеніе его сердца великолѣпно отражается ему въ умѣ и въ сердцѣ того или другаго знакомаго. Всѣ красоты и всѣ блага, подмѣчаемыя имъ въ природѣ, заключаются въ немъ самомъ. По правдѣ сказать, наша планета немногаго стоитъ; она получаетъ всѣ свои красы отъ душъ, составляющихъ ея цвѣтъ и гордость. Долина-Темпейская, Римъ, Тиволи—что̀ они, какъ не таже земля, вода, скалы, небо какъ и всюду; но отчего-же другія мѣста не столько говорятъ нашему сердцу?

Человѣкъ долженъ самъ образовать себѣ общество, не упуская изъ виду то, что безъ всякой видимой причины, онъ привязывается къ однимъ и избѣгаетъ другихъ. Самые дивные таланты, самые похвальные поступки находятъ насъ безчувственными; но ка̀къ легка, ка̀къ полна побѣда тѣхъ, кто сходенъ съ нами, близокъ намъ по душѣ. Это братъ, это сестра, данные намъ Провидѣніемъ; какъ тихо и просто подходятъ они къ намъ, ка̀къ коротко дружатся, — подумаешь, одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ! И мы сближаемся съ ними до того, что такой союзъ не кажется намъ пріобрѣтеніемъ единомысленника, а ско-

рѣе, отрѣшеніемъ отъ самихъ себя. Что за облегченіе! что̀ за освѣженіе! Неразлучность съ ними походитъ на отрадное одиночество.

Во дни нашей грѣховодности, мы нелѣпо думаемъ, что обязаны держаться и къ тѣмъ и къ другимъ, вслѣдствіе общественнаго устава, одинаковаго покроя платья, равенства рожденія, воспитанія и личныхъ заслугъ. Позднѣе, мы сознаемъ, что другъ души моей встрѣтился мнѣ на моемъ именно пути: я вполнѣ отдавался ему, онъ мнѣ, и рожденные подъ одною и тою-же широтою небесною, мы оба были взлелѣяны тѣми-же впечатлѣніями; въ насъ отразились одинаковые опыты. Сколько ученыхъ, сколько вдохновенныхъ людей совершаютъ преступленія противъ самихъ себя, начиная вдругъ рядиться и перенимать манеры свѣтскихъ щеголей, волочась за причудливою, красивенькою дѣвочкою, вмѣсто того, чтобы благоговѣйно и возвышенно-страстно остановиться предъ женщиною, съ душою ясною, прекрасною, многообѣтною.

Великому сердцу всегда дается великая любовь. И напротивъ, ничто такъ строго не карается какъ упущеніе изъ виду созвучія духовныхъ силъ, которое одно должно быть положено въ основаніи жизни семейной и общественной. Опять повторяю: ничто такъ не карается, какъ безумное легкомысліе при выборѣ спутниковъ нашей жизни. Еще менѣе прощается непризнаніе возвышенной души и упорство идти къ ней на встрѣчу съ благороднымъ радушіемъ. Когда то̀, чего мы давно желали, сбывается и блеститъ надъ нами, какъ волшебный лучъ, исшедшій изъ

дальняго царства небесъ, — продолжать быть грубымъ и язвительнымъ, принимать подобное посѣщеніе съ уличною болтовнею и подозрительностью, есть признакъ такой пошлости, которая въ состояніи заперетъ себѣ всѣ двери эдема. Не распознать кому и когда слѣдуетъ вѣрить и покланяться, означаетъ великое сумасбродство, даже положительное помѣшательство. Въ какой-бы пустынѣ ни возникъ цвѣтъ мысли и чувства, освящающій и возрождающій меня, —онъ мой. Предоставляю другимъ открывать и величать сонмы болѣе блестящихъ дарованій, и слѣдить за геніемъ на его поприщѣ, усѣянномъ звѣздами, но я не отвергну того, что̀ далось одному мнѣ, и лучше прослыву страннымъ и безумнымъ, чѣмъ откажусь заявить предъ всѣми силу и безпредѣльность моего сочувствія.

Человѣку дана возможность установить и собственную свою цѣну. Всеміно и достойно всякаго вѣроятія правило, что мы можемъ пріобрѣсти то что приписываемъ себѣ. Сядьте на такое мѣсто и выберите такое положеніе, которое по всѣмъ правамъ несомнѣнно прилично вамъ, и всѣ подтвердятъ, что оно ваше. Міръ принужденъ быть справедливымъ. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ предоставляетъ всякому, и герою и негодяю, выказать чего онъ стоитъ. Это ваше дѣло, а міръ приметъ васъ по курсу, назначенному собственными вашими дѣйствіями и вашею неотъемлемою сутью. Отъ васъ зависитъ, раболѣпно-ли ползать предъ нимъ, марать свое имя; или-же начертать его четко на сводѣ небесномъ, среди постояннаго хода свѣтилъ.

Таковы нѣкоторыя наблюденія законовъ духа, вычитанныя изъ природы вещей. Эти простыя замѣтки могутъ указать намъ, каково̀ направленіе ихъ струй. Но эти струи наша кровь, и каждая ея капля — жизнь. Истина не одерживаетъ побѣдъ отдѣльныхъ: ей служитъ о̀рганомъ все, не только прахъ и камни, но и самая ложь и уклоненія. Врачи говорятъ, что законы болѣзней, прекрасны не менѣе законовъ здоровія. Наша философія утвердительна, но она съ неменьшею готовностью принимаетъ свидѣтельство и факты отрицательные: всякая тѣнь дѣлаетъ посылку на солнце. По волѣ Неба, все существующее въ природѣ обязано дать о себѣ свидѣтельство. — Поэтому и свойства человѣка должны обрисоваться предъ глазами другихъ. Имъ нельзя укрыться: темнота имъ ненавистна, онѣ тянутся къ свѣту. Мимолетное слово и дѣйствіе, самое слабое намѣреніе дѣйствовать, наравнѣ съ глубоко-обдуманными замыслами, выражаютъ характеръ. Его выдаетъ и дѣло, и бездѣйствіе, и сонъ. Вы полагаете, что не сказавъ ни слова пока говорили другіе, вы утаили свое мнѣніе, и что всѣ ждутъ съ любопытствомъ опредѣленія вашей запоздалой мудрости? — Не безпокойтесь: ваше молчаніе краснорѣчиво, и присутствующіе знаютъ каково ваше сужденіе о рабствѣ, о партіяхъ, объ упомянутой личности.

Природа вдвинула скрытность въ неимовѣрно-узкія границы, тогда какъ правда удержала въ своемъ подданствѣ всѣ члены тѣла и выраженіе лица, которое, какъ говорятъ, никогда не лжетъ. Слѣдовательно, никто не можетъ быть обманутъ, если вглядится въ измѣненія лица. Когда

человѣкъ высказываетъ истину, въ духѣ и съ голосомъ истины, его глазъ блистаетъ небеснымъ свѣтомъ; но когда цѣль его дурна и рѣчь фальшива, глаза его тускнѣютъ; иногда, даже косятся.

Совершенно излишне мучиться любопытствомъ, какова степень уваженія къ намъ людей; и напрасны опасенія, что наши достоинства останутся непризнанными. „Ка̀къ живешь, такъ и прослывешь“,– пословица отмѣнно-справедливая. Если кто убѣжденъ, что можетъ сдѣлать нѣчто, и сдѣлаетъ это лучше другихъ, онъ какъ будто увѣренъ, что эта истина извѣстна всѣмъ. Міръ полонъ дней Страшнаго Суда; и куда-бы ни вошелъ, что̀-бы ни сдѣлалъ человѣкъ, его всюду разсмотрятъ точно насквозь, и наложатъ на него приличный штемпель. Въ гурьбу дѣтей такой-то школы вступаетъ новичекъ, разряженный, чистенькій, съ пропастью игрушекъ и съ большою спѣсью. Кто-нибудь изъ *старожиловъ* пощупаетъ его и прехладнокровно скажетъ: „Пускай его себѣ! увидимъ завтра!“

Бездѣльникъ возсядетъ на престолъ. На первыхъ порахъ не разглядишь, Гомеръ-ли онъ, или Вашингтонъ? но истина возсіяетъ, и не остается ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ какой-бы то ни было человѣческой личности. Поэтому, претензіи должны-бы оставаться въ покоѣ и предписать себѣ бездѣйствіе; онѣ никогда не произведутъ ничего истинно-великаго. Претензія никогда не написала Иліады, ни разбила въ пухъ Ксеркса, ни покорила міръ христіанству, ни уничтожила рабство.

Сколько есть качествъ въ человѣкѣ, столько ихъ и обна-

руживается. Ни одно искреннее слово не пропадаетъ даромъ, ни одно движеніе великодушія не исчезаетъ безслѣдно. Сердце человѣческое летитъ навстрѣчу словъ искренности, поступковъ великодушія, и мгновенно вбираетъ ихъ въ себя. — Человѣкъ цѣнится по своему достоинству. Если вы не хотите, чтобы нѣкоторые ваши поступки были извѣстны, — не дѣлайте ихъ. Тутъ не поможетъ ни укрывательство, ни самообладаніе. Есть обличенія и во взглядѣ глазъ и въ пожатіи руки. Зло осквернило этого человѣка и уничтожаетъ всѣ добрыя впечатлѣнія, которыя онъ еще производитъ. Не знаешь почему нельзя ему довѣриться, но чувствуешь, что довѣриться нельзя. Утомленная наружность, блуждающій взоръ, признаки безчувствія, отсутствіе истиннаго знанія, все служитъ ему осужденіемъ. Уже Конфуцій восклицалъ: „Какъ можетъ человѣкъ утаиться! Какъ можетъ человѣкъ скрыть себя!“

Съ другой стороны, прекрасной душѣ нѣчего опасаться, чтобы тайныя дѣла ея безкорыстія, справедливости и любви могли остаться безъ сочувствій. Одному человѣку, по крайней мѣрѣ, извѣстно и доброе дѣло, и благородное намѣреніе его внушившее; онъ увѣренъ, что скромное умалчиваніе послужитъ ему лучше подробныхъ разсказовъ. Этотъ свидѣтель похвальнаго поступка — онъ самъ, его совершитель. Онъ заявилъ имъ свое благоговѣніе къ законамъ вѣчнымъ, и законы вѣчные, въ свою очередь, воздали ему невозмутимымъ миромъ и самодовольствомъ.

Вообще, добродѣтель состоитъ въ замѣненіи состоянія *казаться* состояніемъ *быть;* то есть, въ выспреннемъ свой-

ствѣ, выраженнымъ самимъ Богомъ изреченіемъ: „*Я есмь*". И таковъ урокъ, извлеченный изъ всѣхъ нашихъ наблюденій: *Будь, а не кажись!* Эту свѣтскую премудрость пора предать забвенію. Преклонимся предъ могуществомъ Господа, сметемъ съ Божественныхъ стезей наше ничтожество, раздутое тщеславіемъ, и мы получимъ отъ Него истину, которая одна дастъ сокровища и величіе.

Замѣтимъ еще, что всѣ наши ощущенія и понятія обморочены. Большіе размѣры вынуждаютъ нашу почтительность; кромѣ того, мы такъ и присмирѣемъ при одномъ словѣ: *дѣятельность*. Это обманъ внѣшнихъ чувствъ — больше ничего. Умъ убогій и скудный можетъ имѣть сознаніе, что онъ ничто, если не владѣетъ какимъ-нибудь наружнымъ знакомъ отличія: квакерскимъ платьемъ, мѣстечкомъ въ собраніи кальвинистовъ или въ обществѣ филантроповъ, порядочнымъ наслѣдствомъ, видною должностью и тому подобнымъ, удостовѣряющимъ его самого, что онъ нѣчто значитъ. Но умъ живой и могучій — обитатель солнца, и въ самой своей дремотѣ, властелинъ созданія. Мыслить — значитъ дѣйствовать.

Мы-же называемъ бездѣйственнымъ поэта, потому что онъ не предсѣдатель, не купецъ, не водовозъ! Мы покланяемся различнымъ учрежденіямъ, забывая, что онѣ произведенія мысли, которая находится и въ насъ. Мать всякаго подвига есть мысль, и самая плодотворная дѣятельность совершается въ минуты безмолвія. Не шумные и не видные факты — женитьбы, выбора и снисканія должности, поступленія на службу — кладутъ на нашу жизнь не-

изгладимый отпечатокъ; его производитъ тихая дума, посѣтившая насъ во время прогулки, у опушки лѣса, на окраинѣ дороги; дума, которая, обозрѣвъ всю нашу жизнь, даетъ ей новый оборотъ, говоря: „Ты поступилъ такъ, а лучше-бы поступить иначе“. Всѣ наши послѣдующіе годы сопровождаютъ такую мысль какъ прислужники; они подчинены ей, и исполняютъ ея волю, насколько это возможно. Такой обзоръ, или лучше сказать, такое исправленіе предъидущаго есть сила неизмѣнная; она похожа на толчокъ данный тѣлу; но она направлена на нашу внутреннюю жизнь и сопутствуетъ ей до послѣднихъ предѣловъ. Озарить человѣка свѣтомъ незаходимымъ, сдѣлать все существо его способнымъ безпрепятственно проникаться закономъ непреложнымъ — вотъ цѣль возвышенныхъ посѣщеній. Ими возлагается на человѣка долгъ, чтобы — всѣ малѣйшія подробности его жизни, куда только ни обратите вы своего взгляда: его слова, поступки, Богопочтеніе, домоводство, общественная жизнь; его радости, одобреніе и противоборство, — все въ немъ служило явнымъ выраженіемъ его свойствъ и его природы. Съ такими содѣйствіями, человѣкъ дѣлается вполнѣ *самостоятеленъ;* но если онъ довольствуется состояніемъ *сбродныъ*, лучъ солнца не пронзитъ, истинный свѣтъ не озаритъ его; и глазъ, самый полный участія, утомится, усматривая въ немъ тысячу разнородныхъ направленій, и существо ни въ чемъ не достигшее утвержденія и единства.

Зачѣмъ тоже прибѣгать намъ къ ложному смиренію, пренебрегать въ себѣ человѣка и образъ жизни, данный

ему на часть? — Хорошій человѣкъ всегда доволенъ своимъ удѣломъ. Я чту и чествую Эпаминонда, но я не желаю быть Эпаминондомъ, и считаю болѣе справедливымъ и полезнымъ любить міръ мнѣ современный, а не міръ его времени. Если я искрененъ и вѣренъ самому себѣ, вы не смутите меня словами: „Онъ дѣйствовалъ, а ты остаешься въ бездѣйствіи“.

Похвальна дѣятельность, когда нужно дѣйствовать; похвально и бездѣйствіе. Если Эпаминондъ, въ самомъ дѣлѣ былъ такой, какимъ я его понимаю, онъ, вѣроятно, при моихъ обстоятельствахъ, точно-бы также оставался въ бездѣйствіи. Небо обширно: — въ немъ есть просторъ для всѣхъ родовъ любви, для всѣхъ родовъ доблестей. И зачѣмъ намъ суетиться, прислуживаться, хлопотать до-нельзя? Предъ лицомъ Правды, дѣятельность и бездѣйствіе равны. Изъ одного куска дерева сдѣланъ флюгеръ, изъ другого будка на мосту: свойство дерева выказывается въ томъ и въ другомъ употребленіи.

Я вполнѣ довѣряюсь распоряженіямъ Всевышняго. Простой фактъ моего пребыванія на такомъ-то мѣстѣ служитъ мнѣ ручательствомъ, что именно здѣсь нуженъ Ему органъ. И когда эта обязанность мнѣ уяснится, буду-ли я отпираться, отказываться, представляя съ безвременнымъ и суетнымъ смиреніемъ, что я не Гомеръ, не Эпаминондъ. Мнѣ-ли судить о томъ что̀ Ему прилично, что̀ нѣтъ: — я только повинуюсь Его опредѣленіямъ. Всевышній духъ меня блюдетъ, и съ каждымъ новымъ днемъ обогащаетъ меня новою бодростью и веселіемъ. Я не отрекусь отъ изо-

билія благодати, подъ тѣмъ предлогомъ, что она въ иномъ видѣ нисходитъ на другихъ.

Если насъ восхищаютъ великодушные поступки, постараемся придать величіе и нашимъ поступкамъ. Всякое дѣйствіе эластично до безконечности, и смиреннѣйшее изъ нихъ способно проникнуться отблескомъ небесъ, который затмитъ сіяніе солнца и луны. И во-первыхъ, будемъ исполнять свои обязанности. Какая мнѣ стать углубляться въ дѣянія и умозрѣнія древнихъ грековъ и римлянъ, когда я такъ сказать, не умылъ еще своей хари и не оправдалъ себя предъ моими благотворителями? Какъ смѣть мнѣ зачитываться объ военныхъ подвигахъ Вашингтона, когда я не отвѣчалъ еще на письма моихъ друзей? Не трусливый-ли это побѣгъ отъ своего дѣла, для того чтобъ ввязаться въ дѣла сосѣдей? — Это чистая увертка. Байронъ сказалъ объ Джекѣ Бунтингѣ: „Онъ не зналъ что̀ дѣлать, и принялся ругаться“. — Не тоже-ли можно сказать и объ нашемъ обращеніи съ книгами: „Не знаешь что̀ дѣлать и примешься читать“. Странное уваженіе оказываемъ мы памяти Вашингтона и другихъ великихъ людей! Я считаю, что мое время, и міръ, въ которомъ я вращаюсь, и мои отношенія и занятія также хороши, если еще не лучше ихъ. Дайте мнѣ, напротивъ, охоту такъ хорошо отправлять мои обязанности, чтобы всякій развалившійся читатель, сравнивая мою и ихъ біографію, нашелъ-бы, что моя во всемъ похожа на лучшія эпохи ихъ жизни.

Преувеличенная оцѣнка дарованій Перикла и Сципіона и нерадѣніе о собственныхъ дарованіяхъ препятству-

ютъ намъ замѣтить равномѣрность во многихъ проявленіяхъ врожденныхъ способностей. Поэтъ беретъ имя Цесаря, Велисарія и пр.; если онъ изобразитъ своего героя съ свойственною ему возвышенностью мыслей, съ его чистотою чувствъ, съ умомъ гибкимъ и проницательнымъ; съ рѣшимостью быстрою, отважною, изумительною; съ сердцемъ всеобъемлющимъ и безтрепетнымъ, и съ жаромъ любви и упованія; — если онъ достойно выразитъ какъ его герой, стяжавъ міръ и всѣ его драгоцѣнности — дворцы, сады, деньги, корабли, царства — явилъ свое величіе въ пренебреженіи внѣшнихъ благъ, тогда вѣрьте, что качества этого Цесаря находятся въ самомъ поэтѣ, и что ихъ-то красота приводитъ въ восторгъ народы. Знаменитыя-же имена ни къ чему не служатъ, если заимствующій ихъ лишенъ духа жизни.

Будемъ вѣрить въ Бога, а не въ имена, мѣста и лица. Будемъ свѣтомѣрами; этимъ раздражительнымъ золотымъ листкомъ, чующимъ измѣненія и скопленія тончайшаго электрическаго тока. Тогда и мы различимъ во-сколько и гдѣ проявляется истинный огонь, несмотря на тысячеобразныя различія ризъ, въ которыя онъ облекается.

VIII.

Круги.

Первый кругъ — нашъ зрачекъ; второй — кругозоръ имъ обнимаемый. Это самое основное очертаніе воспроизводится до безконечности во всей природѣ; и мы, въ продолженіе жизни, изучаемъ по складамъ безпредѣльный смыслъ этого первоначальника всѣхъ формъ. Въ одной изъ предъидущихъ статей, мы старались обратить философическое вниманіе на кругообратное свойство или, говоря иначе, на свойство возмездія каждаго человѣческаго дѣйствія. Теперь, мы займемся объясненіемъ другаго порядка отношеній, указавъ какимъ образомъ, каждое наше дѣйствіе можетъ быть превзойдено другимъ. Жизнь наша есть ничто иное, какъ умудреніе въ школѣ Истины: около каждаго круга можно обвести другой. Въ природѣ нѣтъ конца: всякое окончаніе есть новое начало. За каждымъ угасшимъ днемъ безотлагательно слѣдуетъ новая заря, и подъ каждою глубиною открывается глубина еще бо̀льшая.

Этотъ фактъ, символизирующій нравственный фактъ усовершенствованія, вѣчно-привлекательнаго и никогда не-

досягаемаго; этотъ фактъ, первый двигатель и всегда-неудовлетворенный критикъ нашего развитія, можетъ послужить намъ къ собранію разныхъ отличительныхъ чертъ человѣческихъ свойствъ и возможностей, во всѣхъ родахъ ихъ упражненія.

Неподвижности въ природѣ нѣтъ. Вселенная текуча и летуча. Земной шаръ, въ глазахъ Божьихъ, не иное что̀, какъ прозрачный законъ, а не сплошная и стоячая масса фактовъ. Точно также и нашъ индивидуальный прогрессъ, то есть, преобладаніе уже мысли въ человѣкѣ, уноситъ въ своемъ развитіи цѣлыя вереницы городовъ, селъ, учрежденій. Мы возвысимся еще до другой идеи,—и городовъ, селъ, учрежденій будто не бывало. Растаяли какъ ледъ греческія изваянія; кое-гдѣ бѣлые обломки лежатъ будто снѣгъ, уцѣлѣвшій до іюля въ какомъ-нибудь тѣнистомъ ущеліи или разсѣлинѣ горы. Греческія творенія долѣе сопротивляются напору времени, но и надъ ними произнесенъ роковой приговоръ: возникновеніе новыхъ мыслей повергло, и повергнетъ ихъ еще далѣе въ пучину, которая поглощаетъ все отжившее. Новыя изобрѣтенія вытѣсняютъ старыя; гидравлическія машины сдѣлали безполезными римскіе водопроводы; порохъ—укрѣпленія; желѣзныя дороги—шоссе и каналы; пароходы—парусные суда; а электричество — почтовые пароходы.

Вы удивляетесь той гранитной башнѣ, выдержавшей приступы столькихъ вѣковъ. Несокрушимыя ея стѣны воздвигнуты однако небольшою, слабою рукою; и зодчій лучше зданія. Рука ее построившая, еще быстрѣе можетъ ее

разрушить. Еще превосходнѣе, еще искуснѣе руки была незримая мысль, основавшая и сплотившая эту твердыню. Такъ, за каждымъ дѣйствіемъ, и несовершеннымъ, и шероховатымъ, виднѣется побужденіе лучшее, за которымъ стоитъ причина еще лучшая.

Иныя вещи кажутся прочны и устойчивы покамѣсть не ознакомишься съ ихъ сущностью. Женщинамъ и дѣтямъ твердо и прочно кажется ихъ богатство; но для купца, оно представляется въ видѣ нѣсколькихъ матеріаловъ, всѣхъ подверженныхъ скорой убыли и порчѣ. Городской житель думаетъ, что плодоносныя поля, фруктовый садъ неизмѣнны какъ рѣка и какъ золотые рудники; но опытный землѣпашецъ знаетъ, что нельзя крѣпко полагаться на нихъ и на обѣщанія жатвы. Неизмѣняемость — слово относительное, включающее понятіе о безчисленныхъ степеняхъ.

Ступенъ за ступенью, мы восходимъ по таинственной лѣстницѣ; эти ступени — наши дѣйствія, и новый кругозоръ, который онѣ предъ нами открываютъ, придастъ намъ новое могущество. Всякое преждевыведенное заключеніе бываетъ обсужено и отодвинуто назадъ заключеніемъ послѣдующимъ: сначала, оно находится будто въ разладѣ съ нами, но въ сущности, оно только разстилаетъ предъ нами новую перспективу. Прежнему всегда ненавистно теперешнее, и все чтò держится за него кажется ему пучиною скептицизма; однако глазъ скоро привыкаетъ къ новому положенію вещей, тогда проявляется его безвредность и благотворность, которыя тоже истощивъ свою энергію,

поблекнутъ и исчезнутъ предъ откровенiемъ новаго часа. Не пугайтесь новаго воззрѣнiя. Его факты, сначала грубые, матерiальные, грозящiе унизить область духа, утончатся и приведутъ къ примиренiю и матерiю, и духъ.

Предметы, которыми дорожатъ люди въ нѣкоторые часы жизни, дороги имъ по идеѣ, нѣкогда взошедшей на горизонтѣ ихъ ума; она произвела существующiй около нихъ порядокъ вещей, какъ дерево производитъ свои плоды. Новый видъ, или новая степень образованности скоро измѣняетъ желанiя и все направленiе человѣка.

Каждый шагъ — который мысль дѣлаетъ впередъ, — сближаетъ десятки фактовъ повидимому несовмѣстимыхъ, и представляетъ ихъ намъ какъ различныя выраженiя одного и того-же закона. На Аристотеля и на Платона весь мiръ сговорился смотрѣть какъ на вождей двухъ противоположныхъ школъ, но каждый толковый читатель убѣдится, что и Аристотель тоже *платонизируетъ*. Чѣмъ далѣе углубляемся мы въ мышленiе, тѣмъ согласимѣе являются намъ разнорѣчащiя мнѣнiя; онѣ оказываются только крайними точками того-же начала, и намъ не достигнуть той сферы духа, гдѣ-бы оканчивались крайности, и гдѣ-бы видѣнiя, все высшiя и высшiя, прекратили предъ нами свое появленiе. О, сколько истинъ, глубочайшихъ и ожидающихъ себѣ исполненiя, лишь въ вѣкахъ грядущихъ, заключено въ простыхъ словахъ каждой правды!

Много разъ приходится намъ протверживать одинъ и тотъ-же урокъ по всѣмъ отношенiямъ жизни. Ключъ,

отверзающій человѣку врата вселенной, есть его мысль. Какъ онъ ни тороппивъ и ни подозрителенъ, однако-же вѣритъ этому компасу, и съ помощью идеи классифируетъ всѣ факты. Его жизнь вращается въ кругѣ, который, образовавшись изъ незамѣтнаго средоточія, расширяется во всѣ направленія новыми все-увеличивающимися кругами, все далѣе и далѣе — до безконечности. Онъ можетъ преобразоваться только посредствомъ новой идеи, одержавшей верхъ надъ старою, которая, бывъ произведеніемъ многихъ обстоятельствъ и постановленій, долго силится удержаться на вершинѣ ею избранной, чтобы окрѣпнуть и укорениться. Съ своей стороны, душа, сильная и дѣятельная, ниспровергаетъ границы, въ которыхъ хотятъ удержать ее обстоятельства. Она чертитъ все новые круги, стремясь къ поприщамъ болѣе обширнымъ, къ безпредѣльности. Ей невозможно оставаться заключенной въ темницѣ первоначальныхъ и слабѣйшихъ впечатлѣній; она мощно порывается впередъ, къ пространствамъ необъятнымъ и неисчислимымъ.

Крайній предѣлъ достиженія всякаго факта, есть начало новой прогрессіи фактовъ. Всякій законъ общій, есть только одиночное проявленіе другаго всемірнаго закона, который вскорѣ долженъ обнаружиться. Историкъ окончилъ свой трудъ: „что̀ за совершенство! что̀ за полнота! все подъ его рукою приняло новый видъ: онъ выше всѣхъ людей!“ Но вотъ является другой историкъ и начертываетъ обводъ, обширнѣе того круга, законченностью котораго мы восхищались. Такъ бываетъ и со всѣмъ. Оконча-

тельный выводъ сегоднишней науки, выводъ для насъ изумительный, будетъ включенъ простымъ примѣромъ въ обзоръ болѣе широкій и смѣлый. Завтра можетъ воцариться мысль, которая укажетъ намъ такое небо, куда не достигали никакіе эпическіе и лирическіе полеты воображенія. Каждый человѣкъ, не столько труженикъ этого міра, сколько намекъ на то, предчувствіе того, чѣмъ онъ можетъ быть. Люди проходятъ мимо насъ живыми пророчествами временъ будущихъ.

Если мы обратимся къ области внутренняго сознанія, открывается и тамъ то-же различіе взглядовъ. Никто не надѣется быть вполнѣ понятымъ; не надѣется даже вполнѣ понять самого себя. Мнѣ представляется онъ какъ обладатель истины, уже снискавшій миръ на лонѣ Божьемъ; онъ-же чувствуетъ, что есть храмина, есть тайникъ въ душѣ его все еще замкнутый, все еще непостижимый. Мы всѣ вѣримъ въ возможность, выше и лучше прежнихъ и теперешнихъ проявленій нашего существованія.

Безпрерывное желаніе возвыситься надъ самимъ собой, и идти далѣе точки до которой дошелъ, всего яснѣе высказывается во взаимномъ отношеніи людей. Мы жаждемъ одобренія, если-же получимъ его, то принимаемъ какъ униженіе. Любовь—лучшее благо жизни; но, любя истинно, мучишься сознаніемъ своихъ несовершенствъ. Можно заключить о прогрессѣ человѣка по кругу его друзей. Человѣкъ перестаетъ казаться для насъ занимательнымъ, лишь только мы увидимъ его границы: когда дойдемъ до нихъ, не сильныя впечатлѣнія производятъ на насъ его

таланты, предпріятія, ученость. Еще вчера онъ былъ заманчивъ какъ необъятная надежда, какъ глубокое море· сегодня вы убѣдились, что море—прудъ, и что не стоитъ хранить его въ памяти. Когда я не ослѣпляю себя добровольно, я очень хорошо понимаю гдѣ оканчиваются безпредѣльныя достоинства лицъ, самыхъ знаменитыхъ и могучихъ. Они великолѣпны, благородны, велики, благодаря щедрости нашихъ рѣчей: дѣйствительность не такова. О, во-вѣки благословенный Духъ, которому я измѣняю для людей неимѣющихъ съ тобою ни тѣни подобія! Всякій разъ, когда мы дѣлаемъ уступку по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ, мы лишаемъ себя божественнаго состоянія. Мы продаемъ престолъ Ангеловъ за минутное и смутное удовольствіе.

Есть степени и въ идеализмѣ. Сперва, мы играемъ съ нимъ по-школьничьи, какъ съ магнитомъ—тою-же игрушкою. Потомъ, въ разгарѣ молодости и поэзіи намъ мнится, что идеализмъ, *можетъ быть*, правъ, что насъ достигаютъ-же нѣкоторые осколки, нѣкоторые проблески его правды;—далѣе онъ принимаетъ осанку строгую и величественную: въ насъ зарождается подозрѣніе, что онъ *долженъ* быть правъ;—наконецъ, онъ является въ смыслѣ нравственномъ и практическомъ, и мы познаемъ, что есть Богъ, что онъ въ насъ, что все созданное есть отраженіе Его совершенствъ.

Что̀ такое и разговоръ какъ не круговая игра, въ которой мы переступаемъ за предѣлъ молчанія. Нельзя судить о людяхъ по вліянію, которое производитъ на нихъ

умъ собесѣдниковъ. Завтра они могутъ забыть свои сегодняшнія витійства и побрести, опять опираясь на свою старую палку. Но пока это пламя сверкаетъ вокругъ насъ, будемъ наслаждаться его яркостью. Геніальный умъ огнемъ своего взгляда прожигаетъ всѣ завѣсы; статуи дѣлаются людьми, всѣ предметы получаютъ смыслъ, и все, даже вазы и кресла, представляется символами, тогда какъ основаніе того на чемъ мы утвердились, кажется зыбко и колышется подъ ногами. Но вообще, молчаніе наноситъ стыдъ громкимъ словамъ. Длина рѣчи обозначаетъ разстояніе, находящееся между говорящимъ и слушающимъ. Если-бы они были согласны на одной умственной данной, можно-бы обойтись безъ словъ; еслибъ они были совершенно согласны на счетъ всего, слова показались-бы имъ нестерпимы.

Литература есть внѣшняя точка круга, въ образѣ жизни новѣйшихъ временъ. Она служитъ площадкою, съ небольшой высоты которой, можно поглядѣть на нынѣшній нашъ бытъ. Не мѣшаетъ познакомиться съ твореніями и съ ученостью древнихъ; посидѣть въ домахъ Римлянъ, Карѳагенянъ, Грековъ, чтобы яснѣе понять какъ теперь живутъ и благоденствуютъ Французы, Англичане, Американцы. — Лучшими судьями самой литературы бываютъ люди, или стоящіе на высотѣ развитія духовнаго, или среди вихря дѣловой жизни, или тѣсно-сжившіеся съ простотою природы. Не хорошо разглядишь поле, если самъ выйдешь на него.

Намъ предложитъ также обязанность найти точку опоры, на которой могли-бы мы утвердить свою религію. Какъ,

по всей справедливости, ни дорого христіанство наилучшимъ членамъ человѣческаго рода, я допускаю что нельзя всегда вѣрить по катехизису. Тѣмъ не менѣе, вѣрованія возвышенныя, великодушныя, чистыя, всегда будутъ властвовать надъ человѣчествомъ. Но, среди зеленѣющихъ луговъ, или на лодкѣ, скользящей по тихимъ водамъ озера, — возрожденные благотворнымъ свѣтомъ и воздухомъ, освѣженные сладостнымъ самозабвеніемъ, — мы развѣ не можемъ, предъ красотою полей, горъ и лѣсовъ, бросить на жизнь взглядъ прямой и вѣрный? — Природа, гармоническими струями вливаясь въ нашу грудь, развѣ не можетъ преподать откровеніе и нашему духу, убѣдивъ его, что если въ немъ есть сознаніе долга, въ немъ пребываетъ и Всемогущій. Но тотъ, кто желаетъ услышать глаголъ великаго Бога, да исполнитъ завѣтъ Іисуса: „Войди въ твою горницу и запри за собою дверь“. Тотъ, кто желаетъ познать Бога, долженъ прислушиваться къ своему внутреннему голосу, вдали отъ общинъ, гдѣ раздаются отголоски набожности другихъ. Тамъ, религія обыкновенно покоится на численности единовѣрцевъ; а во всѣхъ случаяхъ, въ которые обращаешься, хоть косвенно, къ этой многочисленности, оказывается, что между нею — религіозныхъ нѣтъ. Тотъ, кого мысль о Богѣ можетъ объять и восхитить, не ведетъ счета своимъ единовѣрцамъ. Что̀ скажетъ ему Кальвинъ или Фоксъ, когда онъ пламенѣетъ чистѣйшею любовью, и предаетъ себя съ совершеннѣйшимъ смиреніемъ и упованіемъ.

Физическій міръ можно изобразить цѣлою системою кон-

центрическихъ круговъ. По временамъ, въ немъ обнаруживаются легкія неустойки: знакъ того, что земной шаръ, по которому мы ступаемъ, не твердъ, а зыбокъ. Всѣ его неуклонныя отношенія къ атмосферѣ и къ системѣ солнечной, всѣ многообразныя свойства растеній, химическаго сродства, металловъ, животныхъ, — существующихъ, повидимому, сами для себя, — суть только пособія, средства наученія; такъ сказать — слова, употребляемыя Богомъ, и мимолетныя какъ прочія слова.

Вполнѣ-ли постигъ свою науку естествоиспытатель или химикъ, изучившій тяготѣніе атомовъ и ихъ расположеніе къ сродственному единенію, но не услѣдилъ закона гораздо бо̀льшей важности, которому химическія влеченія служатъ лишь дробнымъ, внѣшнимъ примѣненіемъ? того закона, удостовѣряющаго насъ, что однородное притягиваетъ однородное; что блага, свойственныя вамъ, избираютъ васъ своимъ центромъ, и что вамъ не нужно употреблять ни трудовъ, ни издержекъ для ихъ достиженія? Не подземными, не сокровенными путями другъ приводится къ своему другу; а факты не примыкаютъ-ли сами собою къ фактамъ, служа имъ подкрѣпленіемъ? И однако, самый этотъ законъ есть только болѣе близкое и болѣе прямое приложеніе къ цѣли, но не сама цѣль. Всматриваясь далѣе, мы находимъ причину и послѣдствія, какъ двѣ неразлучныя стороны одного и того-же факта. Устремимся еще далѣе, и мы обрѣтемъ Вездѣсущность.

Законъ безграничнаго усовершенствованія распредѣляетъ по ихъ мѣстамъ и то, что̀ мы называемъ добродѣтелями:

хорошее гаснетъ при свѣтѣ лучшаго. Великій человѣкъ не будетъ благоразуменъ въ простонародномъ смыслѣ этого слова; его благоразуміе истечетъ изъ самого его величія. Впрочемъ, прежде чѣмъ откинуть благоразуміе, надобно дознаться какому божеству хочешь принести его въ жертву? Если роскоши и чувственности, такъ лучше продолжать оставаться благоразумнымъ; если-же высокому полету довѣрчивости и великодушія, тогда можно разстаться съ нимъ, безъ сожалѣнія. Согласимся, что можетъ пустить на волю своего вьючнаго осла тотъ, кто мѣняетъ его на огненную, окрыленную колесницу. По моему, самое большое благоразуміе есть въ то-же время и самое мелочное; мнѣ кажется еще, что всякою боязливою предосторожностью ограждать себя отъ напастей, мы именно и подпадаемъ ихъ вліянію. Вспомните, сколько разъ вы унижали себя дрянными расчетами, прежде чѣмъ дошли до успокоенія себя возвышенными чувствами, то есть, до возможности образовать изъ сегодняшней вашей точки новый широкій кругъ. Притомъ, вы считаете большою доблестью то, что̀ очень обыкновенная вещь въ глазахъ низкихъ земли. Бѣдные и смиренные знакомы по-своему съ новѣйшими открытіями философіи: „*Счастливы маленькіе люди*!“ или: „*Голенькій — охъ! за голенькимъ Богъ*“. Пословицы, выражающія каковъ трансцендентализмъ ихъ вседневнаго быта.

Смотря на тѣ-же предметы, съ высшей или съ низшей точки зрѣнія, обозначается, что честность одного будетъ нечестностью въ другомъ; что̀ хорошо на этомъ мѣстѣ,

дурно на томъ; что̀ мудрость здѣсь, безумно тамъ. Одинъ человѣкъ думаетъ, что вся честность состоитъ въ уплатѣ долговъ, и не знаетъ чѣмъ клеймить другаго, небрежнаго къ этой обязанности. Но, можетъ быть, этотъ другой смотритъ на нее иначе и сръашиваетъ себя: „Какіе долги слѣдуетъ мнѣ заплатить сперва? то-ли что̀ я задолжалъ богатымъ, или то что̀ долженъ нуждающимся? Денежный-ли мой заемъ, или долгъ мысли, познавшей геній природы и обязанной отдать его человѣчеству? — У васъ, торгаши, одинъ законъ: ариѳметическій; я предоставляю вамъ торговлю, мнѣ-же святы любовь, вѣра, прямодушіе; всѣ духовныя стремленія человѣчества. Я не могу, какъ вы, отдѣлить одну обязанность отъ всѣхъ прочихъ, и сосредоточить всѣ мои помышленія, всѣ изъисканія на средствѣ заплатить деньги. Дайте мнѣ срокъ пожить и увидите, что возвративъ долги, я не упустилъ исполнить и высшихъ моихъ обязанностей“.

И такъ, окончательной добродѣтели нѣтъ: всѣ онѣ начинательныя. Добродѣтели свѣтскія —пороки въ святомъ. Насъ очень пугаетъ всякое преобразованіе, отъ затаеннаго сознанія, что придется тогда бросить множество такъ называемыхъ добродѣтелей въ бездну, уже поглотившую самые грубые наши пороки.

Въ природѣ — обновленіе ежеминутно; прошедшее въ ней изглаждается и забывается; ей дорого одно будущее. Природа не любитъ отжившаго, и дѣйствительно, одряхлѣніе кажется мнѣ одною положительною болѣзнью: въ

немъ скопляются онѣ всѣ. Мы называемъ ихъ разными именами: горячкою, невоздержаніемъ, сумашествіемъ, идіотизмомъ, преступленіемъ; но, замѣтьте, что всѣ болѣзни сходны въ своемъ характерѣ съ дряхлостью. Онѣ какъ и она любятъ недвижимость, холю, присвоеніе всего себѣ, лѣность; — а не освѣжающую новизну, не самопожертвованіе, не порывъ, увлекающій впередъ. Волосы наши сѣдѣютъ, но я не нахожу никакой надобности одряхлѣть намъ самимъ. Всякій разъ, когда мы бесѣдуемъ съ тѣми кто выше и лучше насъ, мы юнѣемъ, а не старѣемся. Дѣтство, юность — стремительныя, готовыя на всѣ впечатлѣнія, съ своимъ взоромъ обращеннымъ къ небу — считаютъ себя за ничто и довѣрчиво отдаются просвѣщенію, стекающемуся къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Но мужчины, но женщины переступившія шестьдесятъ лѣтъ, претендуютъ на право всезнанія; они попираютъ ногами надежду, отказываются отъ упованій, подчиняются обстоятельствамъ какъ неизбѣжной необходимости, и обращаются съ молодежью брюзгливо и повелительно. Нѣтъ! сдѣлайте изъ себя орудіе Святаго Духа, храните любовь, воздѣлывайте истину, и взоръ вашъ поднимется, морщины сгладятся; васъ окрылитъ еще надежда; вы станете бодры и крѣпки. Старость отнюдь не должна быть временемъ оцѣпенѣнія для духа человѣка.

Жизнь есть рядъ нечаянностей. — Мы займемся, напримѣръ, сегодня устройствомъ своего внутренняго бытія, и никакъ не отгадаемъ, что завтрашній день воззоветъ насъ къ радости, къ могуществу. Мы умѣемъ пролепетать нѣ-

сколько словъ объ самыхъ ничтожныхъ ощущеніяхъ души, о дѣйствіяхъ привычки или впечатлѣній; но—мощь этого образцоваго произведенія Господня, но совершенное единство души въ самой себѣ, но соприкосновеніе ея ко всей вселенной — для насъ скрыты и недомыслимы. Я могу знать, что истина божественна, что она благотворна; но какимъ способомъ она освятитъ, облагодѣтельствуетъ меня самого, — это мнѣ неизвѣстно.

Человѣкъ, который идетъ впередъ, развиваясь и совершенствуясь, сохраняетъ, при своемъ новомъ повышеніи, всѣ пріобрѣтенія прошлаго, съ тою только разницею, что онѣ представляются ему въ другомъ видѣ. Всѣ прежнія силы остаются въ душѣ, свѣжія какъ дыханіе утра. Тогда-то, впервые, начинаешь достойно познавать все окружающее. Мы не понимаемъ значенія даже самыхъ простыхъ словъ, пока не научимся любить, пока не возимѣемъ высокихъ стремленій.

Разница между дарованіемъ и характеромъ та-же, что между умѣніемъ вычинить старую торную дорогу, и возможностью или рѣшительностью проложить новую, которая поведетъ къ цѣлямъ еще неизвѣданнымъ и лучшимъ. Характеръ уменьшаетъ ѣдкость личныхъ ощущеній; ввѣряетъ верховную власть настоящему, веселитъ и украшаетъ опредѣленный текущій часъ, одушевляетъ бодростью окружающихъ, указывая имъ сколько есть еще на землѣ доступнаго и превосходнаго, о чемъ они и не помышляли. Даровитый и великій человѣкъ не легко растро-

гается и разволнуется. Онъ такъ высокъ, что событія проходятъ мимо, не осмѣливаясь его тревожить. При видѣ побѣдоносца, почти забываешь о сраженіяхъ, которыми онъ купилъ свое торжество; намъ кажется, что разсказы о его затрудненіяхъ были преувеличены, и что онъ расправлялся съ ними очень проворно.

Есть другіе люди, возвѣщающіе: „Ужъ какъ я-то побѣдилъ! — Ужъ какъ я-то торжествую! какъ разгромилъ всѣ невзгоды!“ — Мы что-то мало вѣримъ въ ихъ торжества. Къ тому-же, торжество-ли это, когда человѣкъ сдѣлался „гробницею, убѣленною и повапленною“, или женщиною, катающеюся отъ истерическаго смѣха? Истинное торжество состоитъ въ томъ, чтобъ приневолить тягостныя обстоятельства рѣдѣть и исчезать, какъ утренній туманъ; какъ приключеніе незначительной важности, въ сравненіи съ гигантскою и безконечною бытописью, которая заходитъ все далѣе и далѣе.

Для удовлетворенія нашихъ ненасытимыхъ желаній нужно искать вотъ что: возможности забыть свое *я*, а прійти въ удивленіе отъ знакомства съ своими внутренними силами; откинуть смущающія воспоминанія, а совершить нѣчто доброе, хоть безсознательно, но указанное свыше; однимъ словомъ, обвести около себя новый кругъ. Ничто великое не свершается безъ восторга. Пути жизни дивны: въ обхожденіи съ нею нужна довѣренность.

Каррикатурою и обезображеніемъ сладости самозабвенія служитъ пьянство, — употребленіе опіума и крѣпкихъ

напитковъ, — имѣющее такую гибельную приманку для человѣка. По этой-же причинѣ предаетъ онъ себя во власть необузданнымъ страстямъ: игрѣ, войнѣ и проч. — чтобы хоть подражательно приблизиться къ всеочищающему и беззавѣтному разгару души.

IX.

Разумъ.

По изслѣдованіямъ химіи, всякое вещество низшаго разряда относится къ высшему отрицательно; всякое-же вещество высшаго разряда, своимъ электричествомъ, производитъ положительное дѣйствіе на разряды веществъ низшихъ. Вода разлагаетъ дерево, соль, камень; воздухъ растворяетъ воду; электрическій огонь проникаетъ воздухъ;—но разумъ, въ своемъ неугасимомъ горнѣ, разлагаетъ и огонь, и тяготѣніе, и законы, и системы, и самыя неуловимыя и неизвѣданныя отношенія во всемъ мірозданіи. Какъ желалъ-бы я, съ живительною ясностью и съ должною плавною мѣрою, изложить естественную исторію разума! Но, кто изъ насъ въ состояніи услѣдить всѣ проявленія и опредѣлить границы этой тончайшей, всепроникающей силы? Такой предметъ останавливаетъ на первыхъ вопросахъ; и ученнѣйшія головы могутъ прійти въ замѣшательство отъ любопытства малаго ребенка. Какъ говорить о дѣйствіяхъ разума въ какомъ-бы то ни было исключительномъ отдѣлѣ, — научномъ, нравственномъ, практи-

ческомъ, — когда отъ его вліянія, воля бываетъ переплавлена въ провидѣніе, знаніе въ поступокъ? Каждое изъ свойствъ разума преображается въ другое; одинъ онъ пребываетъ самобытенъ въ своемъ единствѣ. Его видѣніе не походитъ на зрѣніе глазъ; оно есть сочетаніе со всемъ видимымъ.

Слова: разумъ, разумѣніе означаютъ, вообще, изслѣдованіе истины отвлеченной. Обзоръ объективнаго и субъективнаго, времени и мѣста, выгоды и урона терзаетъ помыслы всѣхъ людей. Разумъ отрѣшаетъ обозрѣваемый предметъ *отъ васъ*, отъ всѣхъ отношеній мѣстныхъ и личныхъ, и изучаетъ его какъ нѣчто самостоятельное. Гераклитъ опредѣлилъ ощущенія такъ: *густой и пестрый туманъ*. Человѣку трудно выйти на прямую линію въ этомъ туманѣ ощущеній добрыхъ и злыхъ. —Разуму чуждо пристрастіе. Онъ разсматриваетъ фактъ холодно, безъ увлеченій, такъ, какимъ онъ кажется при свѣтѣ науки. Онъ переступаетъ чрезъ индивидуальное, паритъ надъ собственною своею личностью и смотритъ на индивидуальное какъ на подлежащее, не составляющее ни *меня* ни *моего*. Тому, кто погруженъ въ осмотрительныя соображенія времени, мѣста и лицъ, невозможно различить загадокъ бытія. Рѣшеніемъ такихъ задачъ и занимается разумъ. Природа представляетъ намъ все предметное въ отдѣльныхъ и въ различныхъ формахъ. Разумъ проникаетъ форму, одолѣваетъ преграды, находитъ существенное сходство между предметами, повидимому разнородными, и подводитъ все подъ небольшое число началъ.

Разумъ руководитъ насъ тогда, когда мы дѣлаемъ изъ факта предметъ нашей думы. Все безчисленное множество явленій умственныхъ и нравственныхъ, на которыхъ не останавливается добровольно наше размышленіе, подпадаютъ власти случая и входятъ въ составъ незамѣтныхъ, обыденныхъ условій нашей жизни; онѣ подвержены измѣнчивости, тревогамъ страха и надеждъ. Всякій изъ насъ съ нѣкоторымъ уныніемъ смотритъ на условія человѣческаго удѣла. Какъ разснащенные корабли, преданные на волю вѣтра и бури, мы подчинены игрѣ обстоятельствъ. Но истина, снисканная разумомъ, уже изъята изъ подъ власти случайностей. Она какъ Божество владычествуетъ надъ заботами и надъ опасеніями. Такимъ образомъ, каждое событіе нашей жизни, каждое воспоминаніе о томъ что̀ мы передумали или живо вообразили себѣ, разъ выпутанное изъ смутныхъ прядей ненарочной мысли, становится для насъ предметомъ и безличнымъ и безсмертнымъ. Это наше прошлое, но возстановленное и обальзамированное. Сила, превосходящая искусство древнихъ Египтянъ, хранитъ его отъ истлѣнія. Очищенное отъ всего плотскаго и грубаго, оно достойно можетъ вступить въ область науки, и представляясь обратно нашему созерцанію, оно уже не страшитъ насъ, потому что сдѣлало изъ насъ существъ интеллектуальныхъ.

Наша мысль — всегда будетъ даромъ свыше. Разумъ возрастаетъ внезапно, непредвидимо. Никакой умъ въ своемъ развитіи не въ состояніи сказать когда, какъ и посредствомъ чего онъ дойдетъ до зрѣлости. Каждаго изъ

насъ Богъ посѣщаетъ различными путями. Наша мысль зараждается гораздо ранѣе размышленія; она ускользаетъ отъ помраченія и незамѣтно достигаетъ до яснаго свѣта дня. Въ дѣтскомъ возрастѣ, мысль принимаетъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія и уживается съ ними по-своему. Но законъ непреложный правитъ нашимъ мышленіемъ; отъ него зависятъ всѣ дѣйствія и всѣ проявленія духа. Тутъ нѣтъ словъ на-вѣтеръ, и нѣтъ поступковъ на-авось. Прирожденный законъ руководитъ духъ до той поры, когда онъ самъ возмужаетъ до размышленія, или иначе, до мысли сознательной.

Въ жизни самой тяжелой или самой сухой, или самой подверженной анализу, несчастный выбивается изъ силъ, замѣчая по долгимъ наблюденіямъ надъ собою, что бо̀льшая часть этой жизни неподвластна ни его расчетамъ, ни его предусмотрительности, ни тому что̀ представлялъ ему умъ. Не разъ готовъ онъ схватить себя за голову, восклицая: „Что̀-же я наконецъ такое? — Какая доля принадлежитъ моей свободной волѣ въ образованіи такого существа, какимъ сталъ я теперь? — Я носился по морямъ мыслей, часовъ, событій, гонимый властью непостижимою и всесильною, и ни мое простодушіе, ни твердая воля не пособили мнѣ ни въ чемъ“.

Вашему вниманію и разсужденію никогда не отвѣтить на подобные вопросы такъ хорошо, какъ это сдѣлала внезапная мысль, посѣтившая васъ сегодня утромъ при пробужденіи или на прогулкѣ; мысль, вызванная вашимъ вчерашнимъ раздуміемъ. Но ея вразумительныя истины равно

искажаются слишкомъ рѣзкимъ направленіемъ воли какъ и излишнею безпечностью. Мы не достаточно слѣдимъ за нашими мыслями, мы ограничиваемся легкимъ надъ ними надзоромъ; и самыя истины насъ озарившія слабѣютъ отъ прикрасъ и добавленій, приданныхъ нашимъ разсказомъ.

Припоминая себѣ какія лица возбудили и научили насъ наиболѣе, мы тотчасъ убѣдимся въ превосходствѣ начала навѣденія и вдохновенія надъ началами математическими и логическими. Первыя всегда заключаютъ въ себѣ и логику въ ея сущности и въ ея примѣнимости. Мы, конечно, требуемъ логики отъ каждаго ума и не миримся съ ея отсутствіемъ; но логика не должна ни слишкомъ выдвигаться впередъ, ни слишкомъ распространяться. Ея обязанность, постепенно и соразмѣрно укрѣплять навѣденіе, самой-же оставаться безмолвною. Лишь только она является съ своими предложеніями и съ домогательствомъ самостоятельности и первенства, она теряетъ всякую цѣну.

Каждый умъ имѣетъ свой особый способъ просвѣщенія. Нѣкоторые образы, черты, слова, факты, незамѣчаемые и забытые другими, ложатся на мой умъ безъ всякаго усилія и служатъ ему впослѣдствіи къ изъясненію законовъ первостепенной важности. Наше совершенствованіе очень сходно съ развитіемъ растительной почки. Сначала, вы имѣете инстинктъ, потомъ мнѣніе, напослѣдокъ познаніе; то есть, корень, цвѣтъ, плодъ. Довѣряйтесь инстинкту; онъ содѣйствутъ созрѣнію истины, и тогда вы узнаете почему вы ему вѣрили: изъ познанія произойдетъ вѣра. Въ

здравомъ умѣ, пособія, доставляемыя инстинктомъ, не прерываются никогда; онѣ усиливаются напротивъ и оказываютъ ему все болѣе учащенныя услуги на разныхъ степеняхъ образованности. Наконецъ, когда настаетъ эпоха разума, мы уже не наблюдаемъ, не утруждаемъ себя наблюденіемъ, потому что пріобрѣли уже силу прямо устремлять вниманіе на отвлеченную истину и обнимать духовнымъ окомъ всѣ образы здѣшняго существованія, во время-ли чтенія, разговоровъ, или личной дѣятельности.

Человѣкъ простосердечный и здравомыслящій не живетъ по правиламъ, преподаваемымъ въ школахъ. Онъ собираетъ замѣтки со всего что̀ само-собою его поражаетъ или радуетъ. Вслѣдствіе этого, различіе между природными дарованіями людей почти незначительно въ сравненіи съ богатствами, которыми они пользуются вообще. Ужели вы думаете, что вашъ водовозъ или поваръ не въ состояніи надивить васъ разсказами и уроками своей опытности? На этотъ счетъ всякій изъ насъ знаетъ столько-же, сколько и ученнѣйшій профессоръ. Стѣны череповъ безграмотныхъ людей тоже исписаны фактами и мыслями; въ одинъ прекрасный день, они возьмутъ свѣчу и разберутъ эти надписи. — Если вы собирали яблоки, или пололи и косили на солнцѣ, то войдя въ комнату и зажмурясь, даже по истеченіи пяти-шести часовъ, вы увидите вашими закрытыми глазами яблоки, травы, злаки озолоченные ослѣпительнымъ свѣтомъ. Мозгъ, безъ вашего вѣдома, сохранилъ впечатлѣнія глаза. Точно такъ-же и такъ-же невѣдомо, память сохраняетъ въ полнотѣ рядъ образовъ и событій,

представленныхъ вамъ жизнью; трепетъ страсти зажигаетъ искру въ темномъ хранилищѣ и дѣятельная сила этой страсти прямо идетъ къ образу, нужному ей для объясненія настоящаго положенія.

Много уходитъ времени пока мы узнаемъ до чего мы богаты. Мы готовы божиться, что исторія нашей жизни лишена всякой занимательности: нѣчего было замѣчать, не въ чемъ добираться толка. Но годы бо̀льшаго умудренія обращаютъ насъ къ покинутымъ воспоминаніямъ прошедшаго; изъ этого волшебнаго озера выловляемъ мы то ту, то другую драгоцѣнность и доходимъ до убѣжденія, что даже біографія этого вертопраха есть только сокращенное истолкованіе сотни томовъ всемірной исторіи.

Мы всѣ разумны. Разница между нами не въ толкѣ, а въ умѣньѣ. Въ одномъ академическомъ клубѣ встрѣчался я съ человѣкомъ, который оказывалъ мнѣ чрезвычайную внимательность, воображая себѣ, что я, какъ писатель, имѣю опытность несравненно обширнѣе чѣмъ его; тогда какъ я видѣлъ, что въ этомъ отношеніи мы совершенно равны съ нимъ. Кто изъ насъ возможетъ написать Отелло или Гамлета? замѣтьте, однакоже, ка̀къ легко геній ихъ творца, его изумительное знаніе жизни, его увлекательное краснорѣчіе находятъ доступъ въ нашу душу.

Разумъ творческій, который мы называемъ геніемъ, встрѣчается гораздо рѣже разума воспріимчиваго. Первый производитъ мысли, поэмы, изреченія, проэкты, системы, умозрѣнія. Это — дѣторожденія духа: произведенія—союза мышленія съ природою. Ничего нѣтъ труднѣе

какъ принудить себя думать. Человѣкъ принимается, напримѣръ, обозрѣвать основанія гражданскихъ учрежденій или хочетъ углубиться въ отвлеченную истину. Онъ безостановочно и безъ устали устремляетъ свой умъ въ одно направленіе; но это напряженіе нейдетъ въ прокъ: мысли снуютъ въ головѣ; истина то едва промелькнетъ, то смутно обозначается. Онъ садится, онъ пересаживается, наконецъ говоритъ: пойду проходиться, и тѣмъ временемъ обдумаю яснѣе и полнѣе. Не помогаетъ и ходьба. — Онъ запирается въ кабинетѣ: тамъ схватитъ онъ мысль, — она ускользаетъ! Вдругъ, наконецъ, неожиданно, истина проявляется. Огонекъ забрезжитъ, разгорается: — вотъ она, исходная точка! вотъ краеугольный камень искомый нами! Но если оракулъ далъ отвѣтъ, такъ это отъ того, что мы прежде, такъ сказать, осаждали святилище.

Въ геніи должны находиться два дара: мысль и выраженіе. Первая есть всегда откровеніе, есть чудо, съ которымъ не освоитъ насъ ни привычка, ни внезапность, ни безпрерывное изученіе: она всегда будетъ поражать удивленіемъ ея созерцателя, и оставитъ его невразумленнымъ. Вообразите только себѣ воцареніе новой истины въ мірѣ! возникновеніе такого образа мысли, который въ сію минуту, въ первый разъ появляется на свѣтъ, какъ птенецъ вѣчности, какъ отголосокъ всемогущества безначальнаго и безконечнаго! Новое откровеніе, кажется, въ одно мгновеніе вступило въ наслѣдство всего бывшаго до него, и оно-же издаетъ законы всему, еще не существующему. Оно приводитъ въ движеніе каждый помыслъ человѣка, и все

установленное готово подвергнуться измѣненіямъ. Но, чтò бы мысль могла принести пользу, ей потребно орудіе, которое дало-бы ей возможность войти въ сношеніе съ людьми. Самыя возвышенныя вдохновенія умираютъ съ своимъ избранникомъ, если нѣтъ руки, способной передать ее внѣшнимъ чувствамъ. Сообщиться, значитъ сдѣлаться предметомъ видимымъ, осязательнымъ. Всѣ люди приближаются въ нѣкоторой степени къ первоначальной истинѣ; слѣдовательно, въ каждомъ изъ нихъ есть свойство сообщенія; но у одного художника эта возможность доходитъ и до руки. Мысль генія внезапна, но и для самой богатой и даровитой природы, способность выразить ее зависитъ отъ упражненія воли, отъ сдержанности мгновенныхъ порывовъ, отъ надзора за ними. Геніальное могущество въ томъ и состоитъ, чтобы при отважной рѣшимости и выборѣ, руководимымъ строгимъ сужденіемъ, овладѣть видимымъ въ природѣ и преобразить его въ краснорѣчивую мысль; но съ тѣмъ вмѣстѣ, вновь-созданная, изобразительная рѣчь должна быть непринужденна, естественна и почерпнута не изъ опытности или знанія, но изъ родниковъ лучшихъ.

Конечно, разумъ обсуждающій находится въ условіяхъ болѣе выгодныхъ нежели разумъ творческій; однако, условія безупречнаго умственнаго творчества встрѣчаются ужъ слишкомъ рѣдко. Разумъ цѣлостенъ и требуетъ той-же недѣлимости для своихъ произведеній. Преувеличенное поклоненіе одной идеѣ, или честолюбивое покушеніе сочетать множество идей разнородныхъ, одинаково противорѣчатъ единству разума. Его цѣлостность ощущается въ

произведеніяхъ, не по разрозненности и не по накопленію; одна бдительность доводитъ разумъ до выспренняго величія и до наилучшей возможности творить, смотря по расположенію воли. Такія произведенія имѣютъ полноту природы. Хотя ни одинъ геній не въ силахъ передѣлать міръ по новому образцу, какъ-бы ни распредѣлилъ онъ иначе, или какъ-бы ни умножилъ онъ его частности, однако міръ воспроизводится миніатюрно въ каждомъ событіи, такъ что всѣ законы природы можно услѣдить въ само-малѣйшемъ фактѣ. Отъ того-то, признакомъ развитія служитъ усмотрѣніе тождественности.

Наша жизненная стихія — истина; но если человѣкъ вперитъ вниманіе на одинъ изъ частныхъ видовъ истины, и долго и исключительно посвятитъ себя на размотрѣніе одного этого вида, — истина становится не истиною; она развинчивается, она дѣлается похожа на ложь. Какъ несносны френологи, граматики, фанатики политическіе и религіозные; вообще всякій смертный, обуянный одною идеею и потерявшій отъ ея преобладанія равновѣсіе разсудка. Это уже начало безумія. Каждая мысль можетъ стать темницею. Тогда перестаешь видѣть то что̀ видятъ другіе: бурный вѣтеръ такъ сильно загналъ все въ одно направленіе, что исчезли предѣлы всякаго горизонта.

Но, хотя геній творческій — явленіе рѣдкое, однако всякій человѣкъ, будучи святилищемъ, на которое нисходитъ Всевышній Духъ, легко можетъ изучить законы, по которымъ совершаются божественныя посѣщенія. Правила умственныхъ обязанностей совершенно параллельны пра-

виламъ обязанностей нравственныхъ. Полное самоотреченіе равно требуется и отъ мыслителя и отъ поборника святости. Мыслитель долженъ возлюбить — истину; за нее отдать все на свѣтѣ и предпочесть горе и бѣдствія, если онѣ необходимы для приращенія сокровищъ его мысли.

Богъ предлагаетъ каждому духу выборъ между истиною и покоемъ. Берите по своему усмотрѣнію или то или другое, потому что обоихъ вмѣстѣ не получишь, а только станешь колебаться между ними какъ маятникъ. Человѣкъ, въ которомъ преобладаетъ любовь къ спокойствію, приметъ первое вѣроисповѣданіе, первую философію, первую политическую партію попавшуюся ему подъ-руку: большею частью, все это переходитъ къ нему по наслѣдству отъ отца. И ему достается покой, приволье, доброе имя; но для истины, онъ затворилъ дверь. Напротивъ того, тотъ въ комъ первенствуетъ любовь къ истинѣ, избѣгаетъ якорныхъ мѣстъ, а пускается въ открытое море. Онъ оберегаетъ себя отъ всякаго односторонняго доктринерства, принимая къ свѣдѣнію и противорѣчащія опроверженія. Онъ подвергается всѣмъ напорамъ сомнѣній, всѣмъ смутамъ неустановившихся мнѣній, но онъ кандидатъ истины и почитатель высочайшихъ законовъ своего бытія.

Найти наставника истины, извѣдать всю цѣну и всю красоту внимательнаго молчанія, — для этого можно истоптать своими подошвами всю окружность земнаго шара. Счастливъ человѣкъ внемлющій! Когда истина сказывается мнѣ, я пошусь по необозримому океану свѣта, я забываю о границахъ моего бытія. Ея вразумлѣнія, приносимыя

мнѣ и зрѣніемъ и слухомъ—безчисленны; воды таинственныхъ потоковъ вносятся ими въ мою душу и струятся по ней. Іисусъ сказалъ: „Оставь отца твоего, мать твою, домъ твой, все имущество и слѣдуй за мною.—Кто многое оставляетъ, многое пріобрѣтетъ“. Это вѣрно и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи.

Развитіе человѣка совершается посредствомъ различныхъ наставниковъ; каждый изъ нихъ поочередно пользуется верховнымъ вліяніемъ, и спустя нѣкоторое время, уступаетъ свое мѣсто другому. Новое воззрѣніе кажется намъ сначала ниспроверженіемъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ мнѣній, наклонностей и образа жизни. Такимъ казалось многимъ изъ нашихъ юношей, ученіе Канта, Сведенборга, Кузена, Кольриджа. Принимайте съ благодарностью что̀ они даютъ вамъ. Исчерпайте ихъ, боритесь съ ними, не давайте имъ уйти, прежде чѣмъ вы не усвоили себѣ ихъ прекрасныхъ дарованій, и чрезъ малое время, страхъ пройдетъ, чрезмѣрность впечатлѣній ослабѣетъ. Они будутъ уже не зловѣщимъ метеоромъ, но ясною звѣздою, тихо-горящею на вашемъ небѣ, и проливающею свѣтъ свой на пути вашей жизни.

Притомъ, такъ какъ довѣріе къ себѣ составляетъ принадлежность разума, и каждая душа стоитъ наряду съ другими душами, то почитая геній и творенія другихъ людей, человѣкъ долженъ чтить и самого себя. Эсхилла читаютъ тысячи лѣтъ, но если Эсхиллъ мнѣ не нравится, я не смущаюсь его знаменитостью и промѣняю сотни Эсхилловъ за соблюденіе неподкупности моего мнѣнія. Станьте

на эту ногу, особенно при изслѣдованіи истинъ отвлеченныхъ и при изученіи философовъ. Если Бэконъ, Спиноза, Юмъ, Шеллингъ, Кантъ не подкрѣпляютъ вашего яснаго внутренняго сознанія, то, вмѣсто того, чтобы силиться понять ихъ темныя рѣчи, скажите прямо, что они плохо изложили вещи, которыя вы сознавали сами, но боялись разсмотрѣть, даже назвать. Натрудясь поочередно надъ Спинозой, Платономъ и Кантомъ, вы, можетъ быть, откроете, что они не сказали вамъ ничего новаго, а лишь снова обратили вашъ умъ къ быту простому, естественному, обыкновенному, не заманивъ васъ въ края недосягаемые.

Но оставимъ этотъ поучительный тонъ; и какъ ни привлекателенъ предметъ, я даже не упомяну о преніи между любовью и истиною. Я не на столько высокомѣренъ, чтобы вмѣшиваться въ политическія партіи небесъ: „Херувимовъ, болѣе знающихъ и Серафимовъ, болѣе любящихъ:“ небожители сами окончатъ свои распри. Но излагая со всемъ хладнокровіемъ законы разума, я не могу не обратиться къ тому возвышенному и одинокому лику людей, бывшихъ прорицателями, провозвѣстниками и первосвященниками чистаго разума; я не могу не упомянуть о Трисмегистахъ, объ этихъ глашатаяхъ законовъ мысли, изъ вѣка въ вѣкъ. Въ тѣ рѣдкіе часы, когда опустится глазъ на сокровенныя страницы Гермеса, Гераклита, Эмпедокла, Платона, Плотина, Олимпіодора, Прокла, Синезія и прочихъ поклонниковъ мудрости древняго міра, какъ дивно кажется безмятежіе и величіе этихъ немногихъ вождей духа, появившихся на землѣ! Съ обширностью своей логики, съ

первобытною свѣжестью своей мысли, они представляются довременными всякому дѣленію риторическому и литературному; и кажется, что въ нихъ соединилась и поэзія, и математика, и музыка, и танцы, и астрономія. Съ ними будто соприсутствуешь мірозданію. Съ помощью нѣсколькихъ лучей и геометріи, ихъ душа кладетъ основы вселенной; истина и величіе ихъ мысли доказывается огромностью кругозора и удобностью примѣненія. По ихъ повелѣнію, и неизочтимое разнообразіе и полный итогъ сотвореннаго предстаютъ и дѣлаются изъяснителями, истолкователями, заявителями ихъ мысли. Но ничто такъ не обозначаетъ ихъ возвышенность, для насъ отчасти даже смѣшную, какъ то младенческое простодушіе, съ которымъ эти громовержцы, не обращая ни слова къ современникамъ, переговариваютъ, перекликаются другъ съ другомъ чрезъ пространство многихъ столѣтій. Увѣренные въ простотѣ и въ понятливости своей рѣчи, они громоздятъ дивы на дивы, ни единой минуты не помышляя о всеобщемъ изумленіи человѣческаго рода, который такъ низко стоя предъ ними, не пойметъ ни самаго малѣйшаго ихъ предложенія или довода. Такъ ангелы, восхищенные глаголомъ небесъ, не могутъ приневолить свои уста произнести хоть слово на языкѣ человѣческомъ, и ведутъ свою рѣчь, не заботясь, поймутъ-ли ихъ или нѣтъ.

X.

Всевышній.

Есть различіе въ значеніи, есть оно и въ послѣдующемъ вліяніи каждаго часа нашей жизни. Надежда оживляетъ насъ промежутками; намъ постоянно чувство унынія. Но и короткія минуты надежды такъ полны, такъ глубоки, что имъ, а не прочимъ нашимъ ощущеніямъ, принуждены мы приписать наиболѣе существенности. Вотъ почему тщетны и безсильны всѣ обыкновенныя доказательства, которыя опираясь на одну опытность, хотятъ заставить молчать тѣхъ, кто полонъ ожиданій въ пользу человѣчества. Могущественная надежда побѣждаетъ отчаяніе: въ добычу ихъ возраженіямъ мы отдаемъ наше прошедшее и — продолжаемъ надѣяться. Нужно объяснить себѣ эту неутомимость нашихъ надеждъ. Мы согласны: жизнь человѣческая пошла; но откуда узнали мы, что она пошла? откуда взялись это накипѣвшее неудовольствіе, это всѣми ощущаемая тягота? Чтд означаетъ всеобщее ощущеніе неполноты и невѣдѣнія? чтд, какъ не призывъ высшій, призывъ безконечный? Отъ чего въ насъ это сознаніе, что подлин-

ная, достовѣрная исторія человѣка никогда еще не была написана; что человѣкъ отметаетъ отъ себя прочь все насказанное объ его естествѣ, что все это быстро старѣется, и каждая метафизическая книга такъ скоро падаетъ въ цѣнѣ?—Въ шесть тысячь лѣтъ Философія не довершила еще своихъ поисковъ по изгибамъ и тайникамъ души; при всякомъ ея опытѣ еще остается осадокъ, который она не въ состояніи разложить.

Человѣкъ —это струя изъ невѣдомаго источника. Наше бытіе изливается, — откуда? — неизвѣстно. Самый непогрѣшительный вычислитель, можетъ-ли онъ поручиться, чтобы не могло въ сію-же минуту воспослѣдовать нѣчто неисчислимое, которое обратитъ въ ничто всѣ его вычисленія? Такъ, на каждомъ шагу, принужденъ я распознавать въ событіяхъ начало, превосходящее и это нѣчто, которое я называю своимъ *я*.

Съ событіями тоже что̀ съ мыслями. Смотря на этотъ волнующійся потокъ, который вытекаетъ изъ областей мнѣ неизвѣстныхъ и на нѣкоторое время вноситъ въ меня свои волны, я вижу ясно, что я не виновникъ, а изумленный зритель этихъ надземныхъ струй. И остаюсь-ли я безстрастенъ, радуюсь-ли, глядя на нихъ, — онѣ катятся по велѣнію, совершенно мнѣ чуждому.

Верховный судія заблужденій, настоящихъ и прошедшихъ; всевѣдущій прорицатель того, что долженствуетъ быть — есть то Высшее Существо, въ лонѣ котораго мы покоимся, какъ покоится земля въ тихихъ атмосферическихъ объятіяхъ. Это — Тотъ единый, Тотъ всевышній

Духъ, который содержитъ отдѣльное бытіе каждаго человѣка, и образуетъ одно посредствомъ другаго. Та всеобъемлющая Мудрость, Ей-же воздаетъ поклоненіе каждое слово искренности, и Ей-же служитъ данью всякій честный поступокъ. Это — Та всемогущая Существенность, обращающая въ ничто наши коварства и искусныя подготовленія; вынуждающая все и всѣхъ выказываться такимъ каково есть и говорить — не однимъ только языкомъ — но въ самомъ духѣ своей природы; Существенность, благоизволяющая сообщаться нашей мысли и нашимъ дѣйствіямъ, запечатлѣвая ихъ мудростью, добродѣтелью, силою и красотою. Мы живемъ мало-по-малу: отдѣлами, частями, атомами; но въ человѣкѣ есть, однакоже, суть *всего:* и мудрость покоя, и красота міровданія, и полнота единства, съ которымъ всѣ тѣла и стихіи состоятъ въ соприкосновеніи. И кромѣ чудной силы жизни и всѣхъ благъ съ нею постижимыхъ, мы обладаемъ еще неотъемлемою способностью видѣть предметное: мы сами субъектъ и объектъ, зритель и зрѣлище.

Смыслъ протекшихъ вѣковъ можетъ быть разгаданъ только при созерцаніи довременной мудрости; и лишь повинуясь наилучшимъ нашимъ мыслямъ, лишь довѣряясь духу прорицанія, который врожденъ каждому человѣку, можемъ мы разслышать то что̀ говоритъ намъ душа. Слова того, кто говоритъ по одной опытности и по однимъ побужденіямъ земной жизни, кажутся суетны тѣмъ, кто живетъ въ другой сферѣ понятій. Оттого мнѣ иногда страшно говорить: мои слова не имѣютъ надлежащей значитель-

ности: онѣ холодны, безжизненны. Когда-же вдохновляетъ насъ душа, рѣчь наша льется лирическимъ потокомъ, вольнымъ и плѣнительнымъ, какъ звуки воздымающагося вѣтра. Но не смотря на недостатокъ священныхъ словъ, мнѣ-бы хотѣлось простою рѣчью указать на небо, откуда сходитъ на насъ эта божественная сила, и облечь выраженіями мои наблюденія о непостижимой простотѣ и силѣ высочайшаго изъ всѣхъ законовъ.

Подмѣчая то что̀ совершается съ нами, когда мы замечтаемся или разговоримся, — во время сильныхъ угрызеній и въ фантастическихъ представленіяхъ сновидѣній; въ минуты, наконецъ, страсти и изумленія, — мы уловимъ многіе проблески, которые расширятъ и освѣтятъ разумѣніе тайнъ нашего естества. Все единогласно доказываетъ, что душа человѣческая не есть о̀рганъ, но сила, движущая о̀рганами; — что она не функція, какъ память или алгебраическая сметливость, но что она употребляетъ эти функціи, какъ подвластные ей члены; — она не способность, но свѣтъ; — не разумъ и не воля, но владычица разума и воли, краеугольный камень нашего существа, на которомъ зиждется и разумъ и воля; — однимъ словомъ, что она неизмѣрима и неподвластна здѣсь ничему. — Исшедъ изъ глубины или проникнувъ извнѣ въ предѣлы нашего бытія, насъ пронзаетъ лучъ свѣта; онъ озаряетъ все существующее, и мгновенно научаетъ насъ, что мы ничто, а свѣтоносный лучъ — все.

Человѣкъ, это наружная сторона храма, въ которомъ можетъ водвориться все, что̀ добро, все что̀ истинно. То

что̀ мы обыкновенно подразумѣваемъ подъ словомъ: человѣкъ, — это существо пьющее, ѣдящее, строющее, расчитывающее, — выражаетъ себя не по нашимъ понятіямъ, и выражаетъ себя дурно. Мы чествуемъ не его, но душу, которой онъ органъ; душу, которая заставила-бы насъ преклонить колѣна, если-бы она проявлялась въ его дѣйствіяхъ. Когда ея дуновеніе касается разума человѣка, она называется геніемъ; когда воли — добродѣтелью; а когда чувства, — ей имя любовь. Ослѣпленіе разума начинается съ той минуты, когда онъ захочетъ быть самостоятеленъ. Ослабленіе воли, когда она вздумаетъ опираться на на самоё себя. Возрожденіе, при какомъ-бы то ни было обстоятельствѣ, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить Всевышнему пролагать въ насъ свои пути, или говоря иначе: возрожденіе состоитъ въ полномъ Ему повиновеніи.

Каждый человѣкъ ощущаетъ по временамъ повѣвы небесной благодати. Неизчислимые, необъятные, они слишкомъ духовны для описанія нашимъ языкомъ; но мы не лишены сознанія ка̀къ овладѣваетъ нами благодать, ка̀къ преисполняетъ насъ собою. Мудрая старинная пословица говоритъ: „*Господь къ намъ приходитъ безъ колокольнаго звона*“. То есть: нѣтъ, нѣтъ преградъ между нашими головами и неизмѣримыми небесами, какъ нѣтъ въ душѣ нашей затворовъ, отдѣляющихъ Бога, виновника всяческихъ, отъ человѣка — Его произведеніе. Преграды рушатся; со всѣхъ сторонъ открыты передъ нами глубины духовной природы и свойства Божества. Мы видимъ, мы постигаемъ правосудіе, любовь, свободу, могущество. Во-

зобладать ими здѣсь, мы не можемъ, но онѣ витаютъ надъ нами, особенно въ такія минуты, когда по своей строптивости, мы готовы имъ сопротивляться.

Всесильная эта власть, проникая чрезъ преграды въ самый тайникъ души человѣка и противорѣча всей его опытности, такимъ-же точно образомъ отмѣняетъ и время и пространство. Вліяніе внѣшнихъ чувствъ до того взяло господство надъ духомъ въ человѣкѣ, что предѣлы времени и пространства сдѣлались въ глазахъ его чѣмъ-то несокрушимымъ, существеннымъ и неодолимымъ; относиться объ нихъ съ неуваженіемъ, считается на свѣтѣ величайшимъ признакомъ безумія. А между тѣмъ, время и пространство ничто иное какъ мѣрила, совершенно противоположныя сущности души. Человѣкъ можетъ ихъ уничтожить; духъ можетъ играть со временемъ: *„въ одинъ часъ вмѣстить вѣчность или растянуть на вѣчность одинъ часъ“*.

Такъ доходимъ мы и до убѣжденія, что есть молодость, что есть старость — другія, независимыя отъ числа годовъ нашей жизни. Въ отношеніи нѣкоторыхъ идей мы всегда молоды, и вѣчно останемся такими. Къ этому числу принадлежитъ, напримѣръ, идея о красотѣ всемірной и вѣчной. Созерцая ее, человѣкъ удостовѣряется, что она — достояніе вѣковъ безграничныхъ, а не существованія земнаго. — Всякая дѣятельность нашихъ умственныхъ способностей тоже освобождаетъ насъ, въ нѣкоторой степени, изъ подъ власти времени. Въ моей болѣзни, въ моемъ изнеможеніи, дайте мнѣ глубокую мысль, или живую волну

поэзіи, и я освѣженъ; — откройте предо мною томъ Платона или Шекспира, даже назовите мнѣ только ихъ имена, и чувство безсмертія сказывается моему сердцу. Посмотрите, до чего величіе и божественность мысли стираетъ въ прахъ вѣка, тысячелѣтія, и живетъ помимо ихъ, теперь, въ этотъ самый часъ. Ученіе Христово менѣе-ли производитъ дѣйствія въ наше время, чѣмъ въ тѣ дни, когда Онъ впервые изрекъ свое божественное Слово?

Восторгъ, запечатлѣнный въ моей душѣ лицами и событіями, не имѣетъ ничего общаго со временемъ, и мѣрило души весьма разнится отъ мѣры понятія нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Душа все идетъ впередъ, проникая въ области новыя, оставляя позади себя старыя; ей чужды и числа, и обычаи, и частности, и личности. Душа знаетъ одну душу: все прочее кажется ей безплоднымъ веществованіемъ.

Ея усовершенствованія расчитаны не по ариѳметикѣ, но въ силу ея собственныхъ законовъ; онѣ послѣдуютъ не такой постепенности, которую можно представить продленіемъ прямой линіи, но скорѣе, поочереднымъ возвышеніемъ состоянія, сходнымъ съ преобразованіемъ яица въ червяка, червяка въ мотылька. Съ каждымъ новымъ импульсомъ, духъ раздираетъ тонкія оболочки видимаго и конечнаго, все болѣе и болѣе заходитъ въ вѣчность, и живетъ ея воздухомъ. Онъ бесѣдуетъ съ истинами, всегда возвѣщаемыми міру, и убѣждается, что сочувствіе, гораздо болѣе тѣсное соединяетъ его съ Зенономъ или съ Пиѳа-

горомъ, чѣмъ съ людьми, которые живутъ подъ одною съ нимъ кровлею.

Таковъ законъ усовершенствованія разума и нравственности. Добрыя простыя души, будто вслѣдствіе неразлучной способности парить, возносятся точно также, не къ такому-то роду добра, но къ сути всякаго добра, приближаясь къ Вседержителю. Чистота, правда, благотвореніе составляютъ потребности души, но она выше ихъ такъ, что будто унижается или дѣлаетъ постыдную уступку, когда изъ полноты нравственнаго своего бытія выдѣляетъ или предписываетъ упражнять по преимуществу одну какую-нибудь добродѣтель. Онѣ всѣ свойственны ей и доступны при небольшомъ трудѣ. Отъищите въ человѣкѣ путь къ его душѣ, и онъ скоро сдѣлается добродѣтеленъ.

Въ нравственномъ чувствѣ заключается залогъ и умственнаго усовершенствованія, которое подчинено тому-же закону. Люди, освоившіеся съ смиреніемъ, съ справедливостью, съ истиною, съ жаждою лучшаго, уже стоятъ на выси, до которой не достигаютъ ни науки и искусства, ни краснорѣчіе и поэзія, ни ловкость и дѣятельность. Нравственная чистота идетъ впереди этихъ благовидныхъ отличій, которымъ мы придаемъ столько цѣны. Сердце простодушное и ввѣрившее себя Всевышнему, уже состоитъ въ связи со всемъ что̀ сотворилъ Онъ, и достигнетъ до божественнаго поприща, не смотря на своеобразность первоначальныхъ способностей и познаній; потому что возвысясь до перваго и первенствующаго чувства любви божественной, мы, изъ далекихъ предѣловъ внѣшней окружно-

сти, мгновенно переносимся въ самое средоточіе вселенной; оттуда обозрѣваемъ мы причины и начала, оттуда царимъ надъ всемъ созданьемъ, которое есть ничто иное какъ слабое и тусклое отраженіе дѣйствительности.

Одинъ изъ способовъ Божественнаго вразумлѣнія, есть воплощеніе духа въ образъ подобный моему. Я встрѣчаю въ продолженіи моей жизни людей, которые отвѣчаютъ помысламъ моей души, или выражаютъ своими дѣйствіями повиновеніе тѣмъ-же высшимъ законамъ, по которымъ живу и я. Одинаковость въ помыслахъ и въ повиновеніи удостовѣряетъ меня въ одинаковости нашего происхожденія, и ничто такъ не манитъ меня къ себѣ, какъ эти души, эти внѣшнія мои *я*. Онѣ пробуждаютъ въ насъ чувства, называемыя страстями: любовь, ненависть, страхъ, удивленіе, соболѣзнованіе; на этихъ чувствахъ основываются сближенія, состязанія, договоры, войны, даже города и веси.

Въ молодости мы бываемъ очень глупы. Дѣтство и юность думаютъ, что весь міръ заключенъ въ нихъ, но бо̀льшая опытность указываетъ намъ на сходство природы во всѣхъ личностяхъ. За личностями открывается безличность. Замѣтьте, что и въ разговорѣ двухъ-трехъ особъ и въ многолюдномъ собраніи — особенно при обсужденіи важнаго вопроса — обозначается общій жаръ участія и единомысліе, которые доходятъ до извѣстной высоты во всѣхъ умахъ, какъ будто всѣ имѣютъ равныя права на духовное имущество говорящаго. Они окружены тождественностью своей природы какъ стѣною храма, и это доказываетъ, что нѣкоторая доля мудрости почти поровну

принадлежитъ и самымъ великимъ и самымъ обыкновеннымъ умамъ. Ученые и изслѣдователи законовъ разума не имѣютъ исключительной монополіи на эту мудрость; самое излишество ихъ односторонняго направленія, служитъ нѣкоторою помѣхою для удостовѣренія насъ въ томъ что̀ провозглашаютъ они. Самый образъ существующаго воспитанія часто ослабляетъ здравомысліе и налагаетъ на него молчаніе. Что касается до насъ, мы обязаны многими весьма важными замѣтками людямъ, и непроницательнымъ и неглубокомысленнымъ, которые очень просто выражали вещи намъ нужныя, никакъ не дававшіяся намъ самимъ. Духъ единъ, и кто дѣйствительно любитъ истину, тотъ не полагаетъ, что она стоитъ подъ однимъ его вѣдѣніемъ; онъ съ радостью принимаетъ ее отовсюду, не кладя на нее ярлыка съ именемъ человѣка, доставившаго ему ее, но смотритъ на нее какъ на общее и вѣчное достояніе человѣчества.

Душа, свидѣтельствуя о равности происхожденія отдѣльныхъ личностей, съ тою-же неизмѣнностью присутствуетъ во всѣхъ возрастахъ жизни и помогаетъ предугадывать взрослаго человѣка въ дитяти. Когда я играю съ моимъ ребенкомъ, мнѣ ни къ чему не служатъ ни мое знаніе греческаго и латинскаго языковъ, ни мои богатства, ни мои дарованія. Но посредствомъ души, устанавливается между нами сообщеніе. Если я требую отъ него должнаго, онъ противопоставляетъ свою волю моей, предоставляя моей тѣлесной силѣ позорное преимущество принудить его побоями. Но, если я не руковожусь своеволіемъ и

оставляю ему быть судіею между нами, его душа такъ и видится въ глазахъ и откликается моей, почтеніемъ и любовью.

Мы думаемъ лучше, нежели дѣйствуемъ; въ самую минуту дѣйствія имѣемъ сознаніе, что мы лучше нашего поступка, и всегда втайнѣ надѣемся достичь до полнаго самообладанія. Люди унижаютъ себя взаимными ничтожными отношеніями, забывая о своемъ врожденномъ благородствѣ. Они походятъ на арабскихъ шейховъ, которые для избѣжанія алчности своего паши прикидываются бѣдняками, едва-имѣющими коё-какое домишко, между тѣмъ какъ ихъ внутренніе потаенные покои блестятъ роскошью и великолѣпіемъ.

Душа прозрѣваетъ и открываетъ намъ истину. Пускай скептики, пускай насмѣшники говорятъ что̀ угодно; а безумцы, слыша отъ насъ то, чего бы имъ не хотѣлось слышать, задаютъ вопросъ: „Почему вы знаете, что это истина, а не собственное ваше мечтаніе?“ — Достовѣрно то, что мы познаемъ истину, лишь только ее завидимъ; точно такъ-же какъ мы знаемъ, что проснулись, когда проснулись. У Сведенборга есть изреченіе; одного его было-бы достаточно для заявленія возвышенной проницательности этого человѣка; „не служитъ доказательствомъ разумности человѣка способность утверждать то что̀ ему угодно утверждать; — но способность усматривать, что истина — истинна, а ложь — ложна, вотъ что обозначаетъ свойство разума.“ — При чтеніи книги, я останавливаюсь на каждой прекрасной мысли, какъ останавли-

ваюсь предъ каждою истиною, потому что душа моя отдѣляетъ будто мечемъ все дурное и выправляетъ все ложное. Мы гораздо мудрѣе чѣмъ думаемъ. Еслибы мы не производили безпрестаннаго смятенія въ нашихъ мысляхъ; еслибы въ нашихъ поступкахъ было болѣе простоты; еслибы мы судили о вещахъ, по тому какъ онѣ должны быть, мы гораздо легче понимали-бы и частные случаи, и предметы и людей, потому что Творецъ ихъ стоитъ за каждымъ фактомъ, за каждымъ человѣкомъ и бросаетъ на нихъ отсвѣтъ своего всевѣдѣнія.

При этомъ ясномъ, безпристрастномъ и неугасаемомъ пламени, который озаряетъ все, пока это все не погрузится въ море свѣта и сіянія, мы ознакомляемся съ собою и съ другими. Мы обоюдно распознаемъ каковъ духъ въ каждомъ изъ насъ. Иначе, какъ объяснить на чемъ основана способность отгадывать настоящій характеръ человѣка, хотя онъ ни словами, ни дѣлами не обнаружилъ его? Мы, кажется, ничего не знаемъ объ немъ дурнаго, но довѣриться ему не можемъ, тогда-какъ другіе неуловимые признаки влекутъ наше довѣріе къ этому, едва намъ знакомому человѣку. И мы до такой степени постигаемъ другъ друга, что отъ насъ не скрываются оттѣнки дѣйствій и словъ, внушенныхъ прекраснымъ побужденіемъ, или вынужденныхъ обстоятельствами. Да, всѣ мы отличные знатоки невидимыхъ свойствъ человѣка. Не понятія наши, но самая сущность жизни и данная ей сила проницательности, надѣлены этою діагностикою. Въ общественныхъ-ли сношеніяхъ, въ дружбѣ-ли, въ распряхъ, или на скамьѣ

обвиненнаго, всѣ люди представляются поочередно на судъ другъ друга и, несмотря на свое сопротивленіе, обоюдно даютъ ключъ къ своему настоящему характеру. Но кто здѣсь судія? — Не умъ нашъ, не хитрость, не знаніе.

Въ этомъ отношеніи, личная воля каждаго уничтожена непреклоннымъ закономъ природы, и благодаря ему, наперекоръ вашимъ усиліямъ и вашей развитости, вашъ духъ и мой, выразятъ свои отличительныя свойства. Мы познаемъ себя не произвольно, но невольно. Мысли входятъ въ нашъ умъ путями, которые мы никогда имъ не открывали; точно такимъ-же образомъ и выходяхъ онѣ изъ него.

Ни лѣта, ни воспитаніе, ни свѣтское положеніе, ни ученость, ни дарованія и дѣятельность, все вмѣстѣ взятое, не увольняютъ насъ отъ дани почтенія, которую мы обязаны нести душѣ, возвышеннѣе нашей. Непогрѣшительнымъ признакомъ истиннаго усовершенствованія служитъ вся наружность, даже звукъ голоса человѣка. Самый оборотъ рѣчи, характеръ сужденій, свойственное ему сцѣпленіе мыслей, не говоря уже о его нравахъ, выкажетъ намъ, помимо его воли, нашелъ-ли онъ свое внутреннее успокоеніе въ Богѣ. Если имъ достигнута эта цѣль, то сквозь всѣ несовершенства образованія, темперамента и враждебныхъ обстоятельствъ, будетъ просвѣчивать божественное въ немъ. — Языкъ того кто ищетъ, не тотъ что у того кто нашелъ и обладаетъ.

Кромѣ внезапныхъ и неизъяснимыхъ способовъ умудре-

нія на различныхъ путяхъ жизненной опытности, душа открываетъ и возвѣщаетъ намъ истину. Ее самоё надобно просить укрѣпить теперь нашу рѣчь своимъ присутствіемъ, чтобы слова наши были достойны ея возвышенныхъ проявленій. Откровеніе истины нашей душѣ есть верховное событіе въ природѣ, ибо она даетъ не нѣкоторыя части: она всю себя отдаетъ намъ. Нисходя на человѣка, она изливаетъ на него свѣтъ свой, и восхищеннаго, вознесеннаго ею до собственнаго ея естества, дѣлаетъ какъ-бы своимъ олицетвореніемъ.

Мы называемъ откровеніемъ, сообщеніе Всевышняго съ душою человѣка, и Его указанія законовъ вѣчныхъ. Уже одно смутное провидѣніе божественнаго перста въ такомъ-то событіи, или въ подтвержденіе такой-то истины, волнуетъ и восторгаетъ человѣчество; благоговѣйный трепетъ переходитъ отъ одного къ другому. Въ откровеніи, которое касается нашей судьбы и личности, способность видѣть не отдѣлена отъ рѣшимости дѣйствовать: провидѣніемъ вознаграждается наше повиновеніе, между тѣмъ какъ самое наше повиновеніе есть слѣдствіе восхитительнаго провидѣнія. Такія минуты не изглаждаются изъ памяти. — По условіямъ нашего тѣлеснаго состава, нѣкоторый родъ самозабвенія, даже восторженности научаетъ насъ распознавать посѣщенія Божественныя. Свойства и продолжительность этого состоянія восторженности измѣняются, смотря по состоянію индивидуума; начиная отъ весьма рѣдкихъ явленій восхищенія, восторженія и пророческаго вдохновенія, до свѣтлаго вразумлѣнія и тихихъ возбуж-

деній къ добру, которыя какъ огонь домашняго очага отогрѣваютъ членовъ семейства, членовъ общества и поддерживаютъ ихъ взаимную привязанность.—Пока нашъ духъ не возрастетъ и не окрѣпнетъ на жизненныхъ волнахъ, онъ ничто иное какъ небольшой отдѣльный ручеекъ.

Когда сообщеніе, или лучше сказать, наитіе Божественнаго духа призываетъ душу на свое служеніе, избытокъ горняго свѣта такъ ослѣпителенъ, что нѣкоторая наклонность къ помѣшательству сопровождаетъ минуты, въ которыя значеніе Бога и смыслъ истиннаго Ему поклоненія, впервые открываются человѣку.

Вспомнимъ о видѣніяхъ Порфирія, о внезапныхъ оцѣпенѣніяхъ Сократа, о сообщеніяхъ Плотина, о чудесныхъ обращеніяхъ нѣкоторыхъ іудеевъ и язычниковъ въ христіанство, о зарѣ Бёме, о свѣтѣ Сведенборга, о пароксизмахъ Фокса и квакеровъ. — Восхищенное самозабвеніе, овладѣвавшее этими замѣчательными лицами, проявляется не такъ поразительно въ безчисленныхъ примѣрахъ, представляемыхъ ежедневною жизнью. Благоговѣйный восторгъ, доводящій до такого состоянія, есть только мгновенное завѣреніе того блаженства, которое можетъ испытать душа въ своемъ приближеніи къ Всевышнему.

Сущность откровеній всегда одинакова. Это, или провидѣніе законовъ вѣчныхъ, или разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, предлагаемыхъ не умомъ нашимъ, но душою. Отвѣтъ дается не словами, но указывается самый фактъ, который внезапно бываетъ усмотрѣнъ душою.

Простонародное вѣрованіе въ откровенія выражается

гаданіемъ. Посредствомъ его, легкомысленная пытливость ищетъ отвѣта на вопросы чувственности и допрашиваетъ Бога: сколько лѣтъ остается прожить? – ожидаетъ-ли богатство? — каковъ будетъ суженый? — какъ его имя? — гдѣ онъ живетъ? и тому подобныя низости желающихъ подглядѣть кое-что въ замочную скважину. Нелѣпость гадать и заглядывать въ будущее есть признакъ большаго нравственнаго упадка. Могутъ-ли на это быть отвѣты у Бога? Не по деспотическому опредѣленію, а вслѣдствіе условій человѣческой природы, лежитъ покрывало на завтрашнемъ днѣ. Оно пріучаетъ дѣтей земли довольствоваться днемъ настоящимъ, сдерживать недостойную пытливость, жить и трудиться, трудиться и жить, предавая себя теченію времени, которое внесетъ насъ въ глубокія тайны вѣчности и природы. Душа предлагаетъ намъ на изученіе одну задачу: причины и послѣдствія. Упражняясь въ ней, въ трудѣ и въ жизни, мы незамѣтно вступимъ въ новый кругъ отношеній, гдѣ вопросъ и отвѣтъ уже безразличны.

Не освѣдомляйтесь также каковъ край, къ которому вы близитесь. Его не изобразитъ никакое изустное описаніе; завтра вы причалите къ тѣмъ берегамъ, и они станутъ вамъ знакомы. Люди ведутъ пренія о безсмертіи души, о царствѣ небесномъ и о прочемъ. Они вообразили себѣ даже, что Іисусъ Христосъ далъ отвѣты на такіе именно вопросы. Но никогда, ниже на мгновеніе, Іисусъ Христосъ не нисходитъ до ихъ нарѣчія. Идея о вѣчности и о непремѣняемости до того слита съ истиною, съ право-

судіемъ, съ любовью, что Іисусъ, заботясь только о размноженіи этихъ благъ, никогда не отдѣлялъ идею вѣковѣчности отъ сути этихъ добродѣтелей. Послѣдователи Его отдѣлили идею нравственныхъ началъ отъ идеи вѣчности; стали проповѣдовать о безсмертіи души, доказывать это, защищать. Но, когда ученіе о безсмертіи души начали преподавать отдѣльно, человѣкъ уже понизился на цѣлую ступень. *Въ оны дни*, когда любили, благоговѣли и смирялись, мысль о кратковременности не могла озабочивать, и никто изъ вдохновенныхъ святынею не дѣлалъ на этотъ счетъ вопросовъ, не унижался до требованій доказательствъ. Душа всегда вѣрна самой себѣ: человѣкъ, преисполненный ея блаженствомъ въ настоящемъ, отброситъ-ли безконечность этого настоящаго, чтобы устремляться къ будущему и представлять его себѣ — имѣющимъ конецъ?

Всевѣдѣніе, касаясь разума, претворяетъ его въ геній. Многое изъ того чтò свѣтъ называетъ мудростью, вовсе не мудрость. Самые просвѣщенные люди не писатели, но гораздо выше всѣхъ литературныхъ знаменитостей. Въ сонмѣ ученыхъ и сочинителей не чувствуется присутствія Божества; ихъ умѣніе и ловкость удивляютъ насъ болѣе ихъ вдохновенія. Они сами не знаютъ откуда взялся ихъ талантъ и называютъ его своею собственностью; и онъ, дѣйствительно, у нихъ какое-то несоразмѣрное свойство или чрезчуръ развившійся членъ тѣла; по этому, самый даръ ихъ ума не кажется намъ качествомъ, а скорѣе производитъ на насъ впечатлѣніе уродливости; до такой сте-

пени убѣждены мы, что истинное дарованіе всегда должно согласоваться съ преуспѣяніемъ въ истинѣ. Геній всегда религіозенъ: онъ получаетъ бо̀льше души, нежели другіе люди, и не кажется оттого анормальнымъ, но болѣе человѣчнымъ. Всѣ великіе поэты такъ полно-человѣчны, что это достоинство превосходитъ всѣ прочія ихъ совершенства. Поэтами-же и геніями они сдѣлались просто, открывъ въ своей душѣ свободный доступъ Всевышнему, призирающему и благословляющему дѣла рукъ Своихъ.

Различіе между вдохновенными и литературными мастерами слова, — между поэтомъ Гербертомъ и поэтомъ По̀помъ; — между философами: Кантомъ, Спинозою, Кольриджемъ, и философами, каковы Локкъ, Пэлей, Макинтошъ и Стьюортъ; — между увлекательнымъ собесѣдникомъ и тѣми рѣдкими пламенными мистиками, почти-полоумными прозорливцами, изнемогающими подъ необъятностью идеи; — различіе въ томъ, что одни говорятъ *извнутри*, какъ обладатели, даже какъ частицы самого̀ факта; тогда какъ другіе говорятъ *извнѣ*, какъ зрители, даже какъ люди, узнавшіе о фактѣ по наслышкѣ. Не подступайте ко мнѣ съ своими проповѣдями *извнѣ:* я самъ, — увы! слишкомъ удобно, — умѣю произносить такія-же... О, еслибы сбылось желаніе всѣхъ насъ! еслибы появились наставники нашего *внутренняго!* душа такъ и впивала-бы истину ихъ словъ. Но когда голосъ человѣка не исходитъ изъ того святилища, гдѣ онъ и его выраженіе составляютъ одно, ему остается только — принести въ томъ покаяніе.

Сила вышняя касается жизни индивидуальной, не иначе какъ съ условіемъ полнаго обладанія индивидуумомъ. Она нисходитъ на кроткихъ и простыхъ сердцемъ; посѣщаетъ всякаго, кто отлагается отъ гордости и отъ исканія во всемъ самого себя. Она является отрадною и величественною въ образѣ наитія. Когда мы узнаемъ людей, въ которыхъ она пребываетъ, мы научаемся понимать степени другаго величія. — Человѣкъ, проникнутый ею, возрождается. Онъ ведетъ съ нами уже иную бесѣду; не оглядывается съ безпрестаннымъ безпокойствомъ на наши мнѣнія, но самъ обсуждаетъ ихъ. Отъ людей онъ требуетъ одного: простоты и правды. — Пустой человѣкъ, по возвращеніи изъ путешествій, раскрашиваетъ свои разсказы именами лордовъ, князей, графинь, которые обошлись съ нимъ такъ-то, сказали ему то-то. — Тщеславный показываетъ свои серебряные сервизы, свои перстни, покупки. — Люди, нѣсколько болѣе просвѣщенные, касаясь до собственныхъ впечатлѣній, опишутъ вамъ забавный анекдотъ, поэтическое приключеніе, посѣщеніе Рима; бесѣду съ геніальнымъ человѣкомъ, встрѣчу съ блестящимъ другомъ; углубляясь далѣе, они упомянутъ и о горѣ, облитой лучами солнца, и о мысляхъ, пробужденныхъ въ нихъ этимъ зрѣлищемъ — третьяго дня утромъ: это придастъ ихъ жизни колоритъ романтическій. Но душа, дошедшая до любви къ великому Богу, проста и искренна; у нея нѣтъ розовыхъ красокъ и голубыхъ цвѣтковъ; нѣтъ блестящихъ друзей, нѣтъ рыцарскихъ и другихъ приключеній. Ей не нужны дивы и чрезвычайности; она живетъ

настоящимъ часомъ, и по значенію, даваемому ею каждому часу, самое простое обстоятельство насквозь проникается мыслями и озаряется потоками свѣта.

Побесѣдуйте съ душою простою и возвышенною, и авторство покажется вамъ чистѣйшимъ мошенничествомъ. Ея самыя обыкновенныя рѣчи стоютъ быть записанными; а между тѣмъ, онѣ такъ извѣстны, въ такомъ общемъ ходу... Останавливаться-же на нихъ среди неисчислимыхъ богатствъ этой души, все равно, что взять отъ земли нѣсколько порошинокъ и закупорить въ стклянку струйку воздуха, тогда какъ вся земля и все воздушное пространство принадлежатъ вамъ.

Такія души обходятся съ вами какъ боги, и живутъ какъ боги. Онѣ безъ удивленія смотрятъ на вашъ умъ, на ваши добродѣтели или, лучше сказать, на ваше исполненіе обязанностей, между тѣмъ какъ все что̀ есть въ васъ добраго кажется имъ ихъ кровною принадлежностью, принадлежностью ихъ Создателя. „Самая высшая ихъ похвала, говоритъ Мильтонъ, не лесть, и самый простой ихъ совѣтъ похожъ на похвалу“.

Невозможно выразить этого сообщенія Бога съ человѣкомъ, при всякомъ дѣйствіи души. Всѣ, кто честно и свято поклоняются Ему, доступны этой благодати. Ея всеобъемлющія волны всегда обновительны, освѣжительны, и проникаютъ насъ глубокимъ обожаніемъ и благоговѣніемъ.— Какъ солнце привѣта и любви встаетъ надъ человѣкомъ мысль о Богѣ, врачующемъ раны, нанесенныя намъ бѣдствіями и огорченіями; о Богѣ, изливающемъ жизнь и

свѣтъ во всѣ предѣлы вселенной, и восполняющемъ всякую неполноту. Не Богъ, извѣстный намъ по преданіямъ, не Богъ риторическій, но **Богъ,** *нашъ* Богъ можетъ воспламенить сердце своимъ присутствіемъ. Тогда это сердце удесятеряется и, крѣпчая и расширяясь, видитъ для себя со всѣхъ сторонъ безконечность и безпредѣльность. — Вездѣсущность разрушаетъ всякія границы его недовѣрія. Оно не только имѣетъ убѣжденіе, оно обладаетъ провидѣніемъ, что добро и истина — одно. Съ этою помощью, оно легко разгоняетъ всѣ личныя свои недоумѣнія, опасенія, и полагается на будущія откровенія, для уясненія задачъ, еще временно-темныхъ. Оно увѣрено, что все, къ чему оно стремится — естественно и прямодушно, — драгоцѣнно и для самого его Создателя. Всегда соблюдая въ своемъ духѣ законъ вѣчный, человѣкъ полонъ того всемірнаго упованія, которое радостно повергаетъ и свои самыя сладостныя надежды, и отлагается отъ всѣхъ глубоко-обдуманныхъ плановъ для устройства своего земнаго существованія. Онъ знаетъ, онъ вѣритъ, что его не минуетъ его благая часть, что назначенное ему несется къ нему самособою.

О вѣрь, что во все продолженіе твоей жизни, всякое слово, сказанное на какой-бы то ни было точкѣ земнаго шара, всякое слово, важное и необходимое тебѣ услышать — раздастся въ ушахъ твоихъ! Нѣтъ такой мысли, такой книги, такой поговорки, нужной тебѣ въ опору и въ утѣшеніе, которая-бы не дошла до тебя — неминуемо. Другъ, котораго жаждетъ не своевольная мечта, а твое

великое, твое любящее сердце, сожметъ тебя въ своихъ объятіяхъ. Какъ разныя воды, облегающія земной шаръ, составляютъ въ сущности одинъ океанъ, имѣющій тѣ-же приливы и отливы; — такъ и душа наша, и бытіе и всѣ мы, съ нашими потребностями, желаніями, стремленіями, находимся въ храненіи Вездѣсущаго.

Предъ неизмѣримыми возможностями души, все извѣстное намъ по опыту и по описаніямъ, за великое и прекрасное, — блѣднѣетъ и исчезаетъ. Предъ этими священными небесами, предугадываемыми нашими предчувствіями, намъ невозможно удовлетвориться еще ни однимъ образцомъ представляемымъ намъ въ прошедшемъ. Мы утверждаемъ, что земля не только мало имѣла великихъ людей, но что она, положительно, не имѣла еще ни одного великаго человѣка. Мы принимаемъ историческихъ полу-боговъ и гигантовъ, чисто по одной снисходительности. Воспоминаніе о нихъ, конечно, услаждаетъ нѣсколько часовъ одиночества, но когда присмотришься къ нимъ поближе, они не отвѣчаютъ нашимъ ожиданіямъ, и вскорѣ начинаютъ намъ надоѣдать.

Духъ единый, безначальный, пречистый, сообщается только душѣ одинокой, первобытной и чистой. И она радостно водворяется въ Немъ, живетъ Имъ, и дѣйствуетъ въ полнотѣ юности и ликованія. Такая душа не только мудра: — она прозорлива; не только благоговѣйна: — она невинна. Свѣтъ просвѣщенія называетъ она своею областью и говоритъ: Я изошла изъ лона Всевышняго и Всеобъемлющаго; Я, несовершенная, люблю Всесовершеннаго. Я

святилище Вездѣсущаго, и созерцая само солнце и миріады звѣздъ, чувствую, что въ сравненіи со мною, онѣ ничто иное какъ великолѣпныя случайности; произведенія измѣнчивыя и преходящція. Волны безконечности вливаются въ меня все болѣе и болѣе; въ моихъ дѣйствіяхъ и помыслахъ, все болѣе постиженія, все болѣе человѣчности. Я дохожу, наконецъ, до жизни — въ мысли; до дѣйствій — безсмертнаго могущества.

Такъ, проникнувшись почтеніемъ къ своей душѣ и узнавъ, какъ учили древніе, что ея красота безпредѣльна, человѣкъ дойдетъ до прозрѣнія, что міръ есть непрерывное чудо Вездѣсущаго, и менѣе будетъ дивиться отдѣльнымъ чудесамъ. Онъ дойдетъ до удостовѣренія, что жизнь каждаго человѣка могла-бы сдѣлаться *священною исторіею*, точно такъ какъ время усматривается въ минутѣ, вселенная въ атомѣ. Онъ перестанетъ, съ своими рубищами и ветошками, устроивать себѣ жалкую, горькую жизнь, но начнетъ жить въ единеніи съ Богомъ. Онъ будетъ избѣгать всего низкаго и суетнаго; ограничится во во время жизни обязанностями, которыя можетъ исполнить; услугами, которыя можетъ оказать. На завтрашній день будетъ онъ смотрѣть ясно, безпечно; полнотою своего довѣрія дѣлая самого Бога своимъ сподвижникомъ, и уже здѣсь сопріобщится всѣмъ будущимъ своимъ судьбамъ.

Конецъ перваго тома.

ЗАМѢЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.				*Напечатано.*	*Читай.*
XLVIII	строка	14	сверху	изъ одно цѣлаго	изъ одного цѣлаго
„	„	15	„	скорѣе	скоро
LXVII	„	7	„	слишкомъ	не слишкомъ
LXXIX	„	4	„	отличается	отлагается
64	„	9	„	мы будемъ	мы не будемъ
112	„	5	снизу	значенія,	знанія,
113	„	14	„	Неразрывая	Неразрывная
118	„	10	„	въ значеніи,	въ знаніи,

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

ОБРАЗЦЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Ральфа Уальда Эмерсона.

Часть II.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЕЛИЗАВЕТЫ ЛАДЫЖЕНСКОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ретгера и Шнейдера, Невскій проспектъ № 5.
1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Іюля 1867 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

I.

Польза великихъ людей.

Вѣрованіе въ великихъ людей лежитъ въ нашей природѣ. Всѣ миѳологіи начинаются полубогами: обстоятельство величавое, поэтическое. Ихъ духъ носится надъ всѣми.

Все созданное существуетъ, кажется, для превосходныхъ. Міръ держится правдою и добротою людей: они дѣлаютъ землю благотворною. Живущіе съ ними находятъ, что жизнь утѣшна и крѣпительна. Она сносна и привлекательна для всѣхъ насъ только вѣрою въ подобное сообщество, и дѣйствительностью или идеальнымъ помысломъ, мы жаждемъ жить съ людьми, которые выше и лучше насъ. Нашимъ дѣтямъ, нашимъ странамъ мы даемъ ихъ имена; вырабатываемъ ихъ въ глаголы нашего языка и хранимъ ихъ изображенія, ихъ произведенія въ нашихъ жилищахъ. Каждое случайное событіе дня наводитъ на память разсказы изъ ихъ жизни.

Найти великаго человѣка — вотъ мечта юности и одно изъ важнѣйшихъ стремленій зрѣлаго возраста. Мы отправляемся въ чужіе края, чтобъ отыскать его творенія и — если можно — взглянуть на него хоть разъ.

Мнѣ хвалятъ практичность англичанъ, гостепріимство нѣмцевъ, прекрасный климатъ Валенціи, золотые пріиски холмовъ Сакраменто. Пускай себѣ! я не пущусь въ путь для того, чтобы посмотрѣть на раздоліе, богатство, гостепріимство такого-то народа; на безоблачность такихъ-то небесъ, на слитки металла: — это стоитъ слишкомъ дорого. Но, если-бы былъ компасъ, который указалъ бы мнѣ тѣ страны, тѣ дома, гдѣ живутъ люди, богатые и могучіе внутреннимъ содержаніемъ — я продамъ все что̀ имѣю, куплю этотъ компасъ и сегодня-же отправлюсь къ нимъ.

Цѣлыя поколѣнія возвышаются въ цѣнѣ отъ заслугъ одного. Знаніе, что въ такомъ-то городѣ, такой-то человѣкъ изобрѣлъ желѣзныя дороги, придаетъ вѣсъ всѣмъ его согражданамъ. Напротивъ, огромное населеніе тунеядцевъ вселяетъ одно отвращеніе; какъ гнилой сыръ, какъ кучи муравьевъ или мухъ: чѣмъ ихъ больше, тѣмъ хуже.

Слышите-ли вы эти возгласы на улицѣ? Народъ не можетъ на него насмотрѣться. Онъ въ восхищеніи отъ этого человѣка. Что̀ за голова, что̀ за станъ! Плечи Атласа, видъ героя, и душевная сила равна великому тѣлу! Восторгъ, вполнѣ-выраженный, не доставляетъ-ли наслажденіе гораздо выше тѣхъ чувствъ, сжатыхъ и подавленныхъ во вседневной нашей жизни? Онъ сродни удовольствію, которое испытываетъ читатель геніальнаго произведенія.

Онъ неудержимъ: въ немъ достаточно огня, чтобы растопить груды металловъ.

Правительства и государи, съ ихъ орденами, мечами и гербовыми ливреями, могутъ-ли польстить насъ такъ, какъ мысль, обращенная къ намъ съ извѣстной высоты и предполагающая въ насъ пониманіе? Этою честью, оказываемою намъ едва-ли раза два въ жизни нашими личными знакомыми, геній удостоиваетъ насъ безпрерывно; довольствуясь тѣмъ, если кое-когда, въ теченіи столѣтія, предложеніе его бываетъ принято. Указатели цѣнности вещественныхъ предметовъ понижаются до степени поваровъ и кандитеровъ при появленіи указателей идей. Геній есть естествоиспытатель или географъ сверхъ-чувственныхъ областей; онъ чертитъ ихъ карту и, знакомя насъ съ новыми поприщами дѣятельности, охлаждаетъ наше пристрастіе къ устарѣлому. Такихъ геніёвъ принимаютъ тотчасъ за ту настоящую существенность, которой дольный міръ есть только отраженіе.

Благоговѣніе состоитъ въ любви и поклоненіи такимъ представителямъ. Очищеніе, возвышеніе нашего духа, вотъ истинное Богослуженіе.

Я считаю великимъ человѣкомъ того, кто постоянно пребываетъ въ той высшей сферѣ мыслей, до которой другіе добираются съ усиліемъ и трудомъ. Ему стоитъ открыть глаза, чтобы увидѣть вещи въ ихъ настоящей сущности и въ ихъ многообразныхъ отношеніяхъ, тогда какъ другіе должны дѣлать тягостныя поправки и остерегаться отъ безчисленныхъ источниковъ заблужденій.

Великъ и тотъ, кто остается вѣренъ своей природѣ и никогда не напоминаетъ намъ собою другихъ. На немъ лежитъ обязанность вступить съ нами въ сообщеніе и надѣлить нашу жизнь какимъ-нибудь обѣтованіемъ или поясненіемъ. Я не могу, напримѣръ, даже выразить того что̀ мнѣ хотѣлось-бы знать; между тѣмъ, я замѣчалъ, что есть люди, дающіе своимъ характеромъ и своими поступками отвѣты на то, о чемъ у меня не стало умѣнія предложить и вопросъ. — Есть люди, разрѣшающіе такіе вопросы, о какихъ не помышляетъ ни одинъ ихъ современникъ: они стоятъ одиноко. Иные поражаютъ насъ, какъ великолѣпныя возможности; но, будучи не въ состояніи управиться съ собою или съ своимъ временемъ, они не простираютъ руку помощи нашимъ потребностямъ и остаются игралищемъ какого-то инстинкта, выражающаго свои законы на-вѣтеръ.

Истинно-же великіе люди намъ доступны; мы узнаемъ ихъ съ перваго взгляда. Они удовлетворяютъ наши ожиданія, и какъ-разъ приходятся къ занимаемому имъ мѣсту. Все благое одарено силою творческою и производительною: оно находитъ себѣ пищу, просторъ, союзниковъ. Лишь только такой человѣкъ достигнетъ свойственнаго ему положенія, онъ становится изобрѣтателенъ, плодотворенъ; онъ обладаетъ магнетическою силою, одушевляетъ легіоны своими помыслами, и они осуществляются. Рѣка образуетъ себѣ русло; такъ, каждая зако́нная идея прокладываетъ себѣ теченіе и несетъ благодатнымъ даромъ на общее употребленіе и оружіе для защиты, и послѣдовате-

лей для истолкованія, и учрежденія для своего выраженія. Настоящему мастеру своего дѣла вся наша планета служитъ подножіемъ, между тѣмъ, какъ авантюристъ, послѣ многихъ лѣтъ домогательствъ, стоитъ на однѣхъ своихъ подошвахъ.

Иные люди одарены способностью изобразительною. Бёме и Сведенборгъ провидѣли, что всякій предметъ есть символъ. Такъ и нѣкоторые люди служатъ представителями, во-первыхъ, предмета, во-вторыхъ, его идеи. Какъ растеніе переработываетъ минералы на пищу животнымъ, такъ человѣкъ переработываетъ нѣкоторые грубые матеріалы на пользу человѣчества. Геометръ, механикъ, музыкантъ, — изобрѣтатели стекла, желѣза, электричества, магнетизма, льняныхъ, бумажныхъ, шелковыхъ тканей, прокладываютъ легкій и удобный путь сквозь неизвѣданную и непостигнутую путаницу вещественности. Каждый человѣкъ, посредствомъ какихъ-то еще неразгаданныхъ узъ, состоитъ въ связи съ тою или другою областью природы, и дѣлается ея повѣреннымъ и истолкователемъ.

Такъ, Линней изъясняетъ намъ растенія, Губеръ — пчелъ, Фрейсъ — поросли, Дельтонъ — атомистическія силы, Эвклидъ — линіи, Ньютонъ — параболы.

Созданный изъ земнаго праха, человѣкъ не забываетъ своего происхожденія, и все, теперь еще безжизненное, получитъ глаголъ и смыслъ. Многое въ природѣ, еще неизданное въ свѣтъ, выскажетъ намъ всю свою тайну, потому что человѣкъ есть средоточіе природы. Нити соотношеній тянутся къ нему чрезъ всѣ тѣла твердыя и жидкія, веще-

ственныя и стихійныя. Земля вращается: каждый булыжникъ, каждый комъ грязи достигаетъ своего меридіана, вотъ почему пылинка, кристаллъ, кислота, всякая ихъ составная часть, всякое ихъ свойство имѣетъ отношеніе къ человѣческому мозгу. Продолжительно ихъ ожиданіе; черёдъ, однако-же, настаетъ. Нѣтъ растенія безъ поразита, нѣтъ такой вещи изъ сотвореннаго, которая-бы не получила своего любителя и пѣвца. Справедливость уже оказана пару, желѣзу, углю, магниту, іоду, хлѣбнымъ зернамъ, хлопчатой бумагѣ, но какъ еще мало матеріаловъ служатъ для нашего потребленія и примѣненія къ ремесламъ, наукамъ, искусствамъ! Массы созданнаго и массы ихъ свойствъ все еще находятся въ состояніи отчужденія, безвѣстности, ожиданія. И кажется, будто каждое изъ нихъ—подобно заколдованнымъ принцессамъ волшебныхъ сказокъ — зоветъ и чаетъ предназначеннаго человѣка — избавителя. И ворожба будетъ снята, и все изыдетъ на свѣтъ божій въ образѣ человѣка! Читая исторію открытій и изобрѣтеній, можно прійти на мысль, что всякая неизвѣстная, но уже созрѣвшая истина нарочно образуетъ для себя мозгъ человѣка. Магнитъ дѣлается какимъ-нибудь Гильбертомъ, Сведенборгомъ, Эрстедомъ, прежде чѣмъ всеобщее пониманіе явится на храненіе его силы.

Чего-то недостаетъ наукѣ, пока она не вошла въ область человѣчества. Возьмите таблицу логариѳмовъ съ одной стороны, съ другой — ея живыя проявленія въ ботаникѣ, въ музыкѣ, въ оптикѣ, въ архитектурѣ. Какой шагъ впередъ, сначала мало-подозрѣваемый, дѣлаютъ циф-

ры, анатомія, астрономія, зодчество, когда соединясь съ нашимъ понятіемъ и волею, онѣ водворяются въ нашу жизнь и входятъ въ составъ разговоровъ, обычаевъ, законоположеній!

Такъ, сидя у своего камина, мы обозрѣваемъ земные полюсы, тропики, или что̀ угодно. Эта *почти*—вездѣсущность вознаграждаетъ насъ за пошлость обыденнаго быта. Когда намъ выпадаютъ на часть такіе божественные дни, что кажется будто небо и земля сходятся и взаимно украшаютъ другъ друга, намъ жаль исчерпать ихъ за одинъ разъ: мы желали-бы имѣть тысячу головъ и тысячу тѣлъ, чтобы въ разныхъ мѣстахъ и на различный ладъ восхвалять ихъ безпредѣльную красоту. Мечта-ли это? — Нѣтъ, мы по истинѣ удесятерены, усотерены нашими ближними. И ка̀къ легко заимствуемъ мы ихъ труды! Каждый корабль, идущій въ Америку, воспользовался картою отъ Колумба. Всякая повѣсть одолжена своимъ бытіемъ Гомеру. Плотникъ, стругающій рубанкомъ, распоряжается творческою мыслью его забытаго изобрѣтателя. Вся наша жизнь опоясана зодіакомъ знаній, посильною данью людей, погибшихъ для того, чтобы присовокупить свою точку свѣта къ нашему небосклону. Технологъ, торговецъ, законовѣдъ, медикъ, моралистъ, богословъ, вообще всякій, имѣющій какое-либо познаніе, чертитъ карту и опредѣляетъ широту и долготу нашего положенія: того что̀ намъ возможно и доступно. Пролагая пути въ разныя стороны, они обогащаютъ насъ. Мы обязаны распространять поприще жизни и размножать наши сношенія. Мы гораздо бо-

лѣе выиграемъ, открывъ новое свойство чего-бы то ни было на нашей старой землѣ, нежели усмотрѣвъ новую планету.

Мы слишкомъ пассивно принимаемъ эти матеріальныя или полуматеріальныя подмоги. Какъ будто мы только мѣшки, да желудки! Дѣятельность должна быть прилипчива. Сочувствіе лучше всего способствуетъ подняться ступенью повыше. Бесѣдуя съ человѣкомъ сильнаго ума, мы пріобрѣтаемъ навыкъ видѣть предметы въ томъ-же свѣтѣ, и во многихъ случаяхъ предугадываемъ его мысли. Наполеонъ сказалъ: „Не деритесь все съ однимъ непріятелемъ: вы передадитс ему все ваше военное искусство".

Наши умственныя наслажденія часто обращаются, однако, въ идолопоклонство къ ихъ виновнику. Примѣры такого порабощенія встрѣчаются особенно тогда, когда человѣкъ обширнаго ума, вооружась полновластнымъ методомъ, дѣлается наставникомъ людей. Вспомните о господствѣ Аристотеля, Птоломеевой астрономіи; о вліяніи Лютера, Бэкона, Локка и всѣхъ сектъ, назвавшихся по имени своихъ основателей. — Увы! каждый изъ насъ болѣе или менѣе становится такою жертвою. Людская глупость всегда располагаетъ власть къ заносчивости. Съ какимъ наслажденіемъ пошлый талантъ любитъ ослѣплять и ставить въ тупикъ своихъ зрителей! Но истинный геній чуждъ всякаго властолюбія; онъ, напротивъ, освободитель и знатокъ всего, чему нужно придать толкъ и смыслъ. Мудрецъ придетъ, напримѣръ, въ нашу деревушку; онъ тотчасъ-же возбудитъ въ своихъ собесѣдникахъ новое по-

нятіе объ улучшеніи ихъ быта, открывъ имъ глаза на незамѣченныя отрасли промышленности. Онъ упрочитъ въ нихъ чувство неприкосновеннаго равенства, успокоитъ ихъ насчетъ возможности злоупотребленій, если каждый будетъ чтить предѣлы и обезпеченіе своего положенія. Богатый увидитъ ложность и скудость своихъ средствъ, а бѣдный — возможность избѣжать недочетовъ и достичь благосостоянія.

Городъ, секта, политическія партіи, еще скорѣе чѣмъ обаяніе односторонней идеи или системы, подчиняютъ себѣ и приводятъ подъ одинъ уровень всѣхъ своихъ членовъ. Глядя туда, куда глядятъ другіе и занимаясь одними и тѣми-же предметами, мы легко подпадаемъ обмороченію, которое отуманило ихъ. Нужно притомъ замѣтить, что мнѣнія текущаго времени носятся, такъ сказать, въ воздухѣ и заражаютъ самое наше дыханіе. Часто одни и тѣ-же пороки и безумства овладѣваютъ цѣлымъ народомъ и цѣлою эпохою. Люди еще болѣе походятъ на своихъ современниковъ, нежели на своихъ предшественниковъ. Изберите любую, но высокую точку зрѣнія, и нашъ Нью-Йоркъ, и тамошній Лондонъ, и вся западная цивилизація покажется вамъ сплетеніемъ безумствъ. Мы держимъ другъ друга на-сторожѣ и разъяряемъ нашимъ соревнованіемъ свирѣпость той или другой эпохи. Носить броню противъ угрызеній совѣсти, вошло въ универсальное употребленіе нашего времени. Кромѣ того, нѣтъ ничего легче какъ сдѣлаться такими-же добрыми и мудрыми какъ наши товарищи. Отъ нихъ мы научаемся тому, что̀ знаютъ они, безъ всякихъ

усилій, вбирая—можно сказать—это знаніе пòрами нашей кожи. За то, мы и останавливаемся тамъ, гдѣ стоятъ они, и врядъ-ли сдѣлаемъ шагъ впередъ.

Великіе люди или тѣ, кто остаются вѣрны природѣ и переступаютъ моду и обычай, изъ любви къ всеміряымъ идеямъ — вотъ наши избавители отъ коллективныхъ заблужденій; наши защитники отъ современниковъ. Они-то и составляютъ исключеніе, необходимое для насъ тогда, когда все покоится подъ однимъ уровнемъ. Величіе, появляющееся предъ нами извнѣ, издалека, есть противоядіе отъ такой порчи и кабалы.

Ихъ геній служитъ намъ питаніемъ, освѣженіемъ отъ чрезмѣрнаго освоенія съ нашею ровнею, и мы, съ глубокимъ душевнымъ ликованіемъ, устремляемся по направленію, которое онъ указываетъ намъ.—Одинъ великій человѣкъ—чтò за возмездіе за сотни тысячъ пигмеевъ!

Люди помогаютъ намъ или даромъ своего ума, или даромъ своихъ чувствъ; эта помощь дѣйствительная. Во всякой другой проглядываетъ обманчивая наружность. Если вы изволите снабжать меня хлѣбомъ и топливомъ, я скоро замѣчу, что выплачиваю за нихъ сполна, и между тѣмъ, остаюсь такимъ какъ и былъ: ни хуже ни лучше; всякая-же умственная и нравственная сила производитъ положительное добро. Она исходитъ изъ васъ, преднамѣренно или неумышленно и приноситъ пользу мнѣ, о которомъ вы никогда и не помышляли. Мы естественно соревнуемъ всему, чтò можетъ свершить человѣкъ. Я, напримѣръ, не могу даже слышать объ отличномъ качествѣ кого-бы то ни

было, о власти его надъ собою, объ энергіи при исполненіи долга, и не одушевиться живительною рѣшимостью. Таково нравоученіе біографій; впрочемъ, не слѣдуетъ разбирать по ниточкѣ людей умершихъ и невѣковѣчнаго имени, будто своего ежедневнаго товарища.

И нѣтъ такого уединенія, гдѣ-бы мы не находили тѣхъ, которые укрѣпляютъ наши природныя способности и поощряютъ насъ дивными способами. Въ любви есть могущество сдѣлать судьбу другаго богоподобною; самъ собою онъ не достигъ-бы этого, но ея героическія одобренія поддерживаютъ его на высотѣ всѣхъ предпринятыхъ подвиговъ!—Въ чемъ состоитъ величайшая заслуга дружбы?—въ ея непостижимой проницательности и во влеченіи къ тѣмъ хорошимъ качествамъ, которыя находятся въ насъ. И такъ, не будемъ думать низко о себѣ, ни о другихъ, ни о жизни. Возбудимъ въ себѣ чувство чести, предположивъ себѣ ту или другую добрую цѣль, и мы перестанемъ краснѣть, смотря на канавщиковъ желѣзныхъ дорогъ.

Велико удовольствіе и велика выгода обозрѣвать умственныя богатства всѣхъ родовъ: чудеса памяти, математическихъ соображеній, глубокую сосредоточенность отвлеченнаго мышленія, даже игривую и поверхностную измѣнчивость остроумія и вымысла. Всѣ эти дѣйствія обнаруживаютъ намъ невидимые органы и способности нашего духа, которые членъ къ члену соотвѣтствуютъ частямъ нашего тѣла. Мы ходимъ-же въ школы гимнастики и плаванія, любоваться крѣпостью и красотою тѣла. Но здѣсь, мы вступаемъ въ новую гимнастическую школу и научаем-

ся распознавать людей по самымъ истиннымъ примѣтамъ, указаннымъ Платономъ: „отличать тѣхъ, которые безъ „помощи зрѣнія и всѣхъ прочихъ внѣшнихъ чувствъ, „стремятся къ истинѣ и къ бытію".

На челѣ этихъ дѣятельныхъ силъ стоятъ чары, восхищенія и оживотворенія, производимыя воображеніемъ. При его возбужденіи, могущество человѣка возрастаетъ во сто, въ тысячу кратъ. Оно одаряетъ насъ восхитительнымъ постиженіемъ безпредѣльнаго величія и одушевляетъ привычною отвагою помысловъ. Мы дѣлаемся эластичны какъ пороховой газъ: одна строка въ книгѣ, одно слово въ разговорѣ, и наша фантазія окрылилась. Въ одно мгновеніе,мы упираемся головою въ млечный путь и скользимъ ногами по безднамъ преисподней. Такая прибыль положительна, потому что этотъ просторъ есть наше назначеніе и, разъ переступивъ тѣсныя наши границы, мы уже никогда въ жизни не сдѣлаемся прежними жалкими педантами.

О, какъ восхвалить ни съ чѣмъ несравнимую благотворность возвышенной идеи! Чѣмъ и какъ воздать за заслуги тѣхъ, кто вноситъ нравственную истину въ общее достояніе человѣчества!—Во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ, я мучусь тарифомъ оцѣнки. Я работаю, напримѣръ, въ моемъ саду, подчищаю плодовыя деревья: мнѣ весело, и я готовъ безконечно продлить мое занятіе. Но вдругъ я вспоминаю, что день прошелъ, и я извлекъ изъ него одно это пріятное бездѣліе. Я скачу въ Бостонъ или въ Нью-Йоркъ, бѣгаю туда и сюда по дѣламъ; онѣ окончены,—

съ тѣмъ вмѣстѣ кончился и день. Мнѣ досадно думать о цѣнѣ, заплаченной за пустяшную выгоду. Мнѣ приходитъ на память сказка про *Ослиную кожу*: желаніе того, кто садился на нее, сбывалось, но и кожа убавлялась съ каждымъ исполненіемъ желанія.... Иду на совѣщаніе филантроповъ,—дѣлаю все что угодно—и никакъ не могу отвести глазъ отъ часовъ! Но если вдругъ повстрѣчается мнѣ въ этомъ обществѣ добрая душа, мало-смыслящая въ партіяхъ и въ лицахъ, и что̀ такое Куба, что̀ въ Каролинѣ.... но она вдругъ заговоритъ о законѣ, правящемъ этими частностями, удостовѣряетъ меня въ его непогрѣшительности, которая перехитряетъ всякаго плута, подрываетъ расчеты каждаго себялюбца и доказываетъ мнѣ, что я вполнѣ независимъ отъ условій мѣста, времени, отъ самого моего тѣла, — такой человѣкъ мой освободитель. Я забываю о часахъ. Я изъятъ отъ тягостныхъ отношеній къ людямъ. Раны, нанесенныя ими, заживаютъ.—Постигнувъ, что я обладаю нетлѣнными благами, я становлюсь безсмертенъ. Вотъ — великое поприще для состязанія и богатаго и бѣднаго! Мы живемъ на рынкѣ, на который отпущено столько-то пшеницы, шерсти, земли: чѣмъ больше захвачу я ихъ для себя, тѣмъ меньше достанется другимъ, и мнѣ какъ-будто не дается добро безъ нарушенія общаго порядка. Никто не веселится веселіемъ другаго. Всѣ наши системы похожи на войну или на оскорбительныя привилегіи. Каждому ребенку саксонскаго племени прививаютъ желаніе сдѣлаться первымъ. Такова наша система, и человѣку приходится измѣрять свое величіе по

зависти, проклятіямъ, ненависти соперниковъ. — На этомъ-же новомъ поприщѣ довольно простора: на немъ нѣтъ самохвальства, нѣтъ исключительности.

Я поклоняюсь великимъ людямъ всякаго разбора, стоятъ-ли они за факты или за идеи. Мнѣ любъ и жесткій и мягкій: и „*Бичи Божіи* и *Утѣхи человѣческаго рода*“. Мнѣ любъ и первый Кесарь, и Карлъ V, и шведскій Карлъ XII, и Ричардъ Плантагенетъ, и Наполеонъ во Франціи. Я рукоплещу всякому дѣльному человѣку, кто подъ ростъ своей должности: воинъ-ли онъ, министръ, сенаторъ. Мнѣ любъ властелинъ, твердо стоящій на своихъ ногахъ, — высокородный, роскошный, прекрасный, краснорѣчивый, полный достоинства, обворожающій всѣхъ и дѣлающій ихъ данниками и подпорою своего могущества. Мечъ, жезлъ, или дарованія, подобныя мечу и жезлу, несутъ на себѣ тяготы міра сего. Но выше ихъ и выше всѣхъ героевъ ставлю я того, кто, отвергаясь самого себя и не обращая вниманія на личности, вноситъ въ область нашего разума неотразимую, всепроникающую, высшую силу мысли, уничтожающую всякій индивидуализмъ. Эта сила неизмѣрима; предъ нею властелинъ — ничто. Такой человѣкъ монархъ, — законодатель своихъ подданныхъ; — онъ архипастырь, проповѣдующій равенство душъ и освобождающій своихъ служителей отъ варварской подчиненности; — онъ государь, водворяющій благоденствіе въ своемъ государствѣ.

Великіе люди очищаютъ наше зрѣніе отъ себялюбія и дѣлаютъ насъ способными обсуждать другихъ людей и

ихъ дѣйствія. Но, *великіе люди*:—слово оскорбительное, и мыслящій юноша ропщетъ на неравенство природы. Идея освящаетъ тѣхъ немногихъ, имѣющихъ сознаніе, убѣжденіе, любовь, самоотверженіе. Съ ними свята и война и смерть.—А бѣдняки, ихъ наемники, убиваемые на этихъ войнахъ?—Да! дешевизна человѣка—ежедневная трагедія. Существенно одинакова утрата: низки-ли другіе, низокъ-ли самъ, потому что сообщество людей необходимо.

Но бояться чрезмѣрнаго вліянія достойныхъ — непростительно. Нѣтъ, допустимъ болѣе великодушную довѣренность. Будемъ служить великому, не опасаясь униженія, не пренебрегая ни малѣйшею услугою, оказанною ему. Сдѣлаемся членами его тѣла, дыханіемъ его устъ, отрѣшимся отъ самолюбія. Чтó заботиться объ немъ, если съ каждымъ днемъ становишься выше и благороднѣе? Прочь съ ней, съ презрительною дерзостью какого-нибудь Босвелля! Благоговѣніе гораздо возвышеннѣе жалкой гордости, которая все держитъ себя за подолъ. Отрѣшись отъ себя, иди вслѣдъ за другимъ: въ отношеніи души — за Христомъ; въ философіи — за Платономъ; въ поэзіи — за Шекспиромъ; въ естествознаніи — за Декартомъ. Избранное стремленіе не остановится, и самыя силы твоей инерціи, опасенія, любви не задержатъ тебя на пути. Впередъ, и всегда и вѣчно — впередъ!

Впрочемъ, земной нашъ шаръ знакомитъ насъ съ своими уставами и свойствами не по однимъ героямъ и архангеламъ, но и по болтунамъ и по кумушкамъ. Мнѣ хочется при этомъ опредѣлить два-три условія, которыми

природа ограждаетъ неприкосновенность индивидуумовъ въ мірѣ, гдѣ каждая особь домогается расти, тучнѣть, перерасти, распространиться до края вселенной и предписать законъ своего бытія всѣмъ прочимъ существамъ; въ мірѣ, гдѣ благодѣтель такъ легко становится злодѣятелемъ, уже потому одному, что продолжаетъ свою дѣятельность тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. И во-первыхъ, худа развѣ выдумка природы надѣлить каждое свое созданіе инерціею, нужною для его самоохраненія; инерціею, которая противится энергически и даже гнѣвается, если хотятъ ее разбить или измѣнить? Независимо отъ умственной силы, въ каждомъ есть гордость своего мнѣнія и увѣренность, что онъ правъ. Нѣтъ такой безсмысленной модницы, нѣтъ такого пустѣйшаго дурня, которые-бы не употребляли искорки оставшихся въ нихъ способностей и понятій, чтȯбы насмѣхаться и торжествовать въ своемъ собственномъ мнѣніи надъ нелѣпостью прочаго міра. Различіе со мною — вотъ и мѣрило нелѣпости. Никто и не подозрѣваетъ, что ошибается. Великолѣпна мысль слѣпить всѣ безсвязности этимъ асфальтомъ, самымъ твердымъ изъ цементовъ! — Во-вторыхъ, природа не скупится на опіумъ и на непенѳъ (трава забвенія), и гдѣ только попортитъ она свое созданіе безобразіемъ или недостаткомъ, тамъ и наложитъ маку на ссадину; и недужный весело пойдетъ чрезъ жизнь, не заподозривая своей хворости и не обращая на нея вниманія, хотя-бы весь міръ указывалъ на нее пальцемъ. Самые негодные и задорные члены общества, чье существованіе есть общественная язва, непремѣнно считаютъ себя самыми

оскорбленными людьми и всегда жалуются на современников. Наконецъ, чѣмъ объяснить препятствія къ сближенію между нами и превосходными личностями, которыя издали такъ привлекательны, что все-бы готовъ имъ отдать? Можно дойти иногда до убѣжденія, что свои самыя лучшія открытія и прозрѣнія, человѣкъ открываетъ и прозрѣваетъ для самого себя. Онѣ кажутся несущественными для его окружающихъ: онъ одинъ долженъ осуществлять ихъ. Какъ будто Божество облекаетъ каждую душу, посылаемую имъ въ природу, нѣкоторыми качествами и силами, которыхъ нельзя передать другимъ и, отправляя ее свершить свое теченіе въ кругу существъ, начертываетъ на этихъ облаченіяхъ души: „*Безъ передачи, и годно на одинъ сегодняшній поѣздъ*". Да, есть что-то разочаровывающее въ близкомъ сообщеніи душъ. Границы невидимы, но ихъ не переступаешь никогда. Съ одной стороны — столько доброй воли научить, съ другой — столько готовности воспринять, что обѣ грозятъ слиться во-едино. Но законъ индивидуальности собираетъ свои затаенныя силы: *вы* остаетесь *вы*, а *я* остаюсь *я*.

Истинное усовершенствованіе возможно лишь при убѣжденіи, что всякое дарованіе достигнетъ гдѣ-либо своей апоѳеозы. Небо представляетъ одинаковую цѣль каждому созданію человѣческому. И каждому тяжело и неловко, пока онъ не отразитъ своего собственнаго, лично ему свойственнаго луча подъ небосклономъ небесной тверди, и не увидитъ своего дарованія въ окончательномъ благородствѣ и величіи.

Жизнь есть лѣстница постепенностей. Между достоинствомъ одного великаго человѣка и другаго, промежутки велики. Герои текущаго часа — велики относительно: они скороспѣлки; или такіе, въ которыхъ созрѣло качество, потребное на извѣстный успѣхъ. Въ другіе дни будетъ запросъ на другія качества. Но во всѣ вѣка, человѣчество прилѣплялось къ немногимъ лицамъ, которыя, или по возвышенности и обширности идей въ нихъ воплощенныхъ, или по величію своей воспріимчивости имѣли право на санъ вождей и законодателей. Такіе люди знакомятъ насъ съ первобытными свойствами природы, — они обращаютъ насъ назадъ къ сущности вещей. День за день носимся мы по волнамъ призрачности и тѣшимся воздушными зàмками, которыми обольщены всѣ люди вокругъ насъ. Но жизнь — это искренность, и въ минуты просвѣтлѣнія, мы говоримъ себѣ: „Пора найти доступъ къ существенно„сти: довольно поносилъ я дурацкій колпакъ!“ Нашъ разумъ сбили съ толку, но были люди здравые, вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ наслаждавшіеся существованіемъ. То что̀ они знали, знали они для насъ. Съ каждою новою душою просвѣчиваетъ новая тайна природы, и не закроется Книга Завѣта, пока не родится послѣдній великій человѣкъ. Такіе люди обуздываютъ разгулъ животныхъ силъ, дѣлаютъ насъ осмотрительными и зовутъ къ новымъ цѣлямъ и къ новымъ способамъ развитія. Благоговѣніе потомства ставитъ ихъ на самыя высокія мѣста. Доказательствомъ тому — статуи, картины, жизнеописа-

нія, напоминающія о ихъ геніи въ каждомъ городѣ, деревнѣ, домѣ, кораблѣ.

Изъ нашихъ изъисканій добывается одинъ благодѣтельный фактъ; тотъ, что человѣчество избираетъ предметы своего поклоненія все выше и выше. Но изъ всей группы самыхъ знаменитыхъ людей ни одинъ не олицетворяетъ собою той полноты разума, просвѣщенія или той сути, которую всѣ мы ожидаемъ; каждый изъ нихъ, есть только въ нѣкоторой степени предъявленіе новыхъ возможностей. О, если-бы, когда-нибудь, отлилась въ цѣлости гигантская фигура, которую составляютъ всѣ эти рельефныя точки! — Изученіе многихъ личностей приводитъ насъ къ той первообразной сферѣ, гдѣ личности исчезаютъ, или гдѣ всѣ онѣ соприкасаются своими вершинами. Новыя нетлѣнныя свойства мысли и чувства, которыя изливаются денно и нощно изъ того родника, не могутъ быть замкнуты никакимъ предѣломъ личности. Тогда становится намъ понятно, какъ тѣсенъ союзъ между всѣми душами: что постигла одна, не можетъ быть утаено отъ другой: малѣйшее личное пріобрѣтеніе истины и доблести, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, присовокупляетъ долю добра въ общину нашего духа. Когда прекращается разладъ дарованія съ положеніемъ, когда созерцаешь личность во всей долготѣ временъ, необходимой для свершенія поприща каждаго изъ насъ; тогда съ неимовѣрною быстротою исчезаетъ и кажущаяся несправедливость. Мы возносимся помысломъ до центральнаго тождества всѣхъ личностей и познаемъ,

что онѣ созданія Естества, которое и распредѣляетъ и совершаетъ.

Геній всего человѣчества, вотъ настоящая точка зрѣнія для исторіи. Свойства пребываютъ; люди, обнаруживающіе ихъ то много, то мало, преходятъ, но свойства почіютъ на другомъ челѣ. Этотъ фактъ подтверждается на каждомъ шагу. Когда-то водились фениксы; ихъ не стало, но міръ не утратилъ отъ того своей волшебной силы. Амфоры, на которыхъ вы распознаете священныя эмблемы, съ теченіемъ времени употребляются, какъ простые глиняные сосуды; но смыслъ этихъ изображеній священенъ, вы можете еще прочесть ихъ значеніе: оно перенесено на стѣны мірозданія! Такъ, нѣкоторое время, служатъ намъ своею личностью тѣ и другіе наставники, какъ вехи и верстовые столбы, обозначающіе путь нашъ впередъ. Нѣкогда, они считались исполинами знанія и, казалось, будто упирались въ самое небо. Мы подошли ближе, разсмотрѣли ихъ способности, образованность, границы — и они уступили мѣсто другимъ геніямъ. Еще счастливы мы, если намъ останется хоть нѣсколько именъ, стоящихъ такъ высоко, что намъ никакъ не разобрать ихъ вблизи, и что ни вѣка, ни сравненія не лишили ихъ лучезарности. Но напослѣдокъ, мы все-таки должны перестать искать въ человѣкѣ законченной полноты, а удовольствоваться ввѣреннымъ ему общеполезнымъ качествомъ. Все, касающееся до индивидуума, временно; все многообѣтно только въ будущемъ, какъ временен и самъ индивидуумъ, восходящій изъ своихъ узкихъ предѣловъ во вселенское бытіе. Никогда не

поймемъ мы главной благотворности какого-бы то ни было генія, если будемъ смотрѣть на него какъ на силу первобытную. Но лишь только перестаетъ онъ вспомоществовать намъ, какъ причина, его вліяніе становится сильнѣе, какъ дѣйствіе. Тогда является онъ намъ провозвѣстникомъ высшаго разума, высшей мудрости, — и тусклая личность дѣлается прозрачною отъ просвѣта Верховной Причины.

Не выходя, однако, изъ предѣловъ назначенія и развитія человѣческаго, мы можемъ сказать, что великіе люди существуютъ для того, чтобъ жили люди, еще выше ихъ. Удѣлъ органической природы — улучшеніе, и кто опредѣлитъ границы ея усовершенствованію? Человѣкъ призванъ, человѣкъ обязанъ обуздывать хаосъ; — онъ долженъ, въ продолженіе своей жизни, разсѣвать во всѣ стороны сѣмена познаній и сѣмена поэзіи, дабы и климатъ, и растенія, и животныя и люди улучшались, — и да размножаются всходы любви и благотворенія.

II.

Платонъ или философъ.

Въ числѣ книгъ, однѣ творенія Платона заслуживаютъ фанатическую похвалу, сказанную Омаромъ про коранъ: „*Сожгите библіотеки: въ этой книгѣ все что есть въ нихъ цѣннаго*“. Творенія Платона заключаютъ въ себѣ образованность народовъ; онѣ краеугольный камень философскихъ школъ, главный родникъ литературъ. Онѣ — основныя начала логики, науки счисленія, изящныхъ искусствъ, симетріи, поэзіи, языкознанія, риторики, онтологіи, морали или практической мудрости. Нигдѣ и ни въ комъ не проявилась такая ширь и высота умозрѣнія. Все что писали, все что обсуждали люди мыслящіе, все идетъ отъ Платона. Онъ страшный разрушитель послѣдующихъ оригинальностей. Дойдя до него, мы достигаемъ горы, отъ которой отдѣлились всѣ вокругъ разметанныя скалы. Платонъ — это философія; а философія — Платонъ. Онъ слава и вмѣстѣ укоръ человѣчеству, потому что ни одной изъ европейскихъ расъ не удалось прибавить ни одной идеи къ его категоріямъ.

Безбрачный, бездѣтный, онъ имѣетъ потомками всѣхъ

мыслителей изъ всѣхъ образованныхъ народовъ, и каждый изъ нихъ проникнутъ его духомъ. Сколько великихъ людей вызвала природа къ бытію, чтобъ быть его *собственниками* — платонистами! Боэцій, Эрасмъ, Джіордано Бруно, Локкъ, Кольриджъ, Руссо, Альфіери, болѣе или менѣе были его чтецами, передававшими, подъ лоскомъ своего остроумія, его превосходныя мысли. Александрійцы, это созвѣздіе геніевъ — платонисты. Замѣчательные люди временъ Елисаветы англійской — платонисты. Даже умы выспренніе, каковы Блаженный Августинъ, Коперникъ, Ньютонъ, Якобъ Бёме, Сведенборгъ, Гёте, нѣсколько падаютъ въ цѣнѣ отъ того, что имѣли — скажу-ли, — несчастіе? родиться послѣ этого неистощимаго всемірнаго обобщителя: и они его должники, и они принуждены идти по его слѣдамъ.

Объ Еленѣ Аргосской разсказываютъ, будто она была такая всесвѣтная красавица, что всѣмъ казалась соплеменницею и сродственницею. Таковъ и Платонъ. Читаетъ-ли его англичанинъ, германецъ, американецъ, италіянецъ, — каждый готовъ принять его за соотечественника. Его обширная человѣчность переступаетъ всѣ границы, дѣлящія людей по націямъ.

Странно! отъискавъ человѣка, превышающаго цѣлою головою всѣхъ современниковъ, мы тотчасъ впадаемъ въ сомнѣніе: всѣ-ли его творенія дѣйствительно принадлежатъ ему? — Такъ, съ Гомеромъ, съ Платономъ, съ Рафаэлемъ, съ Шекспиромъ. Эти люди магнетизируютъ своихъ современниковъ до того, что близкіе имъ производятъ

ради нихъ то, чего никогда не могли-бы сдѣлать ради самихъ себя. Великій человѣкъ, вслѣдствіе этого, живетъ; такъ сказать, во многихъ тѣлахъ: пишетъ, рисуетъ, дѣйствуетъ многими руками, и по прошествіи нѣкотораго времени, трудно бываетъ распознать, какое твореніе неподложно принадлежитъ мастеру, и какое только его школѣ?

Восхваляя Платона, можетъ быть, мы хвалимъ цитаты изъ Соломона, Софронія, Филолая, въ особенности-же, учителя его Сократа. Что-жъ! каждая книга есть извлеченіе изъ многихъ книгъ, какъ каждый домъ есть извлеченіе изъ каменоломенъ, лѣсовъ, рудокопенъ. Великій человѣкъ, Платонъ, совмѣстилъ въ себѣ всѣ искусства, всѣ науки, все знаніе своего времени, и сознавъ себя способнымъ къ еще обширнѣйшему синтезису — безъ примѣра ни прежде ни послѣ —отправился въ Италію,—для обогащенія себя тѣмъ, что̀ добыли и подготовили для него пиѳагорейцы; потомъ—въ Египетъ и, вѣроятно, еще далѣе, на востокъ, чтобы внести въ европейскій духъ новые элементы, въ которыхъ такъ нуждалась Европа. Такой обширный кругозоръ даетъ ему право быть Представителемъ Философіи. Онъ самъ сказалъ въ своей *Республикѣ:* „Геній, какой философы должны имѣть, дается рѣдко, во всѣхъ своихъ условіяхъ, одному человѣку; но отдѣльныя его части нерѣдко проявляются въ отдѣльныхъ лицахъ“. — Кто хочетъ произвести что̀-либо хорошее, долженъ вообще принматься за это по побужденіямъ высшимъ. Философъ долженъ быть болѣе чѣмъ философъ. Платонъ облеченъ притомъ властью поэта и стоитъ, какъ поэтъ, на самомъ

высокомъ мѣстѣ; хоть я не думаю, чтобы онъ обладалъ рѣшительнымъ даромъ лиризма, и потому уже не можетъ назваться поэтомъ, что употребилъ свое поэтическое дарованіе, не на прямую, а на дальнѣйшую цѣль.

Біографія величайшихъ геніевъ короче всякой другой. Объ нихъ не разскажутъ вамъ ничего ихъ двоюродные братцы. — Геніи живутъ въ своихъ твореніяхъ; домашняя-же или уличная ихъ жизнь проста и чрезвычайно-обыкновенна. Хотите-ли узнать что-нибудь о ихъ наклонностяхъ и темпераментѣ?—самые пламенные приверженцы изъ ихъ читателей, весьма и весьма походятъ на нихъ. Въ особенности, Платонъ не имѣетъ никакой внѣшней біографіи. Любилъ-ли онъ?—былъ-ли женатъ?—имѣлъ-ли дѣтей?—Ничего не извѣстно. Все это зарисовано имъ какъ полотно картины. Хорошій каминъ выжигаетъ свой дымъ и чадъ, такъ и философъ обращаетъ цѣнность всего своего достоянія на духовное усовершенствованіе.

Платонъ родился въ 430 г. до Р. Х., около эпохи смерти Перикла; онъ принадлежалъ къ патриціямъ своего времени и города. Сначала, онъ имѣлъ наклонность къ военному поприщу, но на двадцатомъ году, по совѣту Сократа, отложилъ воинственные замыслы, и въ продолженіе десяти лѣтъ, до самой смерти Сократа, оставался его ученикомъ. Послѣ того, онъ отправился въ Мегару, и по приглашенію Діона и Діонисія, три раза посѣщалъ дворъ этихъ сицилійскихъ владыкъ, не смотря на ихъ причудливое обхожденіе. Онъ совершилъ путешествіе по Италіи, потомъ по Египту, гдѣ оставался долго, какъ говорятъ:—

отъ трехъ до тринадцати лѣтъ. Заходилъ-ли онъ далѣе, въ Вавилонію?—это не дознано. Возвратясь въ Аѳины, онъ училъ въ академіи тѣхъ, кого привлекала къ нему слава, и по дошедшей до насъ молвѣ, умеръ за своими письменными занятіями, на восемдесятъ-первомъ году.

Вся біографія Платона — внутренняя. Но мы имѣемъ вѣрныя данныя на счетъ выспренняго превосходства этого человѣка въ умственной исторіи нашего рода:—замѣтьте, что по мѣрѣ своего развитія, всѣ просвѣщенные люди становятся его учениками. Какъ священный завѣтъ евреевъ внѣдрился въ обыденную жизнь и въ семейный бытъ каждаго мужчины и каждой женщины въ Европѣ и въ Америкѣ, такъ творенія Платона предлежали и въ школахъ философіи, и предъ Отцами и Учителями Церкви, и предъ любителемъ мышленія, и предъ каждымъ поэтомъ: — на нѣкоторой высотѣ мысли, нельзя обойтись безъ его содѣйствія. Онъ сталъ между истиною и умомъ каждаго человѣка, и можно сказать, наложилъ на самый способъ выраженія и на первоначальную форму мышленія—свое имя и свой штемпель. Читая его, я пораженъ удивительною современностью его слога и духа. Въ немъ зародышъ всего, что̀ выработала такъ хорошо-извѣстная намъ Европа, въ продолженіе своей длинной исторической жизни. Всѣ ея главныя черты легко можно распознать въ геніи Платона, -- и ни въ комъ до него. Постоянная современность служитъ мѣриломъ достоинства всякаго произведенія искусства: она свидѣтельствуетъ, что творецъ его не былъ жалко увлеченъ скоротечными и мѣстными условіями, но держался

за суть и за характеристику непреходящую. Какимъ-же образомъ, Платонъ такъ воспроизвелъ собою Европу, и философію, и изящную словесность?—вотъ задача, которую намъ слѣдуетъ разрѣшить.

Это могло достаться въ удѣлъ только человѣку могучему, чистосердечному, всеобъемлющему;—человѣку, способному въ одно и то-же время чтить *идеалъ*, т. е. законы духа, и *фатумъ*, т. е. существующій порядокъ природы.

Первый періодъ и народа, и индивидуума есть періодъ безсознательныхъ силъ. Дѣти плачутъ, кричатъ, яростно топаютъ ногами отъ того, что не умѣютъ выразить своихъ желаній. Какъ только они научатся говорить и объяснять, что̀ имъ нужно, они становятся тихи. Ту-же самую безпомощность и несостоятельность, въ бо̀льшемъ размѣрѣ, ежедневно можно примѣтить въ эпоху развитія молоденькихъ мужчинъ и дѣвушекъ. Когда понятія еще сбивчивы, они говорятъ съ пыломъ, съ преувеличеніемъ;—завираются, ссорятся; рѣчь ихъ полна божбы, жесты — отчаянія. Но когда просвѣщеніе уяснитъ имъ предметы, и они увидятъ ихъ не въ массѣ, не въ громадѣ, а распредѣленными въ порядкѣ, они отвыкаютъ отъ слабодушнаго преувеличенія и выражаютъ свои мнѣнія съ послѣдовательностью.— „Ахъ, вы меня не знаете! Никто не понимаетъ меня!“ восклицаютъ они; — плачутъ, вздыхаютъ, пишутъ стихи и бродятъ одиноко. Чрезъ мѣсяцъ или два, по милости своего добраго генія, они встрѣтятъ того, кто ихъ пойметъ и облегчитъ это волканическое состояніе. Сообщеніе установляется: они дѣлаются порядочными людьми. Такъ

бываетъ всегда. Слѣпое броженіе постепенно уступаетъ мѣсто порядку, познанію, истинѣ.

Въ жизни каждаго народа есть также минута, когда, выступивъ изъ періода грубой животной юности, умозрительныя способности достигаютъ въ немъ своей зрѣлости, и между тѣмъ, еще не обратились къ микроскопическому дробленію. Въ такой моментъ, человѣкъ вытягивается во всю длину лѣстницы созданія; пятою онъ еще касается неизмѣримыхъ силъ мрака, глазами-же и головою ведетъ бесѣду съ солнцами и звѣздами. Это періодъ совершеннолѣтняго здоровія и высшей точки могущества.

Такова во всѣхъ отношеніяхъ исторія Европы, такова она и въ философіи. Самыя раннія ея лѣтописи, внесенныя выходцами изъ Азіи, проникнутыя бредомъ варваризма, по бо̀льшей части погибли. То была смѣсь самыхъ грубыхъ понятій о нравственности съ натуральною философіею, постепенно пересиливаемая частными воззрѣніями одинокого преподавателя.

До временъ Перикла появилось семь учителей мудрости, и мы получили основанія геометріи, метафизики, этики. Послѣ нихъ властвовали дѣлители (partialists) — производившіе начало всего существующаго, кто отъ воды, кто отъ воздуха, отъ огня и проч. Всѣ системы примѣшивали къ этимъ началамъ миѳологическія картинныя описанія. Наконецъ явился Платонъ — распредѣлитель. Ему не нужно ни варварскаго малеванія, ни штукатурокъ, ни возгласовъ: — онъ въ силахъ дать опредѣленіе. Онъ пре-

доставляетъ Азіи огромность и преувеличеніе;—съ нимъ выступаетъ отчетливость и постиженіе.

Философія есть опредѣленіе. Она есть отчетъ, который человѣческій разумъ отдаетъ себѣ о причинахъ и постановленіяхъ міроздания. Два первенствующіе факта необходимо служатъ здѣсь исходными точками: 1) *Единство или тождественность;* 2) *Многообразіе.* Мы подводимъ все созданное къ одному, усматривая придержащій его законъ—усматривая коренное сходство во всемъ, и поверхность несходства. Но каждый актъ мышленія, самое это усмотрѣніе тождественности или единства удостовѣряетъ въ различіи вещей. Есть *одно*, есть и *другое.* Невозможно ни говорить, ни думать, не включая обоихъ.

И такъ, умъ бываетъ сначала подстрекаемъ доискаться причины, производящей различныя дѣйствія; потомъ онъ отъискиваетъ причину этой причины и погружается все далѣе и далѣе, въ убѣжденіи, что дойдетъ наконецъ до причины абсолютной и самобытной, до одной, включающей все. *„Въ средѣ солнца — свѣтъ; въ средѣ свѣта — истина; въ средѣ истины — нетлѣнное бытіе“*, гласятъ Ведды.

Побуждаемый противоположными фактами, разумъ обращается отъ *одного* къ тому что̀ *не одно*, а состоитъ изъ другаго или многаго, то есть: — отъ причины къ послѣдствіямъ, и убѣждается въ существованіи разнообразности и въ самостоятельности обѣихъ, тѣсно зависящихъ одна отъ другой. Разлучить, но съ тѣмъ вмѣстѣ и примирить эти двѣ совокупно-слитыя стихіи, вотъ что̀ составляетъ

задачу мышленія. Ихъ существованіе обоюдно противодѣйствующее, обоюдно исключительное, такъ тѣсно совпадаетъ, однако, одно въ другое, что никакъ нельзя рѣшить гдѣ одно, и гдѣ его нѣтъ.

Во всѣхъ народахъ встрѣчаются умы, наклонные остановиться на постиженіи всезиждущаго Единаго. Въ восторгѣ молитвы, въ восхищенномъ благоговѣніи уничтожаешь свое существованіе въ Существѣ Единомъ. Такая наклонность нашла высшее свое выраженіе въ религіозныхъ писаніяхъ Востока, въ особенности въ Веддахъ Индіи, которыя не заключаютъ почти ничего другаго, кромѣ этой идеи, и касаются самыхъ чистыхъ, самыхъ возвышенныхъ струнъ на ея прославленіе.

Все Онъ, все Онъ; — врагъ и доброжелатель тождественны, и тождественность до того велика, что предъ нею ничего не значитъ разнообразіе и видоизмѣненіе формъ. „Ты способенъ, — говоритъ верховный Кришна одному мудрецу, — понять то, что вы не отдѣльны отъ меня. Я тò—что̀ ты. Таковъ и міръ съ его богами, героями и человѣческимъ родомъ. Люди усматриваютъ различіе отъ того, что они обезумлены невѣжествомъ. Въ словахъ Я и Мое заключается невѣжество“. — „Узнайте теперь отъ меня въ чемъ состоитъ великая цѣль всего.—Это душа, — одна во всѣхъ тѣлахъ, самобытная, совершенная, всепроникающая, превосходящая всю природу, неподвластная ни рожденію, ни возрасту, ни смерти;—вездѣсущая, содѣянная изъ истиннаго знанія, свободная, непричастная несущественности, т. е. названіямъ, родамъ, видамъ,—

во временахъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. Знаніе, что этотъ духъ, единый по существу, пребываетъ и самъ въ себѣ, и во всѣхъ другихъ тѣлахъ, — вотъ мудрость того, кто постигаетъ единство вещей. Какъ одна струя воздуха, проходя сквозь скважины флейты, различается по тонамъ гаммы, такъ едино естество Великаго Духа, хотя формы его разнообразны, ибо онѣ происходятъ отъ послѣдствій содѣяннаго. Уничтожится наружный образъ чего-бы то ни было, и всякое несходство прекращается". — „Весь міръ есть только проявленіе Вишну, который тождественъ всему, и долженъ быть познанъ мудрыми такъ, чтобы они не отличали его отъ себя, но считали его безразличнымъ съ собою. Я не ухожу, не прихожу, не пребываю на одномъ мѣстѣ: ты — не ты, другіе — не другіе, я — не я".

Это значитъ другими словами: „Все для души, а душа — Все; звѣзды и животныя — преходящая живопись; свѣтъ — бѣлый фонъ картины; время — призракъ, форма — тюрьма, и самая твердь небесная — марево.

Это значитъ, что душа жаждетъ разлиться бытіемъ, вознестись надъ формою, превыше Тартара, превыше небесъ: — она жаждетъ высвобожденія изъ природы.

Но если спекулятивное созерцаніе устремляется къ ужасающему, всепоглощающему единству, то дѣятельность, напротивъ, прямо отклоняется отъ него къ многообразію. Каждый ученый, по расположенію или по навыку примыкаетъ къ одному изъ этихъ двухъ кумировъ мышленія. Религіозное чувство указываетъ ему единство; разсудокъ

или внѣшнія чувства — многообразіе. Слишкомъ быстрое единеніе или чрезмѣрное пристрастіе къ частностямъ и къ дробленію, — двѣ единоутробныя опасности для спекулатизма.

Такимъ наклонностямъ соотвѣтствуетъ и исторія народовъ. Страна единства, неподвижныхъ учрежденій; родина философіи, съ наслажденіемъ теряющейся въ отвлеченностяхъ, и людей — по убѣжденію и по примѣненіямъ, — проникнутыхъ вѣрою въ идею глухаго, неумолимаго, нескончаемаго фатума, — есть Азія, осуществившая свои вѣрованія общественнымъ установленіемъ кастъ.

Съ другой стороны, геній Европы полонъ дѣятельности и творчества; ея образованность противится кастамъ; ея философія — поученіе, а не вѣрованіе; это страна изобрѣтеній, торговли, искусствъ, свободы. Европейская цивилизація состоитъ въ торжествѣ дарованій, въ расширеніи системъ; изощренное пониманіе, приспособленное знаніе, наслажденіе формами, наслажденіе видимою природою, все проявляется въ результатахъ удобопонятныхъ. — Периклъ, Аѳины, Грецiя жили и дѣйствовали въ этой средѣ, бодрые и веселые духомъ, еще не озабоченнымъ предвидѣніемъ вреда, происходящаго отъ всякаго излишества. Предъ ихъ глазами еще не было ни зловѣщей политической экономіи, ни роковаго Мальтуса, ни Лондона или Парижа. Они не помышляли о безжалостномъ подраздѣленіи народа; съ долею, опредѣленною ткачамъ, пряхамъ, угольщикамъ, шерстобитамъ, чулочникамъ, слугамъ; ни о нищетѣ Ирландіи; ни объ индійскихъ кастахъ, затрудняемыхъ

европейскимъ усиліемъ, ниспровергать ихъ.—Въ тѣ поры, разумъ былъ въ полномъ цвѣтѣ и крѣпости; искусства— великолѣпною новизною. Они рѣзали пентиликейскій мраморъ какъ снѣгъ, и геніяльныя произведенія зодчества и ваянія казались дѣломъ обыкновеннымъ, ничуть не болѣе мудренымъ постройки новаго корабля на Мидфортской верфи или новой мельницы въ Ловеллѣ. Да, въ тѣ поры, произведенія греческаго рѣзца считались дѣломъ обыкновеннымъ, дѣломъ въ порядкѣ вещей. — Римскіе легіоны, византійское законовѣдѣніе, англійская торговля, версальскіе салоны, парижскіе кафе, паровыя мельницы, паровыя суда, паровыя кареты виднѣлись въ далекой-далекой отъ нихъ перспективѣ, вмѣстѣ съ митингами каждаго городка, съ избирательными шарами, съ журналами и дешевыми изданіями.

Тѣмъ временемъ, Платонъ, въ Египтѣ и въ своихъ странствіяхъ по востоку, проникался идеею о единомъ Божествѣ, въ которомъ поглощается все и вся. Единеніе Азіи и дробленіе Европы; безконечность духа въ представленіи азіатскомъ, съ опредѣлительностью европейцевъ, съ ихъ требовательностью результатовъ, съ наклонностью посѣщать оперу и довольствоваться внѣшностью — вотъ что Платонъ явился примирить, сочетать, и своимъ прикосновеніемъ онъ возвысилъ энергію обѣихъ. Его умъ вмѣщалъ въ себѣ все, что было превосходнѣйшаго и въ Европѣ, и въ Азіи. Метафизикѣ и натуральной философіи, которыми выразила себя первая, онъ подвелъ основаніемъ религіозность второй.

Были или не были слышны голоса на небѣ, въ минуту его рожденія? — видѣла-ли во снѣ его мать, что ея ребенокъ сынъ Аполлона?—сѣлъ-ли рой пчелъ на его младенческія уста? — До этого намъ нѣтъ дѣла. Важно одно: родился человѣкъ, усмотрѣвшій обѣ стороны каждаго предмета. Дивное сочетаніе разнородностей, столь свойственное природѣ; тѣсное совокупленіе невозможностей, неразлучное со всемъ видимымъ; его реальная и идеальная сила, — было теперь преподано, во всей своей цѣлости, сознательному постиженію человѣка.

Если въ насъ нѣтъ вѣры въ души, достойныя всякаго удивленія, тому причиною недостатокъ нашей опытности. Онѣ такъ рѣдки при теперешнемъ образѣ жизни, что кажутся намъ невѣроятными; въ первобытныя-же времена, нетолько не было предубѣжденія противъ нихъ, но была весьма сильная увѣренность въ возможность ихъ появленія.

И явилась душа дивно-уравновѣшанная, которая однимъ взглядомъ обнимала всю сферу мысли и постоянно видѣла оба полюса: причины и слѣдствія. Въ рукахъ Платона два сосуда: одинъ съ эѳиромъ, другой съ красками, и всегда и непремѣнно, онъ почерпаетъ изъ обоихъ. Мысль силится доискаться единства въ единствѣ; поэзія-же, напротивъ, указываетъ на его разнообразныя проявленія, посредствомъ видимаго или символическаго. Это обладаніе обоими элементами объясняетъ могущество и обаяніе Платона.

Если онъ любилъ отвлеченныя истины, то вполнѣ

оправдалъ самъ себя, возвѣстивъ простѣйшее и общепонятное изъ всѣхъ началъ, возвѣстивъ абсолютное добро, правящее правителями и судящее судей. Возьмемъ примѣръ: — физико-философы начертали, каждый по своему, теорію мірозданія, — теорію атомовъ, огня, воды; теорію механическихъ и физическихъ силъ. Платонъ, отличный знатокъ математики, знатокъ естественныхъ законовъ и причинъ, чувствуетъ, что всѣ эти системы міра, основанныя на причинахъ второстепенныхъ, суть ничто иное какъ реэстръ, какъ опись. Слѣдственно, первымъ догматомъ при изученіи природы, ставитъ онъ: „Провозгла„симъ причину, подвигшую Верховнаго Распоряди„теля сотворить и устроить вселенную. Онъ благъ: — „благость несовмѣстна ни съ какимъ родомъ зависти. Не„причастный зависти, Онъ пожелалъ, чтобы все создан„ное, на сколько то извѣстно, было подобно Ему самому. „Тотъ, кто поученный людьми мудрыми, признаетъ эту „первенствующую причину исходомъ и основою сотворенія „міра, тотъ будетъ обладателемъ истины". — Все созда„но ради добра: оно причина всего что прекрасно". — Этотъ догматъ живитъ и служитъ олицетвореніемъ его философіи.

Характеристическое отличіе ума Платона — синтезисъ — обозначается во всѣхъ его способностяхъ. Разнообразіе умственныхъ даровъ, со всемъ ихъ превосходствомъ, легко сочетаются между собою въ живомъ человѣкѣ, но если взяться за ихъ описаніе, они покажутся несовмѣстимы. Даже китайскій каталогъ не исчислитъ всего, что заклю-

чалось въ умѣ Платона. Его можно только постигнуть, представивъ себѣ первобытный умъ въ полномъ упражненіи своихъ первобытныхъ силъ. Въ немъ самая свободная непринужденность и доступность соединены съ точностью геометра, а отважное воображеніе способствуетъ ему овладѣть съ наибольшею ясностью самыми неопровержимыми фактами. Его учтивость патриція, его врожденное изящество, оттѣненныя тончайшею ироніею, но колкою и меткою, придаютъ красоту здравомыслію и силѣ его краснорѣчія. Справедливо изрѣченіе древнихъ: „Если-бы Юпи„теръ сошелъ на землю, онъ сталъ-бы говорить языкомъ Платона“.

Рядомъ съ этимъ тономъ образованнаго царедворца, и въ виду прямой цѣли различныхъ его твореній, слышится чрезъ все ихъ содержаніе нѣкоторая важность, которая въ Федонѣ и въ Республикѣ возвышается до благоговѣнія. Платона обвиняли, будто онъ притворился больнымъ во время суда надъ Сократомъ. Но всѣ разсказы изъ того времени свидѣтельствуютъ, напротивъ, о мужественной защитѣ учителя предъ народомъ; въ этихъ разсказахъ упомянуто даже о яростномъ крикѣ сборища на Платона; и собственное его отвращеніе къ народному правленію, во многихъ мѣстахъ сочиненій, выражаетъ его личное, жгучее негодованіе. Прямодушный почитатель справедливости и чести, уже по самой своей природѣ, онъ былъ до того человѣколюбивъ, что по кроткой снисходительности, не хотѣлъ-бы лишить простолюдина и нѣкоторыхъ его невинныхъ суевѣрій. Прибавьте къ этому его вѣрованіе, что

даръ поэзіи, пророчества, высокаго провидѣнія проистекаютъ отъ умудренія, независимаго отъ человѣка, но что эти чудеса совершаются небеснымъ наитіемъ. Возсѣвъ на своего крылатаго коня, онъ проникаетъ чрезъ области мрака, посѣщаетъ міры, неприступные для плоти; видитъ страждущія души, внимаетъ приговору судей, налагающему на нихъ кару переселеній; — видитъ Судьбы, съ прялкой и ножницами, и слышитъ предопредѣленный шумъ ихъ веретенъ.

И между тѣмъ, осмотрительность никогда не покидаетъ его. Такъ и кажется, что онъ прочелъ надпись на вратахъ Вузирисова храма: „*Будь смѣлъ!*" — далѣе, на вторыхъ воротахъ: „*Будь смѣлъ, смѣлъ, всегда смѣлъ!*" но, остановясь предъ третьими вратами, имѣлъ время разобрать: „*Будь не слишкомъ смѣлъ!*" — до того превосходны его аттическая любовь мѣры, границы, и мастерство опредѣленій. Можно съ одинаковою безопасностью изучать логариѳмы, или слѣдить за возвышенными полетами Платона. Голова его свѣтла и тогда, когда молніи его воображенія извиваются въ самомъ небѣ. Процессъ его мышленія оконченъ, прежде чѣмъ онъ предложитъ его читателю; и между тѣмъ, онъ изобилуетъ чудесами искусника слова.

Съ какою умѣренностью и самообладаніемъ сдерживаетъ онъ свои перуны въ разгарѣ ихъ раскатовъ! Какъ добродушно далъ онъ и царедворцу и простому гражданину оружіе противъ философскихъ школъ: „Философія — „вещь очень пріятная, когда обходишься съ нею съ при-

„личною скромностью; но если сойдешься съ нею короче, „чѣмъ-бы слѣдовало, она портитъ человѣка". Конечно, могъ быть щедро великодушенъ тотъ, кто, установясь въ своемъ солнце-подобномъ средоточіи, и съ такимъ протяженіемъ зрѣнія, сохранялъ безоблачную вѣру. Ясны и точны его убѣжденія, ясна и точна его рѣчь. Онъ смѣется надъ сомнѣніемъ, онъ шутитъ съ нимъ; —рисуетъ, играетъ словами, и вдругъ раздается изрѣченіе, потрясающее землю и море: „Слѣдовательно, Калликсъ, я вполнѣ убѣжденъ на этотъ счетъ, и помышляю о томъ какъ представить предъ судію душу свою въ состояніи здравомъ, неповрежденномъ. Потому, пренебрегая почестями, которыми „цѣнитъ большинство людей, и устремляя глаза на истину, „я, дѣйствительно, долженъ стараться жить, сколь возможно добродѣтельно, и такимъ-же образомъ умереть, „когда настанетъ смерть моя. И всѣми силами, находящимися во мнѣ, зову я другихъ людей, зову и тебя, „Калликсъ, на эту борьбу, которая, вѣрь ты мнѣ, превышаетъ всѣ прочія здѣсь борьбы". Дивная важность такого убѣжденія прорывается не промежуточно, для подтвержденія или отрицанія толковъ бесѣды; нѣтъ, она льется потокомъ свѣта.

И заслуживаетъ большаго вѣроятія человѣкъ, который къ наилучшему образу мыслей присоединяетъ соразмѣрность и равенство всѣхъ своихъ способностей! —Люди по немъ могутъ судить какова польза ихъ собственныхъ провидѣній свѣта, мыслей внезапно ихъ посѣщающихъ, и какую должно придавать имъ цѣну. Безукоризненно-здравый

смыслъ служитъ ему ручательствомъ и руководствомъ при истолкованіи вселенной. Онъ разуменъ, какъ бываетъ вообще разуменъ поэтъ и философъ; но преимущественно предъ ними онъ обладаетъ могучимъ, всепокоряющимъ искусствомъ мирить свою поэзію съ земнымъ правдоподобіемъ: онъ умѣетъ вывести мостъ отъ городскихъ улицъ до Атлантиды, и никогда не пренебрегаетъ постепенностью. Будь бездна, съ одной стороны, обаятельна, сколько угодно; — подымаясь съ долины на гору, онъ удержитъ свою мысль на скользкой покатости.

Онъ постигъ факты первостатейные. Простертый на землѣ, закрывъ глаза, онъ приносилъ поклоненіе Неизмѣримому, Неисчислимому, Неизвѣданному, Неизреченному. Онъ называлъ его Верховнымъ Естествомъ и всегда готовъ былъ доказывать, какъ напр., въ Парменидѣ, что это Естество превосходитъ предѣлы нашего разумѣнія. Никто изъ людей не сознавалъ съ такою полнотою Неизглаголаннаго. Но, отдавъ, какъ-бы отъ лица человѣчества, поклоненіе Безпредѣльному, онъ выпрямлялся и, снова, отъ лица человѣчества, утверждалъ: „Однако многое можно познать въ природѣ". То есть, воздавъ, во-первыхъ, по духу Азіи, честь и поклоненіе — оксану любви и могущества, превосходящему и образы, и знаніе, и волю — Ему, Благому, Единому; — теперь, освѣженный и укрѣпленный этою данью благоговѣнія, онъ снова возвращался къ врожденному побужденію Европейца, — а именно, къ потребности просвѣщенія и восклицалъ: „Однако многое можно познать въ природѣ"! — Да, многое, потому что получивъ бытіе

отъ одного, все видимое имѣетъ къ нему отношеніе. Это — чаша вѣсовъ, — и соотвѣтственность земли къ небу, матеріи къ духу, части къ цѣлому, вотъ наше руководство. Какъ есть наука о звѣздахъ, называемая астрономіею; о количествахъ, называемая математикою; о свойствахъ веществъ — химіею; такъ есть и наука изъ наукъ: — я назову ее Діалектикою, съ помощью которой Разумъ различаетъ ложное и истинное. „*Душа, никогда не усмотрѣвшая истины, не можетъ принять образа человѣческаго*“, сказалъ Платонъ.

Всѣ высшія науки — математика, астрономія — похожи на состязателей бѣга: схватятъ данный призъ и не знаютъ какое сдѣлать изъ него употребленіе. Діалектика объясняетъ его: „Природа хороша, но разумъ лучше; — какъ законодатель выше законопріемлющаго“. Платонъ возвѣстилъ человѣческому роду возможность уразумѣть; возвѣстилъ благо познать духомъ творца природы. Я приношу вамъ радость, о сыны людей! Знайте, что истина всегда благотворна, что мы имѣемъ надежду отыскать то, чтò должно составлять истинную суть всего видимаго. Бѣдствіе человѣка заключается въ удаленіи отъ лицезрѣнія Естества и въ натискѣ разнородныхъ предположеній. Верховное добро — вотъ существенность; — всякая добродѣтель, всякое блаженство зависитъ отъ познанія этой сути. Мужество есть ничто иное какъ познаніе: высочайшее счастіе, могущее выпасть въ удѣлъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы подъ руководствомъ своего *демона* онъ дошелъ до того, чтò дѣйствительно ему свойственно. Достиг-

нуть каждому своей части, есть также и сущность справедливости. Самое понятіе о добродѣтели невозможно, иначе, какъ посредствомъ созерцанія божественнаго естества. И такъ, мужайтесь! ибо „увѣренность, что мы можемъ отъискать то, чего еще не знаемъ, сдѣлаетъ насъ несравненно лучше, мужественнѣе, разумнѣе, чѣмъ предположеніе невозможности найти то, чего мы еще не знаемъ, и что поиски о немъ безполезны". Выше мѣста, избраннаго Платономъ, нельзя стать: онъ оградилъ его своею страстною любовью къ существенности, и на самую философію смотрѣлъ какъ на увлекательную бесѣду съ истинною сутью.

Проникнутый геніемъ Европы онъ произнесъ слово: *Образованность;* онъ произнесъ и слово: *Природа*, но не забылъ упомянуть: „Есть также и *божественное*". Онъ указываетъ въ Тимеѣ на высшее употребленіе зрѣнія: „Межъ насъ удостовѣрились, что Богъ измыслилъ и даровалъ глаза человѣку для того, чтобы обозрѣвая круговращеніе силъ небесныхъ, мы употребляли какъ слѣдуетъ силы нашего духа, которыя, хоть и находятся въ неустройствѣ, если сравнить ихъ съ правильнымъ ходомъ свѣтилъ, состоятъ однако въ союзѣ съ ихъ обращеніемъ; и дабы научась этому, бывъ уже по природѣ обладателями способности здраваго сужденія, мы—по образцу неуклоннаго теченія божественныхъ — исправляли свои заблужденія и ошибки".—Потомъ, въ Республикѣ: „Каждымъ изъ такихъ упражненій прочищается и возстановляется нѣкоторый органъ души, ослѣпленный и отуманенный изученіями

другаго рода: лучше сохранить этотъ ȯрганъ, нежели десять-тысячъ глазъ, потому что одинъ онъ прозрѣваетъ истину".

Ознакомясь съ учрежденіями Спарты, Платонъ, болѣе чѣмъ кто другой, даже послѣ него, возлагалъ надежду на воспитаніе. Онъ восхищался превосходствомъ всякаго рода; изящнымъ, полезнымъ, совѣстливымъ выполненіемъ чего-бы то ни было; но давалъ преимущественное предпочтеніе умственнымъ и духовнымъ совершенствамъ. Говоря о воспитаніи и о образованности, онъ кладетъ имъ основаніемъ врожденныя способности; даетъ имъ непомѣрно высокое мѣсто и, прекрасно олицетворяя различныя дарованія, называетъ ихъ богами. Патрицій по своимъ наклонностямъ, онъ считаетъ важнымъ и превосходство по рожденію: „Изъ пяти отдѣловъ научныхъ предметовъ, только четыре могутъ быть преподаны безразлично всѣмъ людямъ". Въ своей Республикѣ, онъ съ особеннымъ стараніемъ изучаетъ темпераментъ молодыхъ людей, полагая его краеугольнымъ камнемъ всего и всему.

Лучшій примѣръ вспомогательныхъ силъ человѣческой природы находится въ разговорѣ Сократа съ Ѳеагесомъ, желавшимъ сдѣлаться его ученикомъ. Сократъ прямо объявляетъ, что если нѣкоторые исполнились мудрости отъ бесѣды съ нимъ, то они обязаны этимъ не ему и не его содѣйствію, но что они просто стали мудрѣе во время пребыванія съ нимъ, по причинамъ ему неизвѣстнымъ: „Потому — прибавляетъ Сократъ — что онъ (его демонъ) недоброжелателенъ ко многимъ; и мое сообщество не бла-

готворно для тѣхъ, кому противится мой геній, такъ что и мнѣ становится невозможно жить съ ними. Съ иными людьми онъ не возбраняетъ мнѣ сообщаться, а между тѣмъ, моя бесѣда ни къ чему имъ не служитъ. Таково-то, о Ѳеагесъ, сближеніе со мною. Если будетъ угодно Богу, ты сдѣлаешь большіе и быстрые успѣхи, и — не сдѣлаешь никакихъ, если не угодно ему. Разсуди-же самъ: не лучше-ли тебѣ обратиться къ кому-нибудь изъ тѣхъ, кто имѣетъ способность доставлять пользу своимъ преподаваніемъ, тогда какъ я, то доставляю ее, то нѣтъ — какъ случится". Другими словами это значитъ: „У меня нѣтъ системы. Я не могу за тебя поручиться. Ты будешь тѣмъ, каковъ есть. Если между нами есть сочувствіе, наши бесѣды будутъ невыразимо плѣнительны и прибыльны для тебя; если-же нѣтъ его, твое время пропадетъ даромъ, а мнѣ ты только надоѣшь. Я покажусь тебѣ глупымъ; молва обо мнѣ ложною. Далеко выше насъ, и внѣ твоей или моей воли заключается тайна влеченія или тайна оттолкновенія. Все доброе, доставляемое мною — магнетизмъ взаимности: я поучаю не задавая уроки, а занимаясь своими обыкновенными дѣлами".

Это приводитъ насъ къ той личности, которую Платонъ поставилъ средоточіемъ своей Академіи, сдѣлавъ ее орудіемъ для обобщенія всѣхъ главныхъ пунктовъ своего ученія. — Историческіе факты, касающіеся до этой личности — личности Сократа — теряются въ сіяніи ума Платона. Сократъ и Платонъ неразлучны, какъ двойныя звѣзды. Первый, своими геніальными чертами, еще разъ

представляетъ намъ наилучшій примѣръ совмѣстимости разнородностей, которая составляетъ неотразимое могущество втораго. Сократъ былъ человѣкъ смиреннаго, но довольно-порядочнаго происхожденія; самаго обыкновеннаго быта и образа жизни; его некрасивая наружность вызывала остроты другихъ тѣмъ скорѣе, что знали, — смышленный и веселый грубіянъ самъ не останется въ долгу. Актеры передразнивали его на сценѣ, горшечники вылѣпляли его непригожее лице на глиняныхъ кружкахъ. Онъ былъ малый хладнокровный; и къ своему равнодушію и шутливости присоединялъ полнѣйшее пониманіе каждаго своего собесѣдника, котораго вовлечетъ въ преніе и непремѣнно поразитъ. Молодые люди безъ ума любили Сократа и приглашали на свои пиры, на которые онъ являлся потолковать, что̀ безмѣрно ему нравилось. Онъ могъ пить сколько угодно и, оставивъ всю компанію подъ столомъ, уходилъ съ совершенно свѣжею головою начинать новый толкъ съ другимъ, неохмѣленнымъ собесѣдникомъ. Однимъ словомъ, онъ былъ то, что̀ деревенскій народъ называетъ: *Старина*.

Чрезвычайно бѣдный, но закаливъ себя какъ воинъ, онъ, въ точномъ смыслѣ слова, питался хлѣбомъ и водою или нѣсколькими оливками, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его приглашали. Съ простотою квакера, съ практическою мудростью Франклина, умѣренный, какъ никто, онъ почти ничего не издерживалъ на себя: носилъ лѣтомъ и зимою одно верхнее платье за недостаткомъ другаго, нижняго; ходилъ босоногій, и отъ времени до времени возвращался

въ свою мастерскую ваять — хорошо или худо — статуи на продажу, чтобы доставить себѣ любимое удовольствіе, послѣ, на досугѣ, толковать по цѣлымъ днямъ съ самыми изящными и самыми образованными аѳинскими юношами.

Эти разговоры сдѣлались его исключительнымъ наслажденіемъ; онъ завязывалъ ихъ подъ притворнымъ предлогомъ совершеннаго незнанія, и осаждалъ и побѣждалъ всѣхъ щеголей-философовъ Аѳинъ, Малой-Азіи и Греческихъ-Островов. Никто не отказывался побесѣдовать съ нимъ: онъ такой честный и, право, любопытно познакомиться съ человѣкомъ, который приходилъ въ совершенное замѣшательство, лишь только промолвитъ не истину; но который приводилъ въ совершенное замѣшательство и другихъ, когда подтверждалъ ихъ ложное мнѣніе, и между тѣмъ чрезвычайно радовался своимъ и ихъ смущеніемъ, потому-что, по его убѣжденію, самое важное, самое горшее зло, могущее постигнуть человѣка, состоитъ именно въ ложномъ понятіи о томъ, что̀ справедливо и что̀ несправедливо.

Каковъ-бы ни былъ этотъ простакъ — старина, съ своими длинными ушами, — молва шла, что разъ или два, во время войны съ Віотіею, своимъ присутствіемъ духа, онъ прикрылъ бѣгство аѳинскаго войска. Разсказывали также, что прикинувшись сумасшедшимъ, онъ имѣлъ твердость, въ одномъ засѣданіи городскаго управленія, одинъ возвысить свой голосъ противъ голоса цѣлаго народа, который едва не растерзалъ его.

Въ послѣдствіи, оказалось тоже, что этотъ вѣчный ба-

лагуръ, — забавлявшій своими странными повадками, проказами и простодушіемъ молодыхъ патриціевъ, тогда какъ изрѣченія его мудрости и остроумія ежедневно разносились повсюду, — былъ прямъ и честенъ съ непобѣдимостью его логическихъ выводовъ; что онъ нимало не былъ помѣшанъ, но что подъ покровомъ этого вымысла, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ своихъ религіозныхъ вѣрованій.

Обвиненный предъ судилищемъ въ ниспроверженіи народной религіи, онъ провозгласилъ безсмертіе души, наказанія и награды жизни будущей; отказавшись отпереться отъ своихъ словъ, по прихоти народнаго правленія, онъ былъ приговоренъ къ смерти и заключенъ въ тюрьму. — Сократъ въ тюрьмѣ, снялъ позоръ съ этого мѣста наказанія, которое не могло быть темницею, пока онъ былъ въ немъ. Критонъ подкупилъ тюремщика, но Сократъ не хотѣлъ выйти изъ тюрьмы обманомъ. „Каковы-бы ни воспослѣдовали бѣдствія, нельзя ничего предпочесть — правдѣ. Ея голосъ внятенъ мнѣ, какъ звукъ трубъ и литавровъ, и я глухъ для всего, что̀ вы говорите мнѣ“. — Величіе этой тюрьмы, величіе огласившихъ ее словъ Сократа, и этотъ выпитый цикутъ — одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ событій въ исторіи міра.

Рѣдкое сочетаніе, и притомъ въ безобразномъ тѣлѣ, балагура съ мученикомъ, уличнаго или рыночнаго говоруна съ безподобнѣйшимъ праведникомъ, гдѣ-либо извѣстнымъ по исторіи тѣхъ временъ, — поразило Платона, умѣвшаго давать цѣну такимъ противоположностямъ, и онъ

помѣстилъ это лицо на первомъ у себя планѣ, какъ наиприличнаго распредѣлителя умственныхъ сокровищъ, которыя ему предлежало обобщить. Счастлива для обоихъ,— для Эзопа черни и для сановитаго ученаго — была эта встрѣча: она сдѣлала безсмертными ихъ обоюдныя способности. Дивный синтезисъ характера Сократа выказывается наперерывъ съ синтетическимъ духомъ Платона. Кромѣ того, Платонъ могъ прямо и безъ всякой зависти опираться на признанный умъ и вѣсъ Сократа, которому, вѣроятно, онъ многимъ обязанъ; заслуги-же Учителя получили свою главную цѣнность отъ совершенства искусства ученика.

Слава Платона основана не на превосходствѣ силлогизма, ни на художественномъ изложеніи ученія Сократа, ни на той или другой великолѣпной темѣ, какъ напримѣръ: безсмертіе души. Онъ болѣе чѣмъ знатокъ, чѣмъ ученый, или математикъ, или мудрецъ, которому ввѣрено то или другое особенное посольство. Онъ представляетъ собою рѣдкое преимущество ума, а именно, могущественный даръ поставлять каждый фактъ на послѣдовательную высоту и чрезъ то, обнаруживать въ каждомъ изъ нихъ залоги дальнѣйшаго развитія. Развитіе— естественная принадлежность мысли: оно такая-же органическая сущность. Умъ не создаетъ то, что̀ онъ усматриваетъ, точно такъ-же, какъ зрѣніе не создаетъ розу. Это развитіе или расширеніе мысли удлинняетъ духовное зрѣніе тамъ, гдѣ для обыкновеннаго глаза уже смыкается го-

ризонтъ, и это второе зрѣніе усматриваетъ, что продленныя линіи законовъ тянутся во всѣ направленія.

Признавая за Платономъ заслугу провозвѣстія подобныхъ думъ, мы признаемъ его человѣкомъ полнаго развитія; человѣкомъ, который къ изученію видимаго приложилъ всю гамму и внѣшнихъ чувствъ, и постиженія, и разума. — Строгій чтитель опредѣлительности, Платонъ любилъ безпредѣльность; онъ видѣлъ какой придатокъ силы и благородства проистекаетъ собственно изъ истины, собственно изъ добра; со стороны разума человѣчества, онъ воздалъ подобающую честь неизмѣримой душѣ, и воздалъ ее достойно разума. Тогда онъ сказалъ: „Способности наши уносятся въ безконечность, и оттуда возвращаются обратно въ насъ. Мы можемъ опредѣлить весьма малое; но есть одинъ фактъ, который упустить изъ виду, все равно, что совершить самоубійство. Все созданное находится на лѣстницѣ и идетъ все выше и выше, откуда-бы ни было начало. Все созданное есть символъ; и то что̀ мы называемъ выводомъ, есть только новое начинаніе“.

И каждая мысль Платона носитъ на себѣ отпечатокъ такого восхожденія: излагая въ Федрѣ ученіе о красотѣ, плѣнительной очаровательницѣ, изливающей своимъ появленіемъ радость, восторгъ и упованіе во вселенной; — а въ нѣкоторой степени, она проявляется въ каждомъ предметѣ, — онъ говоритъ, что есть другая красота, на столько превосходящая красоту видимую, на сколько эта превосходитъ хаосъ; эта красота — мудрость, скрытая отъ удивительнаго органа нашего зрѣнія, но которая, если-

бы мы могли ее увидѣть, восхитила-бы насъ совершенствомъ своей существенности. Такъ и въ „Банкетѣ“, онъ поучаетъ въ томъ-же духѣ — теперь всемірно усвоенномъ и поэтомъ и проповѣдникомъ, — что земная любовь есть зачатокъ и отдаленный символъ обожанія души къ тому необъятному океану красоты, которая существуетъ и манитъ душу. — Вѣра въ Божественное никогда не покидаетъ помыслъ Платона; она составляетъ предѣлъ каждаго его догмата. Онъ всюду стоитъ на пути, которому нѣтъ конца, и который безпрерывно огибаетъ всю вселенную. Поэтому, каждое его слово служитъ истолкованіемъ мірозданія. Все, на что онъ ни посмотритъ, являетъ свой второй смыслъ, и дальнѣйшія, послѣдующія значенія.

Онъ постигнулъ и происхожденіе изъ противоположностей: смерть возникаетъ изъ жизни, жизнь изъ смерти:— законъ, по которому тлѣніе есть возрожденіе. Онъ услѣдилъ и то, что малое содержится въ большомъ, большое въ маломъ, заключая о государствѣ по гражданамъ, о гражданахъ по государству, такъ что вводитъ въ сомнѣніе, не есть-ли его уставъ „Республики“ — аллегоріею воспитанія одной души? — Его превосходныя опредѣленія идей, времени, формы, фигуръ, линій, не уступаютъ опредѣленіямъ добродѣтели, мужества, справедливости, воздержности; — всѣ его апологи, къ которымъ онъ охотно прибѣгалъ: Пещера Трофонія; Перстень Гигеса; темпераменты — золотые, серебрянные, желѣзные и мѣдные; видѣнія Аида, Судебъ и проч. напечатлѣваются на человѣческой памяти, какъ знаки Зодіака. Его взоръ лучезаренъ,

какъ солнце; его душа свѣтоносна. Онъ вѣрилъ въ прирожденныя воспоминанія; онъ ясно провидѣлъ законъ возмездія или возвратности; законъ, обусловливающій свершеніе правосудія по всему протяженію вселенной, и раздѣлялъ убѣжденія Сократа въ томъ, что верховные законы, правящіе *здѣсь* — близнецы законовъ, которые *тамъ*.

Еще болѣе поразительны черты его выводовъ изъ нравственнаго кодекса. Платонъ утверждаетъ, что знаніе и добродѣтель неразлучны, потому что порокъ не понимаетъ ни себя, ни добродѣтели, тогда какъ добродѣтель знаетъ и себя и порокъ. — Самый поверхностный взглядъ разберетъ, что лучше придерживаться справедливости, пока она выгодна; Платонъ-же твердо стоитъ на томъ, что она выгодна вездѣ и всегда, что ея выгода самоцѣнна, хотя правый таитъ свою правоту отъ глаза боговъ и людей; — что лучше терпѣть несправедливость, чѣмъ наносить ее;— что преступникъ обыкновенно жаждетъ наказанія; — что ложь гораздо пагубнѣе смертоубійства, и что самая ложь по невѣдѣнію, то есть, непреднамѣренная, болѣе причиняетъ зла, чѣмъ непреднамѣренное человѣкоубійство; — что душа противъ воли лишается понятій объ истинѣ, и никто не впадаетъ въ заблужденія по доброй волѣ; — что естественный порядокъ или процессъ природы идетъ отъ духа къ тѣлу, потому что здоровое тѣло не въ состояніи возстановить больной души, тогда какъ бодрая душа, своимъ могуществомъ, наилучшимъ образомъ укрѣпляетъ немощное тѣло. — Просвѣщенные имѣютъ право

надъ невѣжественными; а именно, право наставлять ихъ.— Нравственные законы такъ-же точны и непоколебимы, какъ и законы вещественной природы; — духовная геометрія занимаетъ въ своей области то-же мѣсто, какое занимаетъ здѣсь логика линій и дугъ. Міръ математиченъ вдоль и вширь, внутренно и наружно; неизмѣнны пропорціи кислорода, азота, щелочи, и столько-то воды въ кремнѣ и въ мѣлѣ; такъ-же неизмѣнны пропорціональныя отношенія стихій нравственныхъ.

Платонъ начерталъ свой собственный идеалъ, изобразивъ въ „Тимеѣ“ —Бога, устрояющаго повсюду изъ безпорядка порядокъ. Напередъ всѣхъ людей провидѣвши духовную цѣну нравственнаго чувства, онъ такъ вѣрно зажегъ огонь въ самомъ центрѣ, что вся сфера освѣтилась, и онъ возмогъ различить полюсы, экваторы, градусы, широты, всякую плоскость и возвышенность. Подобныя мысли озаряли и озаряютъ искрами свѣта души поэтическія и набожныя, но этотъ прекрасно-воспитанный, все-знающій Грекъ-геометръ приходитъ какимъ-то Эвклидомъ святости; размѣщаетъ, какъ законный повелитель, всѣ такіе разрозненные проблески по ихъ степени и разрядамъ, и дружитъ обѣ стороны сотвореннаго. Его теорія до того соразмѣрна и завершена во всѣхъ своихъ частяхъ, что думаешь, будто вѣковыя силы способствовали къ сооруженію этого гармоническаго зданія, что оно не можетъ быть мгновенно-изъятымъ изъ времени—заявленіемъ устъ кратко-живущаго книжника!

Ключъ къ методу и къ довершенію ученія Платона

представленъ его дважды-разсѣченною линіею. Объяснивъ отношенія между абсолютною истиною, абсолютнымъ добромъ и образами видимаго и умственнаго міра, онъ говоритъ:—„Разсѣчемъ линію вдоль, на двѣ неравныя части и раздѣлимъ эти еще на двое; — одна представитъ намъ видимый, другая умственный міръ, два-же подраздѣленія — его свѣтлую и темную сторону. Вы получите въ первомъ отдѣлѣ видимаго міра—изображенія, т. е. тѣни, отраженія; во-второмъ,—тѣла этихъ изображеній: растенія, животныя, произведенія природы и художествъ. Раздѣливъ точно такимъ-же образомъ міръ умственный, одинъ отдѣлъ вмѣститъ мнѣнія и гипотезы, второй — истины“. Этимъ четыремъ отдѣленіямъ соотвѣтствуютъ четыре дѣятельныя силы духа: — предположеніе, вѣра, постиженіе, разумъ. Какъ каждый прудъ отражаетъ ликъ солнца, такъ все мыслимое и все предметное являетъ намъ и созданіе и подобіе верховной Благости. Вся вселенная просверлена милліонами путей для ея дѣятельности, и все созданное восходитъ и восходитъ.

По выспренности ума и знаній, Платонъ пользуется удивленіемъ мыслящихъ людей. Тайна-же его болѣе обширнаго успѣха заключается въ нравственныхъ цѣляхъ, дѣлающихъ его драгоцѣннымъ для каждой человѣческой души. „Разумъ, говоритъ онъ, — царь неба и земли“. Но въ немъ, разумъ неразлученъ съ возвышенными нравственными началами; притомъ, его творенія проникнуты вѣковѣчною юностью поэзіи. Отсюда происходитъ то, что многочисленный строй отлично-отмѣченныхъ душъ,—имен-

но такихъ, которыя находятъ свое наслажденіе въ духовномъ, т. е. въ нравственно-умственномъ выраженіи истинъ, и въ указаніи имъ цѣлей дальнѣйшихъ, дающихъ имъ законность—называются *платоническими*. Микель-Анджело—Платонистъ; Сведенборгъ—тоже, въ свой поэмѣ: „Супружеская Любовь“. — Платонистъ и Шекспиръ въ своихъ сонетахъ, особенно-же въ „Гамлетѣ“, и только одна высота собственнаго генія Шекспира, не дозволяетъ поставить его въ числѣ главнѣйшихъ представителей Платоновой Школы.

Остается сказать, что недостатокъ въ болѣе могущественномъ вліяніи Платона, неизбѣжно проистекаетъ отъ самыхъ его качествъ. Онъ интеллектуаленъ въ цѣляхъ, слѣдовательно литературенъ въ изложеніи. Возносится-ли онъ на небо, нисходитъ-ли въ преисподнюю, издаетъ-ли законы для государства, описываетъ-ли страстную любовь, угрызенія преступника, упованія отходящей души— онъ литературенъ вездѣ и всегда. Ему недостаетъ той жизненной властительной силы, которою обладаетъ и вопль Еврейскихъ Пророковъ, и ученіе безграмотнаго Аравитянина.

Во-вторыхъ, у него нѣтъ системы. Его самые жаркіе защитники и ученики не могутъ ее доискаться. Одинъ полагаетъ, его мнѣніе таково, другой—иное. Онъ сказалъ то и то въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ —совершенно противное; попытался составить теорію вселенной, но теорія вышла не полна, не убѣдительна. Еще укоряютъ его въ томъ, что онъ неудовлетворительно перешелъ отъ идеи къ

матеріи; что у него есть міръ—крѣпкій, округленный, законченный какъ орѣхъ, гдѣ не оставлена ни одна частица хаоса, ни узелка, ни кончика; міръ — отдѣланный безъ признаковъ поспѣшности, безъ заплатъ или поправокъ при второмъ обзорѣ, но что теорія этого міра составлена изъ обрѣзковъ и лоскутковъ.—Что въ виду вѣчной природы, Платонъ прибѣгаетъ къ философическимъ упражненіямъ и приводитъ разнорѣчащіе доводы.

Въ этомъ принуждены мы сознаться: каковы-бы ни были усилія Платона, ни онъ, ни другой какой философъ не могъ распорядиться съ природою, которой не угодно, чтобы ею распоряжались. Никакая сила генія не достигла еще удовлетворительнаго объясненія тайны мірозданія и жизни. Загадка все еще остается неразрѣшенною.

Несправедливо было-бы, однако, приписывать такой гордый замыселъ Платону. Не будемъ легкомысленно обращаться съ его достопочтеннымъ именемъ. Чтобы оцѣнить его по достоинству, сравнимъ его не съ природою, а съ другими людьми. Сколько прошло вѣковъ, и ни одинъ человѣкъ не сталъ вровень съ нимъ. Въ умственномъ отношеніи, Платонъ — колоссальное зданіе! Это Карнакъ, — Миланскій-Соборъ, —этрурскія развалины; и нужны обширныя способности во всѣхъ родахъ, чтобы оцѣнить его. Мнѣ кажется, всего справедливѣе, смотрѣть на него съ глубочайшимъ почтеніемъ. Когда его изучаешь, мысль его обозначается все глубже и глубже, и качества увеличиваются. Хваля его умъ, слогъ, здравый смыслъ, мы поступаемъ

какъ дѣти; неблагоразумнѣе ихъ, по моему мнѣнію, и наши критическіе разборы его діалектики. Такая критика похожа на досаду, на мили, когда торопишься пріѣхать: все-же лучше, чтобъ миля имѣла полныхъ семьсотъ шестьдесятъ ярдовъ. И многозрящій Платонъ соразмѣрилъ свѣтъ и тѣни по условіямъ нашего существованія.

III.

Сведенборгъ или Мистикъ.

Изъ среды необыкновенныхъ людей, наиболѣе дороги своимъ собратіямъ не тѣ, которыхъ экономистъ называетъ *производительными*. Нѣтъ, у нашихъ любимцевъ ничего нѣтъ въ рукахъ: ни усовершенствованныхъ хлѣбныхъ зеренъ, ни испеченнаго хлѣба, —они не основали колоній, не изобрѣли никакихъ орудій.

Бо́льшимъ уваженіемъ и любовью, чѣмъ тотъ отдѣлъ человѣчества, что строитъ города и обогащаетъ рынки — пользуются поэты. Они, изъ лона духовнаго царства питаютъ наше мышленіе и воображеніе мыслями и образами, которые возносятъ людей выше міра хлѣба и денегъ, утѣшаютъ ихъ въ ежедневныхъ недочетахъ, въ мелочности труда и торга.—Высокую цѣну имѣетъ и философъ, этотъ возбудитель умственныхъ силъ труженика, который, завлекая своими тонкостями, знакомитъ его съ новыми способностями. Пускай другіе строютъ города: онъ постигнетъ ихъ смыслъ и придастъ имъ высокое значеніе. Есть люди еще другаго разряда, — это вожди наши въ иную область: въ міръ нравственности или воли. Все замѣча-

тельное въ этой области думъ составляетъ ихъ принадлежность, и малѣйшее проявленіе чувства правоты, получаетъ въ глазахъ ихъ первенство надъ всемъ прочимъ. Такъ и должно быть: я могу поэтизировать все на свѣтѣ, но нравственное сознаніе поэтизируетъ самого меня.

Я часто думалъ о томъ, какую огромную услугу оказалъ-бы новѣйшей критикѣ тотъ, кто провелъ-бы параллель отношеній, существующихъ между Шекспиромъ и Сведенборгомъ. Человѣческій духъ вѣчно стоитъ въ тоскливомъ раздумьѣ: онъ требуетъ ума, онъ требуетъ святости и испытываетъ равную досаду, когда ему предлагаютъ одно безъ другаго. Совокупитель обоихъ еще не явился. Утомленные святошами, мы обращаемся къ Шекспиру какъ къ прибѣжищу. Но, въ настоящее время, самыя инстинктивныя побужденія научаютъ насъ, что разрѣшеніе задачи сущности бытія должно брать перевѣсъ надъ всѣми прочими, и что на вопросы: *Откуда? Зачѣмъ? Куда?* слѣдуетъ отвѣчать жизнью, а не книгами. Драма или поэма отвѣчаютъ на нихъ приблизительно или косвенно; но Мену, но Зороастръ, но Моисей состязаются прямо съ этою задачею. Сфера нравственнаго сознанія есть область такого величія, которое низводитъ до игрушекъ все наше матеріальное великолѣпіе, а между тѣмъ, предъ каждымъ нищимъ, имѣющимъ разсудокъ, растворяетъ дверь во вселенную. Оно, съ почти неудержимою торопливостью, клонитъ человѣка подъ свое владычество. Вотъ что̀ сказано на языкѣ корана: „Аллахъ изрекъ: Небо, земля и все что̀ лежитъ между ними, думаете вы сотворено нами на

шутку, и вы не возвратитесь къ намъ?“ Такое сознаніе основываетъ господство воли; вдохновляя волю — это коренное начало личности, — оно будто претворяетъ въ нее цѣлую вселенную.

„И царства существъ не преклонятся никому другому; онѣ не только твои, но всѣ онѣ — Ты“.

Выше всѣхъ людей стоитъ праведникъ. Коранъ дѣлаетъ большое различіе между человѣкомъ, добрымъ по природѣ и между человѣкомъ добра, имѣющимъ вліяніе на другихъ. Онъ произнесъ, что этотъ родъ людей есть цѣль созданія, а что прочіе приняты на пиръ бытія, какъ причисленные къ ихъ свитѣ. Тоже говоритъ и персидскій поэтъ душѣ подобнаго свойства:

„Смѣлѣй иди впередъ! вкушай на пирѣ жизни:
Ты — приглашенный гость, — допущены другіе“.

Преимущество такихъ избранниковъ состоитъ въ доступѣ къ тайнамъ и составу природы, посредствомъ какого-то способа, который выше опыта и науки. По просту сказать: что̀ познаетъ одинъ человѣкъ, вслѣдствіе продолжительнаго изученія, то̀ угадываетъ другой, одаренный необыкновенною прозорливостью. Аравитяне разсказываютъ, что Абулъ-Кхаинъ, мистикъ и Абу-Али-Сіина, философъ, вели между собою бесѣду; при разставаніи философъ сказалъ: „Я изучилъ все что̀ онъ усматриваетъ“. „Мистикъ-же сказалъ: „Все что̀ онъ изучалъ — я вижу“.

Гдѣ причина такого прозрѣнія? можемъ спросить мы: въ прирожденныхъ-ли воспоминаніяхъ Платона? въ ученіи Браминовъ о переселеніи душъ? Душа, бывъ часто во-

площена или, по выраженію индусовъ: перейдя стези бытія чрезъ тысячекратное рожденіе", созерцавъ предметы, которые находятся здѣсь, и которые въ небѣ и которые въ преисподней, — заимствуетъ знаніе отъ всѣхъ; такъ не удивительно, если въ отношеніи чего-бы то ни было, она способна припоминать то что̀ знала прежде. „Ибо всѣ предметы состоятъ въ связи и въ соотношеніи, и когда душа уже разъ извѣдала ихъ, ничто не препятствуетъ человѣку, наведшему на умъ или — говоря обыкновеннымъ языкомъ, — изучившему одинъ предметъ, возстановить всѣ предъидущія свои познанія и снова отъискать все остальное, если только онъ имѣетъ твердость и не ослабѣваетъ среди своихъ изъисканій. Ибо и изъисканіе и изученіе есть ничто иное, какъ прирожденное воспоминаніе". Какъ несравненно сильнѣе должно это совершаться у изъискателя съ душою праведною, божественною! Бывъ первоначально сопричастна Предвѣчному Духу, всесоздавшему и всесоблюдающему, такая душа легко переносится во все сотворенное, и все сотворенное несется къ ней: онѣ сливаются, и человѣкъ присутствуетъ и сочувствуетъ устройству и законамъ міроздания.

Труденъ этотъ путь, таинственъ и осаждаемъ ужасомъ. Древніе называли такое состояніе *экстазомъ*, т. е. отсутствіемъ, — отрѣшеніемъ человѣка отъ тѣла, дабы мыслить. Всѣ религіозныя легенды хранятъ сказанія о восхищенномъ состояніи святыхъ. Это блаженство, но безъ всякаго признака радости: блаженство величественное, уединенное, почти тоскливое: „полетъ". Плотинъ называетъ его:

„одинъ наединѣ съ однимъ“; еще Μυεσις — смѣженіе очей, отъ чего и слово: *мистикъ.* При этомъ тотчасъ приходятъ на память имена Сократа, Плотина, Порфирія, Бёме, Боніана, Фокса, Паскаля, г-жи Гюйонъ, Сведенборга, впадавшихъ въ такое состояніе. Но также скоро припоминается и то, что оно сопровождается недугомъ. Блаженство это нисходитъ въ ужасѣ и съ потрясеніями духа воспріемца: „Оно расшатываетъ хижину изъ персти“, наводитъ помѣшательство на человѣка, или придаетъ его уму странный складъ, отражающійся на разсудкѣ. Въ самыхъ замѣчательныхъ примѣрахъ религіознаго просвѣтленія, обозначается примѣсь нѣкоторой болѣзненности, не смотря на неоспоримое увеличеніе способности постиженія. Неужели этотъ высшій даръ вноситъ съ собою свойство, парализующее его силу и вѣру въ него другихъ?

И подлинно, оно отъемлетъ
От совершенствъ, достигнувшихъ вершины,
Дѣятельность и силу низшихъ свойствъ.

Не въ правѣ-ли мы сказать, что расчетливая мать — природа распредѣляетъ по вѣсу и по мѣрѣ столько-то земли, столько-то огня на составъ каждаго человѣка; что она не даетъ надбавки ни на полушку, хотя-бы цѣлые народы гибли за недостаткомъ вождя.

Новѣйшія времена представляютъ замѣчательный примѣръ такого умственнаго переворота, въ лицѣ Эммануила Сведенборга, родившагося въ Стокгольмѣ въ 1688 году. Этотъ человѣкъ, казавшійся современникамъ сновидцемъ, экстрактомъ изъ лунныхъ лучей, велъ, безъ всякаго сом-

нѣнія, жизнь гораздо болѣе существенную, чѣмъ кто-либо изъ живущихъ тогда на землѣ. И теперь, когда Короли Фридрихи, Христіерны и всѣ Герцоги Брауншвейгскіе незамѣтно соскользнули въ забвеніе, для Сведенборга насталъ часъ возникать въ умахъ многихъ тысячъ людей.

Его молодость и ранній образъ жизни были, конечно, не совсѣмъ обыкновенны; онѣ прошли не въ посвистываніи и танцахъ. Еще мальчикомъ, онъ роется въ рудникахъ и горахъ, усидчиво занимается химіей, оптикой, физіологіей, астрономіей, математикой, чтобы найти образы, достойные, по своему размѣру, помѣститься въ такомъ объемистомъ и многостороннемъ умѣ. Какъ бываетъ обыкновенно съ великими людьми, Сведенборгъ, по разнообразію и количеству своихъ способностей, казался сочетаніемъ многихъ даровитыхъ личностей. Это было существо, сотворенное на большую руку и обладающее всѣми преимуществами величины. Отраженіе пространной окружности все-же легче обозрѣвать на большихъ шарахъ, хоть нѣсколько попорченныхъ трещиною и тусклостью, нежели въ каплѣ воды; такъ люди великаго размѣра, размѣра Платона и Ньютона, не смотря на нѣкоторую чудность или разстроенность, приносятъ намъ болѣе пользы, чѣмъ посредственные умы въ своемъ равновѣсіи.

Сведенборгъ, ученый съ дѣтства, докончилъ свое образованіе въ Упсалѣ. Двадцати-восьми лѣтъ, онъ сдѣланъ былъ Ассессоромъ Горнаго-Управленія, при Карлѣ XII. Въ 1716 г,, оставивъ родину, посѣтилъ университеты Англіи, Голландіи, Франціи и Германіи; издалъ свою

книгу: *Doedalus Hyperboreus,* и съ той поры, въ продолженіи тридцати лѣтъ, писалъ и издавалъ свои ученыя сочиненія. — Въ 1718 г., при осадѣ Фридрихсгаля, совершилъ замѣчательный подвигъ инженернаго искусства, провезя сушею, по пространству четырнадцати англійскихъ миль, двѣ галеры, пять шлюбокъ и небольшой корабль, на подмогу королю. — Въ 1721 г. опять путешествовалъ по Европѣ, для обозрѣнія рудниковъ и плавильныхъ печей.

Съ тою-же энергіею предался онъ и Богословію. Въ 1743 году, когда ему было пятьдесятъ-четыре года, воспослѣдовало то, что̀ называется его просвѣтленіемъ. Металлургія, передвиженіе кораблей по сушѣ и вся прочая ученость были поглощены этимъ состояніемъ восхищенія. Онъ не издалъ съ тѣхъ поръ ни одной ученой книги, отклонился отъ своей практической дѣятельности, а посвятилъ себя на составленіе и отпечатаніе своихъ многотомныхъ богословскихъ твореній, издававшихся въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Лондонѣ, Амстердамѣ, то на его счетъ, то на счетъ Герцога Брауншвейгскаго или другаго Принца. Позднѣе, онъ оставилъ свою должность Ассессора, но жалованіе выдавалось ему до конца жизни. Въ свое время, эта должность поставила его въ близкое знакомство съ Карломъ XII, который высоко его уважалъ и часто съ нимъ совѣтовался. Такое-же расположеніе оказывалъ ему и наслѣдникъ Карла.—На Сеймѣ 1751 г. Графъ Гопкенъ произнесъ, что лучшая Записка по финансовой части принадлежитъ Сведенборгу. Вся Швеція, какъ кажется, была проникнута

отмѣннымъ къ нему почтеніемъ. Его необыкновенная ученость, практическія свѣдѣнія, присовокупившаяся къ нимъ слава о дарѣ втораго зрѣнія, и необычайность религіозныхъ познаній привлекали къ гаванямъ, къ которымъ онъ приставалъ во время своихъ путешествій, королевъ, дворянъ, духовныхъ, моряковъ и толпы народа. Духовенство противилось изданію и распространенію его религіозныхъ твореній, но онъ, кажется, всегда оставался въ пріязни съ вліятельными лицами. Онъ никогда не былъ женатъ; велъ чрезвычайно простой образъ жизни; питался хлѣбомъ, молокомъ и овощами; въ обращеніи былъ очень скроменъ и привѣтливъ. Домъ его стоялъ посреди большаго сада. Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Англію, гдѣ, какъ кажется, ни вельможи, ни ученые не обратили на него вниманія, и умеръ въ Лондонѣ 85 лѣтъ, отъ апоплексическаго удара, 29-го марта 1772 г. Видавшіе его въ Лондонѣ описываютъ его человѣкомъ тихимъ, похожимъ на лицо духовнаго званія. Онъ не прочь былъ выпить чашку кофея или чая, и чрезвычайно любилъ дѣтей. При парадной бархатной одеждѣ, онъ носилъ шпагу; на прогулкахъ-же—трость съ золотымъ набалдашникомъ. Довольно-плохой портретъ изображаетъ его въ старинной одеждѣ и въ парикѣ; но лицо — имѣетъ разсѣянное и неопредѣленное выраженіе.

Геній, которому суждено было пролить на ученость того времени, свѣтъ своего, болѣе утонченнаго знанія, переступить границы времени и пространства, проникнуть въ таинственный міръ духовъ и потщиться основать но-

вую религію на землѣ, — разобралъ первоначальныя письмена этихъ знаній въ каменоломняхъ и кузницахъ, у горновъ и у тангеровъ; на корабельныхъ верфяхъ и въ анатомическихъ залахъ. Быть можетъ, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи оцѣнить всего достоинства его твореній, по такому множеству предметовъ. Но пріятно знать, что его труды о рудахъ и металлахъ высоко уважаются людьми, свѣдущими въ этомъ дѣлѣ. Онъ, кажется, во многомъ опередилъ науку XIX столѣтія: опередилъ ее въ астрономіи, предугадавъ открытіе седьмой планеты — по несчастію восьмой онъ не предугадалъ; — опередилъ новѣйшій взглядъ этой науки, касательно образованія міровъ; — по части магнетизма, предугадалъ многіе важные опыты и выводы ученыхъ нашего времени; — въ химіи, опередилъ атомистическую теорію; въ анатоміи — открытія Шлихтинга, Монро, Уильсона; и первый объяснилъ отправленіе легкаго. Превосходный издатель его сочиненій въ Лондонѣ, считая Сведенборга слишкомъ великимъ, мало заботится о его славѣ, какъ родоначальника такихъ открытій, но мы можемъ, по тому что̀ онъ сохранилъ, судить о важности того что̀ оставлено въ сторонѣ.

Это была колоссальная душа: она облегла черезъ край свое время, не понявшее ее; она требуетъ для своего обозрѣнія отдаленное фокусное разстояніе. Сведенборгъ, какъ Аристотель, какъ Бэконъ, Сельденъ, Гумбольдтъ, даетъ намъ то понятіе, что обширность знаній и *почти*— вездѣсущность въ природѣ доступны человѣческой душѣ. Будто съ высоты башни, великолѣпно обозрѣваетъ онъ природу,

искусства, и никогда не теряя изъ виду послѣдовательности и связи предметовъ, онъ въ своихъ „*Principia*“, едва-ли не осуществилъ свой собственный образъ, представивъ первобытную безпорочность человѣка. Выше, по мѣсту и по достоинству, отдѣльныхъ его открытій, стоитъ главнѣйшее изъ нихъ, открытіе самотождественности. — Капля морской воды имѣетъ всѣ свойства моря воды, только не можетъ воздымать бурь. Можно восхищаться, слушая цѣлый оркестръ и слушая одну флейту; — есть могущество въ войскѣ, есть оно и въ героѣ. Вообще, всѣ, знакомые только съ книжными произведеніями новыхъ временъ, должны прійти въ удивленіе отъ громадныхъ достоинствъ Сведенборга. Это какой-то мизозавръ и мастодонтъ науки, котораго не измѣрить цѣлыми коллегіями обыкновенныхъ ученыхъ. Отъ его исполинскаго появленія взовьются всѣ мантіи университета. Наши книги лживы, потому что онѣ одни отрывки; ихъ сентенціи — пустые *bons-mots*, а не части естественной рѣчи: онѣ — ребяческія выраженія то нечаянности, то радости, при первомъ знакомствѣ съ природою; или — что̀ еще хуже — онѣ даютъ кратковременную гласность опрометчивымъ заключеніямъ или отклоненіямъ отъ ея порядка, злонамѣренно выставляя, для возбужденія удивленія, нѣкоторыя случайности или особенности, очевидно противорѣчащія гармоніи природы и, по примѣру фокусниковъ, скрывая свои продѣлки.

Сведенборгъ-же, систематически, при каждомъ опредѣленіи, указываетъ на отношенія въ мірозданіи; средства и

цѣли изложены въ добромъ порядкѣ; всѣ способности дѣйствуютъ въ немъ съ астрономическою точностью, и превосходныя его творенія чисты отъ малѣйшаго высокомѣрія или себялюбія.

Сведенборгъ былъ рожденъ въ атмосферѣ великихъ идей. Трудно даже сказать, что̀ составляетъ его исключительную принадлежность, но собственная его жизнь заимствовала величіе отъ его возвышенныхъ воззрѣній на вселенную. Мощный Аристотелевъ методъ, — законченный, полный, пристыжающій нашу безплодную и тощую логику; — своею геніальною лучезарностью, коротко ознакомленный съ послѣдовательностью и постепенностью, съ явленіями и съ ихъ окончательными цѣлями; — искусный въ распознаніи силы отъ формы, сущности отъ случайности, — проложившій своею терминологіею и опредѣленіями — большія дороги въ царство природы, — Аристотелевъ методъ образовалъ цѣлыя поколѣнія атлетическихъ философовъ. Гервей услѣдилъ обращеніе крови; Гильбертъ магнитность земли; Декартъ, воспользовавшись Гильбертовымъ открытіемъ, своими вихрями, спиральностью, поляризаціею наводнилъ Европу преобладающимъ предположеніемъ вихреваго круговращенія, будто-бы заключающаго тайну мірозданія. Ньютонъ, въ годъ рожденія Сведенборга, напечаталъ свои „*Principia*“, и тѣмъ положилъ основаніе всемірному тяготѣнію. Мальпиги, слѣдуя высокимъ убѣжденіямъ Гиппократа, Левкиппа и Лукреція, придалъ силу тому мнѣнію, что *tota in minimum existit natura*. Несравненные анатомы Сваммердамъ, Лёвенгёкъ, Уинсло,

Евстахіусъ, Гейстеръ, Везаліусъ, Бёргаве ничего не оставили анатомическому ножу и микроскопу, на открытія по части сравнительной анатоміи. Его современникъ, Линней, въ своей прекрасной наукѣ, произнесъ: „природа всюду сходна сама съ собою“, наконецъ, Лейбницъ и Христіанъ Вольфъ, въ благородной системѣ и въ болѣе обширномъ приложеніи этого начала, указали его въ космологіи, между тѣмъ, какъ Локкъ и Гроцій извлекали изъ него нравственныя доказательства.

По духу этихъ предшественниковъ и современниковъ, можно усмотрѣть исходную точку Сведенборговыхъ изученій и задачъ, предложенныхъ имъ себѣ на рѣшеніе. Онъ былъ способенъ вести съ ними бесѣду и оживлять эти томы мыслей. Между тѣмъ, близость такихъ геніевъ, изъ которыхъ тотъ или другой внушилъ ему всѣ преобладающія его идеи, вторично доказываетъ примѣромъ Сведенборга, какъ трудно уму и самой высокой плодотворности, быть совершенно оригинальнымъ, быть первымъ воспріемникомъ и провозвѣстникомъ одного изъ законовъ природы.

Сведенборгъ назвалъ образъ воззрѣній, къ которому онъ прилѣпился, Ученіемъ о *Формахъ*, о *Прогрессіяхъ*, или *Степеняхъ*, о *Вліяніи* или *Наитіи*, о *Соотношеніяхъ*. Съ такимъ ученіемъ стоитъ познакомиться по его собственнымъ сочиненіямъ. Не всякій можетъ читать ихъ, но тотъ кто прочтетъ, будетъ вознагражденъ за трудъ. Это цѣлая библіотека для твердо мыслящаго и уединеннаго ученаго. Онѣ составляютъ около 50 томовъ; изъ

нихъ половина посвящена ученымъ, другая богословскимъ предметамъ. Послѣ цѣлаго вѣка забвенія, Сведенборгъ нашелъ наконецъ жаркаго послѣдователя въ Лондонѣ, Мистера Уилькинсона, который перевелъ творенія своего учителя съ латинскаго на англійскій языкъ. Сила ума, постиженія и воображенія переводчика могутъ быть сравнены только съ высокими дарованіями лорда Бэкона. Великолѣпное предисловіе, которымъ М. Уилькинсонъ обогатилъ эти томы, превосходятъ своимъ блескомъ всю современную англійскую философію, и не позволяютъ мнѣ, послѣ него, ничего прибавить отъ себя.

Сведенборгова *Экономія Животнаго Царства*, одна изъ тѣхъ книгъ, которая всюду-выдержанною возвышенностью мыслей, дѣлаетъ честь роду человѣческому. Она была написана съ высочайшею изъ всѣхъ цѣлей — помирить наконецъ душу и науку, такъ давно разошедшіяся одна отъ другой. Этотъ анатомическій отчетъ о человѣческомъ тѣлѣ выраженъ самымъ высокимъ поэтическимъ языкомъ. Сведенборгъ не даромъ изучилъ лучи и металлы. Разнообразныя и основательныя знанія придаютъ его слогу блескъ и искрометность мысли, похожій на тѣ зимнія утра, когда воздухъ серебрится кристаллами. Онъ могъ быть отличнымъ космологомъ, по врожденной способности усматривать тождественность и не останавливаться предъ огромностью предмета. Въ атомѣ магнитнаго желѣза онъ видѣлъ силу, могущую производить спиральное движеніе планетъ и солнца.

Его убѣжденія основаны на всемірности каждаго закона

въ природѣ; на вѣрованіи Платона въ степени или въ восходящую лѣстницу; на изліяніи или сліяніи одного въ другое, изъ чего проистекаетъ взаимная относительность каждой изъ частей. Ему обнаружилась прекрасная тайна, что малое объясняетъ большое, а большое малое;—и средоточіе человѣка въ природѣ, и повсемѣстно существующее соприкосновеніе во всемъ;—онъ видѣлъ, что человѣческое тѣло въ точномъ смыслѣ всемірно, что оно орудіе, посредствомъ котораго, душа воспринимаетъ свою пищу, между тѣмъ, какъ его питаетъ все что́ ни есть въ матеріи. Рѣшительный противоборникъ скептицизма, онъ держался того, что „чѣмъ болѣе человѣкъ мудръ. тѣмъ болѣе онъ поклонникъ Божества“. Вообще, онъ вѣровалъ въ философію тождественности (*(Identity philosophy)* и былъ твердымъ и сильнымъ ея поборникомъ.

Эта теорія, получившая свое начало отъ самыхъ древнихъ философовъ, теперь блистательно доказывается новѣйшими. Ея давнишній афоризмъ: „Природа всегда сходна сама съ собою“, то есть, природа безпрерывно примѣняетъ одинъ и тотъ-же способъ на различныхъ ступеняхъ своихъ дѣйствій. Напримѣръ: глазокъ, или растительная почка развертывается въ листокъ, потомъ въ другой; она надѣлена возможностью преобразовать листокъ въ корень, стебель, чашечку, лепестокъ, пестикъ, мѣшечекъ, сѣмя.—Въ животномъ, природа образуетъ позвонокъ или позвоночный хребетъ и, модифируя эту форму, измѣняя ея направленіе, продолжаетъ свою работу до извѣстнаго предѣла, довершая ее на верхнемъ концѣ ру-

ками съ ихъ кистью и пальцами, на нижнемъ—ногами и ступнею.—На вершинѣ позвоночнаго столба, она утверждаетъ новый хребетъ, который своими впадинами, выпуклостью и округленіемъ образуетъ черепъ съ соотвѣтствующими оконечностями. Верхняя челюсть можетъ быть поставлена въ параллель рукамъ, нижняя—ногамъ, зубы—пальцамъ. Этотъ новый хребетъ назначенъ для отправленій высшаго разряда. По мнѣнію Платона, въ Тимеѣ, этотъ второй человѣкъ, поставленный на плеча перваго, почти можетъ отрубить свое туловище и жить независимо, своеобычно. Внутри его, все, что̀ было сдѣлано въ туловищѣ, повторяется еще разъ на болѣе возвышенный образецъ, и природа снова перетверживаетъ заданный урокъ. Мозгъ—это усовершенствованное, утонченное тѣло мысли; въ немъ опять совершается процессъ питанія, посредствомъ вбиранія, выработки и усвоенія себѣ опытности; посредствомъ изверженія и воспроизведенія новыхъ эѳирныхъ элементовъ. И нѣтъ предѣла лѣстницѣ восхожденія: ступень слѣдуетъ за ступенью. Все, что̀ стоитъ на грани одной, переходитъ въ ближайшую, послѣдующую; въ точности повторяющую каждый о̀рганъ, каждое отправленіе предшествовавшей. Мы принаровлены къ безконечности. На насъ трудно угодить: мы не можемъ любить ничего, чему видимъ конецъ, — и его нѣтъ въ природѣ. Окончаніе одного назначенія переходитъ въ назначеніе высшее, и такое восхожденіе, продолжаясь, достигаетъ существъ духовныхъ, небесныхъ. Сама природа помогаетъ нашему стремленію въ высь и въ безконечность. Творче-

скія ея силы, подобно музыкальному композитору, безустанно наигрываютъ простую тему или арію, то громко, то едва внятно; то какъ соло, то цѣлымъ хоромъ, сто-тысячъ разъ отглашеннымъ, пока и небо, и земля не наполнятся ея пѣснью.

Притомъ, въ ней нѣтъ такого закона всеобщности, котораго нельзя-бы услѣдить въ большомъ и маломъ. Кровяные шарики обращаются въ нашихъ жилахъ на своей оси, какъ планеты на небѣ; круговоротныя же движенія нашихъ умственныхъ изъисканій и заключеній соотвѣтствуютъ теченію свѣтилъ. Тяготѣніе, объясненное Ньютономъ, хорошо; но оно становится еще выше, когда мы находимъ по химіи, распространеніе того же закона, начиная отъ сплошныхъ массъ до дробныхъ частицъ; и когда атомистическая теорія указываетъ на ту-же механичность въ химическихъ дѣйствіяхъ. Метафизики свидѣтельствуютъ о своемъ родѣ тяготѣнія, присущемъ въ феноменахъ умственныхъ, а приводящія въ ужасъ статистическія таблицы Франціи подводятъ подъ точность цифернаго исчисленія каждую прихоть, каждую блажь. Если одинъ, на двадцать или тридцать тысячъ человѣкъ, любитъ ѣсть сапоги, или женится на своей бабушкѣ, то въ каждыхъ другихъ двадцати или тридцати тысячахъ, найдется человѣкъ, который тоже ѣстъ сапоги, или женится на своей бабушкѣ. И такъ, то что̀ мы называемъ тяготѣніемъ и считаемъ довершеніемъ, есть только одинъ рукавъ могучей рѣки, для которой мы не нашли еще и имени. Астрономія, превосходная вещь, но она должна войти въ жизнь,

чтобъ получить полную свою цѣнность, а не ограничиваться шаровидными тѣлами и разстояніями, тамъ, въ пространствахъ *).

Эти величественныя риѳмы или созвучія, повторяемыя въ мірозданіи, — которыя поражаютъ насъ удивленіемъ, при каждомъ своемъ оборотѣ, какъ новое, еще невиданное выраженіе на лицѣ намъ миломъ и хорошо-знакомомъ; выраженіе, придающее его чертамъ видъ чуждый и преображающее его обликъ во что-то божественное,—все это восхищало пророческій глазъ Сведенборга. Онъ долженъ быть почтенъ главою того переворота, который, осмысливъ науку, далъ безцѣльному собранію опытовъ — форму, руководство и животрепещущее сердце. Онъ подсмотрѣлъ какъ природа „вьется вокругъ вѣчно-продолжающейся спирали, и ось ея никогда не скрипитъ, и колеса никогда не разсыхаются"; иногда, онъ почти былъ готовъ проникнуть въ то сокровенное убѣжище, гдѣ она „сидитъ у горна, въ нѣдрахъ своей лабораторіи";—и между тѣмъ, его картины отличаются строгою вѣрностью, съ которою онѣ основаны на практической анатоміи. Немногіе, съ такою проницательностью, подмѣтили или выразили неуловимый образъ дѣйствій природы и то условіе, что ко-

*) Желаніе Эмерсона, нѣсколько уже разъ имъ выраженное и обращенное къ астрономіи, можетъ теперь быть удовлетворено превосходнымъ произведеніемъ французскаго астронома Фламмаріона: „*La Pluralité des mondes habités*", и не менѣе замѣчательною книгою *Pezzani*, служащей ему дополненіемъ. Обѣ эти книги, дѣйствительно ввели астрономію въ жизнь; ихъ стоитъ прочесть каждому мыслящему человѣку. *Примѣч. перев.*

гда онъ не обнаруживается въ видимыхъ проявленіяхъ, и будто прячется такъ, что нельзя указать куда что̀ скрылось,—то наука можетъ и должна отъискать его слѣды. Это домогательство найти куда переходитъ та сила, то свойство, которыя довершили свое послѣднее дѣйствіе на одномъ поприщѣ и должны начать его на другомъ, высшемъ,—придаетъ необыкновенное оживленіе его „*Животному Царству*“. Книга почти становится существомъ.

Мнѣніе древнихъ: Иппократа, Левкиппа, Платона, кратко выраженное афоризмомъ Мальпиги: „природа во всей полнотѣ пребываетъ и въ наименьшемъ“, — было одною изъ любимыхъ тэмъ Сведенборга. „Неизмѣненъ законъ органическихъ тѣлъ—говоритъ онъ, — по которому большая, составная или видимая форма, есть ничто иное какъ производство и сложность меньшихъ, простѣйшихъ, напослѣдокъ, даже неосязаемыхъ формъ. Эти-же дѣйствуютъ на подобіе самыхъ огромныхъ, но еще съ бо̀льшимъ совершенствомъ и общностью, такъ что могутъ дать полное понятіе о всей своей совокупности“. Языкъ, напримѣръ, состоитъ изъ совокупности крошечныхъ язычковъ; сердце, желудокъ, печень, словомъ—каждый о̀рганъ есть сложность отдѣльныхъ маленькихъ о̀рргановъ, во всемъ сходныхъ съ большимъ, составнымъ. Эта богатая идея даетъ ключъ ко многимъ тайнамъ. То, что̀ недоступно для глаза по своей малости, можетъ быть разсмотрѣно въ совокупности; слишкомъ-же громадное — въ своихъ единичныхъ частяхъ. Та-же мысль служитъ ключомъ

и для его Богословія: „Человѣкъ есть нѣкоторый родъ невыразимо малаго неба; онъ имѣетъ отношеніе къ міру духовъ и къ небу. Каждая частная мысль человѣка, каждое чувство, даже самая крошечная часть чувства, есть уже его изображеніе и подобіе. Достаточно одной самой простой мысли для постиженія духа“.

Отважный геній Сведенборга сдѣлалъ послѣдній шагъ: онъ возмечталъ, что можетъ овладѣть наукою изъ наукъ, — постигнуть и объяснить значеніе міра. Уже въ одномъ примѣчаніи къ I тому „Животнаго Царства“, онъ сказалъ: „Въ нашемъ изложеніи о Знаменательности и о Соотношеніяхъ, мы поговоримъ о символическомъ и типическомъ сходствѣ и о дивныхъ вещахъ, совершающихся не только въ живыхъ тѣлахъ, но повсемѣстно въ природѣ, и до того соотвѣтствующихъ порядку высшему, духовному, что можно присягнуть, что міръ физическій есть только символъ міра духовнаго. Мы докажемъ это тѣмъ, что выразивъ какой-нибудь законъ физическій, переведемъ его термины на соотвѣтствующія имъ выраженія отвлеченныя и, посредствомъ одного этого способа, выйдетъ, что мы изрекли богословскій догматъ или духовную истину, на мѣсто устава или закона матеріальной природы; хотя нельзя подозрѣвать сначала, чтобы чрезъ буквальную перестановку словъ, могло произойти что-нибудь подобное между двумя законами, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія къ другому. Надѣюсь, впослѣдствіи представить множество примѣровъ подобныхъ соотношеній, вмѣстѣ съ

словаремъ, содержащимъ названіе духовныхъ предметовъ, которое можетъ замѣнять названіе предметовъ физическихъ. Символизмъ проникаетъ всѣ существующія тѣла".

Этотъ фактъ, изложенный здѣсь такъ ясно и такъ твердо, встрѣчается и въ поэзіи, и въ аллегоріяхъ; въ басняхъ и въ примѣненіи эмблемъ; онъ входитъ въ составъ каждаго языка. Платонъ, какъ это видно по его дважды разсѣченной линіи, въ шестой книгѣ Республики, имѣлъ понятіе объ этомъ фактѣ. — Бэконъ находилъ, что истина разнится отъ природы, на сколько печать отличается отъ своего оттиска, и привелъ въ примѣръ нѣсколько предложеній, взятыхъ изъ міра физическаго, съ ихъ переводомъ на нравственное или политическое значеніе. Бёме и всѣ мистики провозглашаютъ этотъ законъ въ своихъ темныхъ загадочныхъ писаніяхъ. Поэты, по мѣрѣ своего поэтическаго дара, употребляютъ символъ; но онъ знакомъ имъ такъ, какъ въ продолженіе вѣковъ былъ знакомъ магнитъ — единственно, какъ игрушка. Сведенборгъ, первый далъ этому факту отдѣльное, паукообразное положеніе, потому что этотъ фактъ былъ присущъ ему всюду, и никогда не бывалъ ему невидимъ. Онъ, какъ мы уже это объяснили, стоитъ въ связи съ ученіемъ Сведенборга о тождественности или повторительности; потому что умственныя прогрессіи въ точности соотвѣтствуютъ прогрессіямъ міра матеріальнаго. Но нужно было имѣть большую проницательность, чтобы расположить такія вещи по порядку и по прогрессіямъ; или говоря лучше, нужна была такая прямота положенія для того, чтобы основная точка

зрѣнія была такъ правильно установлена на самую ось мірозданія.

Да, въ теченіи пяти или шести тысячелѣтій, земля вскармливала родъ человѣческій; онъ дошелъ до наукъ, до философіи, до религіи, и между тѣмъ, никому не удалось разглядѣть соотвѣтственности значеній между каждою частью одной и каждою частью другой стороны. И до сего часа, ни одна книга — въ какой-бы то ни было литературѣ — не истолковала научнымъ образомъ символизма предметовъ. Но, можно положительно утверждать, что лишь только люди получили-бы малѣйшій намекъ о томъ, что каждый чувственный предметъ: — скала, животное, рѣка, воздухъ, самое время и пространство существуютъ не ради себя, даже не ради какой-бы то ни было окончательной матеріальной цѣли, но какъ живописательная рѣчь, гласящая иное сказаніе о существахъ и объ обязанностяхъ, — тогда, всѣ другія науки были-бы отложены въ сторону, и одна эта многообѣтная наука заняла-бы всѣ наши способности, — для того, чтобы каждый человѣкъ допытывался значенія всего видимаго и спрашивалъ: Почему самъ я, съ моими печалями и радостями, со всѣхъ сторонъ замкнутъ небосклономъ, именно въ этой средѣ? Почему слышится мнѣ тотъ-же смыслъ, въ безчисленно разнообразныхъ голосахъ? Зачѣмъ приходится мнѣ читать одинъ и тотъ-же, но нигдѣ вполнѣ выраженный фактъ, на безконечно живописательномъ языкѣ? — Какъ-бы то ни было, отъ того-ли, что такихъ вещей не передать ни умомъ, ни наукою; отъ того-ли, что много и

много вѣковъ должны быть употреблены на то, чтобы произвести и выработать рѣдкій и роскошный духъ, для подобнаго назначенія;—но, нѣтъ кометы, слоя скалы, ископаемаго, рыбы, четвероногаго, поросля, которые не заняли-бы спеціально многихъ ученыхъ и комментаторовъ, гораздо болѣе нежели значеніе и верховная цѣль всего мірозданія.

Сведенборзъ не довольствовался кухонною пользою земли. На пятьдесятъ-четвертомъ году его жизни, имъ сильно овладѣли подобныя мысли, и его глубокій и обширный умъ поддался опасному убѣжденію—нерѣдкому въ исторіи вѣрованій,—что ему даровано преимущество бесѣдовать съ духами и съ ангелами, и что его посольство состоитъ именно въ обязанности истолковать нравственное значеніе міра, подлежащаго нашимъ чувствамъ. Къ весьма основательному и вмѣстѣ тонкому и широкому воззрѣнію на гармонію въ природѣ, онъ присоединялъ пониманіе нравственныхъ законовъ, въ ихъ пространнѣйшихъ и всеобъемлющихъ видахъ: но, вѣроятно, по какой-то чрезмѣрной наклонности своего организма къ образности, онъ видѣлъ все не въ отвлеченномъ смыслѣ, но въ картинахъ; слышалъ—въ разговорахъ, пересказывалъ какъ о событіяхъ; и всякій разъ, когда онъ покушался возвѣстить законъ самымъ разумнымъ образомъ, что-то принуждало его перелагать этотъ законъ въ притчу, въ иносказаніе.

Новѣйшая психологія не представляетъ ни одного подобнаго примѣра нарушеннаго равновѣсія. Главныя его способности продолжали дѣйствовать совершенно нормально, и читатель, который отдастъ должную часть снисхож-

денія странностямъ вѣщателя, найдетъ въ его вѣщаніяхъ много поучительнаго и много поразительныхъ удостовѣреній въ величіи законовъ, провозглашаемыхъ имъ: а это важнѣе всего того, что̀ можетъ предожить намъ хорошо уравновѣшанная глупость. Самъ онъ, стараясь описать *характеръ* своего необыкновеннаго состоянія, говоритъ, что присутствіе его въ духовномъ мірѣ сопряжено съ нѣкоторымъ отлученіемъ, но только „мыслительной способности ума, а отнюдь не воли", и онъ утверждаетъ, что „видитъ внутреннимъ окомъ предметы того міра гораздо яснѣе, чѣмъ тѣ, которые находятся на здѣшнемъ свѣтѣ".

Принявъ за убѣжденіе, что нѣкоторыя книги Св. Писанія суть настоящія аллегоріи или, что онѣ написаны въ состояніи вдохновенномъ, сверхчеловѣческомъ, онъ посвятилъ остальные годы своей жизни на высвобожденіе духовнаго, вселенскаго ихъ смысла изъ буквальнаго. Онъ заимствовалъ отъ Платона прелестный вымыселъ „о весьма древнемъ народѣ, о людяхъ, лучше насъ, жившихъ ближе къ богамъ"; Сведенборгъ прибавилъ, что „они пользовались землею символически, и при видѣ вещественныхъ предметовъ, не думали о нихъ, а только о томъ что̀ они изображаютъ", Вслѣдствіе этого, онъ занялся отъисканіемъ отношеній между предметомъ и его значеніемъ. „Даже органическая форма соотвѣтствуетъ цѣли, къ которой она предназначена". — „Человѣкъ, въ общности или въ частности, есть организованная справедливость или несправедливость, себялюбіе или самоотверженіе".— Причина, по которой всѣ отдѣльные предметы, на землѣ

и на небѣ, служатъ знаменованіемъ, происходитъ отъ того, что они существуютъ вліяніемъ на нихъ Господа“, говоритъ онъ въ Arcana.

Мысль отъискать отношеніе всего созданнаго къ Создателю, такая мысль, достойно осуществленная, была-бы поэмою міра, въ которой вся исторія, всѣ науки разыгрывали-бы приличную имъ роль; — эта мысль, по несчастію, была искажена и съужена направленіемъ исключительно богословскимъ, которому онъ поддался въ своихъ изысканіяхъ. Его воззрѣнія на мірозданіе и не человѣчны и не всемірны: онѣ исполнены мистицизма и гебраизма. Онъ подчиняетъ каждый предметъ видимой пророды теологическому толкованію. Конь означаетъ плотскую смышленность; луна — вѣру; кошка значитъ то, страусъ другое, артишекъ третье; и жалко гнетъ онъ каждый символъ, для приданія ему церковнаго смысла. Нѣтъ, нелегко поймать скользкаго Протея! Въ природѣ каждый отдѣльный символъ играетъ безчисленныя роли, и наоборотъ — всякій атомъ вещества проникаетъ во всѣ прочіе отдѣлы творенія. Вслѣдствіе центральной тождественности, каждый символъ одаренъ возможностью выражать всѣ качества и всѣ несовершенства живаго существа. Природа скоро отмщаетъ каждому педанту, посягающему наложить оковы на ея волны. Она не литераторъ. Одно вдохновеніе можетъ уловить ее подчасъ, и намъ нужно быть на вершинѣ нашихъ силъ и способностей, чтобы хоть что-нибудь понять въ ней, такъ какъ слѣдуетъ.

Эта неумѣстная богословская наклонность роковымъ об-

разомъ понизила его изъясненія природы, и словарь символовъ еще надлежитъ написать. Но истолкователь, еще ожидаемый человѣчествомъ, не найдетъ предшественника, стоявшаго къ истинной разгадкѣ, ближе Свенденборга.

На заглавныхъ листахъ своихъ твореній, Сведенборгъ называетъ себя: *„Рабомъ Господа Іисуса Христа"*, по силѣ-же своего ума и вліянія, онъ можетъ быть названъ великимъ богословомъ, и преемникъ ему найдется не такъ скоро. Неудивительно, что глубина нравственной мудрости доставляетъ ему вліяніе законоучителя. Его религія владычествуетъ надъ мыслью и находитъ себѣ повсемѣстное приложеніе. Онъ представляетъ вамъ ее со всѣхъ сторонъ; одушевляетъ ею каждое мгновеніе жизни, даетъ цѣну и смыслъ каждому событію. Здѣсь преподается ему ученіе, сопровождающее его и во снѣ и въ бодрствованіи; показывающее ему при всякомъ помыслѣ, изъ какого отдаленнаго истока наше мышленіе ведетъ свое начало.

Оно указываетъ ему въ обществѣ, какимъ сродствомъ онъ примыкаетъ къ единомысленникамъ, и какимъ къ противоборникамъ;—оно подводитъ его къ предметамъ, находящимся въ природѣ и знакомитъ съ ихъ происхожденіемъ и значеніемъ: какіе изъ нихъ дружелюбны и какіе пагубны;—наконецъ, оно отверзаетъ ему міръ будущій, удостовѣряя его въ продолженіи тѣхъ-же самыхъ законовъ. Всѣ читатели Сведенборга свидѣтельствуютъ, что духъ ихъ мужаетъ отъ изученія его книгъ.

Чрезвычайно, однако, трудна задача критическаго об-

зора его богословскихъ сочиненій: неоспоримое ихъ достоинство вселяетъ глубокое почтеніе и, между тѣмъ, невозможно обойтись безъ серьезныхъ оговорокъ. Ихъ безмѣрное, песчаное изобиліе похоже на саваны и пустыни, тогда какъ несообразности напоминаютъ горячечный бредъ. Онъ излишнемногословенъ въ своихъ толкованіяхъ, и его понятіе о людскомъ невѣжествѣ странно-преувеличено. Люди, напротивъ того, очень скоро схватываютъ истины подобнаго рода. Но какъ онъ богатъ доводами, какой великолѣпный изъискатель всего того, что̀ намъ такъ нужно знать! Мысль его пребываетъ на сходствѣ самой сущности вещей; онъ видитъ его въ ихъ началахъ и въ ихъ отправленіяхъ, а не въ наружномъ ихъ устройствѣ. Этотъ методъ и порядокъ его изложенія истинъ — неизмѣненъ. Онъ постоянно проводитъ свои заключенія отъ внутренняго къ внѣшнему. И во всемъ какая важность, какая вѣскость! Его глазъ никогда не блуждаетъ: въ немъ нѣтъ ни искры тщеславія, ни малѣйшаго обращенія на самого себя, по какому-бы ни было движенію авторскаго самолюбія! Пускай онъ теоретикъ, пускай умозритель! но ни одному практическому человѣку во вселенной нейдетъ принимать насмѣшливый видъ въ отношеніе его. Въ сравненіи съ нимъ, Платонъ — просто академикъ: его мантія, хотя изъ пурпурной, хоть изъ эфирной ткани, своими широкими складками, все-же мѣшаетъ свободѣ его движеній. Но этотъ мистикъ величественъ даже для Кесаря и самъ Ликургъ преклонился-бы предъ нимъ.

Сведенборгъ, одаренный высокою нравственною прозор-

ливостью; Сведенборгъ, исправитель общепринятыхъ заблужденій, провозвѣстникъ законовъ чистой этики, изъятъ отъ всякаго сравненія съ какимъ-бы то ни было писателемъ новыхъ временъ. Ему по праву принадлежитъ мѣсто, незанятое въ продолженіи многихъ вѣковъ, — среди законодателей человѣчества. Медленное, но властительное вліяніе, пріобрѣтенное имъ, какъ и другими геніями религіи, должно быть также чрезмѣрно и имѣть свой приливъ и отливъ, пока оно не установится въ постоянномъ уровнѣ. И конечно, все, что есть въ немъ существеннаго и всемірнаго, не будетъ ограничено кружкомъ людей, вполнѣ сочувствующихъ его генію, но перейдетъ въ всеобщее достояніе мудраго и праведнаго образа мыслей. Міръ имѣетъ непогрѣшительную лабораторію: съ ея помощью, онъ извлекаетъ все, что есть превосходнаго въ его дѣтяхъ, и отметаетъ немощное и ограниченное самыхъ возвышенныхъ умовъ.

Метампсихоза, общепринятая въ древней греческой Миѳологіи, собранной Овидіемъ, и въ переселеніи душъ Индусовъ, у которыхъ она является *объективно* и дѣйствительно свершается въ тѣлахъ, вслѣдствіе испорченной воли, — метампсихоза принимаетъ у Сведенборга высокофилософическій характеръ. Она *субъективна* и вполнѣ зависитъ отъ образа мыслей человѣка. Все въ мірѣ само собою принимаетъ различный видъ, согласно съ преобладающими наклонностями каждаго. Каковы чувства и мысли, таковъ и человѣкъ; а каковъ онъ, такими и кажутся ему предметы. Человѣкъ становится человѣкомъ по доброка-

чественности своихъ хотѣній, а не по качеству своего знанія и смышленности: «Все, на что ни взглянутъ ангелы, становится ангельскимъ. Каждый Сатана кажется для самого себя человѣкомъ; для духовъ, такихъ-же падшихъ какъ самъ онъ, — даже очень-порядочнымъ человѣкомъ; для душъ-же очищенныхъ, онъ — куча падалицы".

И вотъ, мы вступаемъ въ міръ настоящей поэмы въ дѣйствіи. Противоборство постановленіямъ исчезаетъ; всюду притяженіе; родное ищетъ сроднаго. Земные браки расторжены. Одно внутреннее сходство соединяетъ въ мірѣ духовномъ. Каждый самъ себѣ созидаетъ и обитель и положеніе. То, что мы называемъ поэтическою справедливостью, свершается во мгновеніе ока. Духи терзаются страхомъ смерти и никакъ не могутъ припомнить, что они уже умерли. Тѣ, кто были злы и коварны, боятся всѣхъ прочихъ. Неисполнившіе дѣлъ милосердія и сострадания блуждаютъ и носятся взадъ и впередъ; собесѣдники, къ которымъ они приближаются, понимаютъ ихъ свойства и отгоняютъ ихъ прочь. Корыстолюбцамъ мнится, что они живутъ въ подвалахъ, гдѣ зарыты ихъ сокровища, и что ихъ поѣдаетъ моль.

У Сведенборга множество золотыхъ изреченій, которыя съ необыкновенною красотою выражаютъ этическіе законы: — "Ангелы на небѣ безпрерывно приближаются къ весенней порѣ своей юности, такъ что самый старшій изъ нихъ кажется самымъ младшимъ". — „Чѣмъ болѣе ангеловъ, тѣмъ болѣе простору". — „Совершенство человѣка состоитъ въ желаніи приносить пользу и добро". — „Цѣль

возвышается, по мѣрѣ пониженія матеріальной природы". — „Человѣкъ, въ совершенствѣ своего образа — это небо". — „По звуку голоса, ангелы распознаютъ любовь человѣка; по произношенію звуковъ — его мудрость; по смыслу словъ — его знаніе".

Въ *„Супружеской Любви"*, Сведенборгъ изложилъ ученіе о бракѣ. Про эту книгу можно сказать, что не смотря на самые возвышенные элементы, она не достигла успѣха. Онъ приблизился ею къ „Гимну о Любви", которой Платонъ коснулся въ своемъ *„Банкетѣ"* — къ той любви, которую провозгласилъ Данте, которую воспѣлъ Казелла, какъ одного изъ ангеловъ Эдема, и которая, если-бы она была достойно восхвалена и въ своихъ началахъ, и въ своей плодотворности, и въ красотѣ своихъ дѣйствій, — вполнѣ могла-бы привести въ восторгъ всѣ души, явясь какъ родоначальница всякаго благоустройства въ обычаяхъ и въ нравахъ. Это была-бы великая книга, если-бы гебраизмъ былъ отложенъ въ сторону, и законъ ея утвержденъ, безъ готичества, на одной этикѣ, съ произвольнымъ стремленіемъ къ возвышенію, требуемомъ самою сущностью предмета.

Но у него прекрасно развито платоническое понятіе о бракѣ, поучающее, что полъ повсемѣстенъ, что мужественность выражается въ каждомъ дѣйствіи, органѣ, помыслѣ мужчины, равно какъ и женственность въ женщинѣ. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, или въ мірѣ духовномъ, брачный союзъ безпрерывенъ, полонъ, совершененъ, и цѣломудріе не есть мѣстная, но всеобъемлющая добродѣтель.

Отсутствіе цѣломудрія обнаруживается въ каждомъ поступкѣ: въ торгѣ и въ разговорѣ, въ земледѣліи и въ философствованіи, точно также какъ и въ бракѣ. И Сведенборгъ видѣлъ, что хотя на небѣ, дѣвы прекрасны, но жены несравненно прекраснѣе, и красота ихъ возрастаетъ болѣе и болѣе.

По своему обычаю, Сведенборгъ сжалъ, однако, свою теорію въ форму временную. Онъ преувеличиваетъ случайное обстоятельство брака, и хотя находитъ на землѣ несовмѣстныя супружества, воображаетъ болѣе мудрые выборы на небѣ. Но въ душахъ прогрессивныхъ всякая любовь и дружба преходящи. *Любишь-ли ты меня?* значитъ: Видишь-ли ты ту-же истину? — Если да, — мы счастливы одинаковымъ счастіемъ. Но вотъ, одинъ изъ насъ доходитъ до умозрѣнія новой истины, — мы расходимся, и никакія силы въ мірѣ не могутъ удержать тогда одного возлѣ другаго. О, знаю я, какъ сладостна эта чаша любви: ты живешь для меня, я—для тебя! Но это ничто иное какъ ребяческое пристрастіе къ игрушкѣ, какъ попытка увѣковѣчить домашній очагъ и свадебную горницу; желаніе не выпустить изъ рукъ дѣтскую азбуку, которую мы выучили, шутя. Эдемъ Господень подавляетъ своимъ величіемъ и обширностью; онъ кажется намъ холоденъ и суровъ какъ пустынная окрестность, наводящая на насъ ошорохъ, когда мы грѣемся вечеркомъ у пылающихъ угольевъ камина; но мы снова пускаемся въ путь, и намъ кажутся жалки тѣ, кто лишаетъ себя великолѣпія природы, для картъ и для свѣчнаго освѣщенія.

Можетъ быть, настоящая сущность *„Супружеской Любви“* заключается въ *„Бесѣдѣ“*, гдѣ всѣ положенія глубоко обдуманы. Онѣ однако оказываются несостоятельными въ буквальномъ примѣненіи къ браку, потому что Небо не есть сочетаніе двухъ, но общеніе всѣхъ душъ, и Господь — верховный женихъ и невѣста души. Мы-же встрѣтимся, пробудемъ минуту другъ съ другомъ въ храмѣ одной мысли и разстанемся, какъ-бы не разставаясь, чтобы пріобщиться къ другой мысли, съ другими соучастниками блаженства. И такъ, не только нѣтъ ничего божественнаго въ плохомъ и особняющемъ смыслѣ того вопроса: *„Любишь-ли ты меня?“* но я, напротивъ, тогда лишь захочу сблизиться и стать рядомъ съ вами, когда вы покидаете и лишаетесь меня, чтобы предаться чувству, которое выше васъ и меня; но я отвергнутъ, когда, устремивъ глаза на меня, вы еще жаждете любви. — Фактически, въ духовномъ мірѣ, мы ежеминутно мѣняемъ полъ. Вы любите во мнѣ достойнѣйшаго изъ двухъ — я вашъ мужъ; не я, однако, а мои качества рѣшаютъ нашу любовь; но что за капля эти качества въ сравненіи съ океаномъ достоинствъ, которыя превосходятъ мои! — Тѣмъ временемъ, я обожаю высшія достоинства въ другомъ, и становлюсь въ его отношеніи — женою. Онъ стремится къ еще высшимъ доблестямъ другаго духа, слѣдовательно, онъ его жена или воспріемникъ его вліянія.

Отъ преувеличеннаго-ли наблюденія за собою, или по отвращенію къ грѣху, Сведнборгъ впалъ въ мнительность, эту особенную немощь излишней совѣстливости. Я ссы-

лаюсь на его презрѣніе къ мышленію и на отдѣленіе добра отъ знанія: „Разсуждать о вѣрѣ—значитъ сомнѣваться и отрицать“, говоритъ онъ, и это щепетильное мнѣніе повторяется безпрестанно. Такія избитыя фразы внушаютъ намъ грустную мысль, что въ этомъ-то и скрывался корень его болѣзненнаго состоянія, что этимъ-то онъ и поплатился, можетъ-быть, за переломъ, происшедшій въ его способностяхъ. Успѣшная или удачная геніальность зависитъ, повидимому, отъ счастливаго согласованія ума и сердца; отъ надлежащей пропорціи, которую трудно опредѣлить, между нравственными и умственными силами. Но слишкомъ переполненную чашу трудно нести, и этотъ человѣкъ, щедро одаренный и умомъ и сердцемъ, скоро впалъ въ разладъ съ самимъ собою. Въ своемъ *Животномъ Царствѣ* онъ провозгласилъ, что предпочитаетъ анализъ синтезису, и вдругъ, проживъ болѣе пятидесяти лѣтъ, онъ начинаетъ презирать разумъ, и хотя сознаетъ, что ни истина ни добро не могутъ быть объединены, но оба должны сочетаться и слиться, онъ принимается ратовать противъ своего разсудка; въ виду этого, становится на сторону одной совѣстливости, и на каждомъ шагу изрекаетъ на него хулы и клеветы. Насильственное расторженіе отмщается немедленно. Красота теряетъ свою прелесть, любовь — любезность, когда отрицаешь цѣлую половинную часть неба — истину. Сведенборгъ мудръ, но онъ остается мудръ, наперекоръ себѣ. Есть что-то безконечно печальное въ этой подложной вселенной, въ ней всюду и отовсюду слышатся вопли. На мѣстѣ провозвѣст-

ника возсѣлъ вампиръ, и съ мрачною ненасытностью онъ не отводитъ глазъ отъ образовъ мукъ. Новый адъ и новая преисподняя, одна отвратительнѣе другаго, вмѣщаютъ то тѣ, то другія толпы законопреступниковъ.

Сведенборгъ нисходилъ туда по столбу, казавшимся изъ ярой мѣди, но его образовали небесные духи, заботящіеся, чтобы онъ невредимо посѣтилъ обитель злополучныхъ, и былъ свидѣтелемъ ихъ мукъ. Тамъ долго и долго слушалъ онъ ихъ стенанія; видѣлъ ихъ мучителей, увеличивающихъ и усиливающихъ всѣ казни до безконечности. Онъ видѣлъ адъ обманщиковъ, адъ смертоубійцъ, адъ сластолюбцевъ, адъ мстительныхъ, преисподнюю коварныхъ и даже сточныя ямы преисподнихъ....

Съ его книгами должно обходиться осторожно. Опасно изваявать эти мимолетныя представленія мысли. Истинныя въ своей призрачности, онѣ становятся лживы въ опредѣленномъ видѣ. Мудрый народъ греческій имѣлъ обыкновеніемъ, для довершенія воспитанія, принимать самыхъ даровитыхъ и нравственныхъ юношей въ участники Элевзинскихъ таинствъ. Постепенно и съ большою торжественностью вводили ихъ въ святилище, гдѣ высшія истины, ввѣренныя древней мудрости, были имъ преподаваемы. Молодой человѣкъ, ума пылкаго и созерцательнаго, можетъ, лѣтъ въ восемнадцать или въ двадцать, прочесть творенія Сведенборга—эти таинства любви и совѣсти—и потомъ отложить ихъ навѣки. Подобныя мечты посѣщаютъ всѣ пламенныя головы въ ту пору, когда мысль о раѣ и объ адѣ впервые поражаетъ ихъ. Но такія картины должны

считаться чисто-мистическими; то есть случайнымъ и произвольнымъ изображеніемъ истины, — но не самою истиною. Каждый другой символъ будетъ одинаково годенъ: въ такомъ случаѣ, на нихъ можно глядѣть безъ опасенія.

Сведенборгова система міра лишена центральнаго могущества внезапности; она основана у него на динамикѣ, не на силѣ жизни, не на могуществѣ порождать жизнь. Въ ней нѣтъ ни индивидуума, ни его свободной воли. Его вселенная — какой-то огромный кристаллъ, гдѣ все идетъ въ ненарушимомъ порядкѣ, но холодно, молчаливо, мертво; она сама будто окована магнетическимъ сномъ, и безстрастно отражаетъ волю магнетизера. Каждая мысль проникаетъ въ каждый отдѣльный умъ, вслѣдствіе вліянія общества духовъ его окружающихъ. Эти заимствуютъ вліяніе отъ духовъ высшихъ, и такъ далѣе. Всѣ его типы означаютъ одни и тѣ-же малочисленные предметы; всѣ лица ведутъ одну рѣчь, и всѣ разговаривающіе сведенборгствуютъ. Будь они кто имъ угодно, подъ конецъ, они все-же придутся подъ его стать: и король Георгъ II и Магометъ и самъ Цицеронъ. Куда дѣвался его Римъ, его краснорѣчіе? — онъ тотъ-же богословствующій Сведенборгъ. — Отъ недостатка индивидуализма, безцвѣтны его адъ и небо. Въ нихъ нѣтъ этихъ тысячеобразныхъ людскихъ отношеній. Нѣтъ того участія, естественно возбуждающагося въ нихъ къ тому или другому человѣку, потому что онъ отчасти правъ въ своемъ проступкѣ, отчасти виноватъ въ своей правотѣ; — потому что онъ не подходитъ ни подъ какую классификацію, ни подъ какое догматизи-

рованіе, — такъ много законностей, случайностей, возможностей, будущностей должно принимать въ соображеніе; — потому что иногда порокъ придаетъ ему силу, а добродѣтель отнимаетъ ее, — вслѣдствіе чего, онъ дѣляется понятенъ и доступенъ сочувствію своего рода. Этотъ недостатокъ отзывается даже и на средоточіи всей его системы. Вмѣшательство „Господа“ упоминается на каждой строкѣ какъ имя, но нигдѣ не досягаешь Бога Живаго. Нѣтъ блеска въ этомъ окѣ, которое призираетъ изъ своего центра, и должно-бы одушевлять неизмѣримую зависимость своихъ созданій.

Погрѣшность духа твореній Сведенборга состоитъ въ богословской ограниченности. Всюду съ нимъ, мы стоимъ въ Церкви: нигдѣ не проявляется необъятность всеподательной и всеобъемлющей премудрости. И онъ и Бёме впали въ заблужденіе отъ излишняго пристрастія къ символамъ Христіанства, мало радѣя притомъ о духѣ его нравственности, который заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ несмѣтности человѣчествъ, христіанствъ, божественностей.

Геній Сведенборга, обширнѣйшій изъ всѣхъ дарованныхъ душамъ новаго времени въ этой области думъ, истощилъ самъ себя въ усиліи сохранить и воскресить то, что уже достигло своего окончательнаго естественнаго предѣла. Нѣкоторые вѣковые, величественные образы утратили свое преобладаніе надъ мыслью и способомъ выраженій западныхъ Богопочитателей; но чрезмѣрность того вліянія обозначается у Сведенборга въ нескладной подра-

жательности иноземному витійству. „Что мнѣ за дѣло, можетъ сказать читатель, до сафира и до топаза, до яшмы и до сардоника, до кивота и до кущей, до прокаженныхъ и до смарагдовъ, до огненныхъ колесницъ, до драконовъ рогатыхъ и вѣнчанныхъ, до бегемота и до единорога? Это хорошо для жителей востока, а не для меня. И чѣмъ болѣе вы запасаетесь ученостью для истолкованія мнѣ всего этого, тѣмъ болѣе выказывается ваша дерзость. Чѣмъ обдуманнѣе и сплошнѣе ваша система, тѣмъ менѣе она мнѣ по сердцу“. — Еврейская муза, наставившая людей въ познаніи добра и зла, возъимѣла и надъ нимъ, какъ и надъ народами, свое преувеличенное вліяніе. Такою судорогою сведены всѣ его догматы. Его главное нравственное предписаніе—избѣгать зла, наравнѣ съ грѣхомъ; но онъ не объясняетъ въ чемъ состоитъ зло, въ чемъ добро? Человѣкъ можетъ бояться лихорадки, смерти и проч. Докажите ему, что эта боязнь, какъ и боязнь самого ада, есть уже *зло*. Докажите ему съ другой стороны, что по одной любви къ добру, по одному почтенію къ достопочтенному, онъ ужѐ становится сопричастенъ Ангеламъ и пребываетъ въ Богѣ. Чѣмъ менѣе мы имѣемъ дѣла съ грѣхомъ, тѣмъ лучше. Никто изъ насъ не достаточно богатъ, для того чтобы расточать жизнь на сокрушенія о грѣхахъ.

Другой его догматъ, который становится пагубенъ по своей ограниченности, заключается въ его „*Inferno*“. У Сведенборга есть діаволы. — Утверждать, что Зло можетъ существовать самостоятельно — есть крайній предѣлъ безвѣрія. Это атеизмъ, это окончательное святотатство. Ни-

что въ разумномъ существѣ не можетъ его себѣ усвоить. — Зло, по мнѣнію древнихъ, есть развивающееся добро. И справедливо сказалъ Эврипидъ:

Добро и бытіе — одно въ богахъ безсмертныхъ;
Приписывать имъ зло, ихъ значитъ отрицать.

До какого бѣдственнаго извращенія достигло готическое богословіе, что и самъ Сведенборгъ возмнилъ, будто для падшихъ душъ обращеніе невозможно! О нѣтъ! Божественное усиліе никогда не ослабѣваетъ: самая гниль, истлѣвающая на солнцѣ, превращается со временемъ въ зелень и цвѣты; а человѣкъ — будь онъ въ узахъ, въ темницѣ, на висѣлицѣ, — все-же находится на пути къ истинѣ и къ добру. Все поверхностно и все преходитъ, кромѣ истины и любви. Самое обширное всегда бываетъ самымъ истиннымъ понятіемъ, самымъ истиннымъ чувствомъ, и мы съ отрадою повторяемъ великодушныя слова индійскаго Вишну: „Вызываетъ дѣятельность тотъ долгъ, который не налагаетъ на насъ цѣпей; то знаніе, которое способствуетъ къ нашему высвобожденію. Всѣ-же прочія обязанности суть блага, переходящія въ истомленіе“.

Въ томъ-же духѣ, услышали мы вѣсть, что прозорливецъ достигнулъ въ своихъ странствіяхъ и неба. Но въ его небѣ нѣтъ красоты; оно похоже на *fête champêtre*, на евангелическій пикникъ, на раздачу наградъ добродѣтельнымъ поселянамъ во Франціи; его ангелы не даютъ намъ высокаго понятія о своемъ развитіи и образованіи: они очень напоминаютъ деревенскихъ пасторовъ. — Откровенія его о духовномъ мірѣ имѣютъ такое-же отношеніе къ

неизмѣримости наслажденій истиною — о которой человѣская душа отчасти уже здѣсь имѣетъ прочувствіе, — какое дурной сонъ имѣетъ къ идеальной жизни. Я не понимаю его языка, когда онъ возносится въ горняя. Его откровенія лишаются всякаго вѣроятія отъ многочисленности подробностей. Человѣку не нужно разсказывать мнѣ, что онъ прогуливался среди ангеловъ; достаточнымъ удостовѣреніемъ послужитъ мнѣ то, если его краснорѣчіе сдѣлаетъ изъ меня — ангела. Неужели архангелы менѣе величественны, менѣе увлекательны, чѣмъ тѣ существа, которыя еще и теперь ступаютъ по землѣ! — Эта странная, схоластическая, дидактическая, безкровная, безстрастная личность описываетъ вамъ разряды душъ, какъ ботаникъ классифируетъ растенія, и обозрѣваетъ мучительные ады, какъ пласты известняка или кремнозема. Въ немъ нѣтъ сочувствія. Онъ ходитъ взадъ и впередъ, среди міра существъ, какимъ-то новымъ Радамантомъ, — въ парикѣ, съ палкою съ золотымъ набалдашникомъ, и съ видомъ небрежности и произвола распредѣляетъ души. Пылкое, многообуреваемое, страстное народонаселеніе земли — для него граматика гіероглифовъ или эмблематическія постановленія массоновъ. Какъ отличенъ отъ него Якобъ Бёме! Этотъ трепещетъ отъ волненія; внимаетъ — объятый благоговѣніемъ, исполненный нѣжнѣйшаго человѣколюбія, — поученіемъ Наставника; онъ передаетъ ихъ намъ, и сердце у него бьется такъ сильно, что его стукъ о кожанный кафтанъ вѣщателя, слышенъ намъ чрезъ даль столѣтій. — Между ними, разница велика. Бёме, бодро и

прекрасно мудръ, не смотря на мистическую узкость и непонятность. Сведенборгъ — непріятно мудръ; со всѣми своими разнообразными дарами, онъ отталкиваетъ, онъ холодитъ насъ.

Лучшій признакъ возвышенной природы — открывать намъ перспективы, какъ ширь сельскаго пейзажа, заманивающая насъ, весеннимъ утромъ, все вдаль и впередъ. Сведенборгъ постоянно смотритъ назадъ и не разстается съ своимъ саваномъ и заступомъ. Есть люди, которымъ что-то препятствуетъ низойти въ природу; есть другіе, которые лишены способности подняться надъ нею. Такъ, одаренный силою многихъ людей, Сведенборгъ никогда не могъ разрѣшить узелъ, привязывавшій его къ вещественному, и стать на піедесталъ свободнаго генія.

Замѣчательно, что человѣкъ, усмотрѣвшій символизмъ и, чрезъ него, провидѣвшій поэзію мірозданія и тайную связь матеріи и духа, остался вполнѣ лишенъ всякаго поэтическаго выраженія, которое должно-бы быть вызвано подобными провидѣніями. Зная граматику и правила роднаго языка, какъ не переложить на музыку ни одного звука! Было-ли съ нимъ тоже что съ Саади, который, въ своемъ видѣніи, набралъ множество небесныхъ цвѣтовъ, въ подарокъ друзьямъ; но благоуханіе розъ такъ его упоило, что онѣ повыпадали изъ рукъ?—Повѣдывать—не есть-ли нарушеніе условій съ тѣми небесными обитателями? — или, его видѣнія были чисто-умственныя, и потому внушили ему ко всему умственному тотъ ужасъ, проникнувшій всѣ его книги? Какова-бы ни была причина,

но въ его книгахъ нѣтъ сладкозвучія, трогательности, живости; нѣтъ отдыха на ихъ мертво-прозаическомъ уровнѣ. Въ тоскливой безнадежности блуждаемъ мы по этимъ вертоградамъ, лишеннымъ свѣта и блеска. Никогда пѣснь птицы не прозвучитъ въ ихъ мертвящей сѣни. Совершенное отсутствіе поэзіи въ такомъ выспреннемъ умѣ, даетъ намекъ о болѣзни, какъ охриплый голосъ красавицы есть своего рода предостереженіе. Мнѣ иногда кажется, что его перестанутъ читать, что творенія его обратились въ памятникъ, а славное имя въ эпитафію. Такъ перемѣшаны его лавры съ кипарисами, и ѳиміамъ храма съ запахомъ тлѣнія, что юноши и дѣвы будутъ обѣгать эту ограду.

Тайна неба остается сокровенною отъ вѣка и до вѣка. Ни одинъ легкомысленный, ни одинъ сообщительный Ангелъ никогда не проронилъ ниже перваго слова, въ отвѣтъ на томительныя желанія святыхъ, на страхъ, обуревающій смертныхъ. На колѣняхъ приняли-бы мы избранника, который не нарушая долга повиновенія, повѣдалъ-бы человѣческому уху о состояніи, о мѣстопребываніи новопреставленной души, — о ея видѣніяхъ, — подтвердилъ-бы своимъ словомъ прочувствія и провидѣнія, которые уже мы имѣемъ о небѣ.—Достовѣрно то, что оно должно быть въ связи со всемъ наилучшимъ въ природѣ. Оно не должно быть, по своему духу, ниже извѣстныхъ уже намъ твореній того Архи-Художника, который изваялъ міры на тверди небесной, и начерталъ нравственный статутъ. Оно должно быть свѣжѣе радуги, величественнѣе горъ; оно должно гармонировать съ цвѣтами, съ волною, съ восхо-

домъ и закатомъ осеннихъ свѣтилъ. Самые сладкогласные поэты показались-бы хриплы какъ уличный распѣвала, еслибъ, когда нибудь, прозвучала та нота природы и духа, на которую настроено и движенiе земли, и движенiе морей и движенiя сердца; та нота, подъ звукъ которой вращается и сокъ въ растенiяхъ, и кровь въ нашихъ жилахъ, и солнца въ небѣ.

Не забудемъ, впрочемъ, что Сведенборгъ заклалъ свою генiальность и свою славу на алтарѣ совѣсти; такое выспреннее самоотверженiе превосходитъ всякую хвалу. Его жизнь, имѣя цѣль и смыслъ, сама говоритъ за себя. Онъ произнесъ рѣшенiе, и остановилъ свой выборъ на добрѣ, какъ на единственной нити, за которую душа должна держаться во всѣхъ лабиринтахъ этой жизни. Множество мнѣнiй препираются о томъ, гдѣ искать истинный центръ опоры? Какъ въ кораблекрушенiи, одинъ хватается за ускользающiя снасти, другой за боченокъ, за доску, за мачту; кормчiй-же выбираетъ себѣ мѣсто съ знанiемъ дѣла: я остаюсь здѣсь, все потонетъ прежде этого, „плывущiй со мною—достигнетъ берега!“ Такъ и вы не надѣйтесь на небесное милосердiе, на его снисходительность къ вашему безумiю; или на свою осторожность и благоразумiе — старый обычай и главный оплотъ у людей; — ничто не пособитъ вамъ: ни судьба, ни здоровiе, ни дивный умъ; ничто, кромѣ безукоризненной правоты, во всемъ и всегда! — И съ стойкостью, никогда не ослабѣвавшею ни при занятiяхъ, ни въ изобрѣтенiяхъ, ни въ грезахъ, Сведенборгъ отдался этому мужественному выбору.

Онъ оказалъ человѣчеству двойную услугу, которая начинаетъ теперь приходить въ извѣстность. Съ первыхъ шаговъ на поприщѣ науки, онъ открылъ, по опыту и по практикѣ, многіе законы природы и передалъ ихъ намъ. Потомъ, восходя съ должною постепенностью отъ фактовъ къ ихъ началамъ и къ ихъ вершинамъ, онъ воспламенился благоговѣніемъ, прочувствовавъ полноту гармоніи, и предалъ всего себя восторгу и обожанію. Это — первая его заслуга.—Если сіяніе слишкомъ ослѣпило его глаза; если онъ пошатнулся, упоенный восхитительнымъ созерцаніемъ, тѣмъ достовѣрнѣе должно заключить о превосходствѣ того зрѣлища, о дѣйствительности того бытія, которое горитъ и сверкаетъ сквозь него такъ, что немощность прорицателя не возмогла его потемнить. Вотъ вторая страдательная его заслуга предъ человѣчествомъ. Быть можетъ, въ великомъ обводѣ бытія, и она не маловажнѣе предъидущей; а въ отношеніи распредѣленія духовныхъ даровъ, не менѣе прекрасна и славна для него самого.

IV.

IV. Монтэный или скептикъ.

Каждый фактъ подлежитъ съ одной стороны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, съ другой — нравственному обсужденію. Упражненіе мысли состоитъ, при появленіи одной изъ двухъ сторонъ, отъискать другую: подставлена верхняя, найдите нижнюю. Нѣтъ ничего столь малаго, что̀-бы не имѣло этихъ обѣихъ сторонъ, и наблюдатель, оглядѣвъ лицевую, оборачиваетъ ее, чтобы посмотрѣть изнанку. Жизнь устроиваетъ эту игру въ орлянку,—а мы не устаемъ играть, всегда чувствуя легкій трепетъ удивленія, при видѣ оборотной стороны, противоположной первой!—Счастіе льется на человѣка, а онъ раздумываетъ: что̀-бы это значило? Онъ выталкиваетъ на улицу торгашей, но оказывается, что самъ онъ проданъ и купленъ. Онъ видитъ красоту человѣческаго лица и доискивается ея причины, которая должна быть еще прекраснѣе. Онъ радѣетъ о своемъ состояніи, соблюдаетъ законы, съ любовью заботится о своихъ дѣтяхъ, и между тѣмъ спрашиваетъ себя: почему? и зачѣмъ? Эти *орелъ и рѣшетка*, на языкѣ философскомъ называются: Безконечное и Конечное; Абсо-

лютное и Относительное; Существенное и Наружное; и многими другими хорошими именами.

Всякій человѣкъ родится съ бо̀льшею наклонностью къ той или другой сторонѣ этой природы вещей, и естественно прилѣпляется къ одной изъ двухъ. Иные усматриваютъ различіе; они занимаются фактами и поверностью, городами и лицами; управляютъ нѣкоторыми внѣшними событіями: это люди умѣнія и дѣятельности. Другіе провидятъ тождественность:—это люди вѣры, мышленія, люди геніальные.

Всякое стремленіе слишкомъ уносится своимъ направленіемъ. Плотинъ вѣрилъ только въ философовъ, Фенелонъ въ святыхъ, Пиндаръ и Байронъ въ поэтовъ. Прочтите высокомѣрные отзывы Платона и Платонистовъ о людяхъ, неспособныхъ къ ихъ блестящимъ отвлеченностямъ: по ихъ мнѣнію, это крысы, это мыши. Классъ мыслителей и писателей вообще кичливъ и исключителенъ. Это понятно. Геній уже геніаленъ при первомъ взглядѣ брошенномъ на что̀-бы то ни было. У него глазъ творческій. Онъ не останавливается на линіяхъ и на краскахъ; онъ видитъ весь планъ—и не даетъ высокой цѣны исполненію задуманнаго. Въ минуты всей мощи своей мысли, творенія искусства и природы преложились предъ нимъ въ свои начала, и потому ихъ произведенія кажутся ему тяжелыми, недостаточными. Онъ носитъ въ себѣ прообразъ такой красоты, какой не осуществитъ ни одинъ ваятель, ни одинъ живописецъ. Въ художественной мысли — картина, зданіе, паровая машина; самое Богослуженіе,

государственное устройство, образъ воспитанія, общественная жизнь и всѣ учрежденія предсуществуютъ безъ погрѣшностей, безъ распаденій, безъ столкновеній, искажающихъ осуществленные образы. Такъ не удивительно, если такіе люди, припоминая то что̀ они провидѣли и чего надѣялись идеально, надменно отдаютъ преимущество идеямъ. Убѣжденные, по временамъ, что торжествующая душа возобладаетъ всѣми искусствами, они говорятъ: Къ чему утруждать себя ничтожнымъ выполненіемъ? — и какъ нищій, обвороженный сновидѣніемъ, они говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ будто эти сокровища уже были ихъ собственностью.

Съ другой стороны, люди ремесла, труда, наслажденій: міръ животный — включая животное и въ поэтѣ и въ философѣ — и міръ практическій — включая обидную мелочность, неизвинительную ни въ поэтѣ, ни въ философѣ и ни въ комъ вообще — сильно напираютъ на противоположную сторону. Торговцы на нашихъ улицахъ мало заботятся объ отвлеченностяхъ, и не помышляютъ о причинахъ, произведшихъ и торговлю и планету, на которой водится купля и продажа: они прикрѣплены къ сахару, къ соли, къ хлопку, къ шерсти. Людямъ практическимъ, погруженнымъ въ свои хлопоты, человѣкъ мысли кажется спятившимъ съ ума. Они одни благоразумны.

Спенсъ разсказываетъ, что у сэра Годфри Неллера сидѣлъ Попе, когда къ нему пріѣхалъ племянникъ, торгующій Неграми. — „Племянникъ, сказалъ сэръ Годфри — ты имѣешь честь видѣть двухъ величайшихъ людей въ

мірѣ“. — „Не знаю, почему вы великіе люди, отвѣчалъ Гвинеецъ, но вы мнѣ не нравитесь на видъ. Мнѣ иногда случалось покупать за десять гиней человѣка, гораздо покрасивѣе обоихъ васъ: и что̀ за кость, что̀ за мускулы!“ — Такъ, человѣкъ здраваго смысла отмщаетъ людямъ знанія и мысли. Одинъ поторопился еще ничѣмъ неоправданнымъ заключеніемъ и преувеличилъ истину; другой издѣвается надъ философомъ и вѣситъ*его на фунты. Собратья его вѣрятъ, что горчица щиплетъ языкъ, — перецъ горячитъ, — сѣрныя спички могутъ причинить пожаръ, — револьверы опасная штука, — подтяжки держатъ панталоны; — что въ цибикѣ чая пропасть чувства, и что всякій будетъ краснорѣчивъ, когда его поподчуешь добрымъ виномъ. — Если вы чувствительны и нѣжны, они заключатъ, что вы питаетесь одними сладкими пирожками. Кабанисъ сказалъ-же: „Нервы — вотъ весь человѣкъ“.

Такой образъ мыслей неудобенъ потому, что онъ приводитъ къ равнодушію, потомъ къ отвращенію. Въ наши дни, жизнь пожираетъ насъ. На насъ, на теперешнихъ, надобно смотрѣть какъ на что-то баснословное: „Не тревожьтесь: чрезъ сто лѣтъ все придетъ къ одному знаменателю! — Жизнь — вещь недурная, да хорошо-бы отъ нея отдѣлаться, да и они-бы рады отдѣлаться отъ насъ. — Къ чему-же волноваться? изнемогать подъ трудомъ? Вкусная хлѣбъ-соль есть на сегодня и на завтра: надобно довольствоваться этимъ“. — „Ахъ, говоритъ то-же вялый Оксфордскій джентльменъ. — нѣтъ ничего новаго, ничего вѣрнаго — да и что̀ за дѣло!“

Съ прибавкою еще бо̀льшей горечи, взываетъ циникъ: Наша жизнь похожа на осла, котораго ведутъ на рынокъ, неся предъ нимъ вязанку сѣна — онъ идетъ себѣ, не видя ничего, кромѣ этого сѣннаго клока. — „Столько стоитъ труда родиться на свѣтъ — говорилъ лордъ Болинброкъ — такъ трудно и недостойно убираться долой со свѣту, что едва-ли стоитъ труда быть на свѣтѣ“. — Я зналъ философа подобнаго рода; онъ обыкновенно подводилъ краткій итогъ своей житейской опытности, произнося: „Человѣческій родъ — чертъ знаетъ что̀ такое“.

Такъ какъ сторонники отвлеченности и матеріализма взаимно ожесточаютъ другъ друга, а глумители служатъ выраженіемъ наихудшаго матеріализма, то образуется третья партія на промежуточномъ полѣ тѣхъ обѣихъ — а именно: скептики. Скептикъ находитъ, что обѣ неправы, по своей чрезмѣрности. Онъ ищетъ на что̀ упереть ноги, чтобы сдѣлаться стрѣлкою вѣсовъ. Онъ не пойдетъ далѣе своей ставки. Видя односторонность уличныхъ тружениковъ, онъ хладнокровно защищаетъ выгоды умственнаго развитія, и по тому-же хладнокровію не поддается ни опрометчивому промышленному предпріятію, ни беззавѣтному самоотверженію, ни истощенію своего мозга надъ неблагодарнымъ трудомъ: Я не волъ и не вьючное животное. — „Вы держитесь крайностей, скажетъ онъ имъ обоимъ. Вы обманываете себя, заставляя себя видѣть во всемъ вещественность и смотрѣть на міръ какъ на глыбу свинца. — Вы увѣрились, что утвердились и основались на адамантѣ; но если откроется малѣйшій научный фактъ, вы закружи-

тесь какъ рѣчные пузыри; вы то-же не знаете откуда и куда. Вы опираетесь на самообольщеніе, вы имъ повиты и вскормлены“.

Остережется онъ и отъ увлеченія книгою или авторитетомъ: „Классъ ученыхъ — самовольныя жертвы: они тощи и блѣдны; ихъ ноги холодны, а голова горитъ; ночи проходятъ безъ сна, дни въ боязни помѣхи: — худоба, лохмотья, голодъ и себялюбіе. Подойдите къ нимъ, вглядитесь чѣмъ они дышутъ — отвлеченностями; грезы наполняютъ ихъ дни и ночи. Они ждутъ поклоненія міра какому-то великолѣпному ихъ сочиненію, основанному на истинѣ, но лишенному соразмѣрности въ изложеніи, толка въ приложеніи; и сами не имѣютъ ни малѣйшей силы воли, чтобы дать своей идеѣ тѣло и жизнь“.

Я-же просто вижу, говоритъ онъ, что мнѣ невидно и того и другаго. Знаю только, что сила человѣка не въ крайностяхъ, а въ избѣжаніи крайностей. Я берегусь, по крайней мѣрѣ, отъ слабости философствовать о томъ, что̀ превосходитъ мое разумѣніе. Къ чему ведетъ, напримѣръ, претензія на способности, которыхъ у насъ нѣтъ? на увѣренность въ томъ, что̀ намъ неизвѣстно? Зачѣмъ преувеличивать могущество добродѣтели? Тщиться быть ангеломъ прежде времени? — Натяните слишкомъ эти струны, — онѣ лопнутъ. Если нѣтъ никакого основанія на то, чтобы умъ простаго благоразумнаго человѣка могъ положительно сказать *да* или *нѣтъ*, такъ не лучше-ли повременить приговоромъ?— Я ничего не утверждаю, не отрицаю. Я здѣсь, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Я здѣсь, что-

бы обозрѣвать, обсуждать. Постараюсь удержать вѣрность равновѣсія. Высокомѣрно мнѣніе, будто жизнь вещь простая, когда мы знаемъ какъ изворотливъ, какъ неуловимъ этотъ Протей! И тщетно возмечтаніе заключить все существующее въ вашъ низенькій курятникъ, когда мы знаемъ, что на свѣтѣ существуетъ, не одна, не двѣ, но десять, двадцать, тысяча вещей, все различныхъ! Почему вы мните, что вся истина состоитъ подъ вашимъ вѣдѣніемъ? Опроверженія могутъ найтись со всѣхъ сторонъ.

Кто осудитъ разумный скептицизмъ, видя, что здѣсь, на самый простой вопросъ, едва-ли можно получить нѣчто болѣе приблизительнаго рѣшенія? Оконченъ-ли вопросъ о бракѣ доводомъ, повторяемомъ отъ начала міра, что вступившіе желаютъ изъ него выйти, а невступившіе желаютъ имъ связаться? И отвѣтъ Сократа тому, кто спрашивалъ у него, слѣдуетъ-ли ему жениться, все еще остается чрезвычайно разсудительнымъ: „Женишься-ли ты или нѣтъ, а все придется каяться". Не говоря о порядкахъ церковныхъ и государственныхъ, которые тоже представляютъ немаловажные вопросы, обратите вниманіе на самый близкій для всего человѣчества: избраніе карріеры для молодаго человѣка. Указать-ли ему цѣлью высокое мѣсто въ администраціи, въ торговлѣ, въ законовѣдѣніи? Самый успѣхъ въ одной изъ этихъ должностей, будетъ-ли вполнѣ и наилучшимъ образомъ соотвѣтствовать его внутреннему настроенію? Или, не отбросить-ли ему подпорки, установившія его въ такомъ-то общественномъ ряду, и

пуститься по волнамъ жизни подъ руководствомъ одного своего генія? Многое можно сказать въ пользу того и другаго. Вспомните шумныя пренія между теперешнимъ порядкомъ, основанномъ на „совмѣстничествѣ“ и между поборниками „труда привлекательнаго, основаннаго на ассоціаціи“. Великодушные умы признаютъ заявленіе о трудѣ, раздѣляемомъ всѣми; онъ одинъ честенъ, одинъ спасителенъ: Хижина бѣдняка — обитель мужества и добродѣтели. — Но, съ другой стороны доказываютъ, что тяжелая работа искажаетъ формы тѣлосложенія, ослабляетъ умственныя способности, что чернорабочіе единогласно кричатъ: „Въ насъ убита мысль. Образованность? — она необходима. Я не могу вамъ простить ея недостатокъ; а между тѣмъ, образованность уничтожаетъ главную прелесть натуральности. Образуйте дикаря, познакомьте его съ книгами; о чемъ онъ будетъ мечтать? — о герояхъ Плутарха. — Однимъ словомъ, такъ какъ прямое здравомысліе разсудка состоитъ „въ недозволеніи неизвѣстному заграждать извѣстное“, — мы пріобрѣтаемъ сподручныя намъ умственныя преимущества и не пускаемся въ погоню за призрачнымъ, за недостижимымъ. Прочь, съ химерами! Выйдемъ на чистый воздухъ, займемся своимъ дѣломъ, станемъ учиться и домогаться, обладать и идти въ гору. — „Люди — родъ движущихся растеній; они, какъ и деревья получаютъ большую часть питанія отъ воздуха. Если ихъ долго держать взаперти, они завянутъ“. — Будемъ жить крѣпительною, существенною жизнью; будемъ знать то, что̀ намъ достовѣрно извѣстно; усвоимъ себѣ, своевре-

менно и прочно, свое достояніе. Станемъ водиться съ настоящими мужчинами, съ дѣйствительными женщинами, а не съ мимолетными привидѣніями.

Вотъ законная почва скептицизма: — осмотрительность, самообладаніе — отнюдь не безвѣріе, не универсальное отрицаніе, и не универсальное сомнѣніе — сомнѣвающееся даже въ своихъ сомнѣніяхъ; менѣе всего насмѣшливости и развращеннаго глумленія надъ утвержденнымъ, надъ хорошимъ. Онѣ не въ его навыкѣ, какъ не въ навыкѣ религіи и философіи. Скептикъ наблюдателенъ и остороженъ; онъ во́-время распускаетъ парусъ, ведетъ счетъ нажину и запасамъ, распоряжается возможными средствами, хорошо зная, что у человѣка слишкомъ много враговъ и безъ него самого; что намъ нельзя достаточно предпринять мѣръ охраны въ этой неравной борьбѣ, гдѣ, съ одной стороны силы несмѣтныя, неутомимо бодрствующія въ своемъ строю, съ другой — маленькій, прихотливый, ломкій флюгеръ, называемый человѣкомъ, ежеминутно выскакивающій изъ одной бѣды, чтобы попасть въ другую. Имъ выбрана та позиція, которую онъ можетъ удержать, для наилучшей обороны, для наибо́льшей безопасности. Она такъ-же разумна и похвальна, какъ правило, при постройкѣ дома, не ставить его ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко: защищеннымъ отъ вѣтра и внѣ предѣловъ грязи.

Намъ нужна философія, переливчатая, движущаяся. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находимся мы, уставы Спарты и Стоицизма слишкомъ непреклонны и круты;

съ другой стороны, завѣты неизмѣннаго, смиреннаго мягкосердія — слишкомъ мечтательны и эфирны. Намъ нужна броня изъ эластической стали: вмѣстѣ и гибкая и несокрушимая. Намъ нуженъ корабль на валунахъ, обитаемыхъ нами. Догматическій, четвероугольный домъ разобьется въ щепы и дребезги отъ напора такого множества разнородныхъ стихій. Нѣтъ, наша философія должна быть крѣпка и приспособлена къ формѣ человѣка, приспособлена къ образу его жизни, какъ раковина есть архитектурный образецъ такихъ жилищъ, что покоются на моряхъ. Душа человѣка должна служить прообразомъ нашимъ философическимъ планамъ, точно такъ, какъ потребности его тѣла принимаются въ соображеніе, при постройкѣ ему жилаго дома. Примѣнимость — вотъ особенность человѣческой природы. Мы—драгоцѣнныя орудія,— вѣчные обѣты, одаренные самоизволеніемъ; мы—воздаятельныя или періодическія заблужденія; мы—дома, основанные на зыби морской. Благоразумный скептикъ желаетъ поближе присмотрѣться къ искусной игрѣ и къ главнѣйшимъ игрокамъ; къ тому чтò есть наилучшаго на планетѣ: искусства и природа, мѣстности и событія, по преимуществу — люди. Все превосходное въ человѣчествѣ—прелесть наружности, желѣзная длань, неистощимоловкій умъ, все чтò умѣетъ играть и выигрывать — долженъ онъ видѣть и обсудить.

Условія допуска на такое зрѣлище, слѣдующія: умѣть— съ нѣкоторою твердостью и по удовлетворительнымъ причинамъ—жить на свой образецъ; — съ нѣкоторою послѣ-

довательностью отвѣчать на неизбѣжныя требованія и недочеты жизни; — доказать, что игра ведена умно и успѣшно; потому что человѣкъ проявилъ ею стойкость, спокойствіе духа и прочія качества, сдѣлавшія его достойнымъ уваженія и довѣренности современниковъ и согражданъ. Тайны жизни повѣдываются только сочувствующему и тождественному. Люди не повѣряютъ ихъ ни мальчишкамъ, ни франтамъ, ни педантамъ; но лишь однимъ себѣ равнымъ. Нѣсколько мудрой опредѣлительности, какъ говорится теперь; середина между крайностями, съ какимъ-нибудь положительно добрымъ качествомъ; характеръ твердый и благонадежный—не соль и не сахаръ—а достаточно знакомый со свѣтомъ, чтобы воздать должное и Парижу и Лондону, съ тѣмъ вмѣстѣ, достаточно-самобытный, бодрый мыслитель для того, чтобы не города эти сбили его съ толку, но онъ употребилъ-бы ихъ себѣ на потребу,—вотъ чѣмъ должна обладать личность, способная къ умозрѣнію такого рода.

Всѣ эти свойства встрѣчаются въ лицѣ Монтэнья. Но, какъ мое собственное къ нему почтеніе можетъ быть незаслуженно-велико, то я рѣшаюсь, подъ щитомъ этого царя себялюбцевъ, сказать въ свое извиненіе два-три слова, чтобы объяснить почему я избралъ его представителемъ скептицизма, и какъ началась и возрасла моя любовь къ его увлекательной бесѣдѣ.

Разрозненный, единственный томикъ „*Опытовъ*“, въ переводѣ Коттона, достался мнѣ изъ библіотеки отца, когда я былъ еще ребенкомъ. Онъ валялся долгіе годы, пока

я прочелъ его, по выходѣ изъ училища, и досталъ остальныя части. По сихъ поръ помню я удивленіе и восторгъ, одушевившіе меня при этомъ знакомствѣ. Мнѣ казалось, что въ какой-то предъидущей жизни, я самъ написалъ эту книгу: такъ искренно отвѣчала она моимъ помысламъ и опытности. Случилось мнѣ, бывъ въ Парижѣ, въ 1833 году, подойти -- на кладбищѣ Перъ-Лашеза — къ могилѣ Огюста Колиньйона, умершаго шестидесяти-восьми лѣтъ, въ 1830 году. Въ эпитафіи его было сказано: „Онъ жилъ для справедливости, и „*Опыты*“ Монтэнья утвердили въ немъ добродѣтель“.—Нѣсколько лѣтъ спустя, я познакомился съ превосходнымъ англійскимъ поэтомъ, Джономъ Стерлингомъ, и въ продолженіи нашей переписки, онъ увѣдомилъ меня, что изъ любви къ Монтэнью, совершилъ странствіе въ его замокъ (все еще существующій въ Перигорѣ, близь Кастеллана) и чрезъ двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ, скопировалъ со стѣнъ библіотеки надписи, сдѣланныя Монтэньемъ. Не безъ удовольствія услышалъ я, что одинъ изъ вновь-открытыхъ автографовъ Шекспира нашелся на „Опытахъ“ Монтэнья, переведенныхъ Флоріо. Вотъ единственная книга, достовѣрно находившаяся въ библіотекѣ поэта. И странно! дубликатъ труда Флоріо, пріобрѣтенный Британскимъ Музеумомъ, для охраненія автографа Шекспира, на своемъ заглавномъ листѣ, предъявилъ собственноручную надпись Бена Джонсона. Байронъ находилъ Монтэнья единственнымъ великимъ писателемъ прошедшаго времени, котораго онъ читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Многія другія сближе-

нія, о которыхъ я могу здѣсь умолчать, сдѣлали стараго Гасконца навсегда новымъ и безсмертнымъ для меня.

Въ 1571 году, по смерти своего отца, Монтэньй, имѣвшій тогда тридцать-восемь лѣтъ, оставилъ свои занятія, по части судопроизводства въ Бордо, и поселился въ своемъ помѣстьи. Хотя онъ былъ человѣкъ свѣтскій и отчасти придворный, онъ пристрастился теперь къ умственнымъ занятіямъ, и ему полюбилась умѣренность, порядливость и независимость жизни деревенскаго дворянина. Онъ не на шутку принялся за управленіе своимъ имѣніемъ, и извлекалъ изъ своихъ фермъ всю возможную прибыль. Прямой, откровенный, ненавистникъ лукавства и въ себѣ и въ другихъ, онъ былъ уважаемъ во всемъ околодкѣ за честность и за здравоуміе. Во время междоусобій Лиги, когда каждый домъ былъ обращенъ въ крѣпость, Монтэньй отворилъ свои ворота настежъ и держалъ свой домъ безъ всякой обороны. Всѣ партіи имѣли въ немъ свободный доступъ и выходъ, такъ извѣстна, такъ почтена была храбрость и честь хозяина. Сосѣдніе владѣльцы и обыватели приносили ему на храненіе свои драгоцѣнности и важныя бумаги.

Монтэньй — самый откровенный и самый честный изъ писателей. Его французская вольность доходитъ иногда до неблагопристойности, но онъ опередилъ всякое порицаніе своею тароватостью на самообвиненіе. Притомъ, въ его время, книги писались только для одного пола, и бо́льшею частью по латыни, такъ что юмористу было дозволительно говорить о многомъ на-прямикъ, чего теперь

словесность, сдѣлавшаяся достояніемъ обоихъ половъ, никакъ не должна допускать. Впрочемъ, вольности Монтэнья оскорбляютъ поверхностно, и одни чопорные читатели закроютъ его книгу. Онъ выставляетъ ихъ на показъ; онъ исповѣдуется предъ вами; и конечно, никто не станетъ о немъ такъ дурно думать и говорить, какъ онъ самъ о себѣ. Нѣтъ такихъ пороковъ, которыхъ-бы не было въ немъ, а если есть какая добродѣтель, то она, по словамъ его, пробралась украдкою. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ и человѣка, который-бы не стоилъ висѣлицы, разъ пять-шесть въ своей жизни, и онъ не претендуетъ на исключенія: „Про меня, какъ и про всякаго живущаго смертнаго, можно поразсказать съ полдюжины не весьма благовидныхъ исторій. Но при всей этой, въ самомъ дѣлѣ, излишней откровенности, увѣренность въ его безукоризненной честности растетъ въ мысли каждаго читателя.

Ничто такъ ему не надоѣдаетъ и не досаждаетъ, какъ прикрасы и жеманство въ какомъ-бы то ни было родѣ. Онъ былъ при дворѣ, достаточно долго для того, чтобы набраться бѣшенаго омерзенія къ обманчивой наружности; теперь, онъ дозволяетъ себѣ и побожиться и побраниться; потолковать и съ матросомъ, и съ цыганкою, прислушаться къ уличному остроумію и къ простонародной пѣснѣ. Онъ засидѣлся взаперти, долго, до тошноты; пустите его на открытый воздухъ, хоть-бы кругомъ свистѣли пули и ядра. Онъ столько насмотрѣлся на сановитыхъ распорядителей правосудіемъ, что встосковался объ людоѣдахъ; и ему такъ опротивѣла искусственная жизнь, что онъ до-

шелъ до убѣжденія, что дикарь и варваръ — наилучшіе изъ людей.

Ему понравилась избранная имъ среда: онъ снискалъ и установилъ въ ней свое равновѣсіе. Надъ своимъ именемъ, онъ нарисовалъ двѣ эмблематическія чаши вѣсовъ съ надписью: *„Que sçais-je?“ (Почемъ мнѣ знать?)*— Смотря на его портретъ, у заглавнаго листа, такъ и кажется, что онъ говоритъ: „Вы себѣ дѣлайте, какъ знаете: врите, преувеличивайте, выдумывайте, —я стою здѣсь за правду; и ни за какія блага, ни за какія угрозы, или деньги, или европейскія репутаціи, не переиначу голаго факта, а скажу объ немъ, какъ оно есть. По мнѣ, лучше толковать и вараксать про то, что̀ я знаю навѣрное: про мой домъ и гумно, про моего отца, жену и слугъ, про мою плѣшивую старую башку, про мое любимое кушанье и питье, и про сотни другихъ такихъ-же пустяковъ, —чѣмъ писать тоненькимъ вороньимъ перушкомъ сладенькіе романсы. Я люблю сѣренькіе дни, осеннюю и зимнюю погоду. Я самъ сѣдъ и зименъ; мнѣ любо и привольно въ халатѣ, въ старыхъ башмакахъ — которые не жмутъ мнѣ ногъ, — порядить съ старыми безцеремонными друзьями о простыхъ матеріяхъ; онѣ не требуютъ отъ меня напряженій, не изсушаютъ моего мозга, —это мнѣ по вкусу. Наша человѣческая доля и безъ того скользка и опаслива. Понадѣйся-ка кто на себя и на свою удачу, хоть на одинъ часъ, глядишь—онъ тутъ-же и завязнулъ до смѣха и до жалости. Зачѣмъ мнѣ франтить и корчить изъ себя философа, когда ближайшая моя забота, установить себя

какъ-нибудь покрѣпче на этомъ вѣчно-катающемся шарѣ? По крайней мѣрѣ, я живу такимъ образомъ въ должныхъ границахъ, никогда не упуская изъ виду дѣятельность, и возмогу перескочить бездну, какъ можно благопристойнѣе. Если такая жизнь кажется вамъ комическою, порицаніе касается не до меня: отнесите его къ порогу Судьбы и Природы".

Вслѣдствіе чего, „*Опыты*" состоятъ изъ занимательныхъ его бесѣдъ съ самимъ собою, обо всемъ что придетъ ему въ голову; обходясь съ каждымъ предметомъ безъ церемоніи, но съ мужественнымъ здравомысліемъ. Многіе смотрѣли на вещи гораздо глубже его, но никто не имѣлъ такого обилія мыслей: онъ никогда не бываетъ глупъ или неискрененъ, и обладаетъ притомъ даромъ заинтересовать читателя всемъ, чѣмъ интересуется самъ.

Искренность и внутренняя мощь человѣка перешла и въ его рѣчь. Я никогда, нигдѣ не встрѣчалъ книги, которая была-бы менѣе сочинена. Это самый естественный разговоръ, вписанный въ книгу. Разрѣжьте эти слова, изъ нихъ потечетъ кровь: въ нихъ бьются жилы и жизнь. Читать Монтэнья такъ-же пріятно, какъ слушать человѣка о близкомъ для него дѣлѣ, когда какое-нибудь необычайное обстоятельство придаетъ минутную важность разговору. Вѣдь кузнецы и кожевники не запинаются въ своей рѣчи: они, напротивъ, сыплютъ ею какъ градомъ. Поправки себѣ дѣлаютъ Кембриджскіе господа: эти начинаютъ съизнова на каждомъ полуизрѣченіи; кромѣ того, имъ надобно острить, утончать, и потому, бѣгать отъ

предмета за его выраженіемъ. Монтэньй — умный говорунъ; онъ знаетъ людей, книги и себя самого;—употребляетъ степень положительную, никогда не кричитъ, не завѣряетъ, не молитъ. Онъ не обмираетъ, не подверженъ корчамъ; не желаетъ вылезти изъ кожи, выкинуть какую-нибудь штуку, или поглотить время и пространство; — онъ ровенъ и проченъ; смакуетъ каждую минуту жизни, любитъ и болѣзни, потому что онѣ даютъ ему время войти въ себя и многое осуществить. Онъ держится равнины; рѣдко восходитъ, рѣдко спускается: ему пріятно чувствовать подъ ногами и землю и камни. Въ его книгѣ нѣтъ восторга, нѣтъ порывовъ; всегда спокойный и съ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ прохаживается по самой серединѣ дороги. Есть одно исключеніе:—его любовь къ Сократу. Когда онъ заговоритъ о немъ, лицо его воспламеняется, и рѣчь становится страстною.

Монтэньй умеръ шестидесяти лѣтъ, отъ жабы въ горлѣ, въ 1592 г. Онъ исполнилъ предъ смертью всѣ обязанности, предписанныя церковью. Онъ женился тридцати-трехъ лѣтъ. „Но, — говоритъ онъ — если-бы на то была моя воля, я не женился-бы на самой Премудрости, когда-бы ей захотѣлось выйти за меня замужъ. Впрочемъ, много стоитъ труда и хлопотъ, чтобы отклониться отъ женитьбы: ее требуетъ и всеобщій обычай и образъ жизни. Бо́льшая часть моихъ поступковъ сдѣлана по примѣру, не по выбору“.

Міръ усвоилъ себѣ книгу Монтэнья: она переведена на всѣ языки и перепечатана въ Европѣ семьдесятъ-пять

разъ; замѣчательно и то обстоятельство, что она разошлась преимущественно въ избранномъ обществѣ, между людьми знатными и свѣтскими, и между просвѣщенными и великодушными.

Скажемъ-ли мы, что Монтэньй изрекъ слово мудрости, что онъ выразилъ истинное и непреходящее состояніе человѣческаго духа и такія-же правила для жизни?

Намъ естественно вѣрованіе. Истина, или связь между причиною и слѣдствіемъ, одна вполнѣ для насъ занимательна. Мы убѣждены, что одна нить проходитъ чрезъ все созданіе, что на ней нанизаны міры — какъ ожереліе: насъ касаются люди, событія, жизнь, по тому самому, что ихъ держитъ эта нить: они ходятъ и переходятъ для того единственно, чтобы мы узнали направленіе и протяженіе этой линіи. Та книга, тотъ умъ, которые силятся доказать намъ, что линіи нѣтъ, а все одинъ случай да хаосъ: бѣдствіе — не изъ-за чего, удача — не угадь, что герой родится отъ дурака, дуракъ отъ героя — повергаютъ насъ въ уныніе. Но — видима она или нѣтъ — мы вѣримъ, что связь существуетъ. Дарованіе изобрѣтаетъ искусственныя, геній находитъ связи истинныя. Мы внимаемъ словамъ ученаго, по предчувствію непрерывной послѣдовательности въ явленіяхъ природы, имъ изучаемыхъ. Мы любимъ то, что утверждаетъ, сродняетъ, охраняетъ; и отвращаемся отъ разрушительнаго и истребительнаго. Явится человѣкъ, очевидно созданный соблюдать и производить; въ его присутствіи, все говоритъ о благоустроенномъ обществѣ, о земледѣльствѣ, торговлѣ, обширныхъ

учрежденіяхъ, о владычествѣ. Если ничего этого еще нѣтъ, то оно возникнетъ отъ его усилій. Вотъ утѣшитель и опора людей, которые весьма скоро предугадываютъ въ немъ всѣ эти свойства. — Непокорный и мятежный, Богъ знаетъ, какъ будетъ возставать противъ существующаго безпорядка, но онъ не разстелетъ предъ вашимъ разсудкомъ своего плана ни на устройство дома, ни Государства. Такъ хотя нашъ городокъ и отчизна, и образъ жизни, въ глазахъ нашего совѣтчика, чистый застой и скудость, — но люди хорошо сдѣлаютъ, если отойдутъ отъ него и отвергнутъ преобразователя, покамѣсть онъ приходитъ съ однимъ топоромъ, да молотомъ.

Но, хотя мы по природѣ держимся за установленное, заповѣданное, и отвращаемся отъ пасмурнаго и тягостнаго безвѣрія, классъ скептиковъ, представляемый Монтэньемъ, существуетъ не безпричинно, и всякій изъ насъ, въ нѣкоторое время, можетъ быть къ нему причисленъ. Каждый возвышенный умъ долженъ пройти чрезъ эту область своего уравновѣшанія, или лучше сказать — установиться въ природѣ, по своему вѣсу и предѣлу, чтобы найти естественное орудіе противъ преувеличенія и ѳбрядности ханжества и тупоумія.

Скептическое настроеніе доступно человѣку, изслѣдующему тѣ особенныя отношенія, предъ которыми благоговѣетъ общество, и которыя, какъ онъ усматриваетъ, заслуживаютъ поклоненія, только по своему духу и по возбуждаемому ими стремленію. Мѣсто, занимаемое скептикомъ, есть одно преддверіе храма. Общество, конечно, не

любитъ, чтобы малѣйшее дуновеніе вопроса повѣяло на существующій въ немъ порядокъ. Однако вопрошеніе обычаевъ — по всѣмъ ихъ отраслямъ, — положеніе необходимое въ пору роста каждаго возвышеннаго ума; это обозначаетъ провидѣніе источниковъ той силы, которая пребываетъ самотождественною посреди всѣхъ измѣненій.

Возвышенный умъ долженъ выработать себя въ равномѣрный уровень съ злоупотребленіями общественными и съ способами, предлагаемыми для ихъ искорененія. Разумный скептикъ, видя себялюбіе владѣльцевъ и проникая патріотизмъ людей популярныхъ, будетъ плохимъ гражданиномъ: онъ не пристанетъ ни къ консерваторамъ, ни къ демократамъ. Онъ могъ-бы быть преобразователемъ, но не наилучшимъ членомъ филантропической компаніи. Обсуживая постановленія, науки, нравы, онъ говоритъ съ Кришною въ *Багхаватѣ*: „Нѣтъ ничего достойнаго моей любви или ненависти“, изъ чего явствуетъ, что онъ не выступитъ дѣятелемъ за раба, за узника, за неимущаго. Въ его голову запала мысль, что нашу жизнь въ здѣшнемъ мірѣ, объяснить не такъ легко, какъ насъ въ томъ поучаютъ на школьныхъ скамейкахъ. Онъ не желаетъ ни поперечить такому добромыслію, ни раздувать сомнѣніе и иронію, затмѣвающія предъ нимъ свѣтъ солнечный. Онъ только говоритъ: сомнѣніе возможно.

Мнѣ хочется отпраздновать сегодняшній день именинъ моего Монтэнья, день Св. Михаила, исчисленіемъ и описаніемъ сомнѣній и отрицаній. Мнѣ хочется выманить ихъ изъ ихъ вертеповъ на свѣтъ солнечный. Мы поступимъ съ

ними, какъ поступаетъ полиція съ закоренѣлыми мошенниками, выставляя ихъ на показъ въ тюремной канцеляріи. Онѣ не будутъ такими грозными страшилищами, когда имъ сдѣлаешь очную ставку и внесешь ихъ въ протоколъ. Но я честно сознаюсь, что ужасъ, вселяемый ими,— не напрасенъ. Я не прибѣгну къ воскреснымъ доводамъ, выражаемымъ, кажется, для того, чтобъ вызывать опроверженія. Нѣтъ! я примусь за то, что̀ есть въ нихъ наихудшаго, еще не зная, я-ли одолѣю предметъ, или онъ меня.

Я не хочу мѣряться съ скептицизмомъ матеріалиста. Увѣренный, что мнѣніе четвероногихъ не превозможетъ, я не забочусь объ образѣ мыслей быковъ и летучихъ мышей. — Первая опасная примѣта, вносимая мною въ протоколъ, — есть умственное легкомысліе: оно губитъ уважительное желаніе увеличить свое знаніе. Знаніе состоитъ въ сознаніи нашего незнанія. Ка̀къ почтенна совѣстливая урачительность на каждой ступени своего восхожденія! Умствованіе убиваетъ ее. Мой дивный и хитрословный другъ и пріятель Сан-Карло, этотъ наипрозорливѣйшій изъ смертныхъ, нашелъ даже, что всякій прямой путь въ высь, — не исключая и возвышеннаго благоговѣнія — ведетъ къ ужасной развязкѣ и обращаетъ поклонника вспять, осиротѣвшимъ, съ пустыми руками.

Ка̀къ ни поразительно для меня такое открытіе Сан-Карло: — точно морозъ въ Іюлѣ, или пощечина отъ невѣсты, — есть нѣчто горше этого, а именно, охлажденіе или пресыщеніе великой души. Когда, возносясь видѣнія-

ми и еще не вставъ съ колѣнъ, она скажетъ: „Наши поклоненія, наши стремленія къ блаженству — отрывочны, безобразны; уйдемъ-ка на освѣженіе къ заподозрѣнному и оклеветанному Уму, къ Общепонятному, къ Мефистофелю, къ гимнастикамъ дара слова!“ — Это — привидѣніе первостатейное; но, хоть оно служило, въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ, темою для безчисленныхъ элегій, начиная отъ Байрона и Гёте до другихъ меньшихъ поэтовъ — не говоря уже о многихъ прекрасныхъ отдѣльныхъ наблюдателяхъ, — я сознаюсь, что оно не слишкомъ пугаетъ мое воображеніе; мнѣ все кажется, что это относится къ потрясенію игрушечнаго домика, къ разбитью лавки съ стеклянной посудой. То, что̀ теперь волнуетъ церковь въ Римѣ, въ Англіи, въ Женевѣ, въ Бостонѣ, быть можетъ, далеко не касается ни одного начала вѣры. Мнѣ кажется, что разсудокъ и нравственное чувство единодушны; что если философія уничтожаетъ пугалы, то она замѣняетъ ихъ естественными преградами противъ порока, и указываетъ душѣ ея полюсъ. Мнѣ кажется, чѣмъ болѣе въ человѣкѣ мудрости, тѣмъ сильнѣе онъ пораженъ согласіемъ законовъ природы съ нравственнымъ началомъ, и тѣмъ беззавѣтнѣе предается онъ спокойной довѣренности.

Есть сила въ природномъ расположеніи, уничтожающая все, что̀ не входитъ въ его собственную ткань фактовъ и вѣрованій. — Есть сила темперамента, значительно-измѣняющая сознательность и наклонности. — Иногда, вѣрованіе слагается постепенно какъ зданіе, и когда такой человѣкъ достигнетъ равновѣсія и законченности, необходи-

мыхъ для приведенія въ движеніе всѣхъ его способностей, тогда не нужно ему чрезвычайныхъ доказательствъ: онъ самъ быстро измѣнитъ основныя убѣжденія своей жизни.— Наша жизнь походитъ на мартовскую погоду: и ясна и сурова въ одинъ и тотъ-же часъ. Мы выступаемъ важные, самоотверженные, вѣрящіе въ желѣзныя оковы судьбы, и не сдѣлаемъ ни шагу для спасенія собственной жизни; вдругъ—книга, бюстъ, даже одинъ звукъ имени пробѣжитъ искрою по нашимъ нервамъ, и мы мгновенно увѣруемъ въ силу воли: „Мое кольцо будетъ печатью Соломона.—Рокъ для глупцовъ.—Все возможно тому кто рѣшился!" —Новый опытъ даетъ новый оборотъ мыслямъ; обыденное благоразуміе вступаетъ въ свое полновластіе, и мы говоримъ: „Всего лучше идти въ военную службу: она ведетъ къ достатку, къ знаменитости, ставитъ на видъ; и на повѣрку выходитъ, что себялюбіе и лучше пашетъ, и лучше торгуетъ, и лучше всюду уживается".—

Пускай такъ! — Но, мнѣнія человѣка о злѣ и о правдѣ, о случаѣ и о Провидѣніи могутъ-ли зависѣть отъ прерваннаго сна или отъ несваренной пищи? Его вѣра въ Бога и въ долгъ, ужели не яснѣе очевидности животныхъ потребностей?—Какую-же поруку дастъ онъ за неизмѣняемость своихъ убѣжденій?

Мнѣ не нравится и опрометчивость французовъ:—что недѣля, то новая церковь и новый образъ правленія. Это—отрицаніе своего рода, но я не остановлю его, чтобъ добраться въ немъ смысла. Мнѣ кажется, что обозначая круговращеніе умовъ, оно само въ себѣ заключаетъ вра-

чеваніе, которое впишется въ лѣтописи, обнимающія болѣе продолжительные періоды.—Чѣмъ держится бо́льшая часть странъ, чѣмъ держатся всѣ онѣ? — Общій голосъ вѣковъ не подтверждаетъ-ли какое начало? нельзя-ли различить въ отдаленности временъ и мѣстъ общности въ какомъ-нибудь чувствѣ?—Посмотримъ! и если мнѣ обнаружится сила самохраненія, то я приму и ее, какъ часть Божественнаго устава, и постараюсь согласить съ моими высшими стремленіями.

Въ большое недоумѣніе повергаютъ насъ и слова: *рокъ* или *судьба*, выражающія во всѣхъ вѣкахъ мнѣніе человѣчества, что законы природы не всегда благосклонны, что они часто причиняютъ намъ боль и вредъ. Рокъ, въ образѣ самой простой естественности настигаетъ насъ, и мы поростаемъ имъ какъ травою. — Уже древніе изображали Время съ косою, Фортуну и Любовь — слѣпыми, Судьбу — глухою. Въ насъ слишкомъ мало силъ, чтобъ противиться лютости напора. Чѣмъ отразимъ мы неизбѣжное, побѣдное, жестокое могущество? Что̀ дѣлать мнѣ противъ вліянія породы на мою жизнь? что̀ предпринять противъ наслѣдственныхъ, укоренившихся немощей: противъ золотухи, лимфы, истощенія? противъ климата и варваризма моего отечества?

Главнѣйшимъ поводомъ къ отрицанію, поводомъ, включающимъ всѣ прочіе, оказывается мечтательное ученіе о жизни. Отвсюду слышится теперь печальный говоръ, что мы въ заблужденіи, насчетъ всѣхъ важнѣйшихъ ея задачъ, и что свободный произволъ есть пустѣйшее изъ словъ.

Насъ напичкаютъ воздухомъ, обременятъ потребностями, женами, дѣтьми, науками, событіями, и все это оставляетъ насъ ровно такими, какими мы были до нихъ. Замѣчаютъ съ сожалѣніемъ, что математика оставляетъ умъ такимъ, какимъ застала его; то-же говорятъ про всѣ науки, происшествія, про всѣ роды дѣятельности. Я встрѣчалъ людей, искусившихся во всѣхъ наукахъ, и находилъ въ нихъ прежнихъ необтесанныхъ дуралеевъ; и сквозь всѣ степени учености, сквозь всѣ саны и отличія общественныя, могъ распознать — ребенка. А между тѣмъ, мы на это тратимъ жизнь! Глядя на установленныя правила и теорію нашего образа воспитанія, можно прійти къ заключенію, что Богъ есть существенность, а его созданія — призраки. Восточные мудрецы вѣрили-же въ богиню Йоганидру: въ силу обольщенія могущественнаго Вишну, посредствомъ которой, весь міръ можетъ быть обмороченъ, въ доказательство своего крайняго невѣжества.

Выражу иначе это положеніе.—Жизнь поражаетъ насъ изумленіемъ, по отсутствію малѣйшаго признака примиренія между ея теоріею и тѣмъ, , чѣмъ она оказывается на практикѣ. Рѣдкими и мгновенными проблесками прозрѣваемъ мы что́ такое разумность,—цѣнность существенности, — законъ непреложный, — среди наплыва заботъ и трудовъ, не имѣющихъ къ нимъ никакого отношенія; затѣмъ, проблескъ ясный, свѣтоносный исчезаетъ на мѣсяцы и на годы; снова появляется промежуточно и опять скрывается. Если счесть всѣ эти минуты, то окажется, что изъ пятидесяти лѣтъ, мы едвали имѣли съ полдюжины

разумныхъ часовъ. Улучшили-ли они наши труды и заботы?—Изъ общаго строя жизни, мы видимъ одно: параллельность великаго и малаго, которыя никогда не вліяютъ одно на другое, и не обнаруживаютъ ни малѣйшаго поползновенія сойтись на одномъ пунктѣ. Безсильны для этой цѣли и опытность, и богатство, и наставленія, и начитанность и даръ писателя. Такъ огромна несоразмѣрность между уставомъ небесъ и нашею муравьиною дѣятельностью подъ ихъ сводомъ, что по нашимъ понятіямъ, превосходный человѣкъ и глупецъ безразличны. Вы вѣдь не распознаете, кто изъ вошедшихъ въ комнату, питается однимъ картофелемъ, а кто мясомъ:—у обоихъ есть и кости и мышцы, все какъ слѣдуетъ, жилъ-ли онъ на рисѣ или на снѣжныхъ хлопьяхъ. Прибавьте къ этому навожденіе хоть одного того ослѣпленія, которое ставитъ поразительнымъ закономъ—невмѣшательство, и дѣлаетъ соединеніе параллелей невозможнымъ.—Молодая душа жаждетъ вступить въ сообщество. Но всѣ пути развитія и величія приводятъ къ одиночеству затворника. Ихъ такъ часто освистывали! Не ожидая сочувствія своимъ помысламъ отъ простолюдина, онѣ обратились къ избраннымъ, къ просвѣщеннымъ и не нашли у нихъ себѣ поддержки; нашли только недоразумѣнія, насмѣшки, пренебреженіе. Люди страшно поставлены внѣ своего времени, внѣ назначенія; превосходство каждаго состоитъ въ высшемъ разгарѣ его индивидуальности, а она-то и разъединяетъ наиболѣе.

Таковы-то. и многіе есть другіе недуги мысли, которые

обыкновенные наши наставники и не покушаются отстранять. Но тѣ, которые, по своей хорошей природѣ, имѣютъ рѣшительную наклонность къ добру, скажутъ-ли они: Сомнѣній нѣтъ—и солгутъ ради пользы? Спросимъ себя, какъ должно вести жизнь, — съ отвагою или трусостью? а разъясненіе сомнѣній не есть-ли сущность всякаго мужества? Названіе добродѣтели должно-ли стать преградою къ достиженію добродѣтели? Неужели вы не можете понять, чтобы человѣкъ, живущій смирно, даже въ застоѣ, могъ не находить большой отрады въ вечеринкахъ, дѣлишкахъ, проповѣдяхъ? что ему потребна болѣе жесткая школа: — нужны люди, трудъ, торговля, земледѣліе, война, голодъ, изобиліе, любовь, ненависть, сомнѣніе, трепетъ, для того, чтобы вещи сдѣлались ему ясны? и не состоитъ-ли за нимъ право настаивать, чтобы его убѣждали по его вкусу? Убѣдите его, и вы увидите, что онъ стоилъ труда.

Вѣра состоитъ въ пріятіи удостовѣреній души; безвѣріе—въ ихъ отрицаніи. Есть умы, не способные къ скептицизму. Сомнѣнія, которыя они описываютъ, излагаются скорѣе изъ вѣжливости, чтобы принаровиться къ общепринятому языку собесѣдниковъ. Увѣренные въ своемъ возвратѣ, они могутъ дозволить себѣ поумствовать. Допущеннымъ разъ въ небо свѣтлой мысли, уже невозможно снова погрузиться въ мракъ: — призывъ съ той стороны безконеченъ. Небеса видятся въ небесахъ, горняя надъ горними, и все полно, все проникнуто Божественнымъ. Другимъ, небо кажется мѣдянымъ; оно спираетъ землю

со всѣхъ сторонъ. — Это зависитъ, можетъ быть, отъ темперамента; отъ бо̀льшаго или меньшаго погруженія въ видимую природу. — Наконецъ, есть и такіе, которые должны принимать свою вѣру какъ отраженіе, какъ заимствованіе отъ другихъ; они не имѣютъ ока для существенности и инстинктивно опираются на прозорливцевъ, на вѣрующихъ въ существенность. Мысли и поступки вѣрующихъ приводятъ ихъ въ удивленіе и убѣждаютъ, что эти видѣли нѣчто, сокрытое для нихъ. Но, по своимъ чувственнымъ привычкамъ, они хотѣли-бы удержать вѣрующаго на такомъ-то опредѣленномъ мѣстѣ, тогда какъ шествіе впередъ для него неизбѣжно; и вотъ, ревнуя о вѣрѣ, невѣрующій сжигаетъ вѣрующаго.

Даже ученіе, драгоцѣнное упованіямъ человѣка: — ученіе о Божественномъ Промыслѣ и о безсмертіи души — не излагается скептику его ближними такъ чтобы онъ вынужденъ былъ сдѣлаться его сторонникомъ. Можетъ статься и то, что онъ отрицаетъ ради бо̀льшаго вѣроятія; отрицаетъ изъ честности. Пускай лучше лежитъ на немъ пятно нелѣпаго скептицизма, чѣмъ пятно лжи. „Я вѣрю, скажетъ онъ, что вселенная имѣетъ цѣль высоко-нравственную, что она гостепріимно существуетъ для блага душъ; но мнѣ непонятны нѣкоторые пункты ученія, — какъ-же я могу имъ вѣрить?“ Если кто изъ насъ произнесетъ, что онъ рѣзокъ и безбоженъ, то люди мудрые и великодушные не подтвердятъ этого приговора. Имъ понятна дальновидная доброта воли, которая можетъ предоставить своимъ противникамъ заимствованныя убѣжденія и

всѣ ихъ общія мѣста, и не утратить, однако, ни іоты своей готовности. Она смотритъ на конецъ всякихъ уклоненій. Джорджъ Фоксъ (учредитель секты квакеровъ) видѣлъ въ откровеніи: „океанъ мрака и смерти; — въ срединѣже его, океанъ свѣта и любви, изливающійся на темноту той пучины“.

Окончательное разрѣшеніе, уничтожающее скептицизмъ, содержится въ силѣ нравственной, которая никогда не потеряетъ своего преобладанія. Можно безпрепятственно испробовать всѣ роды воззрѣній и противопоставить ихъ вѣсъ всевозможнымъ опроверженіямъ: нравственная сила перетянетъ ихъ какъ ничто. Это — та капля, которая держитъ въ равновѣсіи моря. Я могу шутить надъ путаницею фактовъ, шутя принять образъ воззрѣнія, которое называется скептицизмомъ; но нравственное сознаніе коснется меня, и все предстанетъ мнѣ въ стройности, дѣлающей скептицизмъ невозможнымъ. Человѣкъ мыслящій долженъ дойти до мысли, которая сродни всей вселенной: матеріальныя массы природы поволнуются и пронесутся.

Вѣра вполнѣ благопріятствуетъ возвышенію жизни и ея цѣлей. Этотъ міръ, въ которомъ до пресыщенія толкуютъ о святынѣ, о законѣ, — пускай онъ довольствуется правдою и неправдою, глупцами и безумцами, торжествомъ дурачества и мошенничества. Онъ можетъ съ невозмутимою ясностью глядѣть на непроходимую бездну, отдѣляющую наилучшія стремленія человѣка отъ возможности ихъ осуществить; и просящихъ — отъ могущихъ

ихъ удовлетворить: — на эту трагедію, въ которой томится всякая душа.

Шарль Фурье провозгласилъ, что *„влеченіе человѣка соразмѣрно съ его удѣломъ“*. Это значитъ другими словами, что всякое желаніе есть залогъ своего исполненія. Но ежедневный опытъ доказываетъ совершенно противное и недостаточность мощи повсемѣстно опечаливаетъ умы молодые и пылкіе. Они обвиняютъ Провидѣніе въ скупости. Не Оно-ли указало каждому младенцу и небо и землю, и одушевило его желаніемъ обладать обоими; желаніемъ бурнымъ, безпредѣльнымъ? Мы жаждемъ — вмѣстить въ себѣ міры, какъ эта ширь пространства... И вотъ, для удовлетворенія, отпускается на человѣка крошечная росинка животворящей силы. Чаша, огромная какъ міровое пространство, и въ ней — одна капля воды жизни!.. Съ кѣмъ изъ насъ не случалось проснуться въ извѣстное утро съ такимъ апетитомъ, что готовъ-бы съѣсть солнечную систему какъ пирожокъ; духъ горитъ дѣятельностью и страстью — безъ границъ; онъ хотѣлъ-бы достать рукою утреннюю звѣзду, могъ-бы вывести заключеніе изъ всѣхъ законовъ тяготѣнія и химіи, но — при первой попыткѣ явить свое могущество, отказываются его руки, отказываются ноги и всѣ чувства: имъ не угодно служить ему... а между тѣмъ, сирена все поетъ: „влеченіе человѣка соразмѣрно его удѣлу!“ — Въ каждомъ домѣ, въ сердцѣ каждой дѣвушки и каждаго юноши, въ душѣ святаго, ставшаго выше земли, вы найдете эту бездну между

огромнѣйшимъ посуломъ идеала и скудною существенностью.

Но къ намъ на помощь приходитъ истина, съ принадлежащимъ ей свойствомъ упругости и протяженія необъемлемаго; и человѣкъ возстановляетъ себя обобщеніями болѣе обширными. Урокъ жизни и состоитъ въ упражненіи себя обобщеніями; въ увѣрованіи тому что̀ говорятъ годы и столѣтія, наперекоръ часу времени; въ сопротивленіи частнымъ злоупотребленіямъ; въ проникновеніи ихъ вселенскаго значенія. Вещи, повидимому, говорятъ одно, а смыслъ ихъ говоритъ превратное. Наружность безнравственна, — результатъ нравствененъ. Видимое, кажется, клонится долу, на оправданіе безнадежности, на усиленіе негодяевъ, на низложеніе праведника, — смотришь, и мученикъ и бездѣльникъ вынесли на своихъ плечахъ дѣло правды. Мы видимъ самовластіе вторгнувшихся событій, которыя будто отодвигаютъ и задерживаютъ развитіе цѣлыхъ вѣковъ; но геній вселенной — хорошій пловецъ: его не поглотятъ ни волны, ни бури. Онъ ударяетъ въ набатъ закона, хотя по исторіи и кажется, что небо избираетъ орудія ничтожныя и низкія. Напролетъ годовъ и столѣтій, напролетъ клевретовъ злобы, напролетъ мелочей и атомовъ, неудержимо несется великое и благодѣтельное теченіе.

Человѣку должно научиться распознавать вѣчное отъ преходящаго и измѣнчиваго; научиться сносить исчезновеніе предметовъ, предъ которыми онъ благоговѣлъ, не

теряя притомъ чувства благоговѣнія; ему должно познать, что онъ пришелъ сюда, не для того чтобы преобразовывать, но чтобы самому быть преобразованнымъ; и хотя одно мнѣніе смѣняетъ другое, бездна зіяетъ за бездною, въ сущности, все содержится въ Предвѣчномъ Виновникѣ.

Хоть потонетъ челнъ мой здѣсь,
Поплыву въ другомъ я морѣ.

V.

Шекспиръ или Поэтъ.

Великіе люди скорѣе отличаются своею высотою и обширностью, нежели оригинальностью. Если мы станемъ требовать такой оригинальности, которая, подобно пауку, выплетала-бы ткань изъ собственной внутренности, — или открыла-бы свойство глины, вымыслила кирпичи, и тогда-бы уже построила домъ, то ни одинъ великій человѣкъ не окажется оригинальнымъ. Не состоитъ достохвальная оригинальность и въ несходствѣ съ другими людьми. — Герой стоитъ въ толпѣ бойцовъ, въ столкновеніи событій; но зная людскія нужды, участвуя въ ихъ желаніяхъ, онъ надбавляетъ рукѣ и зрѣнію протяженіе, потребное для достиженія желаемой цѣли. Самый великій геній есть самый задолжавшій человѣкъ. — Поэтъ не пустомеля, не крикунъ громче другихъ, который, болтая обо всемъ что̀ ни попало, подчасъ вымолвитъ и нѣчто путное. Нѣтъ, — онъ сердце, согласно бьющееся съ своимъ временемъ и отечествомъ. Его произведенія не прихоть, не фантазія: онѣ — услада и печаль, онѣ — глубина смысла: и все это оснащено самыми твердыми убѣжденіями,

направлено къ самымъ опредѣленнымъ цѣлямъ, о которыхъ едва помышляютъ какіе-бы то ни было люди и сословія его времени.

Геній нашей жизни ревнивъ къ личностямъ; онъ не допускаетъ индивидуальнаго величія, иначе какъ подъ условіемъ, чтобъ въ немъ слились заслуги многихъ. Для генія нѣтъ выбора. Великій человѣкъ не проснется въ одно прекрасное утро, говоря: „Я полонъ жизни; пущусь-ка въ море, да отъищу антарктическій материкъ; — сегодня, я найду квадратуру кругу; — пороюсь въ ботаникѣ—и добуду новое пропитаніе для человѣка; — мнѣ пришла на мысль новая архитектура; — я провижу новую механическую силу“, и проч. — Нѣтъ! онъ самъ внезапно очутится въ потокѣ мыслей и обстоятельствъ; самъ будетъ увлеченъ идеями и потребностями современниковъ. Онъ стоитъ на пути, куда смотрятъ ихъ глаза; идетъ, куда указываютъ ихъ руки.

Церковь, напримѣръ, взрастила его среди своихъ обрядовъ и торжествъ: онъ выноситъ изъ нея вдохновенія, навѣянныя ея гимнами, и соорудитъ храмъ, приличный ея пѣснопѣніямъ, ея процессіямъ. Онъ поставленъ въ средѣ разгара военныхъ дѣйствій; лагерь и звукъ трубъ содѣйствуютъ его воспитанію: — онъ воздастъ улучшеніями за полученное преподаваніе. Два Графства озабочены тѣмъ, какъ-бы доставлять муку, уголь, рыбу съ мѣста производительности на мѣсто потребленія, — и онъ пораженъ мыслью о желѣзной дорогѣ. Каждый мастеръ находитъ свои матеріалы подготовленными; его сила заключается

въ сочувствіи къ окружающимъ, въ склонности къ матеріаламъ, которые онъ разработываетъ. Какая бережливость нашихъ силъ! Какое возмездіе за краткость нашей жизни! Все подложено ему подъ руку. Міръ донесъ его досюда, по предстоящему ему пути. Человѣчество шло впереди его, понижая холмы, засыпая провалины, наводя мосты на рѣки. Люди, народы, поэты, ремесленники, женщины, всѣ работали для него, и онъ беретъ въ свое распоряженіе итогъ ихъ труда. Избери онъ что̀-нибудь другое, внѣ черты общаго направленія, внѣ народнаго сознанія и историческаго развитія, и ему пришлось-бы дѣлать все самому, и силы его истощились бы на одномъ подготовленіи. Почти можно сказать, что великая, геніальная сила отнюдь не состоитъ въ самобытности, но въ огромной воспріимчивости, возлагающей черную работу на міръ, чтобы безпрепятственнѣе вбирать въ свой духъ вдохновеніе каждаго часа.

Молодые годы Шекспира совпали съ тою эпохою, когда англійская нація настоятельно требовала драматическихъ представленій. Дворъ, легко оскорбляясь политическими намеками, пытался ихъ запрещать. Усиливающаяся, энергическая партія Пуританъ и строгіе ревнители Англиканской Церкви то-же желали ихъ запрещенія. Но народъ не могъ обойтись безъ нихъ. Дворы харчевень, дома безъ крышъ, временная ограда на деревенскихъ ярмаркахъ служили готовыми театрами для странствующихъ актеровъ. Народъ вкусилъ эту новую забаву, и ее такъ-же невозможно было отнять отъ него, какъ лишить теперь насъ

газетъ и журналовъ. Ни король, ни епископъ, ни пуританинъ-поодиначкѣ или въ совокупности не могли заставить умолкнуть этотъ ȯрганъ, который въ одно время вмѣщалъ въ себѣ балладу, эпопею, паясничество, проповѣдь, остроты и газету. По всѣмъ этимъ причинамъ, онъ сдѣлался національнымъ интересомъ, и не маловажнымъ, — входъ былъ дешевъ и не составлялъ расчета, какъ покупка насущнаго хлѣба: — многіе хорошіе ученые упоминаютъ объ немъ, занимаясь исторіею Англіи. Лучшимъ доказательствомъ его жизненности служитъ толпа писателей, внезапно появившихся на этомъ поприщѣ. Кидъ, Марло, Гринъ, Джонсонъ, Чепмэнъ, Деккеръ, Уэбстеръ, Хейвудъ, Миддльтонъ, Пійль, Фордъ, Мессайнджеръ, Бьюмонтъ и Флетчеръ.

Увѣренность въ обладаніи сочувствіемъ публики чрезвычайно важна для писателя, поставляющаго свои труды на сцену. Ему нѣтъ времени на предварительные опыты; здѣсь слушатели и цѣнители уже на готовѣ. Въ отношеніи Шекспира, ему содѣйствовало въ этомъ и многое другое. Въ то время, когда онъ оставилъ Стратфордъ и поселился въ Лондонѣ, существовало множество рукописныхъ театральныхъ пьесъ, всѣхъ временъ и писателей, которыя поочередно разыгрывались на сценѣ. Вотъ — исторія Троянской-Войны: ее слушаетъ публика гдѣ-нибудь, разъ въ недѣлю; вотъ — Смерть Юлія Цесаря, или другое повѣствованіе изъ Плутарха, которое никогда ей не надоѣдаетъ. Здѣсь цѣлыя полки завалены англійскими исторіями, начиная съ Брита и Артура до царственныхъ

Гейнриховъ: онѣ такъ занимательны для народа! Тамъ звучитъ струна горестной трагедіи; здѣсь раздается веселая быль Италіи или Испаніи, — извѣстная каждому лондонскому ремесленнику. Все это уже описано, съ большимъ или меньшимъ умѣніемъ: запачканныя, изорванныя рукописи хранятся у суфлёра. Теперь ужъ невозможно узнать кто былъ ихъ первый творецъ. Онѣ такъ давно достались театру; — такъ много новыхъ другихъ геніевъ надѣлали въ нихъ прибавокъ и поправокъ: тамъ введенъ монологъ; здѣсь, цѣлая сцена или вставлена пѣсня, — что никто въ мірѣ не роспишется въ вѣрности съ подлинникомъ на этихъ произведеніяхъ труда многихъ. По правдѣ сказать, никто этого и не домогается. Чтецовъ у насъ немного, а есть зрители и слушатели. Такъ пускай онѣ лежатъ себѣ, гдѣ лежали.

Шекспиръ, заодно съ своими товарищами, считалъ эту кучу старыхъ пьесъ богатымъ залежавшимся запасомъ, изъ котораго можно дѣлать какое угодно употребленіе. Если-бы всѣ *prestiges*, оградившіе послѣдующую трагедію, были тогда поставлены закономъ, изъ нихъ не вышло-бы ничего. Но здѣсь, здоровая жаркая кровь вполнѣ живой Англіи, обращалась и въ комедіи и въ уличной балладѣ; она доставила Шекспиру ту плоть, которая нужна была его воздушной, величественной фантазіи. Поэту необходимъ для выработки грунтъ отечественныхъ преданій; онѣ придаютъ его искусству должную соразмѣрность; онѣ сродняютъ его съ народомъ; ложатся основаніемъ подъ его зданіе и, подкладывая подъ его руку

столько уже сдѣланнаго, доставляютъ ему досугъ и полную власть предаться всей отвагѣ своего воображенія. Короче сказать, поэтъ обязанъ такимъ преданіямъ тѣмъ, чѣмъ ваяніе обязано храму. Ваяніе въ Египтѣ и въ Греціи возросло въ подчиненности архитектурѣ. Оно служило украшеніемъ стѣнъ храма. Сначала, грубый рельефъ былъ изсѣченъ на фронтонѣ; потомъ, онъ сталъ обозначаться явственнѣе: вотъ рука, вотъ голова отдѣлилась отъ стѣны, но группы все располагались въ соотвѣтствіи къ зданію, служившему имъ какъ-бы рамою. Даже по достиженіи скульптурою большей независимости и отдѣльнаго исполненія, преобладающій геній зодчества все еще требовалъ отъ изваяній извѣстной сдержанности и спокойствія. Но лишь только ваяніе сдѣлалось самостоятельно, перестало имѣть непосредственное отношеніе къ дворцу и къ храму, оно стало клониться къ упадку; причудливость, залетъ, трудъ на показъ замѣнили прежнюю величавую соразмѣрность.—Эту стрѣлку вѣсовъ—какою зодчество было для ваянія—опасная уносчивость поэтическаго дарованія нашла въ собраніи драматическихъ матеріаловъ, уже привычныхъ народу и имѣвшихъ свой родъ достоинствъ, которыхъ не могъ-бы создать никакой одиночный геній, какъ-бы ни былъ онъ великъ.

Въ отношеніи содержанія явствуетъ, что Шекспиръ заимствовалъ его гдѣ только можно, и былъ мастеръ употреблять въ дѣло свои находки. Трудолюбивыя исчисленія оказали, что изъ 6043 стиховъ, составляющихъ первую, вторую и третью часть Генриха IV,—1771 стихъ

написанъ извѣстными предшественниками Шекспира, 2373 передѣлалъ онъ по основанію положенному ими, а 1899 принадлежатъ собственно ему. Продолжающіяся изъисканія относятъ едва-ли одну драму его нераздѣльному творчеству. Замѣчаніе Малона важный документъ внѣшней исторіи Шекспира. Мнѣ кажется, что въ *Генрихѣ VIII*, я самъ ясно различаю, какъ стелется на первобытную скалу его плодотворное наслоеніе. Первая драма была написана человѣкомъ умнымъ и мыслящимъ, но съ невѣрнымъ слухомъ. Хорошо ознакомясь съ его размѣромъ, я могу указать на его стихи. Прочтите монологъ Уольсея и слѣдующую за нимъ сцену съ Кромвеллемъ: — вмѣсто стиха Шекспира, у котораго мысль обладаетъ тайною сама создать для себя тонъ, такъ что читая для смысла, лучше всего схватываешь его плавность — здѣсь, строчки написаны по заданному размѣру, и даже нѣсколько напоминаютъ богословское краснорѣчіе. Но во всей пьесѣ вы найдете безошибочные слѣды прикосновенія Шекспира, а нѣкоторыя мѣста изъ описаній коронаціи, просто — его автографъ. Странно, что хвала Королевѣ Елизаветѣ написана весьма плохимъ размѣромъ.

Шекспиръ понялъ, что преданія заключаютъ баснословія, превосходящія всѣ вымыслы. Если онъ утрачиваетъ въ томъ, что не ему приписываютъ изобрѣтеніе плана, то какъ усиливается чрезъ это собственное его могущество; а въ тѣ времена, требованія оригинальности не были такъ легкомысленно настойчивы. Литература суще-

ствовала не для милліоновъ: повсемѣстное чтеніе, дешевыя изданія были неизвѣстны.

Великій поэтъ, являющійся во времена необобщенной грамотности, вбираетъ въ свою сферу свѣтъ всѣхъ разрозненныхъ искръ и лучей. Его изящное призваніе—поднести своему народу каждое умственное сокровище, цвѣтъ каждаго чувства; и народъ цѣнитъ его внимательность, наравнѣ съ даромъ изобрѣтенія. Поэтому и поэтъ мало безпокоится о томъ, откуда почерпнулъ онъ свою мысль: изъ лѣтописи или изъ перевода, изъ странствій-ли по отдаленнымъ странамъ, или изъ вдохновенія; каковъ-бы ни былъ ея источникъ, некритикующая публика принимаетъ ее съ одинаковымъ радушіемъ. Скажемъ болѣе: поэтъ занимаетъ вокругъ и около.

Всякій человѣкъ можетъ сказать мудрое слово, только не всякій знаетъ когда онъ сказалъ его, и не замѣчаетъ, что оно вырвалось у него изъ множества чепухи. Но мастеръ знакомъ съ блескомъ драгоцѣннаго камня; онъ поставитъ его на видъ, гдѣ-бы ни нашелъ. Таково, можетъ быть, было завидное положеніе Гомера, Саади, Чаусера. Они сознали, что умъ всѣхъ — ихъ умъ, и были компилаторами, исторіографами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтами. Каждый романистъ — наслѣдникъ и распорядитель всѣхъ сотенъ тысячъ новѣстей и разсказовъ, оглашающихъ нашу землю:

Онъ представляетъ намъ Өивянъ и Пелонидовъ
И горестную быль паденья славной Трои.

Вліяніе Чоусера замѣтно во всей нашей прежней ли-

тературѣ; еще не такъ давно, имъ позаимствовались не только Попе и Драйденъ; но и многіе другіе англійскіе писатели потихонько брали у него въ заемъ, который легко отдать. Право, весело смотрѣть на избытокъ, пробавляющій такое множество питомцевъ. Впрочемъ, самъ Чоусеръ славно умѣетъ занимать у своихъ и у чужихъ. Чрезъ Лидгета и Кекстона онъ поживился отъ Гвидо ди-Колонна, который въ свою очередь бралъ у Овидія, Стація и Фригіуса. Потомъ, его благодѣтелями были Петраркъ, Боккачіо и Провансальскіе поэты, а съ бѣднымъ Гоуверомъ онъ обращается какъ съ каменоломней или съ кирпичнымъ заводомъ, изъ котораго ему нужно построить себѣ домъ. Онъ извиняется тѣмъ, что оставленное имъ не имѣетъ никакой цѣнности, а пріобрѣтаетъ ее отъ его присвоенія. Въ литературѣ, на практикѣ существуетъ то правило, что человѣкъ, разъ оказавшійся дѣльнымъ и самобытнымъ писателемъ, получаетъ право свободно распоряжаться сочиненіями другихъ. Мысль есть достояніе того, кто ее постигаетъ и того, кто умѣетъ прилично помѣстить ее. Нѣкоторая неловкость отмѣчаетъ употребленіе мысли взятой на прокатъ, но когда мы поняли что̀ можно изъ нея сдѣлать, она становится нашею собственностью.

Такъ, всякая оригинальность относительна. Каждому мыслителю подсобляютъ сзади. Какъ въ Уэстъ-минстерѣ и Вашингтонѣ, сэръ Роберъ Пиль и Уэбстеръ говорятъ и подаютъ голосъ за тысячи, такъ Локкъ и Руссо думаютъ за тысячи, и такъ, множество источниковъ извиваются

вокругъ Гомера, Мену, Саади, Мильтона: то были друзья, возлюбленныя, книги, преданія, пословицы, изъ которыхъ они почерпали. Тѣ погибли, но если-бы они намъ предстали, чудо произведенное дѣятелями, убавилось-бы на многое. Но если Бардъ говоритъ какъ власть имѣющій; если никто изъ живущихъ въ ту пору, не можетъ съ нимъ помѣряться; если въ его груди есть притомъ тотъ Дельфійскій оракулъ, который можно вопросить объ всякой мысли, объ всякой въ мірѣ вещи, дѣйствительно-ли оно такъ: *да* или *нѣтъ?* и получить отвѣтъ, на который можно твердо положиться, —тогда всѣ заимствованія чужаго ума, сдѣланныя такимъ человѣкомъ, могутъ не смущать его совѣсти, по части оригинальности. Вліяніе другихъ книгъ и другихъ умовъ, ничего болѣе какъ дуновеніе дыма, въ сравненіи съ этою исключительно живою существенностью, которая сказалась его духу.

Легко усмотрѣть, что все что геній написалъ или произвелъ, не было твореніемъ одного человѣка, но составилось обширнымъ трудомъ общественнымъ, для котораго тысячи, одушевляемыя тѣмъ-же побужденіемъ, работали какъ одинъ человѣкъ. Наша Англійская Библія, этотъ дивный образецъ силы и звучности Англійскаго языка, не была переведена однимъ человѣкомъ, или единовременно: столѣтія и церковныя собранія довели ее до этого совершенства.— Литургія, внушающая удивленіе своимъ величіемъ и выразительностью—есть цвѣтъ набожныхъ чувствъ вѣковъ и народовъ. Молитвы, извлеченныя и переведенныя въ разныя отдаленныя времена, изъ молитвъ каждаго Святаго,

изъ размышленій каждаго духовнаго писателя, по всей землѣ, вотъ что̀ вошло въ составъ Богослуженія Вселенской Церкви.—Опредѣлительный языкъ государственнаго права, величавая обстановка королевскаго двора, ясныя и точныя положенія судопроизводства, все это—приношенія людей дальновиднаго, сильнаго ума, жившихъ въ странахъ управляемыхъ подобными законами.—Переводы Плутарха отъ того такъ превосходны, что они переведены съ переводовъ, которые велись съ перваго времени его появленія. Всѣ существенныя свойства и народные обороты языка были сохраняемы, а изъ прочаго попеременно дѣлался выборъ, или совершенно отмѣнялось. Почти тоже самое произошло гораздо ранѣе и съ оригинальными жизнеописаніями Плутарха. Міръ дозволяетъ себѣ вольности съ міровыми книгами: *Ведды, Басни Эзопа и Пильпая, Арабскія Сказки, Иліада, Романсы Сида, Шотландскія Минстреліи* — творенія не одного человѣка. Для произведенія такихъ твореній думаетъ время, думаетъ торжище, домашній кровъ, ремесленникъ, купецъ, земледѣлецъ, тщеславный: всѣ думаютъ для насъ. Каждая книга надѣляетъ свое время хоть однимъ добрымъ словомъ, и родовой всемірный геній не стыдится и не боится производить свою оригинальность изъ оригинальности всѣхъ; предъ глазами-же послѣдующихъ вѣковъ, онъ стоитъ какъ лѣтописецъ и воплощеніе своего времени.

Мы обязаны антикваріямъ и Шекспировскому Обществу вѣрными свѣдѣніями о развитіи театральнаго искусства въ Англіи, начиная отъ разъигрыванія мистерій при цер-

квахъ, духовными лицами;—и отъ окончательнаго отдѣленія представленій отъ церкви съ появленіемъ свѣтскихъ пьесъ: *Феррексаи*, *Порекса*, и *Сплетень* Гуртона Нидля, — до пріобрѣтенія сценою тѣхъ самыхъ драмъ, которыя измѣнялъ, передѣлывалъ и окончательно упрочилъ за собою Шекспиръ. Обрадованное успѣхомъ и побуждаемое усиливающимся интересомъ своей задачи, Общество перерыло всѣ лавки съ старыми книгами, перешарило всѣ сундуки по чердакамъ, не оставило ни одной связки пожелтѣвшихъ счетовъ на истребленіе сырости и червямъ; такъ сильна была его надежда открыть: воровалъ-ли мальчишка Шекспиръ? стерегъ-ли онъ лошадей у театральнаго подъѣзда? былъ-ли въ какой школѣ? зачѣмъ не оставилъ лучшую кровать своей женѣ, Аннѣ Гетсуэ?

Было что-то прилипчивое въ сумашествіи, вынудившимъ тотъ вѣкъ такъ дурно выбрать предметы, на которые падалъ блескъ всѣхъ свѣчей и были уставлены всѣ глаза: какъ тщательно записана всякая бездѣлица, касающаяся до Королевы Елизаветы и Короля Іакова, до Эссексовъ, Лейстеровъ, Берлеевъ и Бекингхемовъ, и — пропущенъ, безъ малѣйшей замѣтки стоющей вниманія, основатель той новой династіи, по милости котораго — и одного его — еще будетъ вспоминаться домъ Тюдоровъ! — пропущенъ человѣкъ, объявшій одушевлявшимъ его вдохновеніемъ всѣ саксонскія племена! — не упомянутъ тотъ, чьей мыслью на многія столѣтія станутъ питаться передовые народы міра, получившіе отъ него такое-то, а не другое направленіе ума! Въ лицедѣѣ черни никто не распозналъ поэта чело-

вѣческаго рода, и тайна одинаково сохранилась отъ поэта и мыслителя, какъ отъ царедворца и суетнаго. Бэконъ, этотъ инвентаторъ умственныхъ силъ человѣка во время Шекспира, даже не упомянулъ его имени! Бенъ Джонсонъ — хотя мы и натянули нѣсколько словечекъ похвалы и вниманія — не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о колоссальной славѣ, которой онъ пролепеталъ первый звукъ одобренія; вѣроятно считая его весьма великодушнымъ, и ставя себя не въ примѣръ лучшимъ поэтомъ.

Если, какъ говоритъ пословица: нуженъ умъ, чтобъ понять умъ, то Шекспирово время было-бы способно оцѣнить его. Сэръ Генри Вутонъ родился за четыре года до Шекспира, и умеръ двадцать лѣтъ послѣ него; въ числѣ его знакомыхъ и корреспондентовъ я нахожу слѣдующія лица: Теодоръ Беза, Графъ Эссексъ, сэръ Филиппъ Сидней, Лордъ Беконъ, сэръ Вальтеръ Ралейгъ, Джонъ Мильтонъ, Беллярменъ, Кеплеръ, Коулей, Джонъ Пимъ, Пауль Сарпи; — не называя многихъ другихъ, съ которыми сэръ Вутонъ безъ сомнѣнія видался: — Шекспира, Джонсона, Бьюмонта, Мессайнджера, двухъ Гербертовъ, Марлоу, Чепмена и прочихъ. — Никогда отъ появленія созвѣздія великихъ мужей Греціи во времена Перикла, никогда не было подобнаго собранія умовъ; ихъ геніальность измѣнила имъ; однако, въ распознаніи лучшей головы въ мірѣ. Нашъ поэтъ скрывался подъ непроницаемой маской. — Горы не разглядишь вблизи. Нужно было цѣлое столѣтіе, чтобъ возъимѣть подозрѣніе о томъ чтò такое Шекспиръ; прошли два другія столѣтія надъ его могилой, пока образо-

валось мнѣніе, хоть приблизительно его достойное. И какъ-же могло быть иначе? Онъ отецъ германской литературы: съ тою порою, когда Лессингъ представилъ его Германцамъ, когда Виландъ и Шлегели перевели его, совпадаетъ быстрое развитіе Германской литературы. До самаго XIX вѣка, спекулятивный умъ котораго есть родъ воплощеннаго Гамлета, — трагедія *Гамлетъ* не могла найти дивующихся читателей. Теперь, литература, философія, мысль наша — все ошекспировано. Его геній — нашъ горизонтъ, далѣе котораго, мы еще покамѣсть не смотримъ. Кольриджъ и Гете, одни выразили это убѣжденіе съ надлежащею вѣрностью; но всѣ просвѣщенные умы безмолвно сознаютъ превосходство его генія и красоты.

Шекспирово-Общество собирало справки по всѣмъ направленіямъ; оно публиковало въ газетахъ недостающіе факты, предлагало награды за малѣйшее свѣдѣніе, подкрѣпленное доказательствами, — каковъ-же былъ результатъ? — Оказалось, что годъ отъ году Шекспиръ получалъ бо́льшую долю изъ сбора Блэкфрайрскаго-Театра; что гардеробъ и прочія обстановки сцены принадлежали ему; что на труды писателя и пайщика онъ купилъ помѣстіе на своей родинѣ; что его домъ былъ самымъ красивымъ въ Стратфордѣ; что сосѣди довѣряли ему разныя препорученія въ Лондонъ, какъ-то: занять для нихъ денегъ и тому подобное; что онъ былъ настоящій фермеръ. — Около того времени, когда Шекспиръ писалъ Макбета, онъ, чрезъ Земскій-Стратфордскій-Судъ дѣлалъ искъ на Филиппа Роджерса въ тридцати-пяти шиллинговъ - десяти

пенсовъ, недоплаченныхъ ему за хлѣбъ, въ разное время проданный. Оказывается тоже, что онъ былъ прекраснымъ мужемъ во всѣхъ отношеніяхъ; что за нимъ не водилось никакой эксцентричности или излишества. Онъ былъ родъ честнаго добряка, притомъ, — актеръ и пайщикъ театра, который ни въ чемъ не отличался отъ другихъ актеровъ и режиссеровъ. Я отмѣчаю важность этого увѣдомленія. Оно стоило трудовъ, предпринятыхъ для его полученія.

Но какія-бы отрывочныя свѣдѣнія о жизни Шекспира ни поступили въ храненіе Общества, онѣ не могутъ пролить ни малѣйшаго свѣта на эту безконечную силу творчества, этотъ скрытый магнитъ, которымъ онъ привлекаетъ насъ къ себѣ. Мы весьма плохіе историки жизни. Запишемъ росказни родственниковъ, мѣсто и день рожденія, скажемъ гдѣ учился, кто были однокашники, какъ добывалъ себѣ хлѣбъ, какъ женился, когда издалъ свои сочиненія, сдѣлался знаменитъ, умеръ; — когда-же дойдемъ до конца такого колотырства, то окажется, что ни одной искры сходства не существуетъ между нашимъ словомъ и тѣмъ *геніемъ*, и что возьми мы и прочти на угадъ любое жизнеописаніе изъ *Новаго Плутарха*, то оно отлично замѣнило-бы наше баснословіе. Это и есть сущность поэзіи: подобно Радугѣ, дочери Чудесъ, она возникнетъ изъ области невидимаго, сотретъ прошедшее, отвергнетъ всякое описаніе. Напрасно Малонъ, Варбюртонъ, Дейсъ и Коллейръ зажигали свои лампады. Напрасно расточали свое содѣйствіе знаменитые театры Ковентъ-Гардена, Парка, Дрюри-Лэна, и Тримонта. — Гаррикъ, Кембль,

Кинъ, Беттертонъ и Мэкреди посвятили свою жизнь этому генію; его они выясняли и выражали, его вѣнчали и ему повиновались. Геній о нихъ не заботится. Представленіе началось; звучитъ золотое слово самого безсмертнаго, и вся намалеванная обстановка исчезаетъ: оно одно томительно-сладко зоветъ насъ къ нему, въ его недоступную отчизну. Помню, я пошелъ когда-то на представленіе Гамлета; роль исполнялъ знаменитый актеръ, гордость сценическаго искусства Англіи. Изъ всего мною слышаннаго, изъ всего, что я теперь помню объ трагедіантѣ, осталось одно, въ чемъ онъ нимало не участвовалъ — просто, вопросъ Гамлета къ Тѣни отца:

„What may this mean,
That thou, dead corse, again, in complete steel,
Revisit'st thus the glimpses of the moon?"
„Что̀ значитъ то̀,
Что ты, усопшій трупъ, вновь, полный мощи,
Являешься на просвѣтъ этотъ лунный?"

Вотъ оно, воображеніе поэта, распространяющее свою рабочую горенку до размѣра міровъ; наполняющее ихъ дѣятелями, имъ подъ ростъ и подъ стать, и мгновенно низводящее громаду видимаго до — просвѣта луннаго! Такія обаянія его чародѣйства губятъ иллюзіи театральной залы. Можетъ-ли какая-бы-то ни была біографія уяснить ту мѣстность, въ которую вводитъ меня *Сонъ въ Лѣтнюю Ночь*? Какому стратфордскому нотаріусу, приходскому регистратору, писарю, или его помощнику, довѣрилъ Шекспиръ родословную этого эфирнаго произведенія? Гдѣ тотъ третій изъ двоюродныхъ братцевъ или племянниц-

ковъ, — гдѣ тотъ канцелярскій списокъ, — гдѣ — скажите — то частное письмо, которое уберегло одно слово изъ сокровенныхъ тайнъ Арденскаго-Лѣса, одно слово о воздушной порхливости Замка Сконъ, о лунномъ сіяніи надъ виллою Порціи, и эту „*бездѣйственность пустынь, вертеповъ безъ конца*“, — плѣна Отелло? — Подъ конецъ концовъ, послѣ такихъ драмъ, какъ послѣ всякаго великаго созданія искусства: — циклопскихъ зданій Египта и Индіи, ваяній Фидіаса, готическихъ соборовъ, Италіанской живописи, балладъ Испаніи и Шотландіи, — геній уноситъ вслѣдъ за собою свою лѣстницу, когда вѣкъ творчества отходитъ на небо, уступая дорогу другому вѣку, который видитъ совершенное, и тщетно допытывается о его исторіи.

Единственный біографъ Шекспира — Шекспиръ, да и онъ скажется только тому что̀ мы имѣемъ Шекспировскаго въ себѣ; то есть, выспреннему просвѣтлѣнію и полнѣйшему сочувствію иныхъ нашихъ часовъ. Онъ не сойдетъ съ своего треножника, чтобы разсказывать намъ анекдоты о своихъ вдохновеніяхъ. Прочтите старинные документы, отысканные, разобранные, сличенные неутомимыми Дейсомъ и Коллейромъ, а потомъ прочтите одно изъ этихъ горнихъ рѣченій — этихъ аэролитовъ, которые будто спали съ высотъ неба, и которые не опытность, а тотъ вашъ внутренній человѣкъ, тотъ, что̀ въ душѣ, принимаетъ какъ слова судебъ—и скажите, есть-ли между ними сходство? Первое соотвѣтствуетъ-ли второму въ какомъ-бы то ни было

отношеніи? и какое изъ нихъ даетъ вѣрнѣйшее историческое постиженіе самого человѣка?

И такъ, при всей скудости его внѣшней исторіи, у насъ, вмѣсто Обрея и Роу, является автобіографомъ Шекспиръ; съ его помощью мы получаемъ свѣдѣнія, посущественнѣе тѣхъ, которыя описываютъ нравъ и обстоятельства, и которыя однѣ были-бы для насъ важны, еслибъ привелось сойтись и имѣть дѣло съ этимъ человѣкомъ. Предъ нами свидѣтельство его убѣжденій насчетъ тѣхъ вопросовъ, которые стучатся за отвѣтомъ объ каждое сердце:—вопросы о жизни и смерти, о любви, о богатствѣ и о бѣдности, о цѣнности жизни, и какими путями мы ее возвышаемъ; о свойствахъ людей, о вліяніи явномъ и незримомъ, измѣняющемъ ихъ судьбу; о тѣхъ таинственныхъ, сокровенныхъ силахъ, которыя ставятъ въ ничто наше знаніе, умѣніе, и вплетаютъ свое лукавство, свои зароки въ самые яркіе часы нашего существованія. Читая томъ Сонетовъ, кто не подмѣтилъ, что подъ ихъ покровомъ—покровомъ, прозрачнымъ для понимающаго — высказаны чудеса любви и дружбы; изображена борьба чувствъ самой нѣжной и, притомъ, самой духовной личности? Какую черту изъ своихъ затаенныхъ помысловъ скрылъ онъ въ своихъ драмахъ? Въ полнотѣ его живописаній владыкъ и дворянъ, намъ видно, какой наружный видъ и человѣческія свойства нравились ему наиболѣе; видно какъ было ему любо въ кругу многочисленныхъ друзей, любо широкое хлѣбосольство и любо давать съ радостною готовностью. Тимонъ, Варвикъ, купецъ Антоніо

могутъ поручиться за возвышенность его сердца. И такъ, Шекспиръ не то что мало намъ извѣстенъ, но изъ историческихъ лицъ новаго времени, онъ знакомъ намъ болѣе всѣхъ. Какой вопросъ о нравственности, о приличіи, о домоводствѣ, о философіи, религіи, вкусѣ, о наукѣ жизни не былъ имъ опредѣленъ? Объ какой таинственности не далъ намъ почувствовать, что она не чужда ему? Какого сана, должности или отдѣльной человѣческой дѣятельности онъ не коснулся? Какому царю не преподалъ онъ — какъ Тальма Наполеону — уроковъ величавости? Какая дѣвушка не найдетъ его утонченнѣе своей деликатности? Какого влюбленнаго не перелюбилъ онъ? Чей разумъ не переросъ своимъ умомъ? Какому джентльмену не открылъ глазъ на жестокость его обращенія?

Нѣкоторые способные и заслуженные цѣнители искусства полагаютъ, что критика должна видѣть въ Шекспирѣ только драматурга, а не поэта и не философа. Какъ ни высоко ставлю я его драматическія заслуги, онѣ мнѣ кажутся второстепенными. Шекспиръ — человѣкъ вполнѣ, любилъ поговорить, въ безпрерывной работѣ мозга создавая образы и мысли, онъ искалъ себѣ простора и нашелъ тутъ-же подъ рукою — драму. Будь у него менѣе превосходствъ, мы-бы сознали, что онъ хорошо пришелся къ мѣсту, что онъ отличный драматическій писатель — а онъ первый въ мірѣ! Притомъ, во всемъ имъ сказанномъ оказывается такой вѣсъ, что наше вниманіе отвлечено отъ формы имъ избранной, и онъ является намъ какъ мудрецъ, какъ пророкъ съ книгою жизни въ рукахъ, которая стоитъ

быть переданной на всѣ языки въ стихахъ и въ прозѣ, въ поэзіи, въ живописи, въ неизмѣняемости пословицъ. Онъ далъ тонъ музыкѣ новыхъ временъ, онъ написалъ и слова для хода новаго образа жизни; онъ взрастилъ человѣка въ Англіи, въ Европѣ, и отца человѣка Американскаго; онъ разбудилъ его, и описалъ ему день и все что̀ можно въ него сдѣлать. Онъ прочелъ сердце мужчины и женщины, его прямоту и увлеченіе второю мыслью или желаніемъ;—желанія невинности и тѣ уступки, которыми добродѣтель и пороки соскользаютъ въ противоположную имъ сторону;—онъ могъ-бы въ обликѣ ребенка распознать что̀ принадлежитъ отцу и что̀ матери, или разграничить неуловимые предѣлы свободнаго произвола и опредѣленій рока.—Ему былъ извѣстенъ законъ усмиренія, служащій, можно сказать, полиціею у природы; — и все плѣнительное и все ужасное въ человѣческомъ жребіи рисовались его духу такъ-же вѣрно и такъ-же просто, какъ нашему глазу рисуется ландшафтъ. Предъ важностью такого пониманія жизни теряется изъ виду внѣшняя форма, была-ли она драматическая или эпическая. Это все равно что освѣдомляться, на какой именно бумагѣ пишетъ Государь свои постановленія.

Шекспиръ на столько выше всей категоріи превосходныхъ писателей, на сколько онъ выше и толпы. Онъ непостижимо геніаленъ, другіе — постижимо. Даровитый читатель можетъ, такъ сказать, вгнѣздиться въ мозгъ Платона, и оттуда мыслить имъ; но въ мозгъ Шекспира — доступу нѣтъ! Мы всегда стоимъ у него за дверьми. Онъ

единственненъ и по творчеству и по дару исполненія. Никто изъ людей не можетъ воображать лучше. Онъ утончалъ до крайняго предѣла и, между тѣмъ, всегда совмѣстно съ тою личностью, и именно на сколько это допускается автору. Онъ облекъ созданія своей фантазіи яркостью образа и чувствъ, какъ будто онѣ были существа, жившія съ нимъ подъ одною кровлею; и немногіе люди оставляютъ такіе слѣды, какъ эти вымышленныя лица. И говорятъ онѣ языкомъ на столько увлекательнымъ, на сколько это имъ прилично. Притомъ, геній его никогда не развертывался на-показъ, а съ другой стороны, не бряцалъ все по одной струнѣ. Всегда неразлучная съ нимъ человѣчность держитъ въ порядкѣ всѣ его способности. Попросите даровитаго человѣка разсказать какой-нибудь случай, и его пристрастіе тотчасъ обнаружится. Нѣкоторыя его наблюденія, мнѣнія и общій складъ ума выпукло выставятся впередъ. Онъ усилитъ эту половину и оголитъ другую, не думая о томъ идетъ-ли оно къ предмету, а имѣя въ виду — только свою способность и умѣнье. Но у Шекспира нѣтъ никакихъ особенностей, нѣтъ докучной односторонности: все въ пору и въ мѣру; нѣтъ пристрастія къ тому, желанія испробовать себя на этомъ; онъ не жанристъ, не отличается этюдами коровъ или прелестныхъ птицъ. Въ немъ не найдешь ни тѣни такого эгоизма: онъ описываетъ возвышенное возвышенно; мелкое, по его свойству. Онъ восторженъ безъ напыщенности и безъ разглагольствій; могучъ, какъ могуча природа, которая безъ усилій воздымаетъ цѣлую страну въ горныя покато-

сти и вершины, и тѣмъ-же самымъ образомъ поддерживаетъ пушинку на воздухѣ, находя одинаковымъ то и другое дѣло. Эта ровность мощи даетъ ему такое непрерывное совершенство въ фарсѣ, въ трагедіи, въ разсказѣ, въ нѣжной пѣснѣ, что каждому читателю не вѣрится, чтобы другой могъ, такъ какъ онъ, постигнуть Шекспира.

Это могущество все выразить и переложить на музыку и на поэзію наисущую правду каждаго предмета, сдѣлало его прообразомъ поэта и прибавило новую задачу для метафизиковъ. Оно-то заставляетъ причислить его къ области естественной исторіи, какъ исполинскій продуктъ земнаго шара, предрекающій новыя эры и новыя улучшенія. Предметы отражаются въ его поэзіи безъ потраты и потускнѣнія: онъ могъ рисовать тонкое съ отчетливостью, величественное съ соразмѣрностью, трагическое и комическое съ равнодушіемъ, безъ коверканія или предпочтенія. Совершенство исполненія касалось малѣйшихъ подробностей: волосокъ, рѣсница, ямочка додѣланы тою-же твердою кистью, которою нарисована огромная гора, и между тѣмъ онѣ выдержатъ, какъ природа, ваши изслѣдованія съ помощью солнечнаго микроскопа.

Однимъ словомъ, онъ торжественно доказалъ своимъ примѣромъ, что могущество творить или живописать болѣе или менѣе картинъ, есть вещь безразличная. Онъ имѣлъ силу создать одну картину. Дагерръ научилъ насъ какъ заставить одинъ цвѣтокъ отпечатлѣть свой образъ на досчечкѣ, и потомъ снимать его оттиски милліонами.

Предметы были всегда, но не было ихъ изображеній. Наконецъ, во всемъ совершенствѣ явился ихъ изобразитель; теперь, пускай цѣлые міры образовъ заказываютъ ему свои портреты. Не пропишешь рецепта на способъ творчества Шекспира; но возможность преображенія вещественности въ поэзію — доказана имъ.

Лиризмъ дышетъ въ самомъ духѣ его произведеній. Сонеты его, хотя ихъ превосходство теряется въ великолѣпіи драмъ, неподражаемы какъ и эти: прелесть стиха равна достоинству піесы; какъ самый звукъ голоса несравненно намъ милаго, — всю рѣчь его поэтическихъ созданій и малѣйшій ея отдѣлъ — воспроизвести такъ-же трудно какъ цѣлую его поэму. Въ немъ и средства и цѣль стоютъ одинаковаго удивленія; каждый побочный вымыселъ, служащій ему для сближенія нѣкоторыхъ несовмѣстимыхъ крайностей, та-же поэма. Онъ никогда не бываетъ принужденъ слѣзть съ сѣдла и итти пѣшкомъ, отъ того, что конь его забѣгаетъ слишкомъ шибко, совсѣмъ не въ то направленіе: онъ всегда сидитъ на немъ верхомъ.

Въ Шекспирѣ есть другая царственная черта — неотъемлемое свойство истиннаго поэта, чья цѣль красота; я говорю о ясномъ веселіи духа. Поэтъ любитъ добро, не по обязанности, а за его прелесть; онъ восхищается міромъ, человѣкомъ, женщиною, потому что провидитъ плѣнительный свѣтъ, искрами отъ нихъ сыплющійся. Онъ изливаетъ на вселенную красоту, этотъ геній упоенія и ликованія. Эпикуръ сказалъ, что поэзія до того обворожительна, что, подчинясь ея чарамъ, любовникъ можетъ

покинуть свою возлюбленную. И всѣ истинные барды отличались бодростью и веселостью своего настроенія. Гомеръ облитъ солнечнымъ сіяніемъ. Чоусеръ ясенъ и бдителенъ. Саади говоритъ: „Про меня идетъ молва, что я наложилъ на себя покаяніе, — объ чемъ мнѣ каяться?“ Владычественно какъ ни чье и сладко-крѣпительно слово Шекспира. Его имя уже несетъ веселіе и отраду нашему сердцу. Если-бы онъ явился въ сонмѣ человѣческихъ душъ, кто-бы изъ насъ не примкнулъ къ его свитѣ? Все, до чего онъ ни коснется, заимствуетъ здоровье и долгоденствіе отъ его чистой, безпорочной рѣчи.

А теперь посмотримъ, въ чемъ и какъ соотвѣтствуетъ въ немъ человѣкъ — пѣвцу и благотворителю? установимъ вѣсы въ нашемъ уединеніи, гдѣ отгулы славы не доходятъ до нашего слуха. Уединеніе — строгій наставникъ: оно научаетъ насъ почитать и героевъ и поэтовъ, но оно кладетъ на вѣсы даже Шекспира и находитъ, что онъ взялъ долю неполноты и несовершенства человѣческаго.

Шекспиръ, Гомеръ, Данте, Чоусеръ поняли великолѣпный смыслъ, обвѣвающій міръ видимый; поняли, что дерево растетъ не для однѣхъ яблоковъ, колосъ не для одной муки, а шаръ земной не устроенъ для одной обработки полей и проложенія дорогъ; что вся эта видимость приноситъ вторую и лучшую жатву нашему духу, потому что служитъ эмблемою его мыслей, и всемъ своимъ естественнымъ ходомъ представляетъ какое-то нѣмое истолкованіе человѣческой жизни. Шекспиръ употребилъ эту видимость, какъ краски для своихъ картинъ. Онъ остано-

вился предъ ея красотою, но никогда не сдѣлалъ шага, повидимому, неизбѣжнаго для такого генія; а именно, ему слѣдовало проникнуть потаенную силу символовъ, извѣдать ихъ власть, разслушать ихъ собственную рѣчь. Онъ-же употребилъ на забаву всѣ данныя, ожидающія одного его повелѣнія, чтобы вымолвить лучшее, и остался мастеромъ тѣшить людей. Не все-ли это равно, какъ если-бы кто, овладѣвъ, по величественному могуществу науки, кометами или планетами съ ихъ спутниками, снялъ-бы ихъ съ орбитовъ, только на праздничный фейерверкъ, и разослалъ-бы по всѣмъ городамъ объявленіе: „*сегодня вечеромъ будетъ дано чрезвычайное пиротехническое представленіе!*“ Силы природы и даръ понимать ихъ не заслуживаютъ-ли бо́льшаго уваженія, нежели уличная баллада и дымъ сигары? — И опять вспомнится громоносный стихъ Корана: „*Земля и небо, и все что̀ лежитъ между ними, думаете вы, сотворено нами на шутку?*“ Если ограничиться вопросомъ о дарованіи и объ умственныхъ способностяхъ, то родъ человѣческій не имѣетъ равнаго Шекспиру. Но если мы отнесемся вопросомъ къ жизни, къ разработкѣ ея матеріаловъ и ея вспомогательствъ, какую пользу принесла его жизнь? Какое имѣетъ она значеніе? Намъ осталось отъ нея: *Сонъ въ лѣтнюю ночь;* или *Двѣнадцатая ночь;* или *Сказка въ зимній вечеръ;* — которая-же изъ этихъ картинъ имѣетъ болѣе или менѣе важности? — И приходитъ на память достойный Египта отчетъ Шекспировскаго-Общества: — онъ былъ забавный актеръ и режиссеръ театра.

Я не могу примирить этого факта съ его поэзіею. Другіе замѣчательные люди провели свою жизнь все-таки въ нѣкоторомъ родѣ соглашенія съ своимъ помысломъ; но этотъ человѣкъ — въ совершенномъ разрывѣ. Будь онъ пониже, достигни онъ только обыкновеннаго мѣрила великихъ писателей: Бэкона, Мильтона, Тасса, Сервантеса — мы-бы оставили этотъ фактъ въ полумракѣ человѣческаго удѣла; но, что-бы человѣкъ изъ человѣковъ — обогатившій мыслительное знаніе предметомъ, когда-либо существовавшимъ въ такой новизнѣ и обширности, и водрузившій знамя человѣчества нѣсколько миль за предѣлы хаоса — чтобы онъ не могъ выбрать для себя ничего лучше этого?! — о, въ такомъ случаѣ, должно быть внесено во всемірную исторію, что: первый поэтъ земли велъ пустую, ничѣмъ не не отмѣченную жизнь, и тратилъ свой геній на забаву публики.

Да, другіе люди: пророки, первосвященники — Израиля, Германіи, Швеціи, имѣли то-же прозрѣніе; и они усмотрѣли въ предметности ея содержаніе. Какой былъ выводъ? — Красота видимаго мгновенно исчезла; они прочли завѣтъ высшій, всеподчиняющій гигантскій смыслъ долга, и скорбь и отвѣтственность нагроможденными горами налегли на нихъ, и жизнь стала для нихъ призракомъ, безрадостью, — странствіемъ пилигримма, испытаніемъ, замкнутымъ сзади печальною повѣстью паденія и проклятія Адама, спереди — предопредѣленіемъ, огнемъ чистилища или ада; и сердце созерцателя и сердце внемлющаго замерло въ ихъ груди.

Должно допустить, что это односторонніе взгляды односторонних людей. Міръ все еще ждетъ Поэта-Священника, ждетъ примирителя, который не будетъ вѣтреничать, какъ Шекспиръ-Актеръ; не станетъ рыться въ гробахъ какъ Сведенборгъ-Скорбящій; но который будетъ видѣть, говорить и дѣйствовать по равномѣрному вдохновенію. Потому что знаніе усугубитъ свѣтъ солнечный: оно выяснитъ, что правда прекраснѣе частныхъ привязанностей, и что любовь совмѣстима со всеобъемлющею мудростью.

IV.

Наполеонъ или человѣкъ міра сего.

Изъ знаменитыхъ личностей девятнадцатаго столѣтія, всѣхъ извѣстнѣе, всѣхъ могущественнѣе является Бонапартъ; онъ обязанъ своимъ преобладаніемъ той вѣрности, съ которою онъ выражаетъ складъ мыслей, вѣрованій, цѣлей большинства людей дѣятельныхъ и образованныхъ. По теоріи Сведенборга, каждый органъ состоитъ изъ маленькихъ, однородныхъ съ нимъ частицъ, или какъ обыкновенно выражаются: цѣлое производится подобными ему цѣлыми; то есть, легкое составляется изъ безконечно-малыхъ легкихъ; печень изъ безконечно-малыхъ печеней, почка изъ небольшихъ почекъ и проч. Простирая такую аналогію и найдя человѣка, увлекшаго за собою силы и привязанности несмѣтнаго числа людей, не позволено-ли заключить: если Наполеонъ—Францiя, если Наполеонъ—Европа, такъ это потому, что народъ—ему подвластный, весь состоитъ изъ маленькихъ Наполеоновъ.

Въ людскомъ обществѣ установилось противоборство между тѣми, кто составилъ себѣ состояніе и между новичкомъ и бѣднякомъ, которымъ еще предлежитъ устроить

свою фортуну; между доходомъ съ мертваго труда — то есть, съ труда рукъ давно-покоящихся въ могилѣ, но обратившихъ его при жизни въ капиталъ, земли, дома, доставшіеся празднымъ владѣльцамъ — и между домогательствомъ труда живаго, который то-же желаетъ обладать домомъ, помѣстіемъ, капиталомъ. Первый классъ робокъ, себялюбивъ, врагъ всякихъ нововведеній, и смерть безпрестанно уменьшаетъ его численность. Второй то-же себялюбивъ, задоренъ, отваженъ, самоувѣренъ, всегда превосходитъ первый своимъ числомъ и ежечасно пополняетъ свои ряды нарожденіемъ. Онъ хочетъ, чтобы пути совмѣстничества были открыты для всѣхъ, и чтобы пути эти были размножены: къ нему принадлежатъ люди ловкіе, промышленные, дѣловые въ цѣлой Европѣ, Англіи, Франціи, Америкѣ и повсюду. Ихъ представитель — Наполеонъ. Инстинктъ людей дѣятельныхъ, бодрыхъ, смышленныхъ, принадлежащихъ къ среднему сословію, повсемѣстно указываетъ на Наполеона какъ на воплощеннаго демократа. Въ немъ находишь всѣ качества и всѣ пороки этой партіи; въ особенности-же ея духъ и цѣль. Направленіе это — чисто матеріальное, предположенный успѣхъ удовлетворяетъ одну чувственность, и для такого конца употребляются средства изобильныя и разнообразнѣйшія: короткое ознакомленіе съ механическими силами, обширный умъ, образованный основательно и многосторонне, но подчиняющій всѣ силы ума и духа какъ средства для достиженія матеріальнаго благополучія. Быть богатымъ, вотъ конечная цѣль. Въ Коранѣ сказано: „Аллахъ даруетъ каждо-

му народу пророка, говорящаго его собственнымъ языкомъ". Парижъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ, духъ меркантильный, денежный, духъ матеріальнаго могущества, вѣроятно, тоже долженствовалъ возъимѣть своего пророка: Бонапартъ получилъ это избраніе и посольство.

Каждый изъ милліона читателей анекдотовъ, записокъ, книгъ про Наполеона, восхищается этими страницами, потому что онъ изучаетъ въ нихъ свою собственную исторію. Наполеонъ, съ головы до пятъ принадлежность новѣйшихъ временъ, и на выспренней точкѣ своей удачи и успѣха все таки проникнутъ истымъ духомъ газеты. Онъ не святой, или какъ самъ онъ говоритъ: „не капуцинъ", и въ высокомъ смыслѣ слова, онъ даже не герой. Первый встрѣчный человѣкъ находитъ въ немъ всѣ свойства и способности другихъ первыхъ встрѣчныхъ на улицѣ людей. Онъ видитъ въ немъ сходнаго съ собою горожанина по рожденію, который, по достоинствамъ весьма понятнымъ, дошелъ до такого высокаго положенія, что могъ удовлетворять всѣ желанія, ощущаемыя каждымъ обыкновеннымъ смертнымъ, но скрываемыя или отрицаемыя имъ по неволѣ: хорошее общество, хорошія книги; быстрота ѣзды, обѣдовъ, одѣванія; прислуга безъ числа, личное значеніе, исполненіе своихъ замысловъ; роль благодѣтеля приближенныхъ къ нему людей; изящное наслажденіе картинами, статуями, музыкою, дворцами и условными почестями — именно все что̀ такъ заманчиво для сердца каждаго питомца девятнадцатаго столѣтія — могучій этотъ мужъ обладалъ всемъ!

Конечно, человѣкъ такого разряда какъ Наполеонъ, и одаренный его силою воспринимать духъ толпы, тѣснящейся вокругъ него, дѣлается не только представителемъ, но и монополистомъ и хищникомъ ума другихъ. Его господство надъ Францiею было чрезвычайно сильно и распространенно; а онъ до того широко-объемистъ и поставленъ такъ, что почти перестаетъ имѣть свое собственное выраженiе и мнѣнiе, но дѣлается складомъ всего что̀ есть разсудительнаго, способнаго. остроумнаго въ его времени и въ народѣ. Онъ выигрываетъ сраженiя; — онъ пишетъ кодексъ; — онъ издаетъ систему вѣса и мѣры; — онъ понижаетъ Альпы; — онъ прокладываетъ дороги. Всѣ отличные инженеры, математики, ученые, всѣ свѣтлыя головы по какой-бы то ни было части относятся съ своимъ дѣломъ къ нему; онъ выберетъ наилучшiй проэктъ, положитъ на него свой штемпель; и не только на одно это, но и на каждое удачное и меткое выраженiе. Потому, всякая фраза сказанная Наполеономъ, всякая строка имъ написанная, достойны вниманiя какъ способъ выраженiя цѣлой Францiи.

Бонапартъ былъ идоломъ обыкновенныхъ людей, потому что въ высочайшей степени обладалъ свойствами и способностями людей обыкновенныхъ. Есть своего рода прiятность спуститься до самыхъ низкихъ побужденiй политики, когда утомленъ лицемѣрiемъ и затверженными фразами. Наполеонъ, за одно съ многочисленнымъ классомъ имъ представляемымъ, трудился — ради денегъ и власти; но онъ, по преимуществу, былъ наименѣе разбор-

чивъ на счетъ средствъ. Всѣ чувства, мѣшающія человѣку преслѣдовать такія цѣли, были отложены имъ въ сторону. „Чувства — для женщинъ и для дѣтей.“ Фонтанъ, въ 1804 году, говоря про Сенатъ, выразился совершенно въ духѣ Наполеона, сказавъ ему: „Желаніе со„вершенства есть, Ваше Величество, худшій изъ неду„говъ, снѣдающихъ умъ человѣка.“ — Поборники свободы и прогресса — *идеологи* (презрительное слово, нерѣдкое въ его устахъ); идеологъ — Неккеръ, идеологъ и Лафайеттъ.

Слишкомъ извѣстная итальянская пословица гласитъ: „хочешь успѣха, не будь чрезчуръ хорошъ.“ И конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, бываетъ выгодно отвергнуть власть чувствъ благодарности, великодушія, благоговѣнія; тогда все что̀ считалось нами непреодолимою преградою, и еще стоитъ на такомъ счету у другихъ, превращается въ отличное орудіе для нашихъ намѣреній; такъ рѣка, пресѣкающая намъ путь, становится самою гладкою изъ дорогъ, когда окуетъ ее зима.

Наполеонъ отрекся, разъ навсегда, отъ всякихъ чувствъ и привязанностей, и сталъ помогать себѣ и руками и головой. Съ нимъ не ищите ни чудесъ ни очарованій. Онъ работаетъ съ помощью желѣза, чугуна, дерева, земли, дорогъ, зданій, денегъ, войскъ, и работаетъ отчетливо, распоряжается мастерски. Онъ никогда не ослабнетъ и не увлечется, а дѣлаетъ свое дѣло съ точностью и основательностью естественныхъ силъ природы. Онъ не утратилъ

своего врожденнаго пониманія вещественной природы и своего къ ней сочувствія. Предъ такимъ человѣкомъ, разступаются люди: такъ походитъ онъ на феноменъ природы. Есть много ихъ, людей, по уши погруженныхъ въ вещественность; таковы фермеры, кузнецы, матросы, вообще всѣ машинальные рабочіе, и мы знаемъ какъ существенны и надежны кажутся такіе люди, въ сравненіи съ учеными и тружениками мысли; но они, по большей части, похожи на руки безъ головы, они лишены способности распоряженія. Бонапартъ-же присоединялъ къ минеральнымъ и животнымъ свойствамъ проницательность и умѣніе обобщать, такъ что въ немъ были совмѣщены и силы вещества и силы умственныя: точно будто море и суша одѣлись въ плоть и принялись за исчисленія. Отъ того-то море и суша какъ-бы предугадали его появленіе: Онъ пришелъ къ своимъ и своя познаша его. Воплощенное счисленіе знало съ чѣмъ имѣетъ дѣло и каковъ добудется итогъ. Онъ зналъ свойства золота и стали, колесъ и кораблей, армій и дипломатовъ, и требовалъ, чтобы всякая вещь исполняла свое дѣло.

Искусство воевать, вотъ была игра, въ которой онъ выказывалъ свое знаніе ариѳметики. Оно состояло, по собственнымъ его словамъ, въ томъ, чтобы имѣть повсюду болѣе войска чѣмъ непріятель, и въ точкѣ нападенія и въ точкѣ обороны; и все умѣніе его было устремлено на безконечные маневры и передвиженія для того, чтобы напасть на уголъ непріятельскихъ силъ и разбить его по частямъ. Очевидно, что и небольшая армія, искусно и

быстро направляемая такъ, чтобы всегда на мѣстѣ схватки, ставить два человѣка противъ одного, возьметъ верхъ надъ несравненно большимъ войскомъ.

Самая эпоха, его тѣлосложеніе и предъидущія обстоятельства соединились для развитія этого образца демократа. Онъ имѣлъ всѣ способности этого рода людей и находился во всѣхъ условіяхъ, возбуждающихъ ихъ дѣятельность. Простой здравый смыслъ, который не только не оторопѣетъ ни предъ какою цѣлью, но и найдетъ средства къ ея достиженію; затѣмъ, наслажденіе употребленными средствами, ихъ выборомъ, упрощеніемъ и соображеніемъ. Принаровка и дѣльность работъ Наполеона; осторожность, съ которой онъ все обозрѣвалъ мыслью, и энергія, съ которою совершалъ, дѣлаютъ его естественнымъ органомъ и главою той партіи, которую, по ея обширности, почти можно назвать модною партіею.

Природѣ должно приписать бо́льшую часть всякаго успѣха, а также и его. Такой человѣкъ былъ нуженъ, и такой человѣкъ былъ рожденъ: человѣкъ изъ камня и желѣза, способный сидѣть на конѣ по шестнадцати и по семнадцати часовъ, и проводить по нѣскольку дней безъ сна и безъ пищи, удовлетворяя этимъ потребностямъ урывками, съ торопливостью и съ наскокомъ тигра, напавшаго на добычу; человѣкъ, котораго не остановятъ никакія щепетильности: онъ крѣпко сплоченъ, проворенъ, себялюбивъ, разсудителенъ и смѣтливъ до того, что его не сбить съ толку, не провести постороннею расторопностью, ни самому ему не поддаться какому-нибудь своему пред-

разсудку, пылу или опрометчивости. „Моя желѣзная десница, говаривалъ онъ, не была на концѣ руки; она непосредственно выходила изъ головы“. Онъ уважалъ дары природы и случая; имъ относилъ свое превосходство, не восхваляя себя, какъ то дѣлаютъ посредственные люди возстающіе на природу, а за себя стоящіе горой. По своей любимой риторической фигурѣ, онъ многое приписывалъ своей звѣздѣ, и очень нравился и себѣ и народу, когда величалъ себя „*Сыномъ Судебъ*“.— „Они обвиняютъ меня, сказалъ онъ, въ совершеніи большихъ преступленій: люди моего закалу не дѣлаютъ преступленій. Ничто не можетъ быть проще моего возвышенія; напрасно приписываютъ его проискамъ и злодѣйствамъ: оно согласовалось съ необычайностью эпохи, съ моею славою низложенія враговъ отечества. Я всегда шелъ съ мнѣніемъ большинства и съ обстоятельствами. На что-же нужны были мнѣ злодѣянія?“ Говоря однажды о своемъ сынѣ, онъ выразилъ то-же: „Мой сынъ не можетъ опять возвести меня на престолъ; я самъ не могу этого:— я созданіе обстоятельствъ“.

Устремленіе дѣйствій прямо къ цѣли, ни въ комъ до него не совмѣщались съ такою понятливостью. Онъ реалистъ, разящій во прахъ все знающихъ говоруновъ и всѣ смутныя головы, которыя затмѣваютъ истину. Онъ тотчасъ видитъ въ чемъ дѣло, самъ укажетъ пальцемъ на главную точку сопротивленія и отстранитъ всѣ побочные расчеты. Онъ могучъ по несомнѣнному праву, а именно, по своей проницательности. Онъ никогда не проигрывалъ сраженій, потому что выигрывалъ ихъ сначала въ своей

головѣ, а потомъ уже на ратномъ полѣ. Его главныя пособія заключались въ немъ самомъ; чужихъ совѣтовъ онъ не спрашивалъ. Въ 1796 г. онъ такъ писалъ Директоріи: „Я совершилъ кампанію, не совѣщаясь ни съ кѣмъ. Я не могъ-бы сдѣлать ничего путнаго, еслибъ находился въ необходимости соображаться съ понятіями постороннихъ лицъ. Я выигралъ нѣсколько дѣлъ противъ непріятеля, превосходившаго меня числомъ, и когда самъ нуждался рѣшительно во всемъ; ибо, при сознаніи, что ваша довѣренность покоится на мнѣ, быстрота моихъ дѣйствій равнялась съ быстротою мысли“.

Вся исторія полна примѣрами тупоумія лицъ, на которыхъ возложена обязанность распоряжаться за другихъ. Но Наполеонъ всегда понималъ свое дѣло. То былъ человѣкъ, знавшій въ каждую минуту и при всякой внезапности, за что̀ ему приняться прежде всего. Онъ этимъ освѣжителенъ и отраденъ для ума не только государственныхъ, но и частныхъ людей. Такъ немногіе изъ насъ понимаютъ за что̀ имъ слѣдуетъ приняться; всѣ живутъ себѣ день за день, безо всякаго помысла; вѣчно, будто на концѣ строки, и выжидая какого-нибудь толчка извнѣ, чтобъ перенестись на другую. Наполеонъ былъ-бы первымъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибъ онъ имѣлъ въ виду общественное благо; но и таковъ какъ есть, онъ вселяетъ бодрость необыкновеннымъ единствомъ своихъ дѣйствій. Онъ твердъ, надеженъ, себя не щадитъ, собою владѣетъ; пожертвуетъ всемъ для осуществленія своего предпріятія — деньгами, арміями, генералами, но также и самимъ собою — и не бу-

детъ ослѣпленъ, какъ обыкновенный случайный удалецъ, блескомъ этого осуществленія.—„Внезапныя происшествія, говорилъ онъ, не должны руководить политикою, но политика должна расправляться съ ними“. — „Быть сбиту съ толку каждымъ событіемъ, значитъ не имѣть ни малѣйшей политической системы“. Побѣды были для него только новыми открывавшимися дверьми; онъ никогда ни на минуту не терялъ изъ виду своего пути впередъ, не смотря на окружающій блескъ и шумъ. Онъ зналъ куда идетъ, и шелъ къ своей цѣли. Безъ всякаго сомнѣнія, изъ его исторіи можно извлечь ужаснѣйшіе примѣры того, какою цѣною онъ покупалъ свои торжества; но его нельзя причесть по нимъ къ жестокимъ злодѣямъ, а заключить только, что онъ не зналъ препятствій своей волѣ: ни кровожаденъ, ни жестокъ—но горе тому лицу или предмету, что стоитъ поперегъ его дороги! Не кровожадный, но не щадящій крови и—какъ безжалостенъ! Онъ имѣлъ предъ глазами только то что̀ ему нужно: и такъ, всякая помѣха—прочь. „Ваше Величество, генералъ Кларкъ не можетъ соединиться съ генераломъ Жюно, вслѣдствіе страшнаго огня съ австрійской баттареи“. — Пусть возьметъ баттарею. — „Всякій полкъ, направленный противъ этой артиллеріи, будетъ отданъ на жертву. Каково будетъ приказаніе Вашего Величества?“ — „Впередъ, впередъ!“

Артиллерійскій полковникъ Серюзье, *въ своихъ Военныхъ Запискахъ* даетъ слѣдующій очеркъ одной сцены, послѣдовавшей за Аустерлицкимъ сраженіемъ. „Въ то время, когда русская армія отступала съ трудомъ, но въ

добромъ порядкѣ по льду озера, императоръ Наполеонъ подскакалъ къ артиллеріи во весь опоръ. — Вы теряете время, кричалъ онъ, стрѣляйте по нимъ, стрѣляйте по льду! ихъ надобно потопить! — Приказъ оставался неисполненнымъ въ продолженіи десяти минутъ. Напрасно я и другіе офицеры расположились на покатости холма, чтобы привести въ дѣйствіе приказаніе; наши ядра катались по льду, не разбивая его. Наконецъ, я придалъ большое возвышеніе легкимъ гаубицамъ. Почти отвѣсное паденіе тяжелыхъ снарядовъ произвели ожидаемое дѣйствіе: моему примѣру послѣдовали другіе, и почти въ одно мгновеніе мы погубили нѣсколько *) тысячъ Русскихъ и Австрійцевъ въ водахъ озера".

Предъ полнотою его способностей, казалось, исчезало всякое препятствіе. *„Здѣсь не должны быть Альпы“*, скажетъ онъ и растелетъ превосходныя дороги, переступающія смѣлыми сводами обрывистыя пропасти, и Италія дѣлается доступна Парижу, какъ всякая другая французская провинція. Не сидѣлъ и онъ сложа руки, и крѣпко потрудился за свои короны. Рѣшивъ чтó нужно дѣлать, онъ принимался за это бодро, на широкую ногу, и посвящалъ тому всѣ свои силы. Онъ ставилъ на ставку все и не скупился ничѣмъ: ни аммуниціею, ни деньгами, ни солдатами, ни генералами, ни собою.

Намъ очень нравится все, чтò хорошо отправляетъ свою обязанность: дойная-ли то корова, гремучій-ли змѣй;

*) Цитируя не съ самаго подлинника, я не осмѣливаюсь повѣрить огромной означенной мнѣ цифрѣ. *Прим. Сочин.*

— такъ если война есть наилучшій способъ для соглашенія международныхъ распрей (по мнѣнію огромнаго большинства), то конечно Бонапартъ былъ правъ, ведя ее превосходно. „Великое правило въ военныхъ дѣйствіяхъ, говорилъ онъ, быть всегда на-готовѣ, во всякій часъ дня и ночи, и защищаться до послѣдней крайности“. Онъ не щадилъ зарядовъ, и во время битвъ, дождилъ потоками пуль, ядеръ, гранатъ, чтобы уничтожить всякое сопротивленіе. Туда, гдѣ оно обнаруживалось, посылалъ онъ эскадроны за эскадронами, пока всякое противоборство уступало превосходству числа. „Ребята, говорилъ онъ коннымъ егерямъ предъ Іенскимъ сраженіемъ, „когда солдатъ не боится смерти, онъ вноситъ ее въ непріятельскіе ряды“. Въ жару аттаки, онъ не думалъ о себѣ самомъ и доходилъ до предѣловъ возможности. Нѣсколько разъ и онъ и войско бывали на краю погибели. Онъ далъ шестьдесятъ сраженій, и все ему было мало. Каждая побѣда служила ему новымъ двигателемъ: „Моя власть рушится, если я перестану поддерживать ее новыми успѣхами. Завоеванія сдѣлали меня тѣмъ, что̀ я есть, и моя опора — завоеванія“. — Онъ понималъ какъ всякій умный человѣкъ, что недостаточно умѣть творить, но что надобно умѣть и сохранять. Опасность всегда возлѣ насъ, мы всегда въ скверномъ положеніи, того и смотри, поскользнемся въ бездну, если не поищемъ спасенія въ присутствіи духа и въ мужествѣ.

Непоколебимость Бонапарта охранялась и умѣрялась самою хладнокровною осторожностью и точностью. Нанося

громовые удары въ аттакѣ, онъ былъ неуязвимъ при оборонѣ. Самое стремительное его нападенiе никогда не было мгновеннымъ вдохновенiемъ, но слѣдствiемъ расчета. Его лучшiй способъ защищаться былъ — всегда нападать. „Мое честолюбiе, сказалъ онъ, было огромно, но я хладнокровенъ по природѣ". Въ одномъ разговорѣ съ Ласъ-Казомъ, онъ замѣтилъ: „Что̀ касается до нравственнаго мужества, я рѣдко встрѣчалъ то, которое называютъ мужествомъ двухъ часовъ по полуночи; то есть, мужество, нужное при внезапности и которое, не смотря на самые неожиданные случаи, оставляетъ полную свободу обсудить и рѣшиться". Онъ сознавался, что онъ никогда не терялъ этого мужества и мало зналъ людей, которые-бы могли сравняться съ нимъ въ этомъ.

Всякое обстоятельство зависѣло отъ вѣрности его соображенiй, и его расчеты имѣли сходство съ точностью небесныхъ свѣтилъ. Личная его внимательность вникала въ малѣйшiя подробности. „При Монтебелло, я приказалъ Келлерману аттаковать съ восьмью-стами кавалерiи; съ нею, подъ самымъ носомъ Австрiйцевъ, онъ отрѣзалъ шесть-тысячъ Венгерскихъ гренадеровъ. Эта конница была за полмили; ей нужно было четверть часа, чтобъ достигнуть мѣста дѣйствiя; но я замѣчалъ, что эти-то четверти часа и рѣшаютъ судьбу сраженiй". — „Готовясь къ сраженiю, я мало думалъ о томъ, что̀ сдѣлаю послѣ побѣды; но очень много о томъ, ка̀къ поступить въ случаѣ неудачи". — Тоже благоразумiе и здравый смыслъ видны во всемъ его поведенiи. Въ Тюильерискомъ

дворцѣ, онъ далъ своему секретарю слѣдующее приказаніе: „Входить ко мнѣ ночью, какъ можно рѣже. Не будить для сообщенія хорошихъ вѣстей: это успѣется. Но если есть что̀ недоброе, то разбудить меня тотчасъ. Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ терять ни минуты". Его неутомимость въ занятіяхъ была чрезвычайна; она превосходитъ извѣстныя до него силы и возможность человѣка. Много дѣятельныхъ правителей и королей, отъ Улисса до Вильгельма-Оранскаго, но ни одинъ не совершилъ десятой доли въ сравненіи съ Наполеономъ.

Къ такимъ дарамъ природы онъ присоединялъ то преимущество, что родился въ быту частномъ и скромномъ. Въ послѣдующіе годы, онъ малодушно желалъ присовокупить къ своимъ вѣнцамъ и обладаніямъ аристократическое происхожденіе, но онъ зналъ чѣмъ обязанъ своему первому суровому воспитанію, и не скрывалъ своего пренебреженія къ королямъ по рожденію. Бонапартъ перешелъ всѣ степени военной службы и былъ притомъ гражданиномъ, прежде чѣмъ сдѣлался императоромъ; такимъ образомъ, онъ имѣлъ ключъ и къ гражданственности. Его замѣчанія, его оцѣнка вещей показываютъ, что ему хорошо было извѣстно мѣрило средняго сословія. Тѣ, которые имѣли съ нимъ дѣло, удостовѣрялися, что его нельзя обмануть и что онъ умѣетъ вести счеты, не хуже всякаго частнаго человѣка. Это замѣтно по всѣмъ статьямъ „Записокъ", диктованныхъ на Св. Еленѣ. Когда вслѣдствіе издержекъ императрицы, двора и дворцовъ, составились большія суммы долга, Наполеонъ самъ разсмотрѣлъ счеты

подрядчиковъ, указалъ на невѣрности, надбавки и значительно понизилъ ихъ притязанія.

Главное свое орудіе, то есть милліоны, бывшіе въ его распоряженіи, употреблялъ онъ на блестящую обстановку сана, его облекавшаго. Онъ занимателенъ для насъ, какъ представитель и Франціи и Европы; но мы принимаемъ его за военачальника и вѣнценосца лишь въ томъ смыслѣ, что революція или интересы промышленныхъ массъ нашли въ немъ своего глашатая и вождя. Въ общественныхъ вопросахъ онъ понималъ важность и значеніе трудовой руки и бралъ очень естественно ея сторону. Я люблю случай, разсказанный однимъ изъ его біографовъ на Св. Еленѣ: „Гуляя однажды съ мистриссъ Белкомбъ, императоръ встрѣтилъ поденщиковъ, которые несли тяжелые ящики. Мистриссъ Белкомбъ съ нѣкоторою досадою приказала имъ свернуть съ дороги. Наполеонъ не допустилъ этого, сказавъ: „Уважьте ноши, мистриссъ“. Во время имперіи, онъ обратилъ вниманіе на улучшеніе и украшеніе рынковъ столицы. „Рыночная площадь, говорилъ онъ, это Лувръ простаго народа“. Лучшимъ слѣдомъ дѣйствій его власти, остались превосходныя дороги.

Онъ одушевлялъ войско своимъ духомъ; нѣкоторая свобода обращенія и родъ товарищества, недопускаемая этикетомъ двора между императоромъ и военными начальниками, существовали между императоромъ и солдатами. Въ его глазахъ они совершали невозможное. Прекраснымъ свидѣтельствомъ его отношеній къ арміи, служитъ

приказъ въ день Аустерлица, гдѣ онъ обѣщаетъ войску, что будетъ держать себя внѣ выстрѣловъ. Такое объявленіе, столь противоположное обыкновеннымъ условіямъ, существующимъ между полководцемъ и рядовымъ, достаточно объясняетъ чувство обожанія войска къ вождю.

Хотя въ этихъ частностяхъ проглядываетъ тождественность Наполеона съ народными массами, но истинное его могущество заключалось въ убѣжденіи простаго класса, что Бонапартъ представляетъ его духъ и стремленіе, не только когда задобриваетъ, но и тогда когда обуздываетъ его, или даже уменьшаетъ народонаселеніе своими конскрипціями. Притомъ, Наполеонъ умѣлъ, какъ любой французской якобинецъ, пофилософствовать о свободѣ и о равенствѣ. Народъ почувствовалъ, что тронъ занятъ, что завязаны сообщенія между нимъ и дѣтьми родной почвы, и что забыты понятія и предразсудки давно-забытаго устройства общества. Человѣкъ изъ народной среды, внесъ въ Тюильери знанія и понятія сродныя народу и открылъ ему доступъ ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ. Дни сонливой и эгоистичной политики, всегда стѣснительной для дарованій и лучшей поры жизни молодыхъ людей, прошли; насталъ день, въ который требовались и могли выказаться способности. Открылось торжище для всѣхъ знаній и дарованій человѣка; блестящіе призы засверкали предъ глазами и молодаго и талантливаго. Старая, скованная желѣзами феодальная Франція, очутилась молодымъ Огіо или Нью-Йоркомъ; и даже тѣ, кого постигла немедленная кара новаго монарха, сносили ее какъ

необходимую мѣру воинскаго устава, избавившаго ихъ отъ притѣснителей.

Наполеонъ удовлетворялъ эти естественныя ожиданія. Самое положеніе вынуждало его быть гостепріимнымъ ко всякому роду природнаго отличія и довѣряться его порукѣ; притомъ и собственное его расположеніе шло объ руку съ политикою. Какъ всякая личность, превосходящая другихъ, и онъ, безъ сомнѣнія, желалъ найти людей, найти себѣ равныхъ и помѣряться силами съ другими мастерами; безъ сомнѣнія, и онъ скучалъ глупцами и прислужниками. Онъ искалъ людей въ Италіи и не нашелъ ни одного. „Великій Боже, говорилъ онъ, какъ рѣдки люди! Въ Италіи ихъ восемнадцать милліоновъ, и я съ трудомъ нашелъ двухъ: Дандоло и Мельци“. Въ позднѣйшіе годы, при большей опытности, уваженіе его къ человѣческому роду не увеличилось. Въ минуту горечи, онъ такъ выразился предъ однимъ изъ самыхъ давнихъ своихъ приближенныхъ: „Люди стоютъ презрѣнія, которое я къ нимъ чувствую. Мнѣ стоитъ только наложить золотой галунъ на тогу добродѣтельныхъ республиканцевъ, и они тотчасъ дѣлаются такими, какими мнѣ ихъ надо“. Эта досада была, можетъ быть, косвенною данью уваженія къ тѣмъ кто его заслуживалъ, не только какъ другъ и помощникъ, а даже какъ противникъ его волѣ. Онъ не могъ ставить Фокса, Питта, Корно, Лафайетта и Бернадотта на одну доску съ своими придворными щеголями, и наперекоръ порицанію, которымъ по расчету эгоизма, онъ надѣлялъ то того, то другаго сподвижника побѣдъ свершаемыхъ для

него, онъ вполнѣ сознавалъ достоинства Ланна, Дюрока, Клебера, Десе, Массены, Мюрата, Нея и Ожеро. Если онъ и не забывалъ, что онъ ихъ благодѣтель и основатель ихъ высокаго положенія, сказавъ, напримѣръ, однажды: „Я вывелъ моихъ маршаловъ изъ грязи“, — то не скрывалъ и удовольствія, находя въ нихъ подпору и содѣйствія, соразмѣрныя съ ширью его замысловъ. Во время Русской кампаніи, онъ такъ былъ пораженъ храбростью и распоряженіями маршала Нея, что вскричалъ: „У меня въ казнѣ двѣсти милліоновъ: я всѣ-бы отдалъ ихъ за Нея“! Въ его время, семдесятъ человѣкъ, изъ простыхъ солдатъ дослужились до сана Королей, маршаловъ, герцоговъ, генераловъ; а орденъ Почетнаго-Легіона раздавался по личнымъ заслугамъ, не по семейнымъ связямъ.

Революція уполномочила и дюжаго работника Сент-Антуанскаго предмѣстія, и конюха, и послѣдняго фейерверкера въ арміи, видѣть въ Наполеонѣ плоть отъ своей плоти и созданіе *его* партіи; но въ успѣхѣ великаго таланта, есть что-то вызывающее всемірное сочувствіе. Каждый разумный человѣкъ заинтересованъ въ торжествѣ здраваго смысла и ума надъ глупостью и бездарностью; и мы существа, одаренныя разумомъ, будто чувствуемъ, что воздухъ какъ-бы прочищенъ электрическимъ потрясеніемъ, когда матеріальная сила ниспровергнута могуществомъ ума. Притомъ, все что сказывается нашему воображенію, переступая за обыкновенные предѣлы человѣческаго умѣнія и ловкости, удивительно какъ насъ ободряетъ и высвобождаетъ! — Эта даровитая голова, всевластно измѣняющая

и распредѣляющая порядокъ вещей, одушевляя съ тѣмъ вмѣстѣ сонмы сподвижниковъ; этотъ глазъ, пронизывающій всю Европу; эта быстрая изобрѣтательность, эта неистощимая изворотливость! — И что̀ за событія! что̀ за романтическія картины! что̀ за дивное положеніе! — Вечернее солнце погружается въ море Сицилійское, а онъ обозрѣваетъ Альпы; — здѣсь, онъ располагаетъ рать у подножія пирамидъ и говоритъ ей: „Сорокъ столѣтій смотрятъ на васъ съ ихъ вершинъ!“ Тамъ, переходитъ онъ въ бродъ Чермное море, — измѣряетъ глубину Суэзскаго залива. — У береговъ Птолемаиды, его волнуютъ гигантскія мысли: „Если-бы Акра пала, я-бы измѣнилъ положеніе міра“. Въ ночь Аустерлицкаго сраженія — годовщину того дня, когда онъ сдѣлался императоромъ — войско поднесло ему букетъ изъ сорока знаменъ, взятыхъ въ сраженіи. Можетъ-быть, удовольствіе, какое онъ находилъ, выставляя подобныя противоположности, было также мелочно, какъ и слабость заставлять королей дожидаться въ пріемныхъ комнатахъ Тильзита, Парижа и Эрфурта.

Однако, при всесвѣтной безалаберности, нерѣшительности и вялости людей, мы не можемъ достаточно поздравить себя съ тѣмъ, что изъ среды людской выдался такой энергичный и вѣчно-бодрый дѣятель, который ловилъ случай за бороду и показалъ намъ сколько можно надѣлать съ тѣми-же способностями и свойствами, какія, въ меньшей степени, находятся въ каждомъ изъ насъ, а именно: точность, личный надзоръ, мужество и дѣльность. „Австрійцы, говорилъ онъ, не знаютъ цѣну времени“. Я

долженъ указать на него, въ молодые его годы, какъ на образецъ благоразумія. Его могущество ни мало не состояло въ буйной и чрезмѣрной силѣ, въ какой-нибудь восторженности, въ родѣ Магометовой, или въ неотразимомъ дарѣ убѣжденія; но въ примѣненіи здраваго смысла при всякомъ обстоятельствѣ, гдѣ прежде руководились установленными правилами и обычаями. Онъ преподаетъ намъ урокъ, всегда преподаваемый живою дѣятельностью, то есть, что ей всегда найдется мѣсто и просторъ. На какую громаду трусливыхъ раздумій даетъ отвѣтъ жизнь такого человѣка! — Когда онъ явился, всѣ стратеги были того мнѣнія, что въ военныхъ дѣйствіяхъ нельзя произвести ничего новаго; точно такъ-же какъ мы думаемъ теперь, что все окончательно должно оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ процвѣтаютъ наша торговля, литература, сельское хозяйство, образъ правленія и общественной жизни, обычаи, нравы, и что свѣтъ уже слишкомъ старъ, чтобъ его переиначивать. Бонапартъ былъ объ немъ лучшаго мнѣнія чѣмъ общество, и кромѣ того, онъ зналъ, что лучше его съумѣетъ распорядиться. Мнѣ кажется, что и всѣ люди лучше понимаютъ, чѣмъ поступаютъ; они тоже понимаютъ, что всеобщія установленія, о которыхъ ведутся такіе пространные комментаріи, только пробитыя колеи да пустыя погремушки; но они не смѣютъ довѣрять своему предчувствію. Бонапартъ опирался на свой здравый смыслъ, и ни на волосъ не заботился о мнѣніи другихъ. Свѣтъ смотрѣлъ на его нововведенія какъ обыкновенно смотритъ на всѣ нововведенія — дѣлая безчисленныя опроверженія,

указывая на всѣ препятствія; но онъ пощелкивалъ пальцами на эти опроверженія: „Положеніе государя, замѣтилъ онъ, очень затрудняется необходимостью давать столько-то провіанта людямъ, столько-то фуража лошадямъ. Послушай онъ коммиссаровъ, такъ ввѣкъ не сдвинется съ мѣста, и ни одна экспедиція не удастся“.—Вотъ еще примѣръ его здраваго сужденія: всѣ наперерерывъ писали, всѣ одинъ за другимъ повторяли, что переходъ Альповъ, зимою, неисполнимъ. — „Зима не есть худшее время года, сказалъ онъ, для перехода горныхъ возвышенностей. Снѣгъ тогда твердъ, погода установилась, и нечего бояться лавинъ, единственной опасности въ Альпахъ. На этихъ высокихъ горахъ часто бываютъ въ Декабрѣ прекрасные дни сухаго мороза, съ необыкновенною тишью въ воздухѣ“.—Прочтите тоже его объясненіе тѣхъ способовъ, какими онъ одерживалъ побѣды: „Во всѣхъ сраженіяхъ, бываетъ минута, когда храбрѣйшія войска, послѣ величайшихъ усилій, готовы обратиться въ бѣгство. Этотъ ужасъ происходитъ отъ внезапной недовѣрчивости къ собственному мужеству; и нужно только взяться во время, найти какой-нибудь предлогъ, чтобы снова ободрить ихъ. Искусство состоитъ въ томъ, чтобы вызвать благопріятную минуту, или изобрѣсти предлогъ. Подъ Арколемъ, я одержалъ побѣду съ двадцатью-пятью кавалеристами. Замѣтивъ эту минуту утомленія, я велѣлъ трубить и выигралъ сраженіе. Двѣ арміи,—это два человѣка, которые сходятся съ намѣреніемъ заставить оробѣть одинъ другаго: минута паническаго страха неизбѣжна; обратите ее

въ свою пользу. Когда человѣкъ побывалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, онъ безъ труда различитъ эту минуту: это также легко, какъ сдѣлать сложеніе“.

Этотъ представитель XIX столѣтія, при прочихъ своихъ дарованіяхъ, не былъ лишенъ и способности умствовать о разныхъ важныхъ предметахъ. Онъ находилъ большое наслажденіе перебирать всѣ роды практическихъ, литературныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ. Его мнѣніе выражалось оригинально и всегда шло къ дѣлу. Во время Египетской кампаніи, онъ любилъ назначать послѣ-обѣда двухъ-трехъ защитниковъ и столько-же противниковъ по темѣ, которую задавалъ самъ о религіи, о различныхъ образахъ правленія, о военномъ искусствѣ. Сегодня, онъ предлагалъ вопросъ: населены-ли планеты? завтра: сколько вѣковъ можно дать земному шару? тамъ, слѣдовало разсмотрѣть предположенія, касательно его разрушенія, водою-ли или огнемъ; въ другое время шелъ толкъ о справедливости или обманчивости предчувствія, о истолкованіи сновъ и проч. Онъ страстно любилъ говорить о религіи. Въ 1806 г. онъ бесѣдовалъ съ епископомъ Монпеллье, Фурніеромъ, о богословскихъ предметахъ, и они никакъ не могли сойтись на двухъ пунктахъ, а именно: объ адѣ и о спасеніи, внѣ лона церкви. Императоръ разсказывалъ Жозефинѣ, что онъ споритъ какъ чертъ объ этихъ двухъ пунктахъ, на которые такъ и напираетъ епископъ. Онъ легко допускалъ всѣ мнѣнія философовъ, смотрящихъ на религію, какъ на произведеніе времени и людей, но о матеріализмѣ не хотѣлъ и слышать. Въ одну

прекрасную ночь, находясь на палубѣ, въ обществѣ самыхъ рьяныхъ матеріалистовъ, Бонапартъ, указавъ, на звѣзды, сказалъ: „Вы можете, господа, толковать сколь-„ко вамъ угодно, но кто-же сдѣлалъ все это? — Онъ очень любилъ разговаривать съ учеными, особенно съ Монжемъ и Бертоллэ; но объ литераторахъ отзывался съ пренебреженіемъ: „это фабриканты фразъ.“ На счетъ медицины тоже любилъ вести длинныя рѣчи съ докторами-практиками, которыхъ наиболѣе уважалъ: — съ Корвизаромъ въ Парижѣ и съ Антомарки на Св. Еленѣ. „Повѣрьте мнѣ, — говорилъ онъ послѣднему, — лучше оставить всѣ эти лекарства; жизнь, это твердыня, въ которой ни вы, ни я ничего не смыслимъ. Мы ставимъ только препятствія собственной ея защитѣ. Ея умѣніе гораздо выше всѣхъ снадобій и ретортъ вашихъ аптекъ. Корвизаръ чистосердечно согласился со мною, что всѣ ваши отвратительныя микстуры не стоютъ ни гроша. Медицина есть собраніе шаткихъ предписаній; итогъ ихъ, взятый въ сложности, скорѣе пагубенъ чѣмъ полезенъ для человѣчества. Вода, чистый воздухъ и опрятность, вотъ главныя средства моей фармакопеи.“

Записки его, диктованныя графу Монтолону и генералу Гурго на Св. Еленѣ, имѣютъ большую цѣну, если откинуть изъ нихъ все, что, какъ кажется, относится къ личной его неправдивости. Онъ обладалъ добрушіемъ силы и сознаніемъ превосходства. Я восхищаюсь его простыми, понятными описаніями сраженій: — онѣ достойны Цезаря; его добрымъ и достаточно-почтительнымъ отзывомъ о мар-

шалѣ Вурмзерѣ, о прочихъ его противникахъ; и его способностью, стать, какъ писатель, въ уровень со множествомъ разнообразныхъ предметовъ. Самую интересную часть составляетъ Египетская кампанія.

На него находили часы думы и мудрости. Въ промежутки досуга, во дворцахъ-ли то, или въ лагеряхъ, Наполеонъ является геніальнымъ человѣкомъ, обращающимъ къ отвлеченнымъ вопросамъ врожденную жажду истины; онъ не терпѣлъ словъ и отвѣчалъ на нихъ съ рѣзкостью война. Впрочемъ, онъ могъ находить удовольствіе и въ произведеніяхъ воображенія, и въ романѣ и въ остротѣ, почти столько же, какъ и въ военной хитрости. Ему чрезвычайно нравилось пугать Жозефину и ея дамъ собственными страшными вымыслами, разсказанными въ полутемной комнатѣ, увеличивая впечатлѣніе звукомъ своего голоса и драматизмомъ разсказа.

Я называю Наполеона адвокатомъ средняго сословія новѣйшаго общества; того сонмища, что наполняетъ рынки, лавки, конторы, фабрики, корабли нашего міра, преслѣдуя цѣль своего обогащенія. Онъ былъ агитаторъ, истребитель установленнаго, усовершенствователь внутреннихъ частей управленія; либералъ, радикалъ, изобрѣтатель средствъ, открыватель дверей и рынковъ, сокрушитель монополій и злоупотребленій. — Богачи и аристократы, разумѣется, не любили его. Англія, это средоточіе капиталистовъ; Римъ и Австрія, эти средоточія преданій и родословныхъ, были его противниками. Ужасъ отупѣлыхъ консервативныхъ сословій, трепетъ безумныхъ ста-

риковъ и старушекъ римскаго конклава — которые, въ своемъ отчаяніи, уцѣпились-бы за все, охватили-бы даже раскаленное желѣзо, — тщетныя попытки государственныхъ людей забавлять и обманывать его; желаніе австрійскаго императора — надуть его, и повсемѣстное чутье молодыхъ, пылкихъ, дѣятельныхъ людей, указывавшихъ на него какъ на исполина средняго сословія, дѣлаютъ его исторію блистательною, поразительною. Онъ имѣлъ всѣ качества своихъ неисчислимыхъ довѣрителей; онъ имѣетъ и всѣ ихъ пороки. — Мнѣ жаль, что блестящая картина имѣетъ свою лѣвую сторону. Но она-то и составляетъ роковое свойство, открываемое нами въ преслѣдованіи богатствъ: — онѣ оказываются вѣроломны, а добываются ломкою или ослабленіемъ хорошихъ чувствъ. И неизбѣжно должны мы были найти этотъ-же самый фактъ и въ исторіи этого бойца, который просто взялъ себѣ на умъ совершить великолѣпную карріеру, безъ всякой оговорки или совѣстливости, на счетъ средствъ.

Бонапартъ былъ въ необыкновенный степени бѣденъ великодушными чувствами. Лицо, стоявшее на самомъ высокомъ мѣстѣ, въ вѣкѣ и въ народѣ самомъ образованномъ, не имѣло простыхъ свойствъ честности и правдивости. Онъ несправедливъ къ собственнымъ своимъ полководцамъ; онъ себялюбецъ и приписываетъ все одному себѣ, низко воруя заслуги великихъ подвиговъ у Келлермана, у Бернадотта; — прибѣгая къ проискамъ, губитъ Жюно неоплатнымъ банкрутствомъ, для того чтобъ удалить его изъ Парижа, гдѣ фамиліарность его обращенія оскорбляетъ

гордость недавняго вѣнценосца. Онъ лжецъ — безпредѣльный. Его оффиціальныя депеши, его „Монитеръ“, всѣ его бюллетени, были ничто иное какъ предписанія вѣрить въ то что было ему угодно. Но что еще всего хуже: — сидя въ своей преждевременной старости, на своемъ пустынномъ островѣ, онъ хладнокровно искажаетъ факты, числа, характеры людей, чтобы придать исторіи театральный блескъ. Какъ всякій Французъ, онъ обожаетъ драматическіе эффекты. По этому, каждое его движеніе, мало-мальски великодушное, отравлено расчетомъ. Его звѣзда, его любовь къ славѣ, его вѣрованіе въ безсмертіе души — чисто французскія: „Я долженъ ослѣплять и изумлять. Допусти я только свободу цензуры, моя власть не устоитъ трехъ дней.“ Производить какъ можно болѣе шуму, его любимое правило: „Огромная репутація состоитъ въ огромномъ шумѣ; чѣмъ „больше его дѣлаютъ, тѣмъ дальше слышно. Законы, уч„режденія, памятники, народы — все исчезаетъ, но „шумъ остается и переходитъ въ отдаленнѣйшіе вѣка.“ Его вѣрованіе о безсмертіи, просто вѣрованіе въ славу. Его понятіе о личномъ вліяніи не слишкомъ лестно: „Есть „два рычага, чтобъ двигать людьми: страхъ и корысть. „Вѣрьте мнѣ, основываться на любви, — глупѣйшее са„мообольщеніе. Дружба, то-же — одно имя. Я никого „не люблю. Не люблю даже моихъ братьевъ; можетъ„статься, немножко — Іосифа; такъ-по привычкѣ, и по„тому, что онъ мнѣ старшій; да еще Дюрока, — а по„чему? потому что мнѣ нравится его характеръ: — су„ровый и рѣшительный. Я увѣренъ, что этотъ молодецъ

„въ жизнь свою не пролилъ ни одной слезы. Что касает-„ся до меня самого, я очень хорошо знаю, что у меня нѣтъ „преданныхъ друзей: Покуда я остаюсь тѣмъ что есть, „я могу ихъ имѣть сколько угодно. — Предоставьте чув-„ствительность женщинамъ; мужчина долженъ быть твердъ „сердцемъ и помысломъ, не то—пусть не мѣшается въ дѣла „правленія.“

Онъ былъ безсовѣстенъ въ высшей степени. Онъ могъ обокрасть, оклеветать, убить, отравить, потопить, смотря по наущенію своей выгоды. Великодушія — ни малѣйшаго, но весьма склонный къ пошлой ненависти: себялюбіемъ пропитанъ насквозь, — коваренъ, страшный сплетникъ; онъ плутовалъ даже въ картахъ, — открывалъ чужія письма и восхищался своимъ гнуснымъ шпіонствомъ, потирая съ радости руки, когда ему удавалось перехватить клочекъ объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, находившихся при его дворѣ, и хвастался, „что онъ все знаетъ!“ Онъ вмѣшивался въ кройку женскихъ нарядовъ, и инкогнито прислушивался на улицахъ къ ура! и хваламъ, которыя ему воздавали. Обращеніе его было грубо. Онъ обходился съ женщинами съ унизительною фамиліарностью, взявъ себѣ въ обычай, щипнуть ихъ за ухо или потрепать по щекѣ, когда бывалъ въ духѣ. Мужчинъ тоже дергалъ за уши, за усы; не то, ударитъ ихъ въ шутку, дастъ пинька; такъ продолжалось до конца его жизни. Еще не оказалось, чтобъ онъ подслушивалъ или подглядывалъ въ замочную скважину; по крайней мѣрѣ, никто не засталъ его при этомъ занятіи. Однимъ словомъ,

проникнувъ немного далѣе, чрезъ всѣ ограды могущества и блеска, вы увидите подъ конецъ, что имѣли дѣло не съ благороднымъ человѣкомъ, но съ обманщикомъ и мошенникомъ; и онъ вполнѣ заслуживаетъ данный ему эпитетъ: *Jupiter Scapin*.

Описывая обѣ партіи — демократа и консерватора — на которыя распадается новѣйшее общество, я сказалъ, что Бонапартъ есть представитель демократизма, или партіи трудовыхъ людей, противоположной людямъ осѣвшимъ, консервативнымъ. Но я забылъ упомянуть о томъ, что составляетъ сущность такого положенія дѣлъ, а именно: что между обѣими партіями лишь то различіе, какое обыкновенно бываетъ между молодымъ и старымъ человѣкомъ. Демократъ, это молодой консерваторъ; а консерваторъ — состарѣвшійся демократъ. Аристократъ же, это демократъ спѣлый, ушедшій въ сѣмя; потому что обѣ партіи стоятъ на одной точкѣ убѣжденія: обѣ выше всего на свѣтѣ ставятъ собственность, которую одинъ силится достать, а другой удержать себѣ. Можно сказать, что Бонапартъ представляетъ собою всю исторію этой партіи — и въ ея юности и въ ея старости; да! съ самою поэтическою справедливостью, онъ изображаетъ и ея удѣлъ — своимъ собственнымъ. Партія, истинно-противоположная этой, партія общечеловѣческая, все еще ждетъ себѣ органа и представителя, который бы дѣйствительно возлюбилъ общественное благо и цѣли — универсальныя.

Исторіею Наполеона предлагается опытъ, сдѣланный,

при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, при всемъ могуществѣ ума и при полнѣйшей безсовѣстности. Былъ ли когда вождь, съ такими дарованіями, въ такомъ всеоружіи силы и власти? онъ ли не нашелъ сподвижниковъ и послѣдователей? Каковъ же былъ результатъ огромныхъ способностей и колоссальнаго могущества? Что произвели несмѣтныя арміи, сожженные города, истраченныя сокровища, милліоны убитыхъ и деморализація всей Европы? — Результата не вышло никакого. Все исчезло какъ дымъ его пушекъ, не сохранилось и слѣда. Онъ оставилъ Францію бѣднѣе, слабѣе, умаленнѣе противъ того, какъ засталъ ее, и всю борьбу за свободу предлежало начинать съизнова. Его возвышеніе, по самому началу, было самоубійственно для страны. Франція отдавала ему жизнь, кровь, состояніе, пока еще могла неразрывно сливать съ нимъ взаимныя общія ихъ выгоды; но, когда люди разглядѣли, что послѣ побѣды идетъ новая война; послѣ истребленныхъ армій — новыя конскрипціи; что къ самому неустанному труженику награда не приближается, потому что не приходится ни потратить пріобрѣтеннаго, ни отдохнуть на кровати, ни поважничать въ своихъ *chateaux:* они его и покинули. Люди нашли, что такой всепоглощающій эгоизмъ убійственъ для другихъ людей. Онъ походилъ на электрическій угорь, который сыплетъ удары за ударами на того кто его схватитъ; электрическія потрясенія производятъ судороги въ рукѣ: разжать пальцы и выпустить добычу невозможно, а животное все учащаетъ, все усиливаетъ

свои удары до того, что окуетъ параличемъ и наконецъ убиваетъ свою жертву. Такъ и этотъ исполинскій эгоистъ уменьшалъ, ослаблялъ и вбиралъ въ себя силы и жизнь всего что̀ ему служило; и всеобщій крикъ Франціи, равно какъ и Европы, въ 1814 году, былъ: *Assez de Bonaparte!*

Вина не Бонапарта. Онъ, кажется, дѣлалъ все что только было возможно, чтобъ жить и обходиться безъ нравственнаго начала. Природа вещей, вѣчный законъ, правящій людьми и міромъ, вотъ что̀ осилило и скосило его: въ милліонахъ подобныхъ опытовъ, результатъ будетъ тотъ же. Приниматься ли за него отдѣльно или цѣлыми толпами, — никакой опытъ, преслѣдующій цѣль себялюбивую и чувственную, не удастся. Миролюбивый Фурье окажется такимъ же несостоятельнымъ, какъ губительный Наполеонъ (*).

(*) Во избѣжаніе недоразумѣній и заподозрѣнія Эмерсона въ наклонности къ соціализму или коммунизму, нужно вспомнить сказанное имъ въ предисловіи: «Постигнувъ, что я обладаю нетлѣнными богатствами, я становлюсь безсмертенъ. Вотъ великое поприще для состязанія и богатаго и бѣднаго! Мы живемъ на рынкѣ, на который отпущено столько-то пшеницы, шерсти, земли: чѣмъ больше захвачу я ихъ для себя, тѣмъ меньше достанется другимъ, и мнѣ какъ бы не дается добро, безъ нарушенія общаго порядка. Никто не веселится веселіемъ другаго. Всѣ наши системы похожи на войну или на оскорбительныя привилегіи. — Каждому человѣку приходится измѣрять свое величіе по зависти, проклятіямъ, ненависти соперниковъ. — На этомъ же новомъ поприщѣ довольно простора: на немъ нѣтъ самохвальства, нѣтъ исключительности».

Прим. переводч.

VII.

Гёте или писатель.

Я нахожу, что въ устойствѣ міра предусмотрѣнъ писатель, или такъ сказать—регистраторъ, долженствующій отмѣчать дѣла дивнаго духа жизни, всюду сверкающаго и дѣйствующаго. Обязанность такого лица — воспринимать въ свой умъ факты; затѣмъ, отбирать самые значительные и характеристическіе результаты своей опытности.

Природа хочетъ быть извѣстною. Все находящееся въ ней, обязано писать свою исторію. Каждую планету, каждый камешекъ сопровождаетъ его тѣнь. Оторванная скала напечатлѣваетъ свои царапины на горѣ; рѣка—свое русло на долинѣ, животное — свои кости на земныхъ слояхъ; папортникъ и листъ пишутъ свои скромныя эпитафіи на каменномъ углѣ. Падающая капля точитъ свое изваяніе въ пескѣ или камнѣ. Ни одна ступня не пройдетъ по снѣгу или по почвѣ, безъ того чтобы не начертать, болѣе или менѣе прочными слѣдами, карты своего пути. Всякій поступокъ человѣка врѣзывается самъ собою въ памяти его близкихъ, и на его собственномъ лицѣ и пріемахъ.

Воздухъ полонъ звуковъ, небо — знаменій, земля памятниковъ и подписей; и всякій предметъ исчерченъ вдоль и поперегъ намеками, выразительными для понятливыхъ.

Такія повѣствованія о себѣ не прерываются въ природѣ, и эти сказанія вѣрны какъ оттискъ печати. Въ нихъ фактъ ни преувеличенъ ни умаленъ. Но природа стремится возвыситься, и въ человѣкѣ сказанія эти становятся чѣмъ-то болѣе простаго оттиска печати. Это новая и болѣе изящная форма оригинала. Разсказъ проникнутъ жизнью, какъ проникнутъ ею повѣствователь. Человѣческая память есть особый родъ зеркала; когда она отразитъ что-либо изъ окружающихъ предметовъ, къ тому прикасается жизнь, и образы располагаются въ новомъ порядкѣ. Событія, проникнувшія туда, не лежатъ въ мертвенномъ покоѣ; но иныя идутъ въ глубь, другія блестятъ на виду, такъ что предъ нами скоро является новая картина, составленная изъ высшихъ опытовъ. И человѣкъ содѣйствуетъ этому. Онъ сообщителенъ, и все не высказанное лежитъ грузомъ на его сердцѣ, пока онъ не передастъ его. Но, кромѣ удовольствія бесѣды, доступнаго всѣмъ, нѣкоторые люди родятся съ сильною способностью къ этому вторичному творчеству. Они родятся писателями. — Садовникъ сбережетъ каждый отводокъ, сѣмячко, персиковую косточку, если онъ по призванію разводитель растеній. Не менѣе заботливъ о своемъ дѣлѣ и писатель. Все что̀ онъ увидитъ, все что̀ онъ испытаетъ, располагается предъ нимъ моделью и просится на его картину. Онъ считаетъ нелѣпостью, когда ему утверждаютъ,

что есть вещи неописуемыя. Онъ убѣжденъ, что все мыслимое можетъ быть высказано, рано или поздно; онъ самъ готовъ на подобную попытку. Подъ его перо просится и громадное, и тонкое, и дорогое его душѣ — что-жъ? онъ опишетъ и это. Въ его глазахъ, человѣкъ есть орудіе для выраженія, а вселенная—возможность и данная для его выраженія. Въ частномъ разговорѣ и въ собственномъ бѣдствіи, онъ найдетъ новые матеріалы, по словамъ нашего германскаго поэта:

«Какой-то богъ мнѣ силу далъ
Изображать мои страданья».

Съ горя и съ гнѣва онъ соберетъ себѣ дань; поступивъ опрометчиво, онъ покупаетъ возможность сказать мудрое слово. Досады и бури страсти только надуваютъ его паруса, какъ писалъ простодушный Лутеръ: „Когда я взбѣшенъ, я могу славно молиться и славно проповѣдывать“. И если-бы мы могли прослѣдить начало самыхъ изящныхъ и поразительныхъ красотъ краснорѣчія, мы, можетъ быть, увидѣли-бы, что въ нихъ повторяется снисходительность Султана Амурата, срѣзавшаго головы нѣсколькимъ Персіянамъ, для того чтобъ его медикъ Везалій увидѣлъ судорожныя движенія шейныхъ мышцъ. Пораженіе писателя, только подготовка къ его побѣдѣ. Новая мысль, или новый переломъ въ страсти научаютъ его, что все, прежде ему извѣстное и имъ описанное, было лишь нѣчто внѣшнее—не дѣйствительность, а одинъ гулъ дѣйствительности. Что-жъ ему дѣлать? Не бросить-ли перо?—Нѣтъ, онъ опять принимается писать, при новомъ

свѣтѣ, внезапно озарившемъ его, если можетъ — тѣмъ или другимъ образомъ—удержать за собою два-три слова истины. Сама природа съ нимъ въ заговорѣ. Все что мыслимо, можетъ быть высказано; оно неутомимо проситъ себѣ выраженія, хотя-бы орудіе, служащее ему было необработано и грубо. Если слово не можетъ совладѣть съ мыслью, она ждетъ и дѣйствуетъ, пока не образуетъ его совершенно такъ какъ ей хочется, и не будетъ высказана.

Во всѣхъ и всюду замѣтное стремленіе найти себѣ приблизительное выраженіе, многозначительно какъ цѣль природы, но это лишь одна стенографія. Есть степени болѣе высокія, и природа хранитъ великолѣпные дары для тѣхъ, кого избираетъ на высшее служеніе—для людей знанія или мысли, которые видятъ связь тамъ, гдѣ толпа видитъ только обрывки,—для людей, которые должны распредѣлить факты по порядку, и отъискать такимъ образомъ ось, около которой вращается строй всего видимаго. Дорого для сердца природы образованіе человѣка умозрительнаго или ученаго. Это завершеніе никогда неупускается ею изъ виду и подготовляется по первобытному образцу созданій. Онъ—явленіе, не только дозволенное или случайное, онъ органическій дѣятель—одна изъ властей въ ея царствѣ; подготовленный и назначенный, искони и довременно, возъимѣть мѣсто въ связи и въ сплетеніи вещей. Его одушевляютъ предчувствія и побужденія. Какое-то пламя въ груди его стремится уловить хоть проблескъ первобытной истины, — это сіяніе духовнаго солнца въ подземеліи рудокопа. Каждая мысль, возникаю-

щая въ его умѣ, въ самую минуту своего восхода обозначаетъ уже свое достоинство: — останется-ли она прихотью или будетъ мощью.

Къ его внутреннимъ стремленіямъ присоединяется извнѣ довольно призыва, довольно спросу на его дарованія. Общество, во всѣ времена, имѣетъ все ту-же потребность; а именно, оно нуждается въ человѣкѣ здравомыслящемъ, который-бы имѣлъ достаточную силу слова, чтобы удержать каждый предметъ человѣческихъ мономаній въ ихъ надлежащихъ границахъ. Честолюбецъ или торгашъ приносятъ въ него, каждый своего новорожденнаго божка: тарифъ, Техасъ, желѣзную дорогу, католицизмъ, месмерисмъ или Калифорнію; — и отдѣляя свой предметъ отъ его отношеній къ прочимъ предметамъ, легко успѣваютъ выказать его во всемъ блескѣ; толпа кругомъ безумствуетъ, и нѣтъ способа сдержать или вылечить ее другою противоположною толпою, которая не заражена этимъ припадкомъ, потому единственно, что сильно помѣшана на другомъ пунктѣ. Но пусть человѣкъ широко-объемлющаго ума отведетъ это одиноко-блуждающее чудо на приличное ему мѣсто и къ надлежащимъ ближайшимъ отношеніямъ, призракъ исчезаетъ, и общество, обрѣтая разсудокъ, благодаритъ того кто его навелъ на умъ.

Человѣкъ знанія принадлежитъ вѣкамъ, но онъ долженъ желать поставить себя въ хорошія отношенія и къ своимъ современникамъ. Между поверхностными людьми водится осмѣивать ученыхъ и духовныхъ, — пускай себѣ! только-бы ученые не обращали на это вниманія. Въ на-

шей Америкѣ слова и общественное мнѣніе восхваляютъ практическихъ людей, и въ каждомъ кружкѣ, имена лицъ положительно упоминаются съ многозначительнымъ почтеніемъ. Видно, многіе изъ насъ придерживаются Наполеоновскаго мнѣнія объ идеологахъ: „Идеи нарушаютъ общественный строй и комфортъ, и подконецъ одурачиваютъ ихъ обладателя.“ Изготовлять грузъ товаровъ изъ Нью-Йорка въ Смирну; — рыскать туда и сюда, чтобъ составить общество подписчиковъ для приведенія въ движеніе пяти или десяти-тысячъ веретенъ; — устроить сдѣлку съ коноводами, на обманъ и ущербъ сговорчивыхъ мѣстныхъ жителей, чтобы удержать за собою въ Ноябрѣ большинство голосовъ — это, по общему убѣжденію, и практично и похвально.

Если-бы мнѣ приходилось провести сравненіе между дѣятельностью гораздо высшаго рода и между жизнью созерцательною, я не рѣшился-бы съ полною увѣренностью произнести приговоръ въ пользу первой. Человѣческій родъ находитъ такую сильную опору въ внутреннемъ просвѣтленіи, что монахъ и отшельникъ многое могутъ сказать въ защиту жизни, проведенной въ размышленіяхъ и молитвахъ. Какое-то пристрастіе, упорство и потеря равновѣсія,—вотъ цѣна, которою мы покупаемъ каждый поступокъ. Дѣйствуйте, если вамъ угодно, но—знайте, что вы за это поплатитесь. Людей осиливаютъ ихъ дѣйствія. Покажите мнѣ человѣка, который-бы выразилъ себя дѣйствіемъ, и не сдѣлался рабомъ и жертвою того что̀ свершилъ. Сдѣланное разъ, понуждаетъ и неволитъ опять дѣ-

лать то-же. Первый поступокъ казался лишь опытомъ,— онъ сдѣлался посвященіемъ. Пламенный реформаторъ воплощаетъ, напримѣръ, свои стремленія въ какой-нибудь обрядъ или договоръ съ единомысленниками; вскорѣ, и онъ и друзья прилѣпляются къ формѣ, забывая о стремленіи. Такъ, квакеръ учредилъ квакеризмъ, а шэкеръ свое братство и свою пляску; и хотя каждый изъ нихъ толкуетъ о духѣ, — духа нѣтъ, есть одно повтореніе, которое противу-духовно. Когда послѣ дѣйствія энтузіазма, оставляется такой осадокъ, что̀ сказать о тѣхъ низшихъ родахъ дѣятельности, которые имѣютъ въ виду одно: дать намъ возможность жить съ бо̀льшимъ комфортомъ и съ бо̀льшею трусостью? о дѣйствіяхъ дѐрзости и пронырства, о дѣйствіяхъ, гдѣ все кража и ложь, гдѣ умозрѣніе отторжено отъ практической способности, и положено клеймо отверженія на разумъ и на чувство? — тутъ нѣтъ ничего кромѣ отстоя и отрицанія.

Индусы вписали въ свои священныя книги: „Одни дѣти, а не люди знающіе, говорятъ о способностяхъ умозрительной и практической, какъ о двухъ различныхъ. Онѣ — одна способность, потому что обѣ достигаютъ той-же цѣли, и мѣсто, добытое послѣдователемъ одной изъ нихъ, добывается послѣдователемъ другой. Тотъ человѣкъ зрячъ, кто видитъ, что ученіе умозрительное и практическое — одно“. — Потому что великія дѣла должны истекать изъ величія духовной природы. Ихъ мѣриломъ должно быть чувство, которое ихъ произвело. Величайшій поступокъ можетъ быть слѣдствіемъ весьма частнаго обстоятельства.

Разладъ между умозрѣніемъ и дѣйствіемъ происходитъ не отъ вождей, а отъ дѣятелей второй и третьей руки. Люди истинно-дѣльные, стоящіе во главѣ практической партіи, раздѣляютъ всѣ современныя идеи и имѣютъ большое сочувствіе къ партіи мыслителей. Не отъ превосходныхъ людей, въ какомъ-бы то ни было родѣ, происходитъ этотъ разладъ, это неуваженіе къ людямъ превосходнымъ въ другихъ родахъ. Для нихъ, вопросъ Таллейрана всегда остается главнымъ; они не спрашиваютъ: „Богатъ-ли онъ? не окомпрометированъ-ли онъ?—благомыслящій-ли онъ человѣкъ? есть ли у него эта или та способность? въ числѣ-ли онъ передовыхъ? въ числѣ-ли отсталыхъ?“—Нѣтъ! они просто спросятъ: „*Ya-t-il là quelque chose?*“ Онъ долженъ быть хорошъ въ своемъ родѣ. Вотъ что́ требовалъ Таллейранъ, что́ требуетъ здравый смыслъ человѣчества. Будь нѣчто существенное и превосходное, не по нашему образу мыслей, а по своему. Дѣльные люди не заботятся о томъ, какого рода дѣльность человѣка, но только о томъ, чтобы онъ былъ дѣленъ. Мастеръ любитъ другаго мастера, не обусловливая, чтобы тотъ былъ ораторомъ, художникомъ, поденьщикомъ или королемъ.

Для общества нѣтъ въ сущности выгоды болѣе важной, какъ благоденствіе людей, мысли и пера. Нельзя отрицать того, что люди искренны въ своемъ признаніи и привѣтствіи умственныхъ превосходствъ. Между тѣмъ, писатель еще не пользуется никакимъ преобладаніемъ надъ нами. Я думаю, онъ самъ виноватъ въ этомъ. Фунтъ и

ходитъ за фунтъ. Были времена, когда на него смотрѣли какъ на лицо священное: тогда онъ писалъ библіи, первые гимны, кодексы, эпопеи, трагическія пѣснопѣнія, предсказанія Сивиллъ, оракулы Халдеевъ, лаконическія изреченія, начертываемыя на стѣнахъ храмовъ. Каждое слово было истинно, и возбуждало народы къ новой жизни. Онъ писалъ — безъ торопливости и безъ искуственнаго выбора. Каждое слово, въ его глазахъ, было начертано, было врѣзано и на небѣ и на землѣ: солнце и звѣзды были тѣ-же буквы, имѣющія тотъ же самый смыслъ, нисчуть не болѣе необходимый. — Но возможно-ли почитать того, кто не чтитъ самого себя? того кто затерся въ толпѣ? кто уже не законодатель, а низкій угодникъ, который подлаживается къ безумному мнѣнію вѣтренной публики? — того кто обязанъ безстыдно заступаться за какое-нибудь негодное правительство или, по найму, круглый годъ кричать въ оппозиціонной партіи; здѣсь — обязанъ писать условленныя критики, тамъ — развратные романы, и во всякомъ случаѣ, писать безъ мысли, безъ убѣжденія, никогда — ни днемъ ни ночью — не прибѣгая къ источникамъ вдохновенія?

Нѣкоторыя возраженія на эти вопросы могутъ найтись при обозрѣніи списка литературныхъ знаменитостей нашего времени. Но между ними, самымъ поучительнымъ явится имя Гёте; оно можетъ знаменовать для насъ силы и обязанности ученаго и писателя.

Я изобразилъ Бонапарта представителемъ внѣшней стороны жизни и цѣлей XIX столѣтія. Другая его сторона,

его поэтъ — это Гёте; человѣкъ вполнѣ-обжившiйся съ вѣкомъ, дышащiй его воздухомъ, наслаждающiйся его плодами; человѣкъ, невозможный въ прежнiя времена, и снявшiй своею исполинскою дѣятельностью укоръ въ разслабленiи, который безъ него, налегъ-бы на умственныя произведенiя этого вѣка. Онъ является въ эпоху, когда всюду разлившаяся образованность сгладила всѣ рѣзкiя индивидуальныя черты; когда, за отсутствiемъ героическихъ личностей, въ общественную жизнь вступаетъ комфортъ и сотрудничество. Поэта нѣтъ—есть дюжины стихотворцевъ; нѣтъ Колумба — а есть сотни шкиперовъ, почтовыхъ судовъ, снабженныхъ раздвижными зрительными трубками, барометрами, консервами для суповъ, соусовъ, и прочими разными разностями; нѣтъ ни Демосѳена, ни Чаттама—но несмѣтное множество парламентскихъ и судебныхъ говоруновъ; нѣтъ ни пророка, ни святаго — есть школы для духовенства; ни единаго ученаго — за то безчисленныя ученыя общества, дешевыя изданiя, читальни, библiотеки для чтенiя. Никогда не бывало такого смѣшенiя фактовъ. Свѣтъ распространился во всѣ стороны, какъ американская торговля. Понять жизнь Грековъ и Римлянъ, жизнь въ Среднiе-Вѣка—дѣло простое и возможное; но, понять жизнь новѣйшаго времени, касательно безчисленнаго множества фактовъ, это хоть кого сведетъ съ ума.

Гёте сдѣлался философомъ этой множественности. Сторукiй, стоглазый, онъ былъ и способенъ и радъ имѣть дѣло съ этою напирающею смѣсью наукъ и событiй; но

своей-же многосторонности, онъ могъ распоряжаться ими съ большимъ удобствомъ. Это былъ умъ мужественный: его не озадачивали разнообразныя латы условій, въ которыя закована зачерствѣлая жизнь; его тонкій умъ легко могъ проникнуть сквозь нихъ и набраться силъ отъ природы, съ которою онъ всегда жилъ въ тѣсной связи. Странно то, что Гёте сложился и жилъ въ небольшомъ городѣ, въ государствѣ незначительномъ, въ государствѣ распавшемся, и въ эпоху, когда Германія не играла въ судьбахъ міра такой роли, отъ которой могло-бы забиться гордостью сердце ея сына, какъ могъ услаждаться въ то время духъ Француза, Англичанина, а въ былыя эпохи, гражданина Аттики или Рима. Въ его Музѣ нѣтъ, однакоже, слѣдовъ провинціальной ограниченности; онъ не рабъ своего положенія, его геній свободенъ или самоуправенъ.

Его Елена или вторая часть Фауста, есть философія литературы, переложенная въ стихи. Это произведеніе человѣка, сознавшаго, что онъ одолѣлъ миѳологіи, исторіи, философіи, науки и литературы разныхъ націй, тѣмъ энциклопедическимъ способомъ, которымъ новѣйшая эрудиція, установивъ международныя сношенія по всей землѣ, дѣлаетъ изъисканія въ Индійскихъ, Этрурскихъ и всѣхъ Циклопическихъ памятникахъ искусствъ; въ геологіи, химіи, астрономіи, и вслѣдствіе этой шири, придаетъ каждой отдѣльной области знанія какой-то воздушный и поэтическій характеръ. — На одного короля смотришь съ почтеніемъ, но если-бы кто очутился на цѣломъ конгрессѣ

королей, то отважился-бы разсмотрѣть особенности каждаго.—Не пламеннымъ дивнымъ пѣснямъ, но строго-обдуманнымъ формамъ ввѣрилъ поэтъ результаты восьмидесятилѣтнихъ наблюденій. Разсудочная и критическая мудрость этой поэмы именно и сдѣлала ее истиннымъ цвѣтомъ нашего времени. Она сама означаетъ годъ и число своего появленія. Гёте все-таки остается поэтомъ—поэтомъ, достойнымъ самаго великолѣпнаго лавроваго вѣнца, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, и подъ этимъ бременемъ микроскопическихъ наблюденій (потому что онъ наблюдаетъ, кажется, всѣми пòрами своей кожи) онъ ударяетъ по струнамъ арфы съ могуществомъ и изящностью героя.

Чудодѣйствіе этой книги заключается въ возвышенности ея постиженія. Въ горнилѣ ума этого человѣка, вѣка—прошедшіе и будущіе, съ ихъ религіями, политиками и разнообразіомъ мышленія разложились на первообразы и идеи. Что̀ за новыя миѳологіи пронеслись въ головѣ его! Греки говорили, что Александръ дошелъ до области хаоса; не въ тотъ день, но на другой дошелъ туда и Гёте, ступилъ даже шагъ дальше и возвратился невредимъ.

Сердце услаждается нестѣсненностью и обширностью его умозрѣній. Такъ, необъятный небосклонъ, ежедневный нашъ спутникъ, распростираетъ свое величіе надъ нашими бездѣлками, надъ заботами о нуждахъ и удобствахъ, равно какъ и надъ праздничными пирами и торжественными священнодѣйствіями. Гёте былъ душою своего столѣтія. Если, по изобилію познаній, по многочисленности членовъ, ученость вѣка представлялась сплошною массою, съ

непроходимою чащею по нѣкоторымъ частямъ; или какою-то большою экспедиціею для открытій, — которая собираетъ громады фактовъ и естественныхъ произведеній слишкомъ на-скоро, для того чтобы какіе дотолѣ существовавшіе ученые могли привести ихъ въ порядокъ — то умъ Гёте имѣлъ достаточно комнатъ для ихъ распредѣленія. Онъ имѣлъ даръ снова соединить разрозненные атомы, по закону имъ свойственному. Онъ облекъ поэзіею нашъ нынѣшній бытъ. Среди современной мелочи и дробности онъ отъискалъ Генія жизни, того прежняго изворотливаго Протея, угнѣздившагося совсѣмъ подлѣ насъ, и доказалъ, что проза и скука, приписываемая нами этому вѣку, есть только одна изъ его личинъ и что

„Не скрылся онъ, а здѣсь переодѣтый",

и замѣнивъ блестящій костюмъ покойнымъ платьемъ, онъ нимало не потерялъ своей живости, своей роскоши и остается тѣмъ-же въ Ливерпулѣ и Гагѣ, какимъ бывалъ въ Римѣ или въ Антіохіи.—Гёте искалъ его на публичныхъ гуляніяхъ и на шумныхъ улицахъ, на бульварахъ и въ отеляхъ; онъ показалъ, кàкъ въ самомъ стоячемъ царствѣ рутины и чувственности проглядываетъ демонская сила, кàкъ въ обыденныя дѣйствія сама собою вплетается тонкая нить баснословія и сверхъестественности; онъ доказалъ это, прослѣдивъ родословную каждаго обычая и навыка, каждаго учрежденія, мнѣнія, даже домашней утвари до самаго ихъ начала — въ организмѣ человѣка. Онъ сильно досадовалъ на предположенія и на риторику. „Съ меня довольно моихъ собственныхъ догадокъ; когда кто

пишетъ книгу, пусть помѣщаетъ въ нее одно то что̀ знаетъ". Самъ онъ писалъ весьма простымъ и сдержаннымъ тономъ; скорѣе умалчивая о многомъ, чѣмъ все выражая, и всегда предпочитая ставить фактъ на мѣсто слова. Онъ объяснилъ въ чемъ состоитъ различіе въ духѣ и въ искусствахъ между древними и новыми народами; опредѣлилъ цѣль и законы изящныхъ художествъ. Онъ сказалъ о природѣ отличнѣйшія, когда-либо сказанныя вещи, и обращался съ нею такъ какъ обращались древніе философы и семь мудрецовъ — отбросивъ въ сторону ученыя французскія таблицы и разсѣченія, и занявшись природою на тотъ остатокъ, что уцѣлѣлъ еще для насъ отъ поэзіи и отъ человѣчности. Что̀ ни говори, глазъ лучше микроскоповъ или телескоповъ. Благодаря рѣдкой наклонности своего ума къ простотѣ и къ единству, Гёте пріискалъ ключъ ко многимъ отдѣламъ природы. Такъ онъ навелъ новѣйшую ботанику на руководящую идею, что листокъ или глазокъ листка составляетъ основную ботаническую единицу, что каждая часть растенія есть только превращеніе листка для выполненія новыхъ условій, и что̀ при измѣненіи этихъ условій, листъ можетъ превратиться во всякій другой о̀рганъ, а всякій другой о̀рганъ въ листъ. Такимъ-же образомъ, въ остеологіи онъ утверждалъ, что спинной позвонокъ хребта можетъ быть разсматриваемъ какъ единица скелета, и что голова есть ничто иное какъ преобразованіе верхняго позвонка: „Растенія идутъ отъ колѣнца къ колѣнцу, завершаясь наконецъ цвѣткомъ и сѣменемъ. Точно также глистъ и всякій червякъ удлиняется

отъ кольца къ кольцу, замыкаясь головою. Человѣкъ и высшія животныя строются изъ позвонковъ, причемъ силы сосредоточиваются въ головѣ“.—Точно такъ-же въ оптикѣ, онъ отбросилъ искусственную теорію семи цвѣтовъ и полагалъ, что каждый цвѣтъ есть сочетаніе мрака и свѣта въ другихъ пропорціяхъ. Такъ, о какомъ предметѣ онъ ни пишетъ, онъ глядитъ всѣми пòрами, и съ своимъ врожденнымъ влеченіемъ къ истинѣ, постарается найти сущность того чтò сказано прежде. Онъ ненавидитъ перевторять бабьи сказки, овладѣвшія людскимъ легковѣріемъ за послѣднюю тысячу лѣтъ. Онъ самъ разсмотритъ не хуже другаго, есть-ли въ нихъ какая правда и вытянетъ ее оттуда. Онъ будто сказалъ себѣ: „Я здѣсь для того чтобъ взвѣсить и обсудить все здѣсь находящееся; зачѣмъ мнѣ вѣрить имъ на-слово?“ — И потому, все сказанное имъ о религіи, о страсти, о бракѣ, объ обычаяхъ, о собственности, о бумажныхъ деньгахъ. о вѣрованіяхъ, о періодахъ времени, объ удачѣ и неудачѣ, о предзнаменованіяхъ и о многомъ другомъ, становится незабвеннымъ.

Приведемъ самый замѣчательный образчикъ этой наклонности дознаваться правды во всякомъ выраженіи. въ ходу у народа. Чортъ игралъ значительную роль въ вѣрованіяхъ всѣхъ временъ. Гёте не принимаетъ ни одного слова, за которымъ нѣтъ никакой сущности. Здѣсь послужитъ то-же мѣрило: „Я никогда не слыхалъ о злодѣйствѣ, котораго-бы самъ не могъ сдѣлать“. — Вслѣдствіе этого онъ схватитъ страшилище за горло. Оно должно или

сдѣлаться реальнымъ, во вкусѣ новаго времени, Европейцемъ, одѣться какъ джентльменъ, набраться хорошихъ манеръ, расхаживать по улицамъ и совершенно освоиться съ образомъ жизни Вѣны и Гейдельберга 1820-хъ годовъ; — или, оно перестанетъ существовать. Поэтому, Гёте снялъ съ него всѣ миѳологическіе доспѣхи: — рога, ноги съ копытомъ, хвостъ крючкомъ, вонючую сѣру, синее пламя—и, вмѣсто того, чтобы собирать объ немъ справки въ книгахъ и картинахъ, онъ сталъ отъискивать его въ своемъ собственномъ духѣ, во всякомъ оттѣнкѣ холодности, себялюбія, невѣрія, который и въ толпѣ и въ уединеніи разстилается мракомъ на человѣческое мышленіе; — и Гёте нашелъ, что изображеніе выиграло, и въ правдѣ и въ ужасѣ, ото всего, что̀ онъ ему придалъ, ото всего, что отъ него отнялъ. Онъ открылъ, что естество этого пугала, невидимо витающаго около жилища людей, съ самой той поры какъ стали жить люди, есть ничто иное какъ чистый разумъ отданный (наклонность, замѣчаемая вездѣ и всюду) на служеніе чувственности; и онъ вдвинулъ въ литературу, въ своемъ Мефистофелѣ, первую органическую фигуру, которая когда-либо появилась въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, и пребудетъ также долго какъ Прометей.

Я не имѣю намѣренія заняться разборомъ его многочисленныхъ произведеній. Онѣ состоятъ изъ переводовъ, критикъ, драмъ, лирическихъ и другихъ стихотвореній, литературныхъ дневниковъ, портретовъ замѣчательныхъ людей. Но я не могу не упомянуть о *Вильгельмѣ Мейстерѣ*.

Это романъ, во всякомъ смыслѣ, первостепенный въ своемъ родѣ; поклонники считаютъ его единственнымъ очеркомъ новѣйшаго общества, находя, что другіе романы, напримѣръ, Вальтера Скотта, занимаются одеждами, положеніемъ лицъ; этотъ-же—духомъ жизни. Эта книга все еще облечена какимъ-то покровомъ. Ее съ удивленіемъ и наслажденіемъ читаютъ люди чрезвычайно умные. Нѣкоторые предпочитаютъ ее Гамлету, какъ произведеніе геніальное. Мнѣ кажется, ни одинъ романъ нашего столѣтія не сравнится съ этимъ въ прелести новизны, которая подстрекаетъ умъ, надѣляетъ его многими, основательными мыслями, вѣрными взглядами на жизнь, обычаи и характеры; въ ней столько славныхъ указаній на руководство жизни, столько неожиданныхъ проблесковъ изъ сферы высшей; и все это безъ малѣйшаго слѣда высокопарности или натяжки. Книга, страшно-раздражающая любопытство пылкихъ молодыхъ читателей, но книга страшно неудовлетворительная. Въ ней обманутся любители легкаго чтенія, ищущіе развлеченія, даваемаго романомъ. Съ другой стороны, справедливо жалуются и тѣ, которые принимаются за нее съ высокою надеждою найти здѣсь настоящую исторію геніальнаго человѣка и достойное присужденіе ему лавра, заслуженнаго подвигами и самоотверженіемъ. Въ Англіи, не такъ давно изданъ былъ романъ, покусившійся олицетворить надежды новой эпохи и дать просторъ политическимъ ожиданіямъ партіи, называемой: „*Юною Англіею*“; въ немъ, единственная награда добродѣтели:—мѣсто въ парламентѣ и званіе пэра. Романъ Гёте имѣетъ

заключеніе такое-же хромое и точно такое-же безнравственное. Жоржъ Сандъ представила въ Консуэло и въ ея продолженіи картину повыше этого, и истиною и достоинствомъ. Съ постепеннымъ ходомъ разсказа, характеръ героя и героини развивается до такой силы, что заставитъ трястись фарфоровыя этажерки аристократическихъ условій; они покидаютъ общество, всѣ привычки своего званія; лишаются богатства, становятся служителями высокихъ идей и самыхъ великодушныхъ общественныхъ цѣлей. Напослѣдокъ, герой, — сдѣлавшійся средоточіемъ и живительною струею всѣхъ своихъ сподвижниковъ, стремящихся возвратить человѣчеству его благороднѣйшія достоянія, — перестаетъ отвѣчать на собственный графскій титулъ; онъ звучитъ его уху какъ нѣчто чуждое и давно позабытое: „Я только человѣкъ — говоритъ онъ — дышу, тружусь для человѣка;" — и несетъ онъ свои труды въ бѣдности и при крайнихъ пожертвованіяхъ. — Напротивъ того, герой Гёте имѣетъ столько слабостей и нечистотъ, и водится онъ съ такимъ дурнымъ обществомъ, что опротивѣлъ чинной Англіи, когда книга появилась въ переводѣ. А между тѣмъ, она такъ полна разумности, знанія свѣта и знанія вѣчныхъ законовъ; лица обрисованы такъ вѣрно и тонко, немногими чертами и безъ всякаго лишняго слова; книга эта остается навсегда новою, неистощимою, и мы, извлекши изъ нея то, что сознаемъ для себя пригоднымъ, допускаемъ ей поступать какъ знаетъ, въ увѣренности, что она только при началѣ своего поприща и будетъ служить милліонамъ другихъ читателей.

Содержаніе ея — переходъ демократа къ аристократамъ; оба термина приняты въ наилучшемъ смыслѣ, и переходъ свершается не ползкомъ, не какими-нибудь происками, но чрезъ парадную дверь. Природа и личныя качества помогаютъ, а положеніе имъ приличное доставляется, благодаря честности и здравомыслію дворянъ. Ни одинъ великодушный юноша не оборонится отъ обольщенія правдоподобіемъ этой книги, которая сильно возбуждаетъ развитіе умственное и энергію.

Пламенный и набожный Новалисъ такъ отозвался объ этой книгѣ: „Отъ доски до доски въ новомъ вкусѣ и прозаическая. Все романтическое подведено подъ гладкій уровень; такъ поступлено и съ поэзіею въ природѣ, съ чудодѣйственною! Книга толкуетъ объ обиходныхъ дѣлахъ людскихъ: бытъ домашній, бытъ средняго сословія въ ней, пожалуй, опоэтизированъ, но все чудесное преднамѣрено разсматривается какъ мечта и восторженныя грезы“.—А между тѣмъ,—характеристическая черта,—Новалисъ вскорѣ опять принялся за эту книгу, и она осталась его любимымъ чтеніемъ до конца его жизни.

Въ глазахъ французскаго и англійскаго читателя, Гёте отличается однимъ свойствомъ, общимъ ему со всей его націею; это свойство — постоянная подчиненность своему внутреннему убѣжденію. Въ Англіи и въ Америкѣ уважаютъ талантъ, и публика довольна, если онъ употребляется на поддержку какого-нибудь одобреннаго и понятнаго интереса,—партіи, или служитъ той или другой, уже установившейся оппозиціи. Во Франціи еще болѣе восхи-

щаются блескомъ ума, не заботясь о прочемъ. Во всѣхъ этихъ странахъ, талантливые люди почерпаютъ сочиненія изъ своего таланта. Достаточно того, когда воображеніе занято, требованіе вкуса соблюдено: столько-то столбцовъ и столько-то часовъ наполнены пріятнымъ и недурнымъ времяпровожденіемъ. Но Германскому духу не достаетъ игривой французской веселости, тонкаго практическаго смысла Англичанъ и американскаго удальства; въ немъ есть нѣкоторая честность, не останавливающаяся на поверхности предпринятаго и исполненнаго, но сейчасъ-же спрашивающая: „*Съ какою цѣлью?*“ Германская публика требуетъ засвидѣтельствованнаго чистосердечія. Здѣсь видна дѣятельность мысли, но къ чему ведетъ она?—Что̀ хочетъ этимъ сказать самъ человѣкъ? Откуда, откуда набрался онъ такихъ мыслей?

Одного дарованія мало для писателя. За книгою долженъ стоять человѣкъ, — личность, и по природѣ и по свойствамъ, обязанная слѣдовать ученію, изложенному ею здѣсь; личность, самое существованіе которой тѣсно слито съ такою-то точкою зрѣнія, съ такимъ-то понятіемъ о вещахъ, а не съ другимъ, и поддерживающая эти вещи, потому что онѣ таковы. Если авторъ не можетъ надлежащимъ образомъ выразить эти вещи сегодня, онѣ все-таки существуютъ и выскажутся сами собою завтра. Дѣло идетъ о провозглашеніи нѣкоторой доли истины, смутно или ясно постигнутой: въ этомъ-то и состоитъ долгъ и призваніе писателя въ здѣшнемъ мірѣ: видѣть насквозь факты и свидѣтельствовать о нихъ міру. Ничего не зна-

читъ, что онъ самъ робокъ и косноязыченъ, что голосъ его пискливъ или грубъ, и что его способъ изложенія или недостатокъ краснорѣчія не подъ стать высотѣ мысли. Она отъищетъ и методъ, и картинность, и звучный голосъ и гармонію. Будь онъ хоть нѣмъ — заговоритъ она. Если-же нѣтъ, если такого Божьяго слова не ввѣрено писателю — какая намъ нужда до его ловкости, краснорѣчія, блеска?

Огромна разница въ силѣ слова, за которымъ стоитъ человѣкъ, и за которымъ его нѣтъ. Въ ученомъ журналѣ, въ вліятельной газетѣ, я не вижу образа, а какую-то безотвѣтную тѣнь; чаще-же всего-денежную складчину или какого-то молодчика, который надѣется подъ маскою и подъ костюмомъ своихъ періодовъ быть принятымъ за нѣчто дѣльное. Но при каждой строкѣ, въ каждомъ отдѣлѣ настоящей книги, я встрѣчаю глаза человѣка, и убѣжденнаго и рѣшительнаго; его энергія, его опасенія льются потокомъ на каждое слово: живутъ самыя точки и запятыя; написанное становится дѣломъ—и дѣломъ исполинскимъ: оно пойдетъ далеко и будетъ долго жить.

Въ Англіи и въ Америкѣ можно очень бойко писать про греческихъ и латинскихъ поэтовъ, безъ малѣйшаго поэтическаго вкуса или огня. Человѣкъ проводитъ цѣлые годы съ Платономъ или Прокломъ, — изъ этого не слѣдуетъ, что онъ придерживается героическихъ мнѣній и пренебрегаетъ модными обычаями своего городка. Нѣмцы-же пресмѣшно простодушны на этотъ счетъ: студентъ, вышедъ изъ аудиторіи, все еще передумываетъ слышанное, а

профессоръ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ мечты, что философскія истины можно какъ-нибудь да примѣнить къ Берлину и къ Мюнхену. Эта серьезность дозволяетъ Нѣмцу обсуживать людей съ гораздо большимъ дарованіемъ. Потому-то, почти всѣ важныя оцѣнки достоинствъ, на которыя указываютъ мыслящіе люди, перешли къ намъ изъ Германіи. Между тѣмъ, какъ въ Англіи и во Франціи, люди извѣстные своимъ умомъ и своею ученостью, избираютъ себѣ науку или мѣсто, съ нѣкоторымъ легкомысліемъ и не слишкомъ считаютъ себя связанными, по характеру, съ избраннымъ ими званіемъ или предметомъ занятій — Гёте, глава и плоть германской націи, говоритъ не въ силу одного дарованія: изъ-за него свѣтитъ истина. Онъ очень мудръ, хотя его талантъ набрасываетъ иногда покровъ на его мудрость. Какъ ни превосходны его слова, онъ имѣлъ въ виду еще нѣчто лучшее;—это-то и возбуждаетъ мое любопытство. Его громадная независимость происходитъ отъ частыхъ бесѣдъ съ истиною; слушайте его или отвергайте — фактъ остается; и ваше сочувствіе къ писателю не оканчивается съ окончаніемъ его творенія; оно не изглаживается изъ памяти, когда онъ исправно завершилъ свое дѣло предъ вами, какъ изгладится память о булочникѣ, продавшемъ вамъ свой хлѣбъ; — притомъ, его сочиненія составляютъ самую малѣйшую часть его самого. Предвѣчный геній, возсоздавшій міръ, повѣдалъ этому человѣку болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Я не скажу, чтобы Гёте достигнулъ той выспренней области, съ высоты которой говорили намъ

иные геніи. Онъ не благоговѣлъ предъ верховнымъ единствомъ; онъ не былъ способенъ подчиниться полновластію нравственнаго чувства. Въ поэзіи есть струны несравненно благороднѣе всѣхъ тѣхъ, которыхъ коснулся онъ. Есть писатели, бѣднѣе его дарованіемъ, но чище его настроеніемъ и трогательнѣе для сердца:—Гёте никогда не можетъ быть дорогъ человѣчеству. Онъ даже не былъ поклонникомъ чистой истины, но чтилъ истину только ради своей любви къ образованности. Цѣль, избранная имъ, впрочемъ, немногимъ ниже стремленія возобладать истиною; и этого человѣка, стоически самоуправнаго и самоотрицательнаго, нельзя было не обмануть, ни провести, ни заставить трепетать. Онъ имѣлъ одинаковую пробу для всѣхъ: *„Чему могу я отъ васъ научиться?“* — и всѣ обладанія — званіе, привиллегіи, здоровіе, время, самая жизнь — цѣнились имъ по одному этому отношенію.

Онъ типъ цивилизаціи, любитель всѣхъ искусствъ, наукъ, событій; онъ художественъ, но не художникъ; проникнутъ спиритуальностью, но не спиритуалистъ. Въ мірѣ нѣтъ такой вещи, которой-бы онъ не имѣлъ права узнать; въ арсеналѣ генія вселенной нѣтъ такого оружія, котораго-бы онъ не взялъ въ руки, строго наблюдая, чтобъ не быть имъ задѣтымъ, хоть на одну минуту. Онъ подложитъ лучъ свѣта подъ каждый фактъ, а также между собою и своею драгоцѣннѣйшею собственностью. Отъ него ничего не было скрытаго, ничего убереженнаго. Онъ снялъ портретъ и съ лукаваго демона и со святаго, который видѣлъ демона, и метафизическія данныя приняли

образы: „Самое благочестіе не цѣль, а только средство пріобрѣсти, съ его помощью, глубокій внутренній миръ и достигнуть высочайшей образованности“. Его проникновеніе во всѣ тайны изящныхъ искусствъ, все болѣе дѣлаютъ Гёте чѣмъ-то скульптурно-великимъ. Его привязанности служили ему какъ женщины, употребленныя Цицерономъ для вывѣданія тайнъ заговорщиковъ. Вражды онъ не зналъ. Вы могли быть его врагомъ, но и въ этомъ случаѣ, путемъ вражды, вы научали его тому, чему не могло научить ваше доброе расположеніе—хотя-бы увеличеніе знанія было пріобрѣтено вашею гибелью. Привѣтъ и врагу, но врагу въ высокомъ смыслѣ. Онъ слишкомъ дорожилъ временемъ, чтобъ ненавидѣть. Противоборство темпераментовъ еще могло быть допущено, но и такая борьба велась съ королевскимъ достоинствомъ, и шпага скрещивалась на разстояніи цѣлаго королевства.

Его автобіографія, подъ заглавіемъ: „*Правда и вымыселъ изъ моей жизни*“, выражаетъ идеи, теперь уже усвоенныя Германцами, но еще неслыханныя тогда въ старой и новой Англіи, а именно: — человѣкъ живетъ для своего просвѣщенія, а не ради того что можетъ свершиться съ нимъ. Вліяніе обстоятельствъ на самого человѣка, вотъ единственный результатъ, достойный замѣчанія. Интеллектуальный человѣкъ можетъ смотрѣть на себя какъ на постороннее лицо; тогда его ошибки и разочарованія будутъ для него столько-же занимательны, какъ и самые успѣхи. Онъ, конечно, желаетъ удачи въ своихъ предпріятіяхъ, но еще болѣе желаетъ узнать исторію и

судьбу человѣка, между тѣмъ, какъ тьмы себялюбцевъ около него погружены въ однѣ заботы о личныхъ маленькихъ выгодахъ.

Такова главная идея „Правды и Вымысла"; она руководитъ выборомъ происшествій, вовсе не занимаясь внѣшнею ихъ важностью, свѣтскимъ положеніемъ лицъ или цифрою ихъ дохода. Въ сущности книга почти не представляетъ матеріаловъ, для того что́ можно-бы назвать: „Жизнью Гете"; — чиселъ немного, переписки нѣтъ, нѣтъ и подробностей о службѣ и о порученныхъ дѣлахъ; ни полслова о его женитьбѣ; а десяти-лѣтній періодъ, самой дѣятельной жизни, по водвореніи въ Веймарѣ, и совсѣмъ пройденъ молчаніемъ. Между тѣмъ. нѣкоторыя любовныя дѣльца, которыя, какъ говорится, не привели ни къ чему, представляютъ непонятную важность; онъ подавляетъ насъ подробностями, тѣми или другими причудливыми мнѣніями, религіями собственнаго изобрѣтенія и, въ особенности, своими отношеніями къ замѣчательнымъ умамъ и къ эпохѣ критическаго мышленія: объ этомъ онъ распространяется. Его „*Ежедневныя и Ежегодныя Записки*", его „*Путешествіе по Италіи, Французская Кампанія*" и историческій отдѣлъ „*Теоріи красокъ*" — точно такъ-же любопытны.

Этотъ законодатель искусствъ, самъ не былъ артистомъ. Слишкомъ-ли онъ много зналъ? слишкомъ-ли микроскопическое зрѣніе препятствовало ему — въ надлежащей перспективѣ — охватить цѣлость? Онъ отрывоченъ: онъ писатель стихотвореній — на разные случаи, — и цѣ-

лыхъ энциклопедій изреченій. Когда онъ садится писать драму или повѣсть, онъ набираетъ и сортируетъ свои наблюденія съ сотни сторонъ и вводитъ ихъ въ свои произведенія, какъ можно приличнѣе. Очень многое никакъ не идетъ къ дѣлу; онъ помѣститъ это косвенно то въ перепискѣ дѣйствующихъ лицъ, то въ листкахъ ихъ дневника, и тому подобное. Многое отказывается отъ такого приспособленія: одинъ переплетчикъ можетъ придать этому нѣкоторую связь, и потому, кромѣ разладицы многихъ его твореній, мы имѣемъ цѣлые томы разрозненныхъ параграфовъ, афоризмовъ, ксеній и проч.

Я думаю, свѣтскій тонъ его романовъ произошелъ отъ расчета образовать себя и въ этомъ направленіи. Это было слабостью безподобнаго ученаго, который любилъ свѣтъ изъ благодарности — зналъ гдѣ найти библіотеки, галлереи, лабораторіи, изящную архитектуру, профессоровъ, досугъ — и не крѣпко вѣрилъ въ замѣны, доставляемыя за все это, бѣдностью и наготою. Сократъ любилъ Аѳины, Монтаньй — Парижъ, Г-жа Сталь говорила, что это (то-есть, Парижъ), единственная ея слабая струна. Есть своя благопріятная сторона и въ этомъ. Всѣ геніи, обыкновенно, такъ дурно обставлены, что всегда желаешь имъ быть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Рѣдко встрѣчаемъ мы человѣка, которому не было-бы неловко и не страшно жить. Легкая краска стыда пробѣгаетъ по лицу и людей добрыхъ и людей съ благороднымъ стремленіемъ. Гёте-же чувствовалъ себя здѣсь какъ дома; онъ былъ доволенъ и міромъ и вѣкомъ. Никто не былъ такъ способенъ жить и

такъ бодро наслаждаться игрою жизни. Его сила проистекала изъ этого стремленія къ просвѣщенію, которое составляетъ духъ его твореній. — Стремленіе къ вѣчной безусловной истинѣ, безъ всякаго обращенія о собственномъ преуспѣяніи, —выше этого. Придать себя потоку поэтическаго вдохновенія -- то-же выше этого. Но когда сравнишь цѣль Гёте съ тѣми поводами, по какимъ пишутся книги въ Англіи и въ Америкѣ, его цѣль окажется истинною, и одаренною, какъ всякая истина, силою воодушевлять. Этимъ-то и возвратилъ Гёте книгѣ нѣчто изъ ея прежняго могущества и достоинства.

Появившись въ эпоху чрезъ мѣру цивилизованную и въ странѣ, гдѣ оригинальный талантъ подавленъ грудою книгъ, механическими вспомогательными средствами и ошеломляющимъ разнообразіемъ требованій, Гёте научилъ людей какъ распредѣлять такое громадное смѣшеніе и какъ сдѣлать его дѣломъ сподручнымъ. Я сближаю съ Гёте Наполеона: оба они были представителями силы и реакціи природы противъ высокомѣрныхъ условій и предразсудковъ. Это были два твердые реалиста, которые съ своими послѣдователями наложили топоръ на корень дерева лицемѣрія и затверженной болтовни — въ свое время и на всѣ будущія времена! Гёте, бодрый труженикъ, безъ всякой популярности или вызова извнѣ, почерпалъ всѣ побужденія, всѣ предначертанія изъ своей собственной груди; самъ задавалъ себѣ задачи, достойныя исполина и, безъ ослабленія, безъ отдыха, проработалъ восемдесятъ лѣтъ, со всѣмъ

ревніемъ первоначальнаго побужденія, находя отдохновеніе въ одной перемѣнѣ занятій.

По послѣднему уроку, преподанному намъ новѣйшею наукою: — высшее упрощеніе организмовъ производится не уменьшеніемъ составныхъ стихій, но высшею ихъ многосложностью. Человѣкъ есть самое сложное изъ земныхъ существъ, на другомъ, противоположномъ концѣ, имѣемъ мы коловратку, *volvox globator.* Намъ должно научиться извлекать доходы и прибыль съ огромнаго наслѣдства древнихъ и новѣйшихъ временъ. Гёте представляетъ намъ примѣръ мужества и доказываетъ одинаковость цѣны всѣхъ временъ; то есть, что невыгоды какой-бы то ни было эпохи существуютъ только для слабодушныхъ. Животворный геній, полный свѣта и гармоніи, носится вблизи самыхъ слѣпыхъ и самыхъ глухихъ. Никакой запретъ, никакой блюститель не остановитъ полета часовъ и полета человѣчества. Міръ молодъ: былые великіе люди шлютъ намъ дружескій призывъ. Назначеніе генія — не дозволять никакому лживому вымыслу проникать въ среду человѣчества; — осуществлять все доступное нашему знанію; — требовать, отъ высокой утонченности теперешняго образа жизни, отъ искусствъ, наукъ, отъ книгъ и отъ людей неуклонной правдивости, дѣльности и поставленіе себѣ цѣли; — и во-первыхъ, во-вторыхъ, до конца и до безконечности — воздавать каждой истинѣ должный почетъ практическимъ ея осуществленіемъ.

Конецъ второго тома.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Отрывки изъ Conduct of Life.

Р. У. ЭМЕРСОНА.

Озареніе мысли изводитъ человѣка изъ рабства въ свободу. По всей справедливости можемъ мы сказать о себѣ: мы рождаемся, и послѣ того возрождаемся; и не разъ, не два, а нѣсколько разъ совершается наше возрожденіе. Опыты, послѣдовательно получаемые нами, до того важны, что новые предаютъ забвенію старые. Но — день изъ дней, но великій праздникъ изъ праздниковъ жизни, есть тотъ, въ который внутреннее око, раскрываясь, видитъ повсемѣстность Единства, вездѣсущность Закона, и усматриваетъ, что то что̀ есть — должно быть, и есть наилучшее.

Когда свѣтъ касается нашихъ глазъ, мы начинаемъ видѣть, а иначе нѣтъ. Такъ и съ истиною: она озаритъ нашъ духъ, и мы внезапно расширяемся до ея размѣровъ, и ростемъ, ростемъ — почти подъ ростъ мірамъ.

Такое внутреннее прозрѣніе дѣлаетъ насъ сторонниками и блюстителями порядка Вселенной, наперекоръ всего

и многаго; наперекоръ своимъ собственнымъ выгодамъ, равно какъ и выгодамъ другихъ.—Человѣкъ, говорящій по своему внутреннему прозрѣнію, провозглашаетъ о себѣ то что истинно для его духа: сознавая его безсмертіе, онъ говоритъ: *я безсмертенъ;* сознавая его непобѣдимость, утверждаетъ: *я могучъ.* Силы эти не въ насъ, но мы въ нихъ. Онѣ отъ Творца, а не отъ творенія. Онѣ касаются до всего, и всему даютъ измѣненіе. Онѣ то ставятъ непроходимыя пространства между тѣми, кто ихъ воспринялъ и тѣми, кто остается имъ чуждъ. Чуждающіеся ихъ—это толпа, это стадо. Но для другихъ, весь міръ людской представляется комедіею, и комедіею несмѣшною.

***

Я замѣчалъ, что когда душа достигаетъ нѣкоторой ясности въ умозрѣніи, она дѣйствуетъ по поводамъ и по соображеніямъ, которыя гораздо выше и чище эгоизма.

***

Величіе, до котораго мы внезапно возвышаемся (при озареніи свыше нашего мышленія) заключается въ уничтоженіи личности, въ презрѣніи себялюбія: водворенные въ сферѣ Закона, мы его присяжные. Бывало, мы пройдемъ нѣсколько шаговъ по этой тропинкѣ, а потомъ, побродимъ по другому направленію. Теперь-же, подобно воздухоплавателямъ, уже не заботимся о точкѣ, съ которой поднялся наше аэростатъ; о точкѣ, къ которой онъ пристанетъ; чувствуется одно: — свобода и слава такого пути.

***

Солнечная система не заботится о своей рупутаціи. Знайте, что также прочно установлено право на уваженіе Истины и Честности. Отмѣряйте сомнѣнію на этотъ счетъ, сколько угодно дюймовъ. Духъ окрылится, возвратится и все преисполнитъ собою. Онъ вытѣсняетъ вторжителей. Онъ уравновѣшиваетъ чрезмѣрность той или другой власти:

«И самой крови въ насъ благими Небесами
Предписано теченіе къ добру».

* *
*

Что за улика въ скептицизмѣ эта низкая такса, какою оцѣниваютъ высочайшія умственныя и нравственныя способности!

Другая язва того-же скептицизма гнѣздится въ недовѣріи къ человѣческой добродѣтели. Всякій порядочно-одѣтый, зажиточный господинъ убѣжденъ, что у всѣхъ людей точно столько-же добродѣтели, сколько у него!... Какъ проворно заподозриваютъ васъ въ низкихъ побужденіяхъ!—Вглядитесь какимъ снисхожденіемъ пользуется порокъ въ почетныхъ и хорошо-обусловленныхъ сословіяхъ общества. — Коварство снѣдаетъ даже благомыслящихъ, въ сущности добрыхъ людей; и предъ безтрепетными, прямодушными, откровенными поступками, они прибѣгаютъ къ полумѣрамъ и минутнымъ двоедушнымъ полууступкамъ.

* *
*

„Есть двѣ преотвратительныя для меня вещи — ска-

залъ Магометъ: — ученый съ его безвѣріемъ и невѣжа съ его суевѣріемъ“.

***

Всѣ великія эпохи были эпохи вѣрованій. Я разумѣю подъ этимъ то, что во всѣхъ проявленіяхъ необычайной энергіи, — напримѣръ, во времена великаго переселенія народовъ, во времена возникновенія искусствъ; въ тѣ времена, когда живали герои, когда слагались поэмы — душѣ человѣческой было не до шутокъ. Нѣтъ! она серіозно утверждала свои убѣжденія на истинахъ духовныхъ; она охватывала ихъ такъ-же осязательно, какъ рука охватываетъ мечъ, кисть, рѣзецъ.

Достовѣрно то, что каждый геній начинаетъ свой полетъ съ горныхъ высей праводушія, и что всякая степень необыкновенной красоты въ мужчинѣ или въ женщинѣ заставляетъ предполагать въ нихъ какую-нибудь нравственную прелесть.

***

Слишкомъ часто встрѣчаются люди неспособные жить: имъ препятствуетъ къ тому или ихъ несоразмѣрность къ собственнымъ потребностямъ, или ихъ измучиваетъ политика, гадкая обстановка, хворость, — и они-бы рады получить отставку отъ должности жить. Но, по премудрому инстинкту спрашивается: „Въ чемъ-же поможетъ имъ смерть? — Развѣ смерть есть чистая отставка?“ — Не желайте-же смерти изъ слабодушія.

***

Каждый человѣкъ радѣетъ о томъ, чтобъ не дасться въ обманъ своему ближнему. Напослѣдокъ настаетъ, однакоже,тотъ день, когда онъ начинаетъ радѣть, чтобы самому не обмануть ближняго. Вотъ это хорошо! Это значитъ, что онъ вымѣнялъ свою рыночную тѣлеженку на колесницу Солнца!... Что̀ за день возстаетъ тогда, когда мы примемъ къ сердцу ученіе Истины; когда рѣшимся отдавать— какъ лучшему достоянію — предпочтеніе сути надъ фактомъ, сути надъ внѣшностью, здравомыслію надъ высокопарностью и кривляніемъ; году—надъ днемъ; жизни— надъ годомъ; личнымъ свойствамъ—надъ видимымъ успѣхомъ; — что за день, когда мы познаемъ, что справедливость будетъ намъ оказана, и что если медленна наша судьба, за то длинно, продолжительно и будущее наше поприще.

***

Съ теченіемъ жизни, люди научаются болѣе любить искренность и менѣе домогаться того, чтобъ ихъ только тѣшили да забавляли. Съ усовершенствованіемъ характера увеличивается вѣра въ нравственное чувство, и умаляется вѣра въ блестящія обѣщанія. Въ молодости, восхищаешься и талантами и каждымъ личнымъ отличіемъ. Но, сдѣлавшись постарѣе, мы смотримъ уже на совокупность свойствъ и дѣйствій, какъ на выраженіе духа, то есть, подлинной цѣнности человѣка. Намъ дается тогда другое мѣрило; дается внутреннее око, которое пренебрегаетъ тѣмъ что̀ сдѣлано для глазъ, а видитъ насквозь дѣлателя; у насъ имѣется тогда ухо, которое не слышитъ

того что̀ говорятъ люди, а слышать то, объ чемъ они умалчиваютъ.

***

Гораздо выше вопроса о загробной жизни стоитъ вопросъ о нашихъ заслугахъ. Достойный безсмертія, будетъ безсмертенъ; и кто хочетъ быть великою душою въ будущемъ мірѣ, долженъ сдѣлаться великою душою въ здѣшнемъ.

***

Никогда еще не рождался человѣкъ—какъ-бы мудръ и добродѣтеленъ онъ ни былъ—безъ того, чтобъ одинъ-двое или болѣе спутниковъ не являлись въ міръ вмѣстѣ съ нимъ, для оцѣнки его даровъ, для провозглашенія ихъ міру. Съ какимъ благоговѣйнымъ умиленіемъ замѣчаю я, что нѣтъ такого человѣка, который-бы мыслилъ, который-бы дѣйствовалъ одинокій. Ассистенты, ниспосланные Промысломъ, вмѣстѣ съ нимъ призываются къ жизни. Переряженные то такъ, то инакъ — будто полицейскіе чиновники переодѣтые въ штатское платье, — они идутъ о бокъ съ нимъ, и слѣдятъ за нимъ шагъ за шагомъ по всѣмъ царствамъ времени.

***

То что̀ означается словами: *нравственное*, *духовное*, вотъ вѣковѣчная сущность; и какими бы химерами не исказили ихъ, слова эти, безъ всякаго сомнѣнія, столѣтія за столѣтіями, воспріимутъ свой настоящій смыслъ. Я не знаю словъ, которыя имѣли-бы бо̀льшее значеніе. Конеч-

но, по общепринятому опредѣленію, ощупью отъискивая духовное, намъ описываютъ его какъ *невидимое,* тогда какъ настоящее значеніе *духовнаго* есть — *существенное*. Это тотъ законъ, который исполняется самъ собою, совершаетъ все безъ всякаго посредства, и который нельзя постигнуть несуществующимъ. Люди иногда выражаются такъ: „да это просто нравственное чувство".

***

Вы говорите, что теперь нѣтъ религіи? Это все равно что утверждать въ дождливую погоду, будто нѣтъ солнца, въ самую ту минуту, когда вы свидѣтели его преобладающаго вліянія. Конечно, религія образованныхъ сословій состоитъ теперь именно въ ихъ отклоненіи служить поддержкою и порукою тому, къ чему бывало, они считали священнымъ долгомъ прилѣпляться. Но по самой этой сдержанности, они мгновенно подчинятся другому образу вѣрованій, когда часъ ихъ настанетъ. — Оно есть, то начало, служащее основою мірозданія; всѣ языки силятся его выразить, всѣ дѣйствія — уяснить. Эта основа — простое, тихое, необъяснимое и неизъяснимое присутствіе невыразимо — мирно пребывающаго въ насъ законнаго нашего Владыки. И предъ такимъ уставомъ согласно преклоняются люди мысли и правды всѣхъ вѣковъ и сословій. Съ этимъ сознаніемъ сопряжено внезапное и обширное приращеніе могущества.

И никогда не остаемся мы безъ нѣкотораго намека, что придетъ тотъ день, когда мы вступимъ въ сношенія съ существами дѣйствительными: та суть что въ насъ, съ сутью что въ нихъ.

Даже самый разгаръ дѣятельности матеріальной заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя послѣдствія, благопріятныя для нравственнаго преуспѣянія. Энергія современной дѣятельности способствуетъ къ развитію индивидуальностей; и люди набожные кажутся одиноки и заброшены. Но это и есть шагъ впередъ, шагъ въ надлежащемъ направленіи. Небо никогда не обходится съ нами по образцу представительныхъ правленій. Всевышній говоритъ каждому поодиночкѣ: „Каково-то идетъ съ тобою? — собственно съ тобою?—Хорошо-ли? худо-ли?“

***

Послѣдній урокъ, извлекаемый изъ жизни, хоральный гимнъ воздымающійся отъ всѣхъ стихій, отъ всѣхъ ликовъ ангельскихъ, это—добровольное повиновеніе, а свобода—приневоленная. — Когда умъ просвѣтлѣлъ, когда сердце склонилось ко благу, тогда человѣкъ съ восторгомъ предаетъ себя дивному міровому порядку и сознательно совершаетъ то, чему глыба камня содѣйствуетъ лишь вслѣдствіе своего устройства.

***

Когда человѣкъ непреодолимо чувствуетъ потребность высказаться, его слово служитъ пособіемъ ему и намъ. Выражая свою мысль другимъ, онъ уясняетъ ее и для самого себя. Но если онъ выводитъ ее только на показъ, она заводитъ въ немъ порчу.

***

Природа разъ навсегда положила премію на одну прав-

ду. Что дѣлается для эффекта, видно, что дѣлается для эффекта; — что дѣлается по любви, чувствуется, что дѣлается по любви. Человѣкъ внушаетъ почтенie и привязанность, потому что въ ожиданiи ихъ, онъ не пробавлялся лжами.

***

Есть-ли что-нибудь неисправнѣе навыка въ легкомыслiи? Невозможно сдѣлать ручною ни муху, ни гiену.

***

Кому назначено умудрять многихъ, тотъ долженъ быть лишенъ всякаго покровительства.

***

Отборныя души, вотъ что приносятъ намъ пользу, а не отборное общество. Отборное общество, это только средство самоохраненiя отъ уличной или кабацкой грубой пошлости. Въ общемъ итогѣ, отборное общество не имѣетъ ни идей ни цѣли. Оно доставляетъ намъ ту-же услугу что прачешная или лавка съ благовонными товарами, а не ту что извлекается отъ помѣстiя или отъ фабрики.

***

На насъ лежитъ долгъ благодарности въ отношенiи каждаго великаго сердца, каждаго генiяльнаго ума; въ отношенiи всѣхъ тѣхъ, кто положилъ свою жизнь или свое состоянiе для споспѣшествованiя дѣлу справедливости; — кто прибавилъ новую отрасль знанiя, кто придалъ жизни новую красоту, по своей любви къ изящному.

***

О чемъ наши ежедневныя мольбы? — О томъ, чтобы быть вытянутыми по условной мѣркѣ: „Воспомните, благоутробные боги, мои недостатки въ изворотливости, въ наружномъ видѣ, въ моемъ положенiи и состоянiи: во всемъ что ставитъ меня въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ того вожделѣннаго хоровода; воспомните недостающее мнѣ, да буду я однимъ изъ тѣхъ, кому дивуюсь, и да стану съ ними на короткую ногу!“

Но премудрые боги произносятъ: „Нѣтъ, мы имѣемъ для тебя въ виду нѣчто лучшее. Горькими униженiями, повсемѣстными пораженiями, лишенiемъ всякаго сочувствiя, разстоянiемъ цѣлыхъ пучинъ разногласiя, ты познакомишься съ истинами и съ человѣчностью пообширнѣе тѣхъ, которыя въ ходу у щеголеватыхъ джентльменовъ“.

И медленно, медленно выучиваемъ мы тотъ урокъ, что есть одно величiе, одна мудрость — намѣренiе и внутренняя рѣшимость человѣка. Когда радость или горе, или собственное развитое мышленiе убѣдятъ его въ томъ, тогда и лѣса, и села, и города съ ихъ лавочниками и извощиками, безразлично отъ пророка и отъ искренняго друга, отразятъ ему необъятность небесъ, многочисленную населенность одиночества.

***

Жизнь каждаго походитъ на робкаго и неопытнаго зрителя.—Мы исполняемъ должное и называемъ это наилучшими именами. Намъ очень нравятся похвалы нашимъ дѣйствiямъ, но совѣсть говоритъ: „Это сдѣлано не тобою!“ И немногое можемъ мы сдѣлать другъ для друга.

Мы напутствуемъ юныхъ нашимъ сочувствіемъ, разными старыми изреченіями мудрецовъ, и провожаемъ ихъ до воротъ арены. Но достовѣрно то, что не вслѣдствіе нашихъ напутствій, или старинныхъ изреченій, но единственно силою, свойственною ему, силою неизвѣстною ни намъ, никому другому, каждый изъ этихъ юныхъ долженъ устоять или пасть.

Какимъ образомъ человѣкъ выходитъ побѣдителемъ изъ какого-бы то ни было обстоятельства, остается тайною для всякаго другаго существа въ мірѣ; — и лишь тогда только, когда онъ повернется спиною къ намъ и ко всѣмъ людямъ, и возьметъ опорою эту сокровенную свою мудрость, можетъ онъ добыть себѣ то или другое благо.

***

Общество хочетъ, чтобъ его забавляли. Я не хочу чтобъ меня забавляли. Я хочу, чтобъ жизнь не казалась вещью дешевою, но чтобъ на нее смотрѣли какъ на нѣчто священное. Я хотѣлъ-бы, чтобъ каждый день — своею плодотворностью, своимъ благоуханіемъ — походилъ на столѣтія.

***

Дитя на рукахъ кормилицы есть уже проводникъ, по которому видимо текутъ всѣ силы, которыя мы называемъ судьбою, любовью, разумомъ. По великолѣпію средства, выведемъ заключеніе о возвышенности цѣли.

***

Когда онъ достигнетъ до выполненія законно-назна-

ченнаго ему круга дѣятельности, тогда каждаго человѣка, рожденнаго въ мірѣ, будутъ привѣтствовать какъ наисущественную необходимость. Прочь, громогласные ура толпы! Воздадимъ уваженіе одинокому голосу человѣка, вымолвляющаго свое одобреніе по чести и по совѣсти.

***

Вотъ правило: пока мы не мыслимъ, нами распоряжаются какъ бездушными атомами; но мысль просвѣтитъ насъ, и мы становимся распорядителями всего что̀ ни есть на свѣтѣ.

***

Мы живемъ поочередно то воображеніемъ, то поклоненіемъ, то нашимъ сердцемъ. Жизнь есть послѣдовательное поученіе, которое надобно пережить, чтобъ умѣть понять. Все кажется загадкой — все; и ключъ къ одной разгадкѣ представляетъ другую загадку.

***

Въ этомъ царствѣ призрачности напрасно ищемъ мы гдѣ-бы постоянно установиться, на чемъ-бы твердо основаться. Для насъ нѣтъ другаго краеугольнаго камня кромѣ рачительнаго, неукоснительнаго упражненія надъ своимъ собственнымъ *я*, и строгаго изобличенія всякой въ немъ двуличности или самообольщенія. Какъ-бы ни играли нами другіе, мы не должны смѣть играть сами собою, но въ глубинѣ души обходиться съ собою съ крайнею честностью и истиною. Я считаю простыя, дѣтскія добродѣтели, правдолюбія и честности, корнемъ всего что̀

ни есть превосходнѣйшаго въ личности человѣка. Говорите кàкъ думаете, будьте такими, какими вы есть и платите ваши обязательства всякаго рода. Быть на счету человѣка состоятельнаго во всемъ; человѣка, на котораго можно положиться; чье слово связываетъ его самого какъ крѣпчайшая цѣпь; быть человѣкомъ, котораго ничто на свѣтѣ не заставитъ плясать по чьей-либо дудкѣ, ничто не разсѣетъ прахомъ, ничто не подточитъ, — кажется мнѣ предпочтительнѣе самой громкой молвы по всей вселенной. — Существенность, это основаніе всякой дружбы, всякой религіозности, всего поэтическаго, всѣхъ искусствъ и знаній. — При подошвѣ и на выси всякаго самообольщенія я усматриваю то мошенничество, которое всегда наущаетъ насъ жить и дѣйствовать для сохраненія наружныхъ приличій, наперекоръ нашимъ убѣжденіямъ, которыя въ часы здравомыслія неопровержимо доказываютъ намъ, что одно то чтó мы дѣйствительно есть, служитъ намъ въ прокъ съ друзьями и пріятелями, съ людьми посторонними, съ самою судьбою и рокомъ.

***

Сколько философіи, ума, нравственности выразили древніе Персы слѣдующимъ изреченіемъ:

«Прельщенъ ты будешь, — знай! хоть ты мудрецъ изъ мудрыхъ,
Такъ пусть же не порокъ, — добро тебя прельщаетъ».

Во вселенной нѣтъ анархіи, нѣтъ слѣпаго случая. Всюду система, всюду постепенность. Въ ней, каждое божество пребываетъ въ своей области. Юноша, при своемъ вступленіи въ чертогъ небесной тверди, чувствуетъ

себя однимъ-на-единѣ съ ними, — съ божественными; онѣ изливаютъ на него свои благословенія, они расточаютъ ему дары, и манятъ его къ себѣ, въ высь, къ своимъ престоламъ.

Внезапно и неожиданно начинаютъ на него валиться снѣжныя хлопья обмороченія. Ему чудится, что онъ очутился посреди необозримой толпы, которой подвластна и та дорога и другая; что онъ обязанъ повиноваться движеніямъ, направляемымъ этою толпою..... и онъ кажется себѣ такимъ убогимъ, сирымъ, ничтожнымъ. Безумное скопище толкаетъ его туда и сюда; яростно повелѣваетъ дѣлать то одно, то другое. — Ему-ли противиться его волѣ? — Ему-ли думать и дѣйствовать по-своему? — Новыя видоизмѣненія и новые ливни разочарованій ежеминутно ставятъ его въ тупикъ, сводятъ съ ума.

Но когда путемъ-дорогою, воздухъ на мгновеніе прочищается, и тучи нѣсколько пораздвинутся, онъ опять видитъ ихъ, — божественныхъ; — онѣ возсѣдаютъ на своихъ престолахъ, кругомъ и около него: — онѣ однѣ съ нимъ однимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

